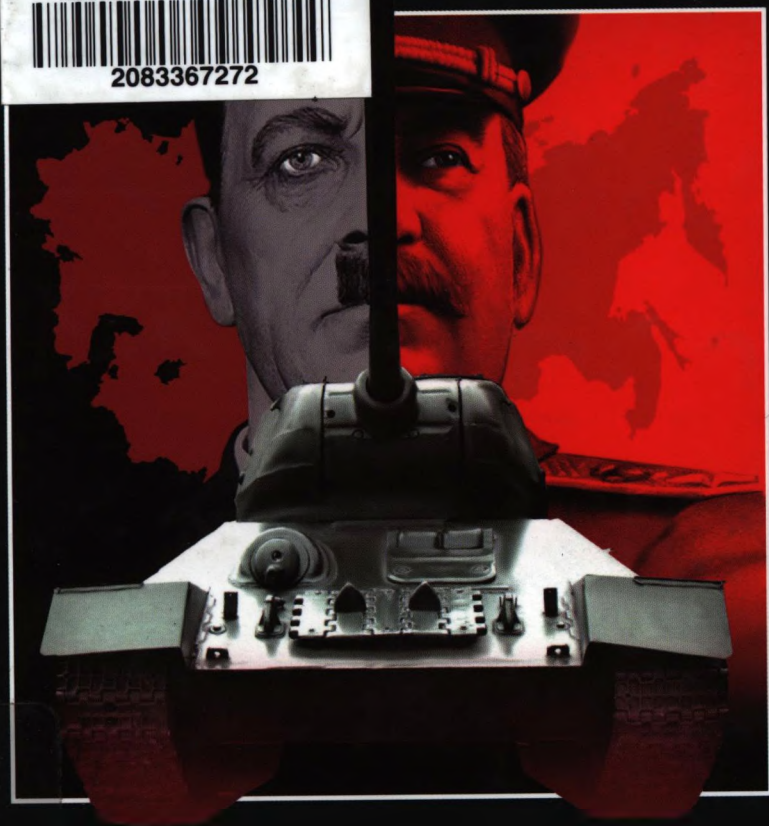

Виктор Суворов

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

2083367272

РАЗГРОМ

Виктор Суворов

РАЗГРОМ

Третья книга трилогии
«Последняя республика»

асТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4
С89

Художник А.А. Кудрявцев

Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Andrew Nurnberg.

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 28.03.10.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 70 000 экз. Заказ 591.

Суворов, В.

С89 Разгром: Третья книга трилогии «Последняя республика» / Виктор Суворов. — М.: АСТ, 2010. — 381, [3] с.: 12 л. ил.

ISBN 978-5-17-063541-2

«Разгром» – третья, заключительная книга трилогии В. Суворова «Последняя республика».

Каковы были планы Сталина накануне войны? Ожидал ли он вторжения Гитлера? Вопреки общепринятому мнению автор утверждает, что Сталин сам готовил нападение на Германию.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-985-16-8428-7
(Харвест)

© Виктор Суворов, 2010
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

У Гитлера красный флаг.

И у Сталина красный флаг.

Гитлер правил от имени рабочего класса, партия Гитлера называлась рабочей.

Сталин тоже правил от имени рабочего класса, его система власти официально именовалась диктатурой пролетариата.

Гитлер ненавидел демократию и боролся с ней.

Сталин ненавидел демократию и боролся с ней.

Гитлер строил социализм.

И Сталин строил социализм.

Гитлер считал свой путь к социализму единственно верным, а все остальные пути извращением.

И Сталин считал свой путь к социализму единственно верным, а все остальные пути отклонением от генеральной линии.

Соратников по партии, которые отклонялись от правильного пути, таких как Рем и его окружение, Гитлер беспощадно уничтожал.

Сталин тоже беспощадно уничтожал всех, кто отклонялся от правильного пути.

У Гитлера четырехлетний план.

У Сталина — пятилетние.

У Гитлера одна партия у власти, остальные в тюрьме.

И у Сталина одна партия у власти, остальные в тюрьме.

У Гитлера партия стояла над государством, страной управляли партийные вожди.

И у Сталина партия стояла над государством, страной управляли партийные вожди.

У Гитлера съезды партии были превращены в грандиозные представления.

И у Сталина — тоже.

Главные праздники в империи Сталина — 1 мая, 7—8 ноября.

В империи Гитлера — 1 мая, 8—9 ноября.

У Гитлера — Гитлерюгенд, молодые гитлеровцы.

У Сталина — Комсомол, молодые сталинцы.

Сталина официально называли фюрером, а Гитлера — вождем. Простите, Сталина — вождем, а Гитлера — фюрером. В переводе это то же самое.

Гитлер любил грандиозные сооружения. Он заложил в Берлине самое большое здание мира — Дом собраний. Купол здания — 250 м в диаметре. Главный зал должен был вмещать 150—180 тысяч человек.

И Сталин любил грандиозные сооружения. Он заложил в Москве самое большое здание мира — Дворец Советов. Главный зал у Сталина был меньше, зато все сооружение было гораздо выше. Здание высотой 400 метров было как бы постаментом, над которым возвышалась стометровая статуя Ленина. Общая высота сооружения — 500 м. Работы над проектами Дома собраний в Берлине и Дворца Советов в Москве велись одновременно.

Гитлер планировал снести Берлин и на его месте построить новый город из циклопических сооружений.

Сталин планировал снести Москву и на ее месте построить новый город из циклопических сооружений.

Для Германии Гитлер был человеком со стороны. Он родился в Австрии и почти до самого момента прихода к власти не обладал германским гражданством.

Сталин для России был человеком со стороны. Он не был ни русским, ни даже славянином.

Иногда, очень редко, Сталин приглашал иностранных гостей в свою кремлевскую квартиру, и те были потрясены скромностью обстановки: простой стол, шкаф, железная кровать, солдатское одеяло.

Гитлер приказал поместить в прессе фотографию своего жилища. Мир был потрясен скромностью обстановки: простой стол,

шкаф, железная кровать, солдатское одеяло. Только у Сталина на сером одеяле черные полосочки, а у Гитлера — белые.

Между тем в уединенных местах среди сказочной природы Сталин возводил уютные и хорошо защищенные резиденции-крепости, которые никак не напоминали келью отшельника.

И Гитлер в уединенных местах среди сказочной природы возводил неприступные резиденции-крепости, не жалел на них ни гранита, ни мрамора. Эти резиденции никак не напоминали келью отшельника.

Любимая женщина Гитлера, Гели Раубал, была на 19 лет моложе его.

Любимая женщина Сталина, Надежда Аллилуева, была на 22 года моложе его.

Гели Раубал покончила жизнь самоубийством.

Надежда Аллилуева — тоже.

Гели Раубал застрелилась из гитлеровского пистолета.

Надежда Аллилуева — из сталинского.

Обстоятельства смерти Гели Раубал загадочны. Существует версия, что ее убил Гитлер.

Обстоятельства смерти Надежды Аллилуевой загадочны. Существует версия, что ее убил Сталин.

Гитлер говорил одно, а делал другое. Как и Сталин.

Гитлер начал свое правление под лозунгом «Германия хочет мира». Затем он захватил половину Европы.

Сталин боролся за «коллективную безопасность» в Европе, не жалел на это ни сил, ни средств. После этого он захватил половину Европы.

У Гитлера — Гестапо.

У Сталина — НКВД.

У Гитлера — Освенцим, Бухенвальд, Дахау. У Сталина — ГУЛАГ.

У Гитлера — Бабий Яр. У Сталина — Катынь.

Гитлер истреблял людей миллионами. И Сталин — миллионами.

Гитлер не обвешивал себя орденами, и Сталин не обвешивал.

Гитлер ходил в полувоенной форме без знаков различия.

И Сталин — в полувоенной форме без знаков различия. Возражают, что потом Сталина потянуло на воинские звания, на маршальские лампасы и золотые эполеты. Это так. Но Сталин при-

своил себе звание маршала в 1943 году после победы под Сталинградом, когда стало окончательно ясно, что Гитлер войну проиграл. В момент присвоения звания маршала Сталину было 63 года. Маршальскую форму он надел впервые во время Тегеранской конференции, когда встречался с Рузвельтом и Черчиллем. Мы не можем в данном вопросе сравнивать Гитлера и Сталина просто потому, что Гитлер не дожил ни до такого возраста, ни до таких встреч, ни до таких побед.

А в остальном все совпадает. Сталин без бороды, но со знаменитыми усами. Гитлер без бороды, но со знаменитыми усами.

В чем же разница?

Разница в форме усов.

А еще разница в том, что действия Гитлера мир считал величайшими злодеяниями. А действия Сталина — борьбой за мир и прогресс.

Мир ненавидел Гитлера и сочувствовал Сталину.

Гитлер захватил половину Европы, и весь остальной мир объявил ему войну. Сталин захватил половину Европы, и весь мир слал ему приветствия.

Для того чтобы Гитлер не смог удержать захваченные в Европе страны, Запад топил германские корабли, бомбил германские города, а затем высадил на Европейский континент мощную армию.

А для того чтобы Сталин смог захватить и удержать другую половину Европы, Запад подарил Сталину сотни боевых кораблей, тысячи боевых самолетов и танков, сотни тысяч лучших в мире военных автомобилей, миллионы тонн первосортного топлива, боеприпасов, продовольствия и пр. и пр.

Как же случилось, что Сталин проиграл войну, которую готовил всю свою жизнь? Отчего вступление Советского Союза во Вторую мировую войну в августе 1939 года было столь блистательным, а конец столь печальным? Отчего Вторая мировая война завершилась для Советского Союза так называемой великой победой, которая оказалась хуже любого поражения?

Глава 1

ПРО КАНОНИЗИРОВАННЫЙ ОПЫТ

Сталин не собирался ни на кого нападать. Вот это мое твердое убеждение. И все, что называется экспансией и какими-то там военными операциями, это все связано с сугубо мирными целями, хотя, конечно, военными способами, естественно.

*Елена Сьянова.
«Эхо Москвы», 21 июля 2008 года*

1

История советско-германской войны никогда не будет написана.

И на архивы тоже рассчитывать не приходится. Они давно и основательно прочищены. А то, что в них и осталось, исследователям недоступно.

Поэтому ответ на вопрос о причинах поражения Советского Союза во Второй мировой войне остается искать в мемуарах сталинских маршалов и генералов. Прежде всего в мемуарах Жукова. Из всех, кто оставил воспоминания, он самый главный. В момент начала войны он возглавлял Мозг Армии. Вся информация, все секреты — все было в его руках. Потому мемуары Жукова — важнейший источник.

Но беда в том, что в каждом новом издании воспоминаний Жукова уровень лжи неуклонно повышается, а подлость густеет. Не забираясь в самые последние издания, в которых гнусность становится непролазной, обратимся к самым ранним об-

разцам «переосмысления» уже написанного, утвержденного и опубликованного материала.

Радикальная переработка первоначального текста началась сразу после выхода первого издания. Потому уже второе издание разительно отличалось от первого.

В первом издании, например, было заявлено, что у высшего руководства Красной Армии была полная ясность в вопросе о характере грядущей войны: «В целом военная теория тех лет, выраженная в трудах, лекциях, закрепленная в уставах, в основном была, как говорится, на уровне времени» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 215).

А второе издание было дополнено заявлением о том, что в данном вопросе у высшего руководства Красной Армии была полная неясность: «Меня иногда спрашивают, почему к началу войны с фашистской Германией мы практически не в полной мере подготовились к руководству войной и управлению войсками фронтов. Прежде всего, я думаю, справедливо будет сказать, что многие из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт первой мировой войны. Большинство командного состава оперативно-стратегического звена, в том числе и руководство Генерального штаба, теоретически понимало изменения, происшедшие в характере и способах ведения второй мировой войны. Однако на деле они готовились вести войну по старой схеме» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1975. Т. 1. С. 319).

Вот, оказывается, в чем разгадка грандиозного разгрома: «многие из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба» оказались дураками. Военная теория была на уровне времени, но она существовала сама по себе, а высшие руководители Красной Армии канонизировали опыт Первой мировой войны и готовились вести войну по старым рецептам и сценариям.

Здорово.

Для тех, кто не понимает.

А мы обратим внимание на мелкую, мало кому заметную, стилистическую неувязку. Читаем цитату еще раз. Пропустим слова «не в полной мере». На совковом языке это эквивалент выражения «отдельные недостатки», что означало полный провал.

Жуков вопрошает: почему *мы* не подготовились к руководству войной...

И отвечает: *они* готовились вести войну по старой схеме.

За подготовку страны к войне отвечает Наркомат обороны и его стержневая структура — Генеральный штаб. И вот выясняется, что войну готовили таинственные «они». А Гениальный Полководец, который был начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны, парил в вышине.

Бездарные «они» готовились воевать по отжившим рецептам Первой мировой войны. В высшем военном руководстве царил идиотизм, но гениальный начальник Генерального штаба ко всему этому слабоумию отношения не имел. Он, великий, гневно разоблачает: «они» ничего не соображали.

А мы спросим: он-то сам держался за отжившие рецепты и схемы Первой мировой войны или не держался?

Честный человек в данной ситуации должен четко установить свое место в происходящем. Ему следовало определиться.

Или надо было прямо и честно признать: да, я, Жуков, ничего не понимал и придерживался устаревших взглядов на характер грядущей войны. От меня, начальника Генерального штаба, непонимание сути распространялось вниз и вширь. Потому, когда весной 1941 года под моим руководством перерабатывались оперативные планы Генерального штаба, были допущены ошибки, которые и привели к позорному разгрому и поражению Советского Союза во Второй мировой войне, к так называемой великой победе, после которой деградация и вымирание русского и других народов великой страны стали необратимыми.

Или — противоположное: я, Жуков, все правильно понимал, но Красной Армией управляли недоумки (Иванов, Петров, Сидоров), державшиеся устаревших взглядов.

Во втором случае следовало представить документы, которые обличали бы Иванова, Петрова и Сидорова и показывали бы, что мудрый и храбрый Жуков изо всех сил боролся против носителей мертвых концепций, но победить не сумел.

В любом коллективе существуют неписанные законы. Одно из незыблемых правил для любых групп людей, для любых веков и эпох: никто не имеет права бросать обвинения без доказа-

тельств. Тем более обвинения большинству, не называя никого конкретно.

Представьте, что в казарме нашелся умник, который походя обронил: большинство из вас — воры! И на том умолк... Или в камере кто-то ляпнул: большинство из вас — стукачи и крысятники...

Такого забьют сапогами. Немедленно. Потому как у правильных пацанов за базар принято отвечать.

Так вот: Жуков объявил своих боевых товарищей, соратников, командиров и подчиненных недоумками, которые не понимали простейших вещей. Имен не назвал. Объявил только, что их было большинство. Таким образом, обвинение пало на всех. Поди докажи, что ты не такой олух, как все, что ты — не в числе большинства.

Куда бы ни шло, если бы Жуков назвал исключения: вот, мол, Чижикив и Пыжикив все правильно понимали. Тогда, вычтя из общего списка положительных, мы бы получили имена отрицательных. Но Жуков швыряет будыжники сразу во все огороды, мол, незачем кому-то делать исключение, все они такие.

Кроме самого Жукова.

Написав «они», Жуков вычеркнул себя из списка остолопов.

А мы, временно согласившись с Великим Стратегом в том, что большинство высших руководителей Красной Армии были кретинами, попытаемся найти хоть какие-нибудь исключения.

Вот высшее руководство Генштаба в первой половине 1941 года.

Начальник Генерального штаба — генерал армии Жуков Г.К.

Первый заместитель НГШ — генерал-лейтенант Ватутин Н.Ф.

Заместители:

генерал-лейтенант Соколовский В.Д. по мобилизационным вопросам;

генерал-лейтенант Голиков Ф.И. по разведке;

корпусной комиссар Кожевников С.К. по политработе.

Кожевников отпадает сразу. Его работа в Генеральном штабе заключалась в том, чтобы контролировать генералов: водки не пить (или пить в меру), вместо питания читать классиков марксизма-ленинизма.

Если корпусной комиссар Кожевников и представлял превратно характер предстоящей войны, то ничего страшного в этом не было. Характера грядущей войны он не определял.

Заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Голиков тоже не определял характера будущей войны. Его работа — добывать сведения о противнике. А уж как с тем противником будут расправляться — решать не ему. Кроме всего, Жуков, вспоминая и размышляя о войне, упорно забывал называть Голикова своим заместителем. Если верить мемуарам Жукова, то никакого Голикова в подчинении у Жукова вовсе не было.

Генерал-лейтенант Соколовский тоже отпадает. Он был заместителем по мобилизационным вопросам. Характер грядущей войны он тоже не определял. А со своими обязанностями справлялся: за первую неделю войны в обстановке всеобщего хаоса, развала и паники сумел обеспечить призыв более пяти миллионов резервистов, по существу, заменив разгромленную кадровую Красную Армию новой армией. В ходе войны Соколовский находился на высших штабных и командных должностях, причем часто под прямым командованием Жукова. В Московской битве — начальник штаба Западного фронта, которым командовал Жуков, в Берлинской операции — заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом, которым командовал Жуков. После войны Соколовский получил звание маршала. Никогда у Жукова не было претензий к Соколовскому. Никогда Жуков не объявлял, что Соколовский не понимал сути войны.

Первый результат: у начальника Генерального штаба первый заместитель и три заместителя. Всех трех заместителей (Кожевникова, Голикова и Соколовского) из черного списка Жукова вычеркиваем. Ибо если они действительно ничего не понимали, то все равно валить вину за разгром на них нельзя. Прямого отношения к вопросам руководства войной и управления войсками фронтов они не имели.

4

Планы войны готовили:

- генерал армии Жуков, начальник Генштаба;
- генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин — первый заместитель начальника Генштаба;
- генерал-лейтенант Г.К. Маландин — начальник Оперативного управления Генштаба.

Приглядимся.

Генерал-лейтенант Ватутин — один из самых образованных и самых талантливых советских полководцев. Окончил военную школу, кроме того, высшую военную школу, Военную академию имени Фрунзе, затем оперативный факультет той же академии и Военную академию Генерального штаба. Итог: две военные школы и три академии. Показал себя выдающимся стратегом, отличился как на штабных, так и на командных должностях.

На должность первого заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Ватутин был назначен в начале 1941 года. В тот момент ему не исполнилось и 40 лет.

Во время войны поражений у него не было. Осенью 1941 года, командуя оперативной группой, нанес контрудар по корпусу Манштейна, чем спас Ленинград от захвата. (А славу спасителя Питера Жуков потом приписал себе.)

В Сталинградской стратегической наступательной операции Ватутин командовал Юго-Западным фронтом, вместе с Рокоссовским замкнул кольцо окружения.

В Курской битве Ватутин командовал Воронежским фронтом, который принял на себя один из двух ударов германских танковых таранов. И устоял. И перешел в решительное контрнаступление.

Далее Ватутин успешно командовал 1-м Украинским фронтом при форсировании Днепра и освобождении Киева. Этот фронт действовал на главном направлении войны: Сталинград — Берлин. Этому фронту суждено было штурмовать Берлин. Но уже без Ватутина.

В феврале 1944 года генерал армии Ватутин был тяжело ранен. Вместо него фронт возглавил Жуков, а Ватутин скончался в госпитале. Не подлежит сомнению, что уже в 1944 году Ватутин был бы маршалом, Героем Советского Союза, кавалером ордена «Победа». Это один из трех сталинских витязей: Рокоссовский, Ватутин, Черняховский. И никто никогда не упрекал Ватутина в непонимании сути войны, в слепом преклонении перед отжившими схемами и стереотипами.

Обратим свой взгляд на начальника Оперативного управления генерал-лейтенанта Маландина.

Оперативное управление — это нечто вроде сборочного цеха. Работает огромный завод, а готовая продукция выходит только из одного цеха. Именно так весь штаб, в данном случае Генераль-

ный, работает в интересах только одного своего подразделения — Оперативного управления. Готовая продукция — планы войны — выходит только отсюда. Есть другие управления в Генеральном штабе: разведывательное, организационное, мобилизационное, топографическое, укомплектования войск и пр. Но они характер будущей войны не определяют и войну не планируют.

Все планирование войны — в руках руководящей тройки: Жуков, Ватутин, Маландин. Все планирование войны шло только через них. Это главный фильтр. Без их разрешения ни одна бумага, касающаяся планов предстоящей войны, из стен Генерального штаба выйти не могла.

Все трое приступили к выполнению своих обязанностей 1 февраля 1941 года. Интересно посмотреть, кем они были месяцем раньше.

На 1 января 1941 года Жуков — командующий войсками Киевского особого военного округа.

Ватутин — начальник штаба Киевского особого военного округа.

Маландин — заместитель начальника штаба Киевского особого военного округа.

Сталин правильно считал, что в случае смены курса недостаточно сменить только главного руководителя какого-либо ведомства. Надо менять и всю его команду. При назначении на новую должность Сталин, как правило, давал новому руководителю возможность подобрать себе помощников. Именно так он поступил 13 января 1941 года: назначил Жукова начальником Генерального штаба и дал ему право формировать команду. Жуков, помимо прочих, привел за собой из Киева своих ближайших помощников Ватутина и Маландина, а те, в свою очередь, — своих людей.

Жуков перетянул из Киева в Москву и многих других генералов. Создается впечатление, что весь руководящий состав штаба КОВО перебрался в Генеральный штаб. Например, начальник Мобилизационного отдела штаба КОВО генерал-майор Н.Л. Никитин занял пост начальника Мобилизационного управления Генштаба. Начальник отдела укрепрайонов штаба КОВО генерал-майор С.И. Ширяев был назначен начальником отдела укреплённых районов Генштаба. Список этот длинный.

И если руководящий состав Генерального штаба оказался укомплектован людьми, которые, как заявляет Жуков, не понимали характера современной войны, то спрашивать за это надо

не с каких-то неведомых олухов, а с Маршала Победы: уж таких умников ты сам выбирал и ими комплектовал высшее руководство Генерального штаба.

Жуков расставлял своих людей не только в Генеральном штабе, но и в других ключевых структурах Наркомата обороны. Например, накануне войны по рекомендации Жукова начальник артиллерии Киевского особого военного округа генерал-лейтенант артиллерии Н.Д. Яковлев стал начальником Главного артиллерийского управления НКО. И если он канонизировал опыт Первой мировой войны, то только благодаря Жукову его занесло на столь высокий пост в советской артиллерии.

Шутки в сторону: и Николай Федорович Ватутин, и Герман Капитонович Маландин, и Николай Дмитриевич Яковлев в слепом копировании опыта Первой мировой войны никем не замечены и не уличены. Заявления Жукова о том, что кто-то в Красной Армии цеплялся за опыт Первой мировой войны, — гнусный поклеп. Ни одному защитнику жуковской гениальности пока не удалось выявить ни одного генерала Красной Армии, который в теории или на практике следовал этому опыту.

5

Поднимемся на ступеньку выше и попадем в высшие военные сферы. В руководство Наркомата обороны.

Народный комиссариат обороны — структура грандиозная. Но все же на вершине пирамиды толпе места нет.

Перед войной наркомом обороны был Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

Маршал Советского Союза С.М. Буденный был его первым заместителем.

Кроме того, маршалу Тимошенко подчинялись еще четыре заместителя:

- генерал армии Г.К. Жуков — начальник Генерального штаба;
- Маршал Советского Союза Г.И. Кулик — заместитель по артиллерии;
- Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников — заместитель по укрепленным районам;
- генерал армии К.И. Мерецков — заместитель по боевой подготовке.

Заподозрить Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко в том, что он готовился вести войну по схемам Первой мировой войны, мы не можем. Нет оснований.

После Гражданской войны Тимошенко служил в основном в Белорусском и Киевском военных округах на должностях командира кавалерийского корпуса, заместителя командующего округом и командующего округом. Именно в этих военных округах отработывали новые методы ведения войны. Именно в этих округах, в том числе и при самом активном участии Тимошенко, проводились грандиозные войсковые учения с глубокими танковыми прорывами и выброской многотысячных воздушных десантов. Это даже отдаленно не напоминало Первую мировую войну.

В сентябре 1939 года Красная Армия вступила во Вторую мировую войну. Тимошенко командовал Украинским фронтом в составе трех армий (5, 6 и 12-я). Украинский фронт во взаимодействии с Белорусским наносил удар в спину Польской армии, которая героически пыталась остановить движение Гитлера на Восток. 12-я армия Украинского фронта в составе одного танкового и двух кавалерийских корпусов, трех стрелковых дивизий и армейской авиации, по существу, являлась фронтовой подвижной группой.

Оставим в стороне вопросы политики и морали. Мы разбираем вопрос, цеплялся ли маршал Тимошенко за опыт Первой мировой войны или не цеплялся. Так вот, ничего общего с Первой мировой войной в действиях советских фронтов осенью 1939 года не было.

В январе 1940 года все войска, которые застряли в снегах Финляндии перед «Линией Маннергейма» и на других направлениях, по приказу Сталина были объединены в Северо-Западный фронт. Командующим фронтом Сталин назначил Тимошенко. И он решительно изменил ситуацию. Под командованием Тимошенко Северо-Западный фронт взломал «Линию Маннергейма». Тимошенко был удостоен звания Героя Советского Союза, а через два месяца после завершения Зимней войны был произведен в Marshалы Советского Союза и назначен Наркомом обороны СССР.

Прорыв линии железобетонных укреплений был осуществлен впервые в мировой истории. Ни у кого такого опыта раньше не было. Прорыв «Линии Маннергейма» никак не вписывается

в опыт Первой мировой войны. Не было в той войне ни таких линий, ни таких прорывов.

Заняв пост Наркома обороны СССР, Маршал Советского Союза Тимошенко готовил Красную Армию к решительному и быстрому прорыву сильно укрепленных железобетонных оборонительных районов и рубежей, к стремительному броску в глубину вражеской территории. Об этом свидетельствуют рассекреченные документы. Главный из них — заключительная речь маршала Тимошенко на совещании высшего командного состава Красной Армии 31 декабря 1940 года.

Вот самое главное из этой речи, вот кредо маршала: «Красная Армия и наше высшее командование должны быть подготовлены как к действиям в маневренных условиях, так и к прорыву современных железобетонных оборонительных полос с самого начала войны с тем, чтобы сравнительно быстро развить этот прорыв, выйти на маневренный простор и полностью использовать преимущества подвижных соединений в маневренной войне... Высокий темп операции обеспечивается массированным применением мотомеханизированных и авиационных соединений, используемых для нанесения первого удара и для непрерывного развития удара в глубину» (Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940. М., 1993. С. 339—340).

Можно было бы сказать: надо готовиться к отражению агрессии, к обороне своей страны. Но Тимошенко такого не говорил и об этом явно не думал.

А можно было бы сказать: надо быть готовыми как к обороне, так и к наступлению. Но и этого нет у наркома Тимошенко. Его позиция: надо быть готовыми как к наступлению на слабого врага (на Румынию), так и на сильного, который укрылся за железобетонными укреплениями (как германские войска в Восточной Пруссии). Тимошенко требовал готовить войска как к прорыву вражеских железобетонных оборонительных полос, которых на советской земле нет и быть не может, так и к стремительному броску в глубокий вражеский тыл. Именно это он совсем недавно делал (весьма успешно) в Финляндии и Польше. Теперь на очереди был кто-то еще.

То, что Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко не канонизировал опыт Первой мировой войны, видно из его приказов, указаний и речей, произнесенных за закрытыми дверями. А

еще более отчетливо — из его действий. Пример: 21 марта 1941 года Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко направил Сталину план аэродромного строительства в приграничных районах. 24 марта было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в соответствии с которым строительство аэродромов для Красной Армии возлагалось на НКВД. Во исполнение этого постановления в составе НКВД было создано Главное управление аэродромного строительства — ГУАС (приказ НКВД № 00328).

Было развернуто одновременное строительство 254 аэродромов. В основном на недавно «освобожденных» землях Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Молдавии, Западной Белоруссии. На каждом аэродроме строилась бетонированная взлетно-посадочная полоса размером 1200 на 80 м. На строительство привлекались 199 674 заключенных из ИТК, 44 490 из лагерных подразделений, 51 920 осужденных к исправительно-трудовым работам, 16 017 военнопленных (ГАРФ. Фонд 9414. Опись 1. Дело 1165. Листы 32—45).

Не иначе Семен Константинович Тимошенко вспомнил опыт Первой мировой войны, напомнил его товарищу Сталину с товарищем Молотовым...

Только один этот пример говорит о том, что Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко готовил новую войну вовсе не по сценариям Первой мировой. Не было в Первой мировой войне бетонированных взлетно-посадочных полос. Тем более — в таких количествах.

Понятно, планы войны никогда не будут открыты. Исследователям удалось найти только никем не подписанные и не утвержденные черновики. Но и этого достаточно. Черновики эти — наброски планов внезапного нападения на Германию, а вот планов оборонительных операций пока никому найти не удалось. Даже и черновых набросков.

И еще: даже не утвержденные и не подписанные черновики планов нападения на Германию заставляют вспомнить простую вещь — ни один командир от батальона и выше никаких документов не составляет и сам их не пишет. На то у него есть штаб, который документы готовит. Любой подготовленный штабом документ первым подписывает начальник штаба. А уж потом — командир.

Даже если кому-то когда-то удастся найти документ, изобличающий маршала Тимошенко в том, что он цеплялся за опыт Первой мировой войны, то не спешите злорадствовать. Вспом-

ните, что сам Семен Константинович Тимошенко никаких документов не составлял. На то у него был начальник Генерального штаба. Постарайтесь припомнить его имя...

6

С наркомом обороны разобрались.

Но был у него первый заместитель Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Уж он-то явно за опыт Первой мировой мертвой хваткой держался...

То, что Буденный за тот опыт не держался, я докажу чуть ниже. Сейчас только объясню роль первого заместителя. По давно установившейся традиции первый зам является двойником командира. Это относится и к первому заму наркома обороны. Нарком убыл в Кремль, на войсковые учения, на испытательный полигон, на рекогносцировку в район государственной границы, а за него на хозяйстве остался первый заместитель. Решать возникающие вопросы первый зам мог и обязан был только в том же духе, что и сам нарком. Иначе будет разнобой. Иначе вертикаль власти раздвоится. Таким образом, нарком и его первый зам — это как бы единое существо, хотя и в двух лицах. Первый зам наркома обороны Маршал Советского Союза Буденный не мог и права не имел гнуть собственную линию вопреки наркому Тимошенко.

Все это приходится вновь и вновь повторять и пережевывать для того, чтобы еще раз подчеркнуть: две ключевые фигуры в Наркомате обороны — это сам нарком и начальник Генерального штаба. Полководец и глава мозгового треста. В тот момент это Тимошенко и Жуков. Но вовсе не Буденный.

В Красной Армии старшинство определялось не воинским званием, а занимаемой должностью. Например, 15-м стрелковым корпусом 5-й армии летом 1941 года командовал полковник И.И. Федюнинский, а его заместители и командиры дивизий были генералами. И ничего. Ходили по струнке, отдавали честь полковнику и покорно выслушивали его матюги.

Так вот, из пяти заместителей наркома обороны трое — маршалы. Несмотря на это, генерал армии Жуков — самый старший из них.

И вот почему.

Артиллерия — бог войны. Но обязанности заместителя наркома обороны по артиллерии заключались в том, чтобы планировать пути развития артиллерии, направлять работу конструкторских бюро и испытательных полигонов, размещать заказы на военных заводах, принимать готовую продукцию, распределять ее по войскам и хранилищам, готовить кадры артиллеристов, руководить подбором и расстановкой кадров, готовить резервы личного состава и материальной части на случай войны и пр. и пр.

И надо сказать, что со своими обязанностями Григорий Иванович Кулик справлялся. По крайней мере ни в Германии, ни в Великобритании, ни в США, ни в Японии равных ему артиллеристов не нашлось, и столь мощной полевой артиллерии ни в одной стране мира не было ни в начале войны, ни в ее ходе, ни на завершающем этапе.

А вот к решению вопроса, выдвигать ли артиллерию большой и особой мощности к границе или отводить ее за Днепр, зам наркома обороны по артиллерии Маршал Советского Союза Кулик отношения не имел. Тут решал Генеральный штаб: если с самого первого момента войны планируем рывок через границу, то, ясное дело, всю артиллерию к границе выдвигаем.

И в вопросах размещения стратегических запасов боеприпасов решающее слово принадлежало Генеральному штабу. Если Генеральный штаб планирует главный удар из Львовского выступа на Краков и далее на Бреслау, то понятно каждому, что там, у границ, и запасы копить. Заместитель наркома по артиллерии при решении этой проблемы отвечает только за то, чтобы боеприпасы соответствующих типов и калибров в заявленных количествах оказались в указанное время в соответствующих районах.

И так во всем. Если война планируется на чужой территории, если предполагается прорывать полосы железобетонных укреплений, то Генеральный штаб заказывает бетонобойные снаряды. Задача заместителя наркома обороны по артиллерии — разработать такие снаряды, испытать, обеспечить размещение заказов, приемку, хранение, доставку, проконтролировать правильность применения, подготовить артиллеристов к использованию таких боеприпасов. Да не забыть о том, что у такого снаряда иная траектория, потому надо разработать для них соответствующие таблицы стрельбы, и сетки в оптических прицелах должны быть иными. Значит, всю оптику надо менять на тысячах орудий...

Если же готовимся останавливать танки противника, то нужны не бетонобойные, а бронебойные снаряды...

Кстати, в мемуарах того же Жукова проскакивает мысль: война началась, а с бронебойными снарядами завал. Нет их. И Великий Полководец тогда принимает смелое решение: стрелять по танкам бетонобойными! Во какой хитрый! Только забыл разъяснить, кто же перед войной требовал производить бетонобойные снаряды вместо бронебойных. И кому вообще потребовались бетонобойные, если на нашей земле нет и быть не может вражеских бетонных огневых сооружений?

Мысль повторяю: Григорий Иванович Кулик — маршал, однако характер грядущей войны определял не он. И если бы он и придерживался устаревших взглядов на характер грядущей войны, то ничего страшного в этом не было. От него планирование боевых действий не зависело. Этими вопросами занимался Генеральный штаб.

Заместитель наркома обороны по укрепленным районам Маршал Советского Союза Шапошников по всем основным вопросам тоже во всем зависел от планов Генерального штаба. Если Генеральный штаб не намерен обороняться на своей земле, то укрепления на «Линии Сталина» больше не нужны. Потому никто бы не разрешил заместителю наркома по УР расплыть народные средства на содержание в готовности ненужных укреплений. И опять же, если Жуков планировал нанести главный удар из Львовского выступа на Краков, то много укреплений ему в районе Львова не нужно. Потому их тут и строили в минимальном количестве или не строили вовсе.

И боевая подготовка тоже полностью зависела от планов войны, т.е. от того, что затевал Генеральный штаб. Если планы наступательные, то в соответствии с ними заместитель наркома обороны по боевой подготовке генерал армии Мерецков учил войска форсировать реки, прорывать укрепленные полосы, вводить в прорыв мощные танковые соединения, высаживать морские и воздушные десанты. А обороняться учил только те войска, которые находились на Дальнем Востоке и в Закавказье.

Все заместители наркома обороны, включая и первого зама, все вместе взятые, при всех их заслугах, наградах, званиях и титулах, большего влияния, чем нарком и начальник Генштаба, на вопросы определения характера грядущей войны оказать не могли.

И вот вопрос: так кого же Жуков относит к высшим руководителям Наркомата обороны, которые не понимали сути современной войны? Кого это он нарекает загадочным термином «они»?

7

Высший командный состав Красной Армии на протяжении всей Второй мировой войны — это кавалеристы. Среди них Маршалы Советского Союза Буденный, Ворошилов, Малиновский, Мерецков, Рокоссовский, Тимошенко, генералы армии Баграмян, Соколовский, Еременко, которые после войны стали маршалами.

И командующих танковыми армиями назначали из кавалеристов: Рыбалко, Богданов, Катуков, Романенко, Лелюшенко.

После Гражданской войны кавалерия дала импульс развитию советских танковых войск не только в направлении поддержки пехоты, но прежде всего в направлении создания мощных самостоятельных танковых соединений для стремительной маневренной войны.

Само развитие Красной Армии после Гражданской войны опровергает лживые вымыслы Жукова и его соавторов.

Красная Армия за опыт Первой мировой войны не держалась. Об этом говорит развитие бронетанковых войск. Красная Армия первой в мире начала формировать мощные бронетанковые соединения для самостоятельных стремительных действий, для ведения не позиционной, а маневренной войны, для нанесения глубоких сокрушительных ударов.

Красная Армия еще в 1930 году первой в мире создала воздушно-десантные войска. К началу Второй мировой войны она обладала во много раз большим числом подготовленных парашютистов-десантников, чем все остальные страны мира, вместе взятые. Кто же смеет утверждать, что у нас за опыт Первой мировой войны держались?

Красная Армия — единственная в мире — обладала бронированным штурмовиком. Назначение этого самолета — огневая поддержка танковых клиньев, вспарывающих вражеские тылы.

Красная Армия — единственная в мире, которая имела на вооружении танки для стремительных бросков по автострадам. Как это можно увязать с опытом Первой мировой войны?

Красная Армия — единственная в мире — обладала плавающими танками в достойных упоминания количествах. Это тоже из Первой мировой войны?

Заявления Жукова о полной несостоятельности советской стратегии накануне германского вторжения доказывают только одно: он ничего о советской стратегии не знал. Он просто был не в курсе наших достижений.

Если сам Жуков опыт Первой мировой войны не канонизировал, а кто-то неведомый, кого никак вычислить не удастся, этим грешил, то возникает неудобный вопрос: отчего свое понимание Великий Стратег хранил от вышестоящего руководства, окружающих и подчиненных? Почему молчал?

В декабре 1940 года состоялось совещание высшего командного состава Красной Армии. Сталин присутствовал, но в работу совещания не вмешивался. Каждый мог говорить что хотел. Для того Сталин совещание и собрал, чтобы выслушать своих полководцев, не мешая им, не перебивая. Почему же Жуков не воспользовался моментом? Почему не сказал о том, что некоторые военные цепляются за отживший опыт Первой мировой войны? Почему не призвал смотреть на вещи по-новому?

В январе 1941 года, получив пост начальника Генерального штаба, Жуков обязан был свое понимание донести до Сталина, до членов Политбюро, до наркома обороны, до подчиненных. Ему следовало написать меморандум Сталину: у нас готовят войну по отжившим схемам Первой мировой. Следовало собрать новое совещание руководящего состава Красной Армии и категорически заявить всем командующим округами, флотами, армиями и флотилиями, что надо готовиться к новой войне, а не к той, которая давно отгрелась.

* * *

И вот всем защитникам жуковской гениальности вопрос: а где документ?

У вас, господа-товарищи, доступ ко всем секретным архивам. Вот и разыщите меморандум Жукова, представьте его грозные приказы о том, что некоторые вредительским образом работают по старым схемам. Где такие документы?

Нет их.

Просто потому, что гениальный обличитель таким умным после драки стал. А в 1941 году помалкивал.

Глава 2

ПРО ОКОПЫ И ТРАНШЕИ

Из поля зрения военного руководства фактически выпадало рассмотрение стратегической обороны, так как будущие действия Советской Армии и Военно-Морского Флота представлялись почти исключительно как наступательные.

*История Второй мировой войны (1939—1945).
В 12 т. М., 1973—1982. Т. 3. С. 415*

1

Давайте сразу признаем, что Первая мировая война была бесплодной. Грязи много, крови много, толку мало. Самоистребление наций. Самоубийство Европы.

В результате Первой мировой войны рухнула Российская империя. На черепки разлетелась. Со звоном. Прямо как глиняный горшок — с воза да на булыжник.

Вскоре подломились ноги у Германии и Австро-Венгрии.

Завершилась война разрухой, голодом, безобразиями толпы, переворотами и революциями, падением нравов, взрывом преступности и бандитизма, массовой проституцией, эпидемиями тифа, холеры, сифилиса, небывалым размножением крыс и вшей. В трех великих империях был напрочь разрушен механизм государственной власти. Улицы городов кишели безногими инвалидами, наглыми беспризорниками, нищими, дешевыми шлюха-

ми, мелкими ворами, шулерами и аферистами. И не выходи ночью под разбитые фонари. Все равно света в них нет.

Былое величие было поругано, оплевано, втоптанно в грязь и в кровь.

Кстати, Франция тоже была близка к этому. Ей крупно повезло. Под самый победный финал во Франции высадились американские войска. Они были той самой последней соломинкой, которая переломила хребет германскому верблюду. Вслед за солдатами на Европейский континент ринулись американские бизнесмены. Был бы спрос, будет и предложение. Спрос был сродни водовороту вслед тонущему дребноуту. Американскому бизнесу раздолье: Европа хватает все!

Случилось так, что Францию быстро насытили хлебом, маслом, сахаром и мясом. Нет голода, нет и революции. Кроме того, холопам радость: мы победили! Не было бы американской тушенки, была бы революция. Порезвились бы. Нет французам большей радости, чем публичное отсечение голов на площади Согласия.

Но в 1918 году пронесло.

А Британии было и того лучше: и радость победы, и тушенка американская. Главное — войны не было на британской земле. Не было разрухи. Вдобавок ко всему британские войска возвращались домой без оружия. Перед тем как солдата посадить на корабль, у него отбирали винтовку и патроны...

Но даже и в Британии после Первой мировой войны чуть не полыхнуло. Чего стоит одна только Всеобщая забастовка, когда встал весь транспорт, остановились заводы и шахты, закрылись магазины, лечебницы, школы, когда озверевшая толпа ринулась на улицы!

России не повезло больше всех. Наш солдат, как и миллионы его братьев, бросив окопы, пошел домой, не забыв свою винтовку с патронами. Тащить ее неудобно. Длинная. Потому наш находчивый солдат при первой возможности из винтовки делал обрез. Делается он так. Приклад отпилить. Это проще всего. Затем надо отпилить кусок ствола. Это труднее. Сталь, из которой делают стволы, особо прочная. После этого на обрубок ствола надо насадить новую мушку. Для этого выплавляли свинец из пули и капельку расплавленного свинца капали на кончик ствола. Если она попадала неправильно, то, как капле и по-

ложено, скатывалась. А та, которая капнула правильно, застывала. Вот и все. Можно начинать Гражданскую войну.

И она полыхнула так, что все ужасы Первой мировой прекрасной сказкой показались.

2

Отчего же такой результат?

Отчего Первая мировая война имела столь странное течение, столь печальный финал и столь жуткие последствия?

Оказалась она совсем не такой, как ее представляли и планировали в высоких кабинетах. Стратеги всех стран ошиблись. Никто из них такой войны не желал, к такой войне не готовился. Никто не предполагал и не предвидел, что война выльется в многолетнюю тупую бойню. Все готовились к другой войне.

Противника можно сокрушить или измотать.

В соответствии с этим существуют стратегия сокрушения и стратегия истощения, измора. Это как бой на ринге. Тут два варианта.

Либо: подцепил левой вражью челюсть, и враг, лязгнув зубами, отлетел в дальний угол под канаты.

Либо: два огромных потных мужика в изнеможении навалились друг на друга. Ноги у обоих подламываются. То один другого в спину перчаткой ткнет. То другой ответит. На большее сил нет. Если один упадет, то и другой не устоит, ибо опоры лишится.

Кроме этих двух вариантов, может возникнуть огромное количество самых разнообразных сочетаний и комбинаций, но все они лишь вариации на темы истощения или сокрушения.

Генералы любят стратегию сокрушения. И не просто потому, что это красиво. Дело в том, что война не любит продолжительности. Это изрек мудрый китаец Сунь-Цзы две тысячи лет назад. Затяжная война изматывает армию и население, разоряет экономику, истощает казну, ведет к моральной деградации и разрушению устоев общества. Потому лучше побеждать врагов решительно и быстро. Не затягивая.

Со времен франко-прусской войны, т.е. с начала 70-х годов XIX века, в штабах всех основных европейских стран готовили планы сокрушения, но Первая мировая война получилась вой-

ной на истощение. Генералы готовились к решительному маневру, победным маршам. Но после короткого периода маневренной войны все армии попали в глухой беспросветный позиционный тупик. Хозяином поля боя стал пулемет. Он изрыгал столько огня, что мог остановить любые массы наступающей пехоты и кавалерии. Тот, кто не успевал укрыться от его губительного огня, погибал.

Справедливости ради надо добавить, что пулеметам весьма успешно помогали магазинные винтовки. В своем развитии стрелковое оружие перешагнуло тот проклятый рубеж, когда на зарядание уходило больше времени, чем на прицеливание. Теперь стрелок вел точный огонь на сотни метров, при этом на перезарядание винтовки уходили секунды. Это давало возможность обороняющимся стрелкам даже без пулеметов истреблять и останавливать превосходящие массы наступающих противников.

Вдобавок к этому — скорострельные полевые пушки, которые своим огнем разбивали и разгоняли любые незащищенные скопления войск.

Спасение было только в земле. Без всяких команд и указаний все армии вдруг остановились. Вопреки генеральским планам и замыслам. Наперекор диспозициям и приказам мудрых штабов.

Солдаты всех воюющих армий, не дожидаясь приказов, начали зарываться в землю. По обе стороны фронтов происходило то же самое. Процесс пошел. Окопы соединили траншеями, а траншеи — ходами сообщения. Перед траншеями натягивали колючую проволоку. За первым рядом траншей отрывали второй ряд. За ним — третий. Потом — и четвертый...

Вышибить противника из траншей могли только гаубицы. И они свирепствовали. Ответом на их злобный лай было дальнейшее развитие системы окопов и траншей. Армии глубже зарывались в землю, наращивали брустверы, укрепляли крутости траншей хворостом, жердями, досками, устраивали водосборные колодцы, перекрывали участки траншей бревнами и засыпали сверху землей, рыли новые окопы, плели новые колючие сети, усиливали блиндажи и убежища вторым накатом бревен, третьим, седьмым, двенадцатым...

В Первую мировую войну и немцы, и русские, и французы, и австрийцы вошли с радостным предвкушением быстрого со-

крушения своих противников. Но Его Величество Пулемет охладил пыл всех любителей быстрых блистательных побед. Он остановил всех наступающих, всех успокоил. Короткий период маневрирования сменился бесконечно долгим, на четыре года, стоянием на месте. На Западном фронте без перемен. И на Восточном тоже.

Великолепные стратегические замыслы не сбывались, сражения распадались на тысячи, десятки и сотни тысяч тягучих мелких боев на одном месте. Стратегия выродилась в бесконечные стычки, в которых гибли миллионы, но никому никакой пользы от этих стычек не было. Грубо говоря, война превратилась в солдатский мордобой. Талантливые стратеги ощутили себя биржевыми воротилами на блошином рынке: их знания, их талант и опыт тут применения не находили. Тут другие масштабы, другие правила и законы.

Все это привело к многолетнему безнадежному жестокому и бессмысленному кровопролитию: кто дольше выдержит.

Первая мировая война велась солдатами, унтерами и младшими офицерами в траншеях, а генералам на той войне не находилось работы. Ситуация вроде той, когда пророк забрался на бочку и зовет человечество объединить усилия для достижения великой цели... А мимо валит равнодушная толпа: у каждого свои заботы. Так было в Первой мировой войне: солдаты рубили, кололи, резали друг друга, не зная, что кто-то где-то в высоком кабинете рисует красивые стрелки прорывов и охватов. Война, по существу, шла без участия генералов. Все генеральские расчеты и планы тут же увязали в непролазной грязи изрытых воронками полей.

3

Еще в самом начале XX века в ходе Русско-японской войны возникло понятие сплошного фронта. Он представлял собой оборонительный рубеж, на всем протяжении занятый войсками, прикрытый огнем и инженерными заграждениями. Первый пример: в 1905 году сплошной фронт 3-й русской армии простирался на 155 км.

В ходе Первой мировой войны десятки километров сплошного фронта превратились в тысячи. А колючая проволока — в

десять, двадцать, а то и в пятьдесят рядов, а за теми рядами — первая траншея, вторая, за ней третья, и далее в бесконечность...

В ноябре 1915 года по первой траншее Русской армии можно было пройти от Балтийского моря до Черного. По первой траншее Германской армии на Западном фронте можно было пройти от побережья Северного моря до границ Швейцарии. И по британско-французской — тоже. Все воюющие армии устраивали в глубоких норах командные пункты и госпитали, склады боеприпасов и церкви, кухни, пекарни, прачечные, электростанции и пункты водоснабжения, туалеты, сапожные мастерские, узлы связи, почтовые отделения, бани, дома (вернее — блиндажи) терпимости и все остальное, без чего не может функционировать здоровый армейский организм.

Однажды мне довелось видеть снимок германских позиций, сделанный с французского аэроплана. Это нечто невообразимое. Это паутина траншей от переднего края и на много километров в глубину. Все это изрыто воронками многолетнего артиллерийского разгула. Артиллерия свирепствовала, но проломить эту оборону было невозможно.

И вот вопрос: почему никто не высмеял Жукова после того, как он вписал в свой эпохальный шедевр очевидную глупость о том, что высшее руководство Красной Армии слепо цеплялось за опыт Первой мировой войны и готовилось вести войну по старым рецептам?

Покажите мне, непонятливому, ту несокрушимую советскую оборону 1941 года от моря до моря, с траншеями в десять — пятнадцать рядов, с непролазной колючей проволокой, с блиндажами и убежищами, с подземными командными пунктами и узлами связи, с лазаретами и прачечными, с сортирами под перекрытием в пять накатов и землянками политпросвещения вместо походно-полевых домов терпимости. Покажите мне оборонительный рубеж, который на всем протяжении занят войсками, прикрыт огнем и инженерными заграждениями. Пусть не от Балтики до Черного моря, и пусть даже не в 1000 км, не в 500 и не в 100. Покажите мне хоть где-нибудь сплошной оборонительный рубеж, ну хотя бы в 10 км, занятый войсками, которые изготовились к отражению вражеского наступления.

Весной 1941 года Красная Армия свои оборонительные позиции колючей проволокой не оплетала. Да она и не возводила

никаких позиций. А все, что возвели ранее, было к лету 41-го брошено за ненадобностью, засыпано землей и поросло бурьяном. Колючая проволока была только на границе, и была это не армейская проволока, а чекистская. Но пограничники ее ловко снимали и сматывали.

И с траншеями та же картина. Пусть кто-нибудь из официальных кремлевских идеологов назовет мне номер одной советской стрелковой дивизии, которая перед войной отрыла траншеи полного профиля и заняла оборону. Пока никому не удалось отыскать ни одной советской армии, ни одного корпуса, ни одной дивизии, ни одного полка, которые бы накануне войны сидели в траншеях. Из этого следует, что ни один командующий армией, ни один командир корпуса, дивизии, полка и ниже за опыт Первой мировой войны не цеплялся.

Мало того, Полевой устав (и ПУ-36, и ПУ-39), Боевой устав пехоты (БУП), Наставление по инженерному обеспечению операций и все другие документы, которыми руководствовались войска и штабы, не только не рекомендовали отрывать траншеи, но и прямо это запрещали. Одиночная или парная стрелковая ячейка — вот основа обороны, но только на короткое время и только на второстепенных направлениях. Теоретически. А на практике в большинстве стрелковых частей у солдат даже и лопат не было. По боевым документам, генеральским мемуарам, рассказам ветеранов — одна картина: когда припекло, пехота траншеи рыла касками. У саперов лопаты были, а вот у пехоты, которая под огнем окапывается, — не было.

Как такое связать с тупым следованием опыту Первой мировой?

4

В 1920-х и 1930-х годах выдающийся военный историк и теоретик стратегии Александр Андреевич Свечин предлагал встретить вражеское вторжение обороной, выбить танки противника, перемолоть его дивизии, дать противнику выдохнуться, растратить резервы, топливо, боеприпасы, растянуть коммуникации и только после этого переходить в контрнаступление.

Свечин рассуждал просто: на тебя прет свирепый буйвол, но у тебя — хижина. Запри дверь перед ним! Пусть он рогами в нее врубится! Пусть увязнет! И вот тогда — твое время! А бежать ему навстречу, даже с вилами или топором, не стоит. Можно нарваться. Наступать на врага можно, если он слаб. Или спит. Но если силен и наступает сам, то его следует встречать обороной. Непроходимой и непробиваемой.

Казалось бы, мудрость-то в чем? Нужно ли быть стратегом, чтобы такие вещи понимать? Достаточно было посмотреть фильм «Чапаев». Вернее, самый зрелищный и самый драматичный эпизод из него: могучей поступью под барабанную дробь идет враг, сильный, обученный, дисциплинированный, уверенный в себе и в победе. Над железными рядами колышется черное знамя с серебряным черепом. Стоит ли бросаться на врага?

Нет, не стоит. Анка-пулеметчица подпускает врага все ближе и ближе, а потом с предельно короткой дистанции убийственным огнем с места дробит боевой порядок супостата. И только после того как враг дрогнул, когда планы его нарушены, а боевые порядки смяты, из-за холма на лихом коне во главе кавалерийской лавы вылетает Чапаев Василий Иванович...

И творит разгром.

Свечин предлагал именно так действовать в большой войне...

Тухачевский обвинил Свечина в пораженческих настроениях, в пособничестве врагу и развернул садистскую травлю Свечина и всех, у кого была смелость вспоминать об обороне. Тухачевский возглавил дикую свору таких же, как и сам, узколобых злобствующих клеветников. На мудрого теоретика Свечина, который осмелился смотреть правде в глаза и иметь собственное мнение, обрушился каскад оскорблений, наветов и доносов в ОГПУ-НКВД: Свечин намерен отдать инициативу в руки врага, это стратегическое вредительство!

В результате Свечин был арестован, осужден и посажен, затем выпущен, потом арестован во второй раз, осужден и расстрелян.

В 1937 году расстреляли и Тухачевского, но вовсе не за его вредительские теории и действия, а за подготовку государственного переворота. Безумные теории Тухачевского не пострадали. У него нашлись подражатели и продолжатели. Главный из них — Жуков: наступать! наступать! наступать!

И только Гитлер, нанеший сокрушительный удар, заставил опомниться.

15 июля 1941 года пал Смоленск. В этом районе Западная Двина и Днепр текут параллельно, грубо говоря, с востока на запад, образуя коридор на Москву. Потом Двина резко поворачивает на север, Днепр — на юг. Двина и Днепр образуют мощные водные преграды и естественные рубежи, на которых при грамотном руководстве можно было остановить любое вторжение. И только в районе Смоленска остается беспрепятственный с географической точки зрения проход к Москве. В стратегии этот район именуется Смоленскими воротами. Падение Смоленска во все века означало, что противник вышиб дверь и путь на Москву открыт.

Именно это случилось летом 41-го. Не прошло и месяца войны, и вот враг у ворот столицы, а поперек его пути ни крупной реки, ни канала, ни укрепленного района, пусть бы даже и недостроенного или брошенного. Руководство Красной Армии реагировало на такой поворот событий правильным решением. «Была издана директива Генерального штаба о переходе к прочной обороне. И если бы в той обстановке эта директива была выполнена и на занимаемых рубежах была создана глубокоэшелонированная оборона, глубокого прорыва противника к Москве не случилось бы. Но от войск постоянно требовали предпринимать частые наступательные действия, которыми они изматывали не столько противника, сколько себя» («Красная звезда», 1 декабря 2006 г.).

Тут у нас целая гора вопросов.

Отчего же директива о переходе к прочной обороне была издана только 15 июля? Отчего ее не издали 22 июня? Отчего такую директиву не издали 21 июня, когда, как уверяет Жуков, все сомнения отпали и стало ясно, что нападения не миновать? Отчего такую директиву не издали 1 февраля 1941 г., в день, когда Жуков принял должность начальника Генерального штаба?

И если в конце концов ее издали 15 июля, то какой же идиот требовал от войск «предпринимать частые наступательные действия, которыми они изматывали не столько противника, сколько себя»? И как на такие действия реагировал начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, если видел, что его директиву кто-то осмелился не выполнять?

Он на это никак не реагировал.

Ибо сам лично срывал выполнение собственной директивы. С одной стороны, директива Жукова: зарыться в землю! С другой — приказы того же Жукова: давай-давай! Ура! Вперед!

Даже и после того, как Сталин выгнал Жукова из Генштаба (по причине полной профессиональной непригодности для работы в штабах) и отправил под Ельню, Великий Стратег занимался тем же — гнал дивизии, корпуса и армии в самоубийственные атаки: «Как и в начале войны, все имеющиеся и подходящие резервы использовались не для наращивания глубины обороны, а для усиления соединений первого эшелона и проведения контратак и контрударов, которые в условиях господства противника в воздухе и слабого огневого обеспечения не давали положительных результатов» («Красная звезда», 1 декабря 2006 г.).

5

Если боец с винтовкой или пулеметом идет в атаку, то тело его полностью открыто для пуль и осколков. Он не может нести на себе много боеприпасов, он запыхался и выбился из сил, он ведет огонь с ходу или с короткой остановки (т.е. неприцельно или почти неприцельно). Он ведет огонь по целям, которые плохо или вообще не видны. За каждым новым бугорком для него открывается совершенно новая картина, которую нужно охватить взглядом, оценить и принять решение. Под убийственным огнем.

А тот, кто сидит в траншее, имеет боеприпасов в достатке. Его тело укрыто от пуль и в значительной степени — от осколков. Ему не страшен танк — пройдет над окопом, обвалит стенки в одном месте — вот и все. Тот, кто в траншее, ведет прицельный огонь. У него много сил, дыхание ровное, местность перед ним знакомая, расстояние до местных предметов промерено...

Тот, кто сидит в траншее, может использовать пулеметы. У него большой запас патронов, и он косит вражескую пехоту батальонами. А наступающий тащит пулеметы на себе. И запас патронов. А они страшно тяжелые. Пулемет сначала надо установить... Пока установишь, враг тебя в решето превратит. В ар-

живах Вермахта во Фрайбурге есть документы о многочисленных случаях помешательства немецких пулеметчиков. Скосил Ганс сто Иванов, еще сто, еще. А они все лезут и лезут. Это не война. Это безумие. От жуковского безумия у Гансов мозги набекрень поворачивались.

На Синявинских высотах под Питером, например, похоронено всего только 128 390 советских бойцов и командиров. Кажется бы, потери незначительные. Что нам стоит положить 128 тысяч мужиков? Мы за ценой не постоим. А бабы новых нарожают. Однако даже «Красная звезда» (11 декабря 2001 г.) признает, что учли и похоронили тут только малую толику погибших. Черепа и кости остальных мусором по округе валяются, среду засоряя.

У немцев тут оборонялись два полка 28-й легкой пехотной дивизии. Полки под огнем зарылись в землю. Немцы, как в Первой мировой войне, отрыли окопы, траншеи, ходы сообщения, возвели блиндажи и дерево-земляные огневые точки, обшили траншеи бревнами, перекрыли сверху участки траншей, превратив их в подземные галереи, замаскировали, прикрыли подступы колючей проволокой и минными полями, построили ложные огневые точки и огневые позиции ложных батарей...

А Иваны все перли и перли. В 1941-м, 1942-м, 1943-м. А Гансы их косили и косили. То-то у немецких пулеметчиков крыша ехала от такой работы.

Так ведь если бы только на Синявинских высотах...

Парадокс заключался в том, что в 1941 году наступавшая германская армия била Красную Армию обороной. Встретив сопротивление, немцы немедленно останавливались, отрывали окопы и траншеи по принципу: пот экономит кровь — лучше десять метров траншеи, чем метр могилы. А Красная Армия под водительством гениального Жукова лезла на рожон.

Выбив советские танки огнем с места, т.е. методом Анки-пулеметчицы, перемолов пехоту, немцы без сопротивления шли дальше. А встретив сопротивление, тут же останавливались, зарывались в землю, и все повторялось сначала.

Красная Армия располагала всеми преимуществами обороны, но она два года губила себя наступлениями и контр наступлениями.

Но жизнь учила.

13 октября 1941 года перед лицом наползающей катастрофы Сталин приказал сформировать ДЕСЯТЬ саперных АРМИЙ, укомплектовать их рабами ГУЛАГа, во главе поставить лагерных вертухаев высшего ранга. 10-й саперной армией, например, командовал старший майор госбезопасности М.М. Мальцев. (Старший майор ГБ носил два ромба в петлицах и соответствовал армейскому комдиву.) 3-й саперной армией командовал знаменитый строитель всех сталинских каналов от Беломора до Волго-Дона, заместитель начальника ГУЛАГа старший майор госбезопасности Я.Д. Раппопорт.

Не завершив формирования, саперные армии вгрызлись в землю. Они построили множество блиндажей, огневых сооружений, позиций артиллерии, укрытых наблюдательных и командных пунктов, установили проволочные и минно-взрывные заграждения огромной протяженности, отрыли сотни и тысячи километров траншей и противотанковых рвов от Архангельска до Астрахани во много рядов. Это и позволило остановить немцев у стен Москвы в декабре 1941 года.

А потом началось советское контрнаступление, которое снова обернулось кровавым финалом для Красной Армии. Даже «Красная звезда» (1 декабря 2006 г.) вынуждена была признать: «К сожалению, в последующем зимнем наступлении в январе — марте 1942 года наши поспешные, неподготовленные наступательные операции не давали должных результатов и вызвали неоправданно большие потери».

Жаль, что «Красная звезда» оставила во мраке имя того Величайшего и Гениального Полководца, который гнал на убой сотни тысяч бойцов и командиров в этих «поспешных, неподготовленных наступательных операциях, которые не давали должных результатов и вызвали неоправданно большие потери».

И если на такие действия Гениального Полководца толкал глупый Сталин, то куда в этом случае девалась хваленая принципиальность означенного Гения Стратегии?

Весной 1942 года с грохотом и большой кровью провалилась еще одна грандиозная наступательная операция в районе Харькова. В результате на южном фланге советско-германского фрон-

та возникла гигантская пробоина, не занятая войсками Красной Армии. В этот пролом ринулись германские армии. Путь к Волге и на Северный Кавказ был открыт.

Жизнь вновь заставила Красную Армию вспомнить об обороне. В конце лета 1942 года на подступах к Сталинграду строились четыре оборонительных обвода: внешний, средний, внутренний и городской. В изнурительных боях советские войска измотали противника и только после этого перешли в контрнаступление. И получили грандиозную победу, которой не померкнуть в веках.

На следующий год на Курской дуге Центральный и Воронежский фронты возвели по 5—6, один за другим, оборонительных рубежей. Позади войска Степного фронта возвели еще один рубеж обороны, а за ним по левому берегу Дона был построен Государственный рубеж обороны. Общая глубина инженерного оборудования местности достигала 250—300 км. Проломить такую оборону (при условии грамотного руководства и стойкости обороняющихся войск) было невозможно даже теоретически.

Вот бы в 1941 году иметь хотя бы половину или даже треть такой обороны!

Опыт войны доказал, что Свечин был прав. В 1943 году советское командование преднамеренно отдало инициативу противнику: наступайте, ребятки, посмотрим, что у вас получится. Мы вас, наступающих, как Анка-пулеметчица, растерзаем, потом разгром учиним.

Жуков после войны бахвалился: это я Сталину подсказал, как в 1943 году действовать надо было! Встречать врага обороной!

Решение действительно мудрое. Только где эта мудрость была в 1941 году? Уж слишком поздно она проявилась. Два года дурацких наступлений на сильного противника обескровили страну и армию, потому на третий год пришлось думать головой. Вот тогда Жуков (а вернее, кто-то в Генеральном штабе) и вспомнил про теории Свечина: а почему бы в оборону не встать, не отдать инициативу в руки врага, не выбить его танки, не обескровить его в изнурительных боях, а уж потом самим перейти в наступление?

Так и сделали. В результате германским танковым войскам раз и навсегда переломили хребет и отучили их наступать.

А мудрость Свечина Жуков выдал за собственную.

Первая мировая война была жуткой, тупой, беспросветной мясорубкой.

Однако опыт создания непроходимых оборонительных рубежей был бесценным. В 1930-х годах следовало ту оборону изучать и делать выводы. Следовало отбросить ненужное и добавить то, что требовало время. Окопы и траншеи Первой мировой войны выдержали экзамен на прочность. Следовало только подходы к ним прикрыть противотанковыми и противопехотными минными полями, добавить войскам зенитной и противотанковой артиллерии. А в остальном ничего плохого (если мы намерены защищать свою землю) в том опыте не было. Царь Николай, каким бы глупым его ни рисовали, германца к Москве, Киеву, Смоленску и Питеру не пустил.

Но даже если в ходе Второй мировой войны у пехоты вдруг не оказалось бы ни мин, ни противотанковых пушек, выкурить ее из траншей, окопов и блиндажей совсем не просто. Что в 1941 году изменилось в сравнении со временем Первой мировой войны? Авиация поднялась на новый этап развития, появились танки в больших количествах. Но ни танки, ни авиация особого вреда войскам, которые зарылись в землю, причинить не способны.

Не оттого случился разгром 1941 года, что Красная Армия цеплялась за опыт Первой мировой войны и слепо ему следовала, а оттого, что опыт Первой мировой войны, опыт обороны в стратегическом масштабе был отвергнут, осмеян и забыт.

Если бы держались за тот опыт, то у солдат летом 1941 года были бы лопаты. Уж этого-то добра в социалистическом отечестве на великих стройках коммунизма хватало.

Если бы держались за опыт Первой мировой войны, если бы его канонизировали, то германская армия 22 июня 1941 года уперлась бы в несокрушимую оборону. И косили бы Гансов Ивана так, как Гансы их косили на Синявинских высотах.

В 1943 году Красная Армия в чистом поле под огнем противника за три месяца создала оборонительные рубежи, опираясь на которые смогла отразить сверхмощные удары германских войск, на вооружении которых были тяжелые танки. Прикинем, какую оборону можно было бы возвести не за три месяца, а за два десятка лет — с 1920 по 1941 год.

На войне противник все видит, все подмечает, огнем мешает работам, и технику инженерную на переднем крае использовать невозможно. Все руками приходится делать. А вот если бы от опыта Первой мировой не отказались, то строили бы оборону в мирное время, вне соприкосновения с противником, с использованием самой современной инженерной техники. И было бы два сплошных фронта от моря до моря — вдоль старой границы и вдоль новой.

Если в 1943 году германская армия не смогла сломать возведенную за три месяца оборону даже тяжелыми танками, то как бы она ухитрилась в 1941 году прорвать оборону, возведенную упорным трудом за 20 лет? И танков тяжелых не имея?

Накануне германского вторжения в Советском Союзе не готовились и даже не планировались оборонительные операции фронтового или стратегического масштаба. Мало того, этот вопрос не рассматривался даже и теоретически.

В 1940 году в Советском Союзе были только три генерала с пятью звездами в петлицах: Жуков, Мерецков, Тюленев. Тюленев Сталин знал еще со времен Гражданской войны. И вот в декабре 1940 года на совещании высшего командного состава встает генерал армии Тюленев и заявляет, что теории обороны у нас нет (Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940. С. 209).

Через две недели после этого Сталин назначает Жукова начальником Генерального штаба, еще через две недели Жуков вступает в должность. Великому Стратегу судьба послала уникальную возможность.

По рассказам Жукова, Сталин страшно боялся войны. Кроме того, старый боевой товарищ Сталина генерал армии Тюленев открыто в присутствии всего высшего командного состава Красной Армии заявил, что в Красной Армии оборона в стратегическом масштабе не рассматривалась даже теоретически.

Вот бы Жукову и воспользоваться моментом.

Вот бы Сталину и подсказать, что надо делать, где спасения искать.

Вот бы Жукову сделать хоть что-нибудь! И в теоретическом плане, и в практическом.

Вот бы приказать своим подчиненным в Генеральном штабе, в штабах военных округов и армий готовить варианты оборонительных операций и контрударов.

Вот бы объявить конкурс среди преподавателей и слушателей военных академий на простую, четкую и толковую теорию оборонительной войны.

Вот бы приказать войскам рыть траншеи и окопы. С февраля 1941 года и до германского нападения успели бы нарыть куда больше, чем на Курской дуге.

Что же делал Жуков?

Для обороны страны — ничего.

А после войны обвинил весь высший командный состав в непонимании сути войны: «они» войну не так готовили.

Красную Армию оплеывали прощельги всех разрядов и оттенков. Над Красной Армией глумились негодяи всех мастей и рангов. Однако никому не пришло в голову высмеивать ее за то, что она, слепо следуя опыту Первой мировой войны, к лету 1941 года заплела колючей проволокой, как паутиной, Карелию, Прибалтику, Белоруссию, Украину и Молдавию, отрыла тысячи километров траншей, возвела сотни тысяч огневых точек и блиндажей.

Ибо не было этого!

До этого додумался только Жуков. Но обвинения Жукова необоснованны и глупы. Жуков явно не знал, что представляла собой Первая мировая война, рассказов боевых товарищей не слушал, кинохронику не смотрел. И Ремарка не читал.

В Государственную Думу России поступило предложение о том, чтобы принять закон о защите исторической правды о Второй мировой войне от любых попыток искажения, извращения и фальсификации.

Предложение правильное и своевременное. Пора власть употребить. Пора ударить законом по всех мастей проходимцам, которые клеветают на свою армию и свой народ. Начинать надо, конечно, с мемуаров Жукова. Заявления Жукова и его многочисленных соавторов о том, что «большинство руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт Первой мировой войны» — это искажение исторической правды и злостная клевета на Красную Армию.

Генерал армии Гареев, яростный защитник Жукова и Тухачевского, сообщает про 1941 год: «Не были выполнены даже первоочередные инженерные работы. Ведь еще в 1930-е годы те же идеологи выдвинули лозунг, что траншейная система — это пережиток Первой мировой войны. Дескать, для революционного солдата траншеи не нужны» («Красная звезда», 1 декабря 2006 г.).

Досадно, что генерал Гареев не назвал «идеологов» революционно-наступательной стратегии по именам. Какие-то недоумки без имен и званий отказались от траншей, потому-то и случился разгром.

Вот она, тухачевско-жуковско-гареевская школа, во всей красе. Главное для этой учено-стратегической братии представить всех нас недоумками.

Выходит, что перед войной и в первом ее периоде Красная Армия по вине каких-то неизвестных кретинов полностью отказалась от траншей, т.е. всецело отвергла опыт Первой мировой войны. Вывод: о, как глупы эти русские!

Все тут правильно. Так и было. Но тот же Гареев восхваляет Жукова, который объявил на весь мир, что Красная Армия по вине каких-то анонимных олухов мертвой хваткой вцепилась в опыт Первой мировой войны и никак от него не хотела отказываться.

А вывод все тот же: о, как глупы эти русские!

Глава 3

ТАК КТО ЖЕ ЦЕПЛЯЛСЯ ЗА ОПЫТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ?

Главный момент — должна быть внезапность.

И. Сталин.

Выступление на совещании высшего начальствующего состава Красной Армии в ЦК ВКП(б) 16 апреля 1940 г.

1

Уже осенью 1914 года перед генералами всех стран встал вопрос: что же делать?

Для того чтобы вывести войну из позиционного тупика, надо было сломать фронт противника и вырваться на оперативный простор.

Но проломить фронт не выходило.

Требовалось выбить вражескую пехоту из траншей. Ради этого приходилось сосредоточивать огромное количество артиллерии на узких участках фронта и долбить траншеи неделями, иногда месяцами. Но и противник не дурак. Если мы долбим его оборону в данном районе, значит, позади этого места он начинает рыть новые окопы и траншеи и заполнять их свежим пушечным мясом. Мы проломили одну линию траншей, вторую, третью, а противник позади захваченных нами позиций успел отрыть еще десять линий...

Среди немногих исключений — Брусиловский прорыв. Летом 1916 года Юго-Западный фронт под командованием генера-

ла от кавалерии А.А. Брусилова взломал оборону противника на фронте в 550 км на глубину 60—150 км.

Брусилов нашел выход: он ломал австро-венгерский фронт не на одном направлении, а одновременно на четырех. А на каждом направлении было по 2—3 разнесенных в пространстве участка прорыва. Всего таких участков было одиннадцать. Кроме того, еще шесть ложных. Противник не знал, какой из них главный. Этого, кстати, не знал и сам Брусилов. Его расчет: все одиннадцать участков — главные! Ломать одновременно везде, и если противник бросит все свои резервы в одно место, Брусилов будет развивать успех в другом. Так и случилось. Фронт Брусилов проломал. И сразу на нескольких участках. Потому противник, дабы избежать окружения, был вынужден отводить свои войска сразу на огромном фронте в полтысячи километров.

Однако возникла другая проблема: в образовавшийся прорыв нужно немедленно вводить огромные массы подвижных войск. Образно выражаясь, Брусилов пробил дырочку во вражеском панцире, теперь в эту дырочку надо воткнуть нечто острое, колющее или режущее, чтобы проткнуть вражьи внутренности. Желательно насквозь. И делать это надо быстро, иначе противник прорыв ликвидирует.

В те времена самостоятельно бой могли вести только пехота и кавалерия. Остальные рода войск поддерживали и обеспечивали их действия. Для ввода в прорыв требовалось много кавалерии. Она могла бы совершить бросок по глубоким тылам Австро-Венгрии и Германии. Но у Брусилова кавалерии было мало. Не его вина. О мощных подвижных соединениях должны были позаботиться более высокие начальники.

Верховное командование не располагало достаточным количеством стратегических резервов на данном направлении, которые можно было бы бросить в сражение и вырваться на оперативный простор. Кроме того, прорыв Юго-Западного фронта не был поддержан другими фронтами.

Исчерпав наступательные возможности, Юго-Западный фронт уперся в новую цепь укрепленных позиций и был вынужден снова зарыться в землю.

Но даже и без ввода в сражение крупных подвижных масс прорыв Брусилова завершился сокрушительным успехом. Австро-Венгерской империи был нанесен смертельный удар, от ко-

того она так и не смогла оправиться. Да и Германия почувствовала приближение конца. В декабре 1916 года германский кайзер обратился к своим противникам с предложением о прекращении войны и заключении мира.

Но его предложение было отвергнуто как русским царем, так и его западными союзниками.

2

Прорыв Брусилова мог привести к победному окончанию войны, но Российская империя уже сгнила. Через полгода после такого блистательного успеха рухнула монархия. Без всякого внешнего воздействия. Россия погрузилась в хаос и вскоре выпала из мировой войны. Не потому выпала, что сил мало, а потому, что сгнила голова. Гниение известно откуда начинается...

В соответствии с мечтами, планами и замыслами Ленина война из империалистической превратилась в войну гражданскую.

По своему пространственному размаху, количеству жертв и разрушений, по способам ведения Гражданская война в России резко отличалась от Первой мировой войны. Для стран Центральной Европы Первая мировая война была ужасающим бедствием. Во всех странах, включая Россию, погибло аж 10 миллионов человек.

Однако Гражданская война в России затмила все это и отодвинула на задний план. После Гражданской войны народы России вспоминали Первую мировую войну как прекрасное спокойное время, когда все было так чудесно. Немножко убивали на войне, но эти жертвы были незначительными, почти нулевыми. Если 10 миллионов разделить на все воюющие страны, то непонятно, есть ли причина ту войну вообще вспоминать.

Гражданские войны отличаются запредельной жестокостью. В обыкновенной войне стороны, когда надоест воевать, имеют возможность разойтись по своим землям. А в гражданской войне противникам никак разойтись не получается. Земля на всех одна. Потому для того чтобы одна сила победила, надо все другие силы истребить или вышвырнуть из страны. В ходе Гражданской войны в России было разрушено и уничтожено все, что

можно было уничтожить, — от заводов и мостов до семьи, школы и государственной власти.

Но если Гражданскую войну в России рассматривать не как попытку национального самоубийства, а с точки зрения военной науки, то мы неизбежно приходим к выводу: по своим формам она была гигантским шагом вперед.

Случилось так, что в ноябре 1918 года все (кроме России) воевавшие страны так и завершили войну в позиционном тупике. Фактически на тех же рубежах, на которых армии окопались осенью 1914 года. Из опыта Первой мировой войны следовал, казалось бы, единственный и неизбежный вывод: следующая война тоже будет позиционной, современную оборону прорвать невозможно. Генералы Первой мировой войны решили: надо готовиться к новой позиционной войне, статичной, траншейной. Опыт Брусилова был отнесен не к правилам, а к исключениям и забыт.

В ряде европейских стран, например во Франции, опыт Первой мировой войны был признан единственно верным. Из этого опыта был сделан вывод, что «оборона сильнее наступления». Вся подготовка страны к будущей войне свелась к максимально возможному усилению позиционной обороны вдоль границ.

Однако ничего подобного не было на просторах рассыпавшейся Российской империи. Никто опыт Первой мировой войны не признавал и его не канонизировал просто потому, что следствием Первой мировой войны для России стала жесточайшая Гражданская война, которая по своему характеру и размаху была совершенно не похожа на Первую мировую.

И уж если говорить о приверженности красных командиров старому опыту, то говорить надо об опыте Гражданской войны, а вовсе не об опыте Первой мировой.

3

Войны бывают позиционными и маневренными. Между этими крайностями неисчислимо множество различных комбинаций, когда действия маневренные сменяются позиционными и наоборот.

Первая мировая война — самый яркий, доведенный до идеала и до полного абсурда образец позиционной войны.

Гражданская война в России — это самый ослепительный противоположный случай. Где еще найти пример сухопутной войны, которая разметалась в пространстве от Варшавы и Львова до Омска, Хабаровска, Владивостока и Находки, от Архангельска, Котласа и Мурманска до Одессы и Херсона, от Риги и Питера до Баку, Ташкента и Бухары?

Первая мировая война — сидение на месте. Первая мировая война в принципе не задела территорию главных ее участников: России, Германии, Австрии, Франции, Великобритании. Фронты стабилизировались примерно в районах государственных границ. В тыловых районах разрушений по большому счету не было. Миллионные армии терзали друг друга. А позади прифронтовой полосы — нормальная мирная жизнь: дымят заводы, гудят паровозы, сверкают огнями витрины на Невском проспекте, на Пигали машет крыльями «Мулен-Руж» — красная мельница — и едреные девки выплясывают канкан.

Символ Первой мировой войны, ее суть и визуальное выражение — траншея.

А символ Гражданской войны — пулеметная тачанка Нестора Ивановича Махно, на которой серебряными гвоздиками были выбиты хлесткие девизы: сзади — «Хрен догонишь!», спереди — «Хрен возьмешь!».

Нужно признать: не потому Гражданская война была маневренной, что наши умнее всех. А потому, что страна самая большая в мире и вся она превратилась в поле сражения. Перекопать такую страну окопами нельзя. Нет у нас столько людей. Раз так, оборона не могла быть сплошной. Значит, противники проникали в тыл друг к другу, обходили узлы сопротивления и фланги. Гражданская война в России — это отсутствие сплошных фронтов. Это стремительный маневр колоссальных подвижных воинских масс. Это охваты и обходы, лихие броски с выходом на вражеские фланги и тылы.

Были окопы, были траншеи. Но не это главное. Главное — открытые тылы и фланги как у себя, так и у противника. Главное — стремительный внезапный маневр, удар там, где противник меньше всего ожидает.

Гражданская война в России показала выход из позиционного тупика, возродила во всей красе и блеске секрет маневра, который, казалось бы, окончательно и навсегда был утерян на полях Первой мировой войны.

Как мы уже уяснили, до появления танков (в достойных упоминания количествах) только два рода войск могли вести самостоятельные боевые действия на земле — кавалерия и пехота.

Пехота универсальна, но более тяготеет к малоподвижным формам войны.

А кавалерия — это маневр и движение.

Все остальные рода войск, начиная с артиллерии, очень важны, но вести самостоятельно войну не способны.

Сейчас мы не говорим о войне на море и в воздухе. Если опуститься на грешную землю, то Первая мировая война — это война пехоты. Понятно, при массовом участии артиллерии, саперов, связистов, химиков и пр.

Кавалерия в той войне прозябала в тылах и никакого решающего влияния на ход и исход войны не оказывала.

А в куда более жестокой, разрушительной и кровавой Гражданской войне в России решающей силой была кавалерия. Она естественно и неизбежно набирала вес. Кавалерия в наибольшей степени соответствовала войне маневренной. Кавалерийские соединения и объединения росли и ширились. Мелкие кавалерийские отряды сливались в эскадроны, а те — в кавалерийские полки, бригады, дивизии, кавалерийские корпуса.

Венцом маневренной войны стало создание соответствующего инструмента — конных армий. Забудем ту картину, которую нам рисовала красная пропаганда: скачет Буденный, сабелькой помахивает... Обратим внимание на другое: только движение приносит победу. Это сказал Сунь-Цзы, а Гудериан через две тысячи лет повторил.

Вот вам движение — конная армия! Это подвижная стратегическая масса, способная внезапно появляться там, где ее не ждут, способная совершать стремительное перемещение на сотни километров. Вспомним перегруппировку 1-й Конной армии из района Майкопа в район Умани. Ведь это 1200 километров. Это стратегический размах.

И боевые действия конных армий — это прежде всего не рубка саблями, а глубокий стремительный маневр, когда масса войск воздействует на противника не огнем, а движением. В июне 1920 года 1-я Конная армия вышла в тыл 3-й польской армии и од-

ним этим заставила ее оставить Киев — стратегия непрямых действий в чистом виде.

Каждая конная армия обладала огромной по тем временам огневой мощью. Она была насыщена и даже перенасыщена пулеметами. Кроме того, конные армии располагали артиллерией, бронемашинами, бронепоездами, собственной авиацией и даже танками.

Боевой состав конных армий не был постоянным. Армии эти неизменно находились в боях. Их состав то увеличивался, то сокращался. Обычно в конной армии, помимо чисто кавалерийских частей и соединений, было до 50 орудий, 30—40 бронеавтомобилей, 10—15 самолетов, от 3 до 7 бронепоездов, 200—400 пулеметов, которые устанавливали не только на тачанках, но и на грузовых и легковых машинах.

Конная армия — это именно тот инструмент, которого совсем недавно так не хватало Брусилову. Была бы у Брусилова в 1916 году 1-я или 2-я Конная армия (или сразу обе), почти смертельный удар по германо-австро-венгерской коалиции мог бы стать смертельным. И тогда история пошла бы совсем другим путем...

Но царь Николай не озаботился созданием массированных подвижных соединений, Брусилов проломал ворота, но в них никому было войти.

Созданием мощных подвижных соединений занялся товарищ Сталин. 1-я Конная — его детище. Создавали эту армию другие люди, но без поддержки в высших эшелонах власти эта идея не могла бы выжить. Сталин идею оценил и поддержал.

Интересно, что Тухачевский ничего подобного не создал и подобных идей не поддержал. Но он увидел, что мощные подвижные соединения играют главную роль в маневренной войне и потребовал: отдайте мне 1-ю Конную! Я тоже хочу в какой-то мере считаться полководцем и победы одерживать!

5

Жуков объявил, что красные командиры держались за опыт Первой мировой войны, т.е. за окопы и траншеи. За многолетнее прозябание на одной позиции. За позиционные формы борьбы.

Это мерзкая клевета на свою армию, на боевых товарищей. Ибо дух маневренной войны господствовал в Красной Армии с первого дня ее рождения... Конную армию невозможно ни привязать к Первой мировой войне, ни вписать в нее.

Конная армия — это маневр. Это блицкриг! Даешь Варшаву! Дай Берлин! Уж врезались мы в Крым!

И почему опыт Первой мировой должен был возвышаться над опытом Гражданской войны?

Кем был Сталин в Первой мировой войне? Провел ли он один день или один час в траншее? То-то. А в Гражданской войне товарищ Сталин — член РВС Республики, член РВС Южного, Западного и Юго-Западного фронтов. Сталин бывал на руководящих военных должностях и в Царицыне, и в Питере, на Львов ходил. Были удачи, победы, были ошибки, провалы, катастрофы. Короче: был опыт. Какой же опыт Сталину помнить: чужой или собственный? Какой Сталину опыт ближе: забытой Первой мировой войны, на которой его не было, которая завершилась позорной капитуляцией страны, или незабываемый опыт грандиозных побед и горьких поражений, опыт войны, которая завершилась победой над многочисленными врагами, которая вынесла его на вершины небывалой в истории единоличной и неограниченной власти?

Три года судьба бросала Сталина по фронтам Гражданской войны. Он советовал и направлял, расстреливал и награждал, требовал, доказывал, ругался не только с командующими фронтами, но и с Лениным, но и со Склянским, даже с Троцким. Какой же опыт Сталину использовать: той войны, на которой его не было, или опыт Гражданской войны, на которой он был?

Вот отношение Сталина к Первой мировой войне: «Уже во время войны раскрылась измена царского военного министра Сухомлинова, оказавшегося связанным с немецкими шпионами. Сухомлинов выполнял задания немецкой разведки — сорвать снабжение фронта снарядами, не давать фронту пушек, не давать винтовок. Некоторые царские министры и генералы сами втихомолку содействовали успехам немецкой армии: вместе с царицей, связанной с немцами, они выдавали немцам военные тайны. Неудивительно, что царская армия терпела поражения и вынуждена была отступать».

Это строки из гениального творения товарища Сталина, которое явилось миру в момент победного финала Великого Очищения 1937—1938 годов и превратилось в священное писание для каждого большевика. Название книги — «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» (М., 1938. С. 167—168). Шаг в сторону от этого канонического текста считался за побег. Конвой стрелял без предупреждения.

Кто бы осмелился после Великого Кровопускания даже упомянуть добрым словом Первую мировую войну и заикнуться о необходимости держаться за ее опыт, изучать ее уроки?

6

И не только Сталин категорически отвергал окопно-траншейный опыт.

Председатель Комитета обороны при СНК СССР Маршал Советского Союза Ворошилов в Первой мировой войне не участвовал, а в Гражданской войне командовал партизанским отрядом, дивизией, последовательно тремя армиями (5-й, 10-й, 14-й), Украинским фронтом, был членом Военного совета 1-й Конной армии. А конная армия — это нечто такое, чего в Первой мировой войне не было.

Нарком обороны Маршал Советского Союза Тимошенко в Первой мировой войне — рядовой, а в Гражданской — рядовой, командир взвода, пулеметной команды, эскадрона, полка, бригады. Завершил войну в должности командира дивизии. И не простой, а кавалерийской в составе конной армии. Неужели опыт Первой мировой войны он мог ставить выше опыта Гражданской?

Первый заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Буденный в Первой мировой войне — старший унтер-офицер, командир взвода. А в Гражданской войне Буденный прошел путь от командира партизанского отряда, полка, бригады, дивизии, корпуса до командующего армией. Да опять же не простой армией командовал, которая в окопах коптила небо, а той, которая сокрушающим маневром решала не только оперативные, но и иногда стратегические задачи. Вопрос повторяю: какой опыт дороже Буденному — опыт командования кавалерийским взводом в Первой мировой войне, когда кавалерия вы-

нужденно прозябала, или опыт командования первой в мире со времен Чингисхана конной армией, от грохота копыт которой дрожали стены европейских столиц?

Заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Кулик в Первой мировой войне — взводный унтер, а в Гражданской — начальник артиллерии армии. И опять — не простой армии, а самой подвижной в мире.

Заместитель наркома обороны генерал армии К.А. Мерецков в Первой мировой войне тоже выше унтера не поднялся, а в Гражданской — помощник начальника штаба дивизии.

Несколько выпадает из этого ряда заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. В Первой мировой войне — царский полковник. Но и у него в Гражданской войне — захватывающий взлет: начальник Разведывательного управления штаба Высшего военного совета Республики. В том, что Шапошников не канонизировал опыт Первой мировой войны, каждый может лично убедиться, прочитав «Мозг армии».

Так кто же в руководстве Наркомата обороны воспевал опыт Первой мировой войны?

А в Генеральном штабе? Проверьте биографии Ватутина, Маландина, Голикова, Василевского, Соколовского, читайте их труды и мемуары. Никаких намеков на приверженность к опыту Первой мировой войны не найдете.

Можно проверить командующих как приграничными, так и внутренними округами. Та же картина. В 1941 году командный состав Красной Армии если и помнил опыт Первой мировой войны, то сводился он к кормлению вшей в окопах, к нудной перестрелке да к бестолковым штыковым атакам. А в маневренной Гражданской войне они водили на большие дела роты, батальоны, эскадроны, полки, дивизии и даже корпуса и армии.

Кто же из них канонизировал опыт Первой мировой войны?

Вся пропаганда Советского Союза до 1941 года была пропитана духом Гражданской войны. Книги, фильмы, статьи, стихи, песни — все о ней. Мы уже вспоминали фильм «Чапаев». А были фильмы и про Котовского, Щорса, Фрунзе, Пархоменко, а еще — про Ворошилова и Буденного и немного — про товарища Сталина. Если Первую мировую войну и показывали в фильмах, то только в самых темных тонах. Учебники военной истории четко делили предмет на две неравные части: меньшая часть — все,

начиная с фараонов, что было и до 1918 года; большая часть — Гражданская война в России.

В Советском Союзе Первая мировая война была подвергнута уничтожающей и злобной критике: бездарные царские генералы, бестолковая кровавая бойня. Из Первой мировой войны советской военной наукой для подражания и изучения были взяты только те эпизоды, которые были исключениями из общего правила и которые по своему характеру противоречили всему духу Первой мировой войны. Среди этих эпизодов — Брусиловский прорыв.

Сам Брусилов этот опыт и передавал, сам делал выводы из ошибок и промахов. Он проломил стену, но кто был должен ворваться в пролом? Вывод Брусилова: в грядущей войне нужно иметь мощные подвижные соединения, которые могли бы ринуться в прорыв и выйти на оперативный простор. Если в начале войны есть возможность ворваться на территорию противника до того, как он успел развернуть свою армию и создать сплошной фронт, то этой возможностью надо пользоваться, т.е. не зевать, а вводить в сражение всю свою мощь сразу.

7

Теперь разберемся со «многими из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба», которые, по словам Жукова, канонизировали опыт Первой мировой войны. Кто они?

Высшее руководство Наркомата обороны — это сам нарком — Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и его заместители. С наркомом и его заместителями мы уже разобрались. Идем дальше.

В состав Наркомата обороны входили Генеральный штаб, семь Главных управлений и тринадцать отдельных управлений.

Главные управления НКО:

- политической пропаганды;
- автобронетанковое;
- артиллерийское;
- ВВС;
- ПВО;
- военно-инженерное;
- интендантское.

Кто же из руководителей этих структур мог канонизировать опыт Первой мировой войны?

Начальник Главного автобронетанкового управления генерал-лейтенант танковых войск Я.Н. Федоренко? Не мог он. Просто потому, что в Первой мировой войне не было в России танков. А потому не было и опыта применения танковых войск. Нечего было канонизировать.

И никто из подчиненных генерала Федоренко на тот несуществующий опыт опереться не мог. Надо было выдумывать что-то новое и свое. Правильно или неправильно выдумывать — другой вопрос. Но однозначно: это могло быть нечто такое, что в каноны Первой мировой войны не вписывалось.

Может быть, начальник Главного управления ПВО генерал-полковник артиллерии Н.Н. Воронов канонизировал тот опыт? Опять же нет. Потому как и ему, так и его подчиненным нечего было канонизировать.

Не иначе генерал-лейтенант П.Ф. Жигарев, начальник Главного управления ВВС, канонизировал? Да и он вряд ли мог. Потому как ВВС 1914 года и 1941-го — земля и небо. В начале июня 1941 года у Жигарева — 79 авиационных дивизий. А в России на протяжении всей Первой мировой войны — ни одной. Потому не могли Жигарев и его подчиненные заглядывать в 1914 год и искать там ответы на возникающие проблемы. Не было там ответов. Не могли авиационные генералы держаться за тот опыт. Не за что было держаться.

ВВС 1941 года находились на другом этапе развития. Как и артиллерия. И инженерные войска были иными, они были ориентированы на выполнение совсем других задач, их структура, вооружение и специальная техника резко отличались от того, что было в Первой мировой войне.

Даже и Главное интендантское управление НКО работало в соответствии с другими принципами и стандартами. Вся система вещевого, продовольственного, финансового и прочего обеспечения Красной Армии в корне отличалась от соответствующих систем Русской армии.

Остается только армейский комиссар 1 ранга А.И. Запорожец, начальник Главного управления политической пропаганды. Но и его никак не получается заподозрить в канонизации. В Первой мировой войне политпропагандой в Русской армии за-

нимался полковой батюшка (полковой священник). Он призывал детушек проливать кровь за веру, царя и отечество. А товарищ Запорожец твердо стоял на заветах Маркса: нет у пролетариев отечества! Наше отечество — весь мир. И пусть кто-нибудь попробует усомниться в правоте единственно верного...

Если спуститься на ступень ниже, к отдельным управлениям НКО, то и тут та же картина: не мог начальник управления снабжения горючим генерал-майор танковых войск П.В. Котов канонизировать опыт Первой мировой войны, ибо не было в Первой мировой войне системы централизованного снабжения армии сотнями тысяч тонн горюче-смазочных материалов.

И начальник управления связи генерал-майор войск связи Н.И. Гапич не мог канонизировать, и все по той же причине.

Перечисляйте дальше управления и отделы, а я вам заранее предскажу результат.

В 1941 году руководящий состав Красной Армии состоял из тех, кто поднялся и вырос в ходе Гражданской войны. И уж если и обвинять их в приверженности к старому опыту, то надо говорить об опыте Гражданской войны. Но вовсе не о Первой мировой.

* * *

Мемуары Жукова восхваляют генералы и маршалы, доктора наук и академики.

Из этого следует, что они:

- либо не представляют даже приблизительно, что представляла собой Первая мировая война;
- либо не удосужились ознакомиться с восхваляемым шедевром.

Глава 4 ПРО РАСКАЧКУ

«Польша перестала существовать через 17 суток. Операция в Бельгии и Голландии закончилась через 15 суток. Операция во Франции, до ее капитуляции, закончилась через 17 суток. Три очень характерные цифры, которые не могут меня не заставить принять их за некое возможное число при расчетах нашей наступательной операции».

*Генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов,
командующий войсками Западного особого военного округа,
27 декабря 1940 г.*

*Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего
состава РККА 23—31 декабря 1940. М., 1993. С. 255*

1

В начальном периоде Второй мировой войны Германия крушила своих противников оглушительными зубодробящими ударами.

Блицкриг — это не просто быстрая война. Это искросыпительный удар сверхмощного электрического разряда, который мгновенно убивает на месте.

Вся Центральная Европа была покорена и парализована именно такими сокрушительными ударами, когда внезапно вводилась в сражение вся наличная боевая мощь огромной армии и авиации.

В первые два года Второй мировой войны Советский Союз оставался вне большой драки. Советские генералы и маршалы наблюдали ее со стороны. Они были свидетелями того, как Гит-

лер громит Польшу, Францию и другие страны. Все видели: Гитлер захватывает страны одну за другой, внезапно вводя в действие сразу все силы. В первый день. В первый час.

В 1939, 1940-м и в первой половине 1941 года у советских стратегов была дополнительная возможность убедиться: август 1914 года не повторяется, Германия более не намерена терять самые драгоценные дни и часы в начале войны, она наносит сокрушительный смертельный удар в первые минуты.

Итак, вопрос: советские генералы за первые два года Второй мировой войны сумели понять, как действует армия Гитлера, или не сумели?

Ответ дает Величайший Полководец всех времен и народов Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Бывая в Академии Генерального штаба, которая находилась в моем ведении, я лишней раз мог убедиться в том, что накануне войны на военных кафедрах, в литературе, в учебных планах и разработках слушателям преподносилась современная военная теория, в значительной степени учитывавшая опыт начавшейся второй мировой войны. Учащимся прививалась мысль, что войны в нынешнюю эпоху не объявляются, что агрессор стремится иметь на своей стороне все преимущества внезапного нападения. Принималось как должное, что с самого начала в операции вступят главные силы противостоящих друг другу противников со всеми вытекающими отсюда стратегическими и оперативными особенностями» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 215).

Жуков совершенно четко и определенно утверждает, что в 1941 году каждому было ясно: в случае войны с первого момента произойдет столкновение главных сил противоборствующих сторон. Никакой раскачки. Никакой потери бесценных часов и минут в начальном периоде.

Под прямой контроль Жукова Академия Генерального штаба попала 1 февраля 1941 года, в момент когда он вступил в должность начальника Генерального штаба. Следовательно, речь в данном пассаже идет про период между 1 февраля и 21 июня 1941 года. До того академия Жукову не подчинялась. После 21 июня ему было не до академии.

Но в этот отрезок времени речь могла идти не о каком-то абстрактном столкновении каких-то армий, а только о войне между Германией и Советским Союзом. В тот момент никаких других противников у Красной Армии в Европе не было. А в Азии

война пока не намечалась — дивизии, корпуса и даже целые армии в первой половине 1941 года перебрасывались из азиатской части страны в европейскую.

Итак, сам Жуков прекрасно понимал, что война между Германией и Советским Союзом начнется сразу столкновением главных сил. Это понимали подчиненные Жукову руководители Генерального штаба. И за пределами Генерального штаба эта мысль была ясна всем. Это понимали преподаватели академий, эту мысль они внушали слушателям на лекциях и практических занятиях. Это принималось как должное, никто с этим не спорил. Жуков лично проверял, контролировал и твердо знал: в этом вопросе на всех уровнях полная ясность.

Однако...

2

Однако через 9 страниц своей «самой правдивой книги о войне» Величайший Полководец делает внезапный и решительный разворот кругом. Он меняет свое мнение на прямо противоположное: «При переработке оперативных планов весной 1941 года не были практически полностью учтены новые способы ведения войны в начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными государствами, как Германия и Советский Союз, может начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 224).

Это обычное жуковское двоемыслие. Марксистская диалектика: Жуков думает и так и эдак. И в то же время — и не так и не эдак.

С одной стороны, самому Жукову, высшему военному руководству Красной Армии и всем остальным (до преподавателей и слушателей академий включительно) было совершенно ясно, что «с самого начала в операции вступят главные силы противостоящих друг другу противников».

С другой стороны, Наркомат обороны и Генштаб считали, что «главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений».

С одной стороны, «военная теория тех лет была на уровне времени».

С другой стороны, на исходе второго года Второй мировой войны советским стратегам весной 1941 года были непонятны простейшие вещи, которые генералы всех армий уяснили еще в августе 1914 года, в первый месяц Первой мировой войны: не терять возможность, бей насмерть, а то проиграешь!

Допустим, что какие-то злодеи вырезали из мемуаров Жукова «самое-самое». Пусть так. Но разве кто-то заставлял Жукова писать на одной странице одно, а через 9 страниц — прямо противоположное? Разве кто-нибудь требовал от Жукова опровергать самого себя?

И не надо заявлять, что мракобесы после смерти великого эти глупости в его «самую правдивую книгу» вписали. Все это опубликовано в первом издании при живом Жукове.

3

Во втором издании «Размышлений» исчезла ключевая фраза: *«Принималось как должное, что с самого начала в операции вступят главные силы противостоящих друг другу противников со всеми вытекающими отсюда стратегическими и оперативными особенностями»*. Смысл был изменен на противоположный. Оказывается, будущие стратеги изучали совсем иные сценарии: «Бывая в Академии Генерального штаба, которая находилась в моем ведении, я лишний раз мог убедиться в том, что накануне войны на военных кафедрах слушателям преподносилась современная военная теория, в значительной степени учитывавшая опыт начавшейся второй мировой войны. *Подчеркивалась непримиримость, ожесточенность вооруженной борьбы, возможность ее длительного характера и необходимость мобилизации усилий всего народа*» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1975. Т. 1. С. 230). (Новое предложение выделено мной. — В.С.)

Из этого текста выпала мысль о том, что войны в нынешнюю эпоху не объявляются, что агрессор стремится иметь на своей стороне все преимущества внезапного нападения, и про то, что с самого начала в операции вступят главные силы. Вместо этого, оказывается, слушателям академий прививали мысль о возможности длительной войны.

Это вранье. Каждый читатель сам в любом издании мемуаров Жукова может найти опровержения. Причем во множестве. Жу-

ков сам рассказывает неоднократно, что война не предполагалась длительной. В конце декабря 1940 года Сталин собрал совещание высшего командного состава Красной Армии. Некоторые материалы совещания были рассекречены через полвека. Некоторые будут рассекречены еще через полвека. А часть из них не будет рассекречена никогда, ибо уничтожена еще в октябре 1941 года.

Но и того, что рассекречено, вполне достаточно для ясного понимания настроений, царивших в высших эшелонах командного состава Красной Армии.

Генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов, например, считал, что для разгрома Германии потребуется 15—17 дней. Никто, включая и Жукова, с Павловым не спорил. Так о какой раскачке речь, если через две с половиной недели стремительных танковых бросков предполагалось выйти в долину Рейна?

Кстати, товарищ Сталин не только был с этим полностью согласен, но и всецело такие взгляды поддерживал. Через месяц после совещания Павлов получил от Сталина пятую звезду в петлицы. В Красной Армии в тот момент было пять Маршалов Советского Союза и три генерала армии. Присвоив Апанасенко и Павлову звание генералов армии, Сталин тем самым уравнивал их в воинском звании с Жуковым и ввел в десятку высших военных руководителей Красной Армии. Такое могло случиться только в случае, если Сталин полностью разделял и одобрял настроение Павлова на решительный и быстрый разгром Германии в быстротечной сокрушительной войне.

И все так считали: «Только в одном, пожалуй, все были единодушны: если грянет война, то она будет короткой и завершится полным разгромом врага. Так уж мы были воспитаны» (Генерал армии М.И. Казаков. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 6).

Генерал-лейтенант авиации Л.В. Жолудев говорит о «естественной для каждого советского воина и патриота уверенности в быстрой и решительной победе над врагом». В числе миллионов советских солдат и офицеров, которых в середине июня 1941 года тайно везли на войну, Жолудев услышал о ее начале, находясь в вагоне: «Следует поторопиться, чтобы успеть принять участие хотя бы в завершающих сражениях по разгрому врага» (Стальная эскадрилья. М., 1972. С. 45).

Таких заявлений каждый может найти сколько угодно. Но нигде никто не сможет найти следов подготовки к длительной войне. Ни газеты, ни радио, ни сам Сталин ни в открытых речах,

ни на совершенно секретных совещаниях не говорили о длительной войне. Это придумал Жуков после войны. Или те, кто писал за него книгу.

4

Обратимся к истории вопроса.

В Первой мировой войне все основные воюющие государства упустили совершенно бесценные шансы на блистательную победу, на быстрый, полный и сокрушительный разгром врага. Война была объявлена, но ни у одной страны не было отобилизованной армии. На границах столкнулись передовые и прикрывающие части. А главные силы не готовы!

Для германской армии дорога на Париж была открыта. Крепости она могла обойти стороной, а мелкие заслоны смести не заметив. Германская армия могла дойти до Парижа и в первые недели войны, если не в первые дни, его взять. Проблема заключалась только в том, что германская армия не была отобилизована.

Мобилизацию провели в рекордно короткий срок.

Но все же это — 17 дней... А в эти дни французы тоже не спали. Они также провели мобилизацию. И вот германская армия готова, но ситуация уже не та. Ситуация кардинально изменилась. Момент упущен.

И у русских был столь же великолепный шанс, и у австрийцев, и у французов. У всех были возможности, и все не сумели ими воспользоваться.

Первая мировая война — это короткий период маневренных действий, после которого все армии европейских стран были остановлены обоюдным огнем. Армии зарылись в землю, да так четыре года в норах и просидели, нагоняя друг на друга облака ядовитых газов, истребляя друг друга яростными, но бесполезными штыковыми атаками, лавиной артиллерийского огня. Первая мировая война — тупик.

Уже осенью 1914 года генералы всех армий сокрушались: ах, если бы у меня в первый день войны было под рукой больше войск, так я бы... Эх!

Первый урок Первой мировой войны был усвоен многими: не упустить момент! Никогда впредь не допустить раскочки на

начальном этапе войны! Надо сделать так, чтобы в первый день будущей войны в руках стратега была бы если не вся отмобилизованная армия (это недостижимый идеал), то по крайней мере достаточные силы для гарантированного захвата стратегической инициативы.

5

Начиная с 1920-х годов печальный опыт начального периода Первой мировой войны был внимательно изучен руководством Красной Армии. Советские теоретики и практики стратегии уделяли первостепенное значение именно самым первым дням и часам грядущей войны. Уж в следующий раз мы момент не упустим!

Бывший полковник Генерального штаба Русской армии Борис Михайлович Шапошников в конце 20-х годов выпустил книгу «Мозг армии». Главная идея изложена в третьей части: не допустить раскачки! Не потерять зря самые судьбоносные, самые первые мгновения войны! Мобилизацию разделить на две части. Первую, тайную часть проводить до войны. Все, что есть лучшего в стране, еще до начала боевых действий тайно, прикрываясь учениями и мелкими пограничными конфликтами, призвать в армию, сосредоточить у границ и в самое первое мгновение большой войны нанести противнику удар такой силы, который решит или по меньшей мере предрешит исход всей кампании. Развернутая перед войной кадровая армия должна ворваться на территорию противника, и эти действия будут прикрытием всеобщей мобилизации. Теперь можно будет призывать миллионы и по мере готовности вводить в сражения новые дивизии, корпуса и армии...

Весь пафос заключительной части «Мозга армии» — тайно отмобилизовать армию и внезапно ввести в действие ее всеограшающую мощь. Шапошников восстал против любых попыток терять бесценные секунды в начальном периоде.

Книгу Шапошникова по достоинству оценил Сталин. Он полностью разделял взгляды Шапошникова. И это подтверждается всем развитием Красной Армии, особенно начиная с августа 1939 года. Сталин поднял Шапошникова на самые вершины военной власти, назначив его начальником Генерального штаба и присвоив ему звание Маршала Советского Союза. (После Зим-

ней войны в Финляндии Сталин понизил Шапошникова до заместителя наркома обороны по УР, но уже в июле 1941 года вернул на должность начальника Генерального штаба.)

Шапошников возвышался даже и над остальными маршалами. Сталин сделал Шапошникова как бы своим личным советником по вопросам войны. И официально, и в частной обстановке Сталин выделял Шапошникова и оказывал ему знаки особого уважения.

Идеи Шапошникова разделяли все советские военные теоретики и практики. Подчеркиваю: ВСЕ. В Первой мировой войне воюющими сторонами стратегические возможности были упущены настолько бездарно, ошибки стратегов были до такой степени очевидны, что спорить с идеями Шапошникова было невозможно и глупо.

Триандафиллов, Иссерсон, Красильников, Меликов, Лапчинский, Шиловский, Венцов и многие другие советские теоретики войны проповедовали те же самые идеи, уточняя и дополняя друг друга.

Эти идеи открыто публиковала коммунистическая печать: «Особое значение при завязке войны придается стратегической внезапности, инициативе в открытии военных действий, дающей огромные оперативные выгоды для нападающего... Завязка войны мыслится как внезапное нападение тяжелой бомбардировочной авиации с воздуха на жизненно важные центры страны, соединенные с глубоким вторжением крупных мотомеханизированных или конных масс, поддержанных действиями легкой боевой авиации. Удары будущей войны с первых же часов ее должны распространиться почти на всю территорию враждебной страны» («Правда», 20 мая 1932 г.).

Иногда такие заявления маскировались фиговыми листочками, мол, так готовятся действовать наши коварные враги. Однако даже в этом коротком отрывке проскальзывают моменты, которые указывают на то, что речь идет все же не о лукавых врагах, а о честных и чистых намерениях Красной Армии.

Прочитаем цитату еще раз. О ком тут речь? Во-первых, после Первой мировой войны ни у кого в Европе не было крупных конных масс. Исключение в 1930-х годах: Польша и Советский Союз. Но Польша отпадает, так как весь остальной текст с Польшей никак не увязать. В Польше, например, не было тяжелой бом-

бардировочной авиации. Следовательно, так действовать могла только Красная Армия.

Во-вторых, речь идет о том, чтобы с первых же часов войны удары распространить «почти на всю территорию враждебной страны». При всей мощи и коварстве противника он никак не мог распространить свои удары на весь Советский Союз. А Советский Союз мог.

Впрочем, гораздо чаще подобные трактаты публиковались без всяких фиговых листочков: «Наша оборона — это наступление. Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны... Советскую границу врагу перейти не удастся... Наша Красная Армия опередит его... Мы не будем ждать его удара, а сами со всей силой нашего могущества первыми нанесем врагу сокрушительный удар» («Красная звезда», 17 ноября 1938 г.).

И в книгах — о том же, и в кино. Вот «красный граф» Алексей Толстой пишет любимую Сталиным повесть «Союз пяти»: «...Закон истории — это закон войны. Тот, кто не наступает, нанося смертельные удары, тот погибает. Тот, кто ждет, когда на него нападут, погибает. Тот, кто не опережает противника в обширности военного замысла, погибает... Даже детям известно, что вслед за войной тащится революция...»

За такие повести товарищ Сталин удостоил «красного графа» высшей чести — быть персональным сталинским биографом.

Таковыми заявлениями были переполнены советские газеты. Только такие лозунги кричали с каждой трибуны.

Так это пропаганда...

Может быть, в открытой печати говорилось одно, а в секретных документах другое? Никак нет. И в секретных то же самое. И в совершенно секретных. С 1918 года до самого 1941-го. И в военных академиях преподавали именно это. И только это. И в советских штабах отработывали только такие планы.

Еще 20 апреля 1932 года Реввоенсовет СССР, заслушав доклад начальника Штаба РККА А.И. Егорова, будущего Маршала Советского Союза, постановил, что прикрытие мобилизации будет осуществляться методом вторжения на территорию противника. Главная идея доклада: не дать противнику возможности отмобилизовать свою армию, бить его тогда, когда он еще не изготовился воевать, т.е. нападать первыми.

А вот официальная «Инструкция по глубокому бою», изданная в 1935 году: «Внезапность заключается в выборе времени, приемов и способов боевых действий, которые позволяют нанести удар тогда, когда противник меньше всего подготовлен к его отражению, и тем самым парализовать его волю к организованному сопротивлению. Внезапность достигается: упреждением противника в нанесении удара...»

В 1940 году вышла книга комбрига Г.С. Иссерсона «Новые формы борьбы». Центральная идея книги: «Нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону. Иными словами, вступление в войну должно приобрести характер оглушительного подавляющего удара».

В том же году в конце декабря состоялось совещание высшего командного состава Красной Армии, на котором говорили только о внезапном всесокрушающем наступлении. Например, начальник штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенант П.С. Кленов, который выступал первым после Жукова, говорил не о простых наступательных операциях, но об операциях *особого рода*: «Это будут операции начального периода, когда армии противника не закончили еще сосредоточение и не готовы для развертывания. Это операции вторжения для решения целого ряда особых задач... Это воздействие крупными авиационными и, может быть, механизированными силами, пока противник не подготовился к решительным действиям... Механизированные части придется использовать самостоятельно, даже несмотря на наличие крупных инженерных сооружений, и они будут решать задачи вторжения на территорию противника» (Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940. С. 153—154).

Начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов выступил с докладом «Военно-Воздушные Силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе». Основная идея: «Лучшим способом поражения авиации на земле является одновременный удар по большому количеству аэродромов возможного базирования авиации противника» (Там же. С. 177).

В то же время состоялось совершенно секретное совещание командного состава флота. Выступает первый заместитель нар-

кома ВМФ адмирал И.С. Исаков. В нашей истории только три человека получили звание «Адмирал Флота Советского Союза». Исаков один из троих, кому такое звание было суждено получить чуть позже. Его кредо: «Побеждает тот, кто упреждает... бить противника, стараясь упредить... не считая себя связанным старыми доктринами и договорами» (ЦВМА. Фонд 1. Дело 40243. Лист 44). Это, кстати, и к вопросу о том, как товарищ Сталин, его маршалы, генералы и адмиралы собирались дальше блюсти пакт о ненападении с Германией.

Об этом же говорил и сам Сталин. В апреле 1940 года он в ЦК ВКП(б) собрал высший командный состав и объявил: должна быть внезапность! Эти слова не для пропаганды. Это не для вражеских ушей. Это в своем кругу, в обстановке чрезвычайной секретности. Материалы этого совещания были рассекречены только через 59 лет, и то только потому, что Советский Союз прогнил и рассыпался.

6

Все, что говорили на совершенно секретных совещаниях наши вожди, генералы, адмиралы и маршалы, я уже читал в детстве у своего любимого писателя А. Толстого. Только у «красного графа» слова о внезапном нападении произносили нехорошие люди, которые хотели захватить власть над всем миром, а на секретных совещаниях эти же слова произносили наши хорошие советские люди, которые хотели захватить власть над всем миром.

В «Правде» откровения о внезапном нападении, о начале войны без ее официального объявления были как бы абстрактными, относились ко всем странам мира, мол, во всем мире так принято. А вот в секретных документах это относилось исключительно к действиям Красной Армии: возможность внезапного нападения на нас исключается, зато наше внезапное нападение на противника считалось единственно возможным вариантом начала скорой и неизбежной войны.

Некоторые историки все еще ждут, когда перед ними откроют двери архивов. А я советую не ждать того светлого дня. В журнале «Война и революция», который выпускался с начала 20-х годов XX века, вполне достаточно материалов для полного по-

нимания причин войны, ее хода и исхода. Ведь у нас, как у Гитлера: все, что содержалось в секретных директивах 1941 года, предварительно кричалось звонкими голосами с каждого фонаря и с каждой крыши, писалось на каждом заборе, печаталось открыто, размножалось миллионными тиражами и бросалось в толпу с пролетавших аэропланов...

И вот бывший заместитель главы КГБ генерал армии Ф. Бобков объявил: все, что готовилось в Советском Союзе, делалось на всякий случай! «Любой Генштаб может и должен разрабатывать самые разные варианты боевых действий...» («Красная звезда», 10 марта 2005 г.).

Такое заявление, гражданин начальник, было бы весьма убедительным. При условии...

Если бы в Советском Союзе были эти самые «разные варианты». Например, если был бы разработан план обороны страны. Если бы в ночь на 22 июня 1941 года он был бы введен в действие. Если бы 22 июня Красная Армия встретила противника примерно так, как встретила германское наступление на Курской дуге двумя годами позже.

Только тогда, гражданин начальник, можно было бы сказать: были разработаны планы отражения агрессии, а кроме них, на всякий случай были еще и «самые разные варианты боевых действий».

Но в Советском Союзе никакого разнообразия не наблюдалось. На всякий случай был разработан только детальный план сокрушения Европы. А никаких других планов обнаружить пока никому не удалось.

А теперь, гражданин генерал, перелистайте мемуары Жукова, все 13 изданий, и попытайтесь найти упоминание о том, что 22 июня 1941 года Жуков требовал от Сталина разрешения на введение в действие плана войны.

Нет этого. Ройтесь, не найдете!

Попытайтесь найти упоминание о том, что Жуков отдал приказ командирам всех степеней вскрыть «красные пакеты».

И этого нет.

Нечего было вводить в действие. В командирских сейфах «самых разных вариантов боевых действий» не оказалось. Жуков об этом знал, потому и не требовал от Сталина разрешения на введение в действие заранее разработанных планов.

Жуков объявил о том, что все высшие военные руководители Красной Армии (кроме него самого) были идиотами. После двух лет Второй мировой войны они не сумели учесть даже опыт начального периода Первой мировой войны. Это щедрый подарок высоколобым забугорным сочинителям. Они это оценили по достоинству и написали на обложках жуковского шедевра: «Величайший документ эпохи!»

Из жуковского творения следует, что русские болваны и в 1941 году не поняли того, что стало всем понятно еще в августе 1914 года. Это откровение Жукова западные борзописцы повторяют с чувством глубокого удовлетворения. Они смакуют: вот видите, какие глупенькие у Сталина были стратеги. Понятно, никакого вторжения они не планировали! Куда им при такой отсталости! Ни на что они не способны! Какое вторжение, если Красная Армия держалась устаревших взглядов, точно как слепой за стенку цепляется!

И платные друзья за рубежом подвывают: если сам Жуков заявляет, что русские ни на что не способны, значит, так оно и было. Их глупенькие стратеги думали, что война против Германии начнется по той же схеме, что и Первая мировая война. Они находились в плену устаревших концепций, взглядов и воззрений.

Над нами смеется весь мир. В 1914 году время было потеряно не потому, что генералы были глупыми. Просто у них не было под рукой достаточно войск. Но ведь в 1941 году все обстояло иначе. Армия Германии была полностью отобилизована, и ее тылы были развернуты. Об этом советский Генеральный штаб знал. Это знание подтверждается документами. Неужели, удивляется западный читатель, эти русские дурачки думали, что полностью отобилизованная и развернутая германская армия будет наносить удар сначала мизинцем, потом указательным пальчиком, потом ладонью по щеке?

Но ведь и Красная Армия 41-го года тоже представляла собой определенную силу.

Самое лучшее исследование о Русской армии в Первой мировой войне, на мой взгляд, сделал генерал Н.Н. Головин в книге «Военные усилия России в мировой войне» (Париж, 1939). Так вот, осенью 1914 года численность Русской армии после завершения мобилизации была доведена до 4,7 миллиона солдат и офицеров.

А Сталин, имея фактически такую же численность населения, как и царь Николай, 21 июня 1941 года, ДО начала официальной мобилизации, держал под ружьем 5,7 миллиона бойцов и командиров («Красная звезда», 20 июня 2000 г.).

Это официально. И не считая войск НКВД и НКГБ. На самом деле солдат в сталинской армии было больше.

Гигантские массы советских войск были максимально придвинуты к границам. Мы это уже видели на примере Бреста. Каждый сам может набрать таких примеров в достатке.

И вот читают иностранцы Жукова. Удивляются: до чего же наивны эти русские! У них в том же Бресте три дивизии, включая танковую. Неужто они думали, что в начале войны по 10—15 человек от каждой дивизии будут воевать, а остальные будут загорать на солнышке?

Но именно так нас изображает Жуков.

В августе 1914 года военная авиация никакой практической роли не играла. А во Второй мировой войне она играла решающую роль: кто господствует в воздухе, тот господствует на земле. За первые два года Второй мировой войны Германия нанесла поражение Польше, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Франции, Греции, Югославии, британским войскам на континенте. И везде повторялся один и тот же сценарий: внезапный удар по аэродромам.

А Жуков нам рисует картину: в Наркомате обороны и в Генеральном штабе сидели олухи, которые думали, что сначала прилетит один немецкий самолет, отбомбится, улетит. Потом — два. На следующий день — пять. И только через несколько дней вступят в действие главные силы авиации.

Сам, как обычно, Жуков остается в стороне. Он лично о своем видении начала войны не рассказывает. А вот окружающие Жукова маршалы и генералы, если верить его вымыслам, именно так себе начало войны и представляли.

Прикормленным зарубежным подпевалам весьма приятно любоваться собой на фоне нашей дури. Особенно им радостно, что в стратегической недоразвитости Красной Армии признается самый что ни на есть Величайший Стратег всех времен и народов.

Глава 5

ПРО ПЕРСОНАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

За стратегическое планирование, организацию управления войсками отвечает прежде всего Генеральный штаб, его начальник, но об этом сейчас вспоминать не любят. Теперь, конечно, легко все свалить на Сталина, Тимошенко и Буденного с Ворошиловым.

*Адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов
(цит. по: «Красная звезда», 24 июля 2004 г.)*

1

Внимание следует обратить вот на что.

Жуков рассказал, что в Красной Армии проблема начального периода войны была понята правильно. При этом подчеркнул, что сам лично верно понимал вопрос и персонально удостоверился, что не только генералы и офицеры Генерального штаба все правильно понимают, но и грядущее поколение стратегов тоже на правильном пути. Жуков лично бывал в Академии Генерального штаба, у него была возможность лишний раз убедиться, что и там все обстоит лучшим образом. Профессора и преподаватели — на высоте, они учат будущее поколение офицеров и генералов Генерального штаба с учетом самого последнего опыта разгоревшейся Второй мировой войны.

Через несколько страниц Жуков сменил свое мнение на противоположное. Он рассказал о вопиющем непонимании нашими стратегами той же проблемы. И речь не о преподавателях и слушателях академий — высшие военные руководители в Наркомате обороны и в Генеральном штабе, те, кто перерабатывал планы войны, не уяснили простейших основ. Они не усвоили самых элементарных вещей.

Жуков продемонстрировал всему миру жуткую неразвитость советской военной науки и военного искусства: «При переработке оперативных планов весной 1941 года не были практически полностью учтены...» Какие-то неизвестные типы без имен, званий и рангов весной 1941 года перерабатывали планы Генерального штаба... Эти бестелесные недоумки не учли самого главного... Они считали, что война начнется с взаимных оскорблений, потом сойдутся в чистом поле басурманский богатырь с нашим Пересветом, потом — десять на десять, сто на сто, ну а уж после этого, через пару недель, а то и через один-другой месяц в сражения постепенно втянутся главные силы.

«Наркомат обороны и Генштаб считали...»

Да не интересуется нас, что считали неодушевленный наркомат со столь же неодушевленным Генштабом. Кто конкретно те планы перерабатывал? Подробности давай!

Но нет в тексте Жукова определенности. Планы перерабатывались весной 1941 года. В этот момент начальником Генерального штаба был Жуков. Вот бы и признаться: я ничего не понимал, не учел, я не смекнул, не додумался, не сообразил. Но нет этого. Кто-то виноват, только не начальник Генерального штаба, главная обязанность которого — разработка планов войны.

2

В Генеральном штабе тысячи людей. И ровно столько же мнений и суждений. Даже больше. Ибо один человек может иметь разные мнения на один вопрос. Мнения эти обсуждаются, уточняются, выкристаллизовываются в некие идеи, планы и замыслы. Начальник Генерального штаба заслушивает советы и мнения своих подчиненных — начальников управлений, направле-

ний и отделов. Одни советы и мнения отмечает и отвергает, другие принимает частично или полностью.

Но начальник Генерального штаба не может и не должен отстраняться от мнения Генерального штаба. Нет у него права говорить: вот они там, в Генштабе, ничего не понимали.

Не может Генштаб считать так, а начальник Генштаба — иначе. Если такое случилось, то начальник Генерального штаба либо должен согласиться и признать превосходство коллективной мудрости Мозга Армии, либо обязан навязать ему свою волю, выявить носителей ошибочных мнений и тенденций, разгромить их теоретически и изгнать из высоких кабинетов, чтобы не мешали работать.

Или ты руководишь коллективом, направляешь его работу и полностью отвечаешь за результаты, или уходи с этой работы, не занимая чужое место.

Давайте мысленно уменьшим ситуацию в тысячу раз. Вот молодой лейтенант готовит к бою свой взводик. Тут могут быть две ситуации:

- он оценил обстановку, принял решение и отдал приказ, в соответствии с этим приказом взвод и воюет;
- или третьи войной сержанты подсказали зелененькому, что нельзя воевать так, как его в училище учили, — взвод погубишь, задачу не выполнишь, под трибунал пойдешь... если из боя живым вернешься.

Лейтенанту выбор:

- или он гнет свою линию;
- или, подумав головой, соглашается с более опытными своими подчиненными.

Он не отдает в их руки бразды. Ни в коем случае. Он просто выслушал их мнение, его оценил, с ним согласился, а теперь командует вверенным ему подразделением от своего имени. И ничего тут нет зазорного. Да только так и действовать надлежит: не высказывать своего мнения до тех пор, пока подчиненных не заслушал. А заслушав, взвесив и оценив советы подчиненных, объявить: а ведь мы с вами зеркально мыслим, именно это я и хотел предложить.

Но не может быть такого положения, чтобы глупый взвод воевал по своим планам, а мудрый лейтенант — по своим. А пос-

ле разгрома еще бы над своими сержантами и посмеялся: вот какие дурачки попались.

А ведь именно так описывает ситуацию начальник Генерального штаба Г.К. Жуков: какие-то остолопы, которыми он руководил, не понимали сути войны и составили не такие планы...

Глупейший Генштаб без руля и ветрил творил idiotские планы, а мудрейший начальник Генштаба гулял сам по себе, да еще над дурачками и посмеивался, никак их никчемное копошение не одобряя и в оное не вмешиваясь.

Теперь перейдем на другой уровень. Представим, что главный конструктор бомбардировщиков, например Туполев Андрей Николаевич, после катастрофы публично объявил бы: я-то все понимал, но в моем конструкторском бюро завелись какие-то типы с неустановленными фамилиями, они ни черта не понимают ни в аэродинамике, ни в двигателях, ни в системах управления, вот и наворотили черт знает что — в том причина.

Вопрос: а ты куда смотрел?

Понятно, Андрей Николаевич Туполев никогда до подобного не унизился, до такой глупости не дошел. Самолет его, и он лично отвечает за все падения и взлеты. Слава и позор, великие почести и великая хула — на нем.

А у Жукова — пожалуйста: кто-то в Генеральном штабе не такие планы составил.

3

К разработке самых главных планов из тысяч офицеров Генерального штаба допускают только несколько человек. В 1941 году важнейшие документы Генерального штаба писали от руки генерал-майоры А.Ф. Анисов и А.М. Василевский. Ни машинисток, ни стенографисток, ни чертежников, ни шифровальщиков даже близко не было.

К этим планам кроме двух исполнителей были допущены генерал-лейтенант Г.К. Маландин — начальник Оперативного управления Генерального штаба, генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин — первый заместитель начальника Генерального штаба и сам Жуков как начальник Генерального штаба. Вот и все. Велико-

лепная пятерка. Как пальцев на одной руке. Вся работа — под личным руководством Жукова. Он — Главный конструктор.

Ватутина и Маландина Жуков сам привел за собой в Генеральный штаб, а Василевского и Анисова мог в любой момент заменить другими генералами или полковниками, теми, кто, по его мнению, мог с поставленной задачей справиться.

В наиболее ответственных случаях при разработке самых важных стратегических планов из цепочки подчиненности выпадали генерал-лейтенанты Ватутин и Маландин. Круг посвященных сужался до двух человек. Исполнитель Анисов — руководитель Жуков. Исполнитель Василевский — руководитель Жуков.

И если исполнители ни черта не понимали, отчего гениальный руководитель не заменил их на понимающих? Хотя бы из числа преподавателей или даже слушателей Академии Генерального штаба, где, по утверждению Жукова, царила абсолютная ясность в вопросах характера начального периода будущей войны.

А Василевского с Анисовым, если они не понимали сути современной войны, следовало решительно послать к определенной альма-матери.

Ума набираться.

4

Когда речь о победах, то у Жукова две персоны все планы сотворяют.

Он сам.

И Василевский.

Стоят над картой, обсуждают. Но чаще он все сам делал, даже без Василевского. Бросит взгляд на карту, предвосхитит коварные замыслы супостатов и выдаст готовый план. И никакие тысячи генералов и офицеров в том деле участия не принимали. Никакие отделы, направления и управления.

А в первой половине 1941 года — иначе: Наркомат обороны и Генштаб ошибочно считали...

Теперь еще раз вспомним рассказы Жукова о стратегических играх на картах в январе 1941 года. Жуков, по его рассказам, яко-

бы воевал за немцев и нанес главные удары без всякой раскачки. На восьмой день операции Жуков на картах, предвосхитив замыслы Гитлера и его генералов, якобы сокрушил несколько армий Первого стратегического эшелона Красной Армии и вышел к Барацовичам в тыл Западного фронта. Если бы руководство стратегической игрой искусственно не замедляло темп его неудержимого движения, так Жуков разгромил бы Западный фронт еще быстрее.

Поверим рассказу: Великий Стратег совершенно ясно предвидел, что в первые часы и минуты войны немцы введут в сражение главные силы. И вот Сталин, восхищенный жуковским талантом, ставит его на пост начальника Генерального штаба с задачей готовить планы отражения агрессии, которую Жуков предугадал во всех деталях. Из этого рассказа неминуемо следует, что Жуков не только сам все правильно понимал, но сумел и Сталина убедить: никакой раскачки в начале войны не будет, немцы в несколько дней сомнут Западный фронт.

И вот вам ситуация:

- Жуков (если ему верить) ясно понимал, что германская армия будет наносить главный удар сразу всей своей мощью без всякой увертюры;
- Жуков совершенно точно определил направление главного удара немцев;
- в союзниках и покровителях у Жукова был сам Сталин;
- в начальниках у него старый боевой товарищ маршал Тимошенко, с которым не было разногласий;
- помощники у него те, кого выбрал сам;
- посторонние лица, пусть даже и в званиях Маршалов Советского Союза и в должностях заместителей наркома обороны, к разработке планов войны допущены не были, т.е. плодотворной работе Великого Стратега мешать не могли.

И после всего этого планов обороны страны в Генеральном штабе не оказалось. Никаких. И в нижестоящих штабах тоже.

А виноваты в этом какие-то неназванные типы, которые тупо канонизировали опыт Первой мировой войны, которые ждали вялых действий немцев в начальном периоде войны, которые поддержкой Сталина не пользовались, к разработке планов войны допущены не были.

Подлость жуковских мемуаров с годами матерееет.

Простите, но я вынужден еще раз повторить то, что было в их первом издании:

«При переработке оперативных планов весной 1941 года не были практически полностью учтены новые способы ведения войны в начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными государствами, как Германия и Советский Союз, может начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 224).

А вот что стало во втором и последующих. Читайте внимательно:

«При переработке оперативных планов весной 1941 года не были практически полностью учтены новые способы ведения войны в начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными государствами, как Германия и Советский Союз, может начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1975. Т. 1. С. 319).

Сравните! Вы почувствовали разницу?! Вы ее оценили?!

Дьявол в мелочах! Обращайте внимание на мелочи! Следите за руками! Не упустите дьявола! Текст второго куска кардинально переработан! Из него вырвали две буквы!

Было: Наркомат обороны, т.е. многотысячная структура.

Стало: нарком обороны, т.е. один человек.

Если бы у Жукова было хотя бы отдаленное понятие о чести, то написал бы: признаюсь, я ничего в стратегии не понимал, потому при переработке планов весной 1941 года наколбасил.

Но честность в реестре жуковских добродетелей не значилась, потому в первом издании вина за полное отсутствие планов была по-братски разделена между двумя структурами. В число виновников попали два огромных коллектива — Наркомат обороны и Генеральный штаб. Без указаний на личности. Без персональной раздачи слонов.

Но уже во втором издании виноватыми оказались:

— во всем Наркомате обороны виноват только один конкретный человек — нарком обороны, т.е. Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко;

— а в Генеральном штабе конкретных виновников не нашлось, виноваты все.

В Наркомате обороны у маршала Тимошенко ответственность персональная и личная, а в Генеральном штабе у генерала армии Жукова — коллективная и безличная.

В этом раскладе места для себя Гениальный Стратег не оставил.

6

Отсутствие планов обороны государства — не упущение и не просчет. Это особо тяжкое государственное преступление. Это измена своей армии, своему народу, Родине, воинскому долгу и присяге. Это предательство.

И вот Великий Стратег тычет в своего командира, в своего боевого товарища: это нарком обороны лично во всем виноват! С него персональный спрос! А у меня в Генеральном штабе ответственность несут все, включая чертежников, шифровальщиков, машинисток, охранников, кочегаров и уборщиц.

Подлость в том, что у наркома обороны колоссальный круг ответственности: от портянок в дивизиях на Дальнем Востоке до разработки и принятия на вооружение новейших образцов вооружения, от дисциплины офицерского состава в сибирских гарнизонах до заказа промышленности нового ассортимента боеприпасов, от политического воспитания высшего командного состава до разработки нового строевого устава, от состояния конского состава горнокавалерийских дивизий до обеспечения квартирами военных пенсионеров, от финансового отчета за прошлый квартал до перспективных планов развития вооруженных сил.

За планы войны он тоже отвечает. Но это одна его обязанность из множества.

А начальник Генерального штаба в первую очередь отвечает именно за них, за планы. Он их готовит для наркома обороны. И если нарком обороны виноват, то пусть о себе пишет сам. А начальник Генерального штаба пусть отвечает за себя.

* * *

Если бы Жуков был честным человеком, то он как начальник Генерального штаба должен принять на себя лично вину за отсутствие планов обороны страны, следовательно, и вину за разгром Красной Армии летом 1941 года и поражение Советского Союза во Второй мировой войне.

Если бы Жуков был мелким подлецом третьей степени, то он бы разделил ответственность: виноваты я и нарком обороны...

Если бы Жуков был подлецом второй степени, то наркома обороны он бы двинул впереди себя: не я и он виноваты, а он и в какой-то степени я.

Если бы Жуков был подлецом первой степени, то (как в первом издании своих мемуаров) увернулся бы от персональной ответственности и спрятался за огромные коллективы Наркомата обороны и Генерального штаба: они, глупенькие, ничего не понимали...

Но начиная со второго издания сквозь страницы сочатся заповедная наглость и подлость Жукова. В Наркомате обороны он не признает никакой коллективной ответственности. Виноват один конкретный человек — маршал Тимошенко. А в Генеральном штабе виноват кто-то расплывчатый, у которого нет ни имени, ни звания и ничего общего с Величайшим Полководцем всех времен и народов.

За отсутствие планов войны виноваты все.

Кроме главного планировщика.

Глава 6

СОЦИАЛИЗМ В ОДНОЙ СТРАНЕ?

СССР живет в капиталистическом окружении. Столкновение между миром социализма и капитализма неизбежно... Ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма...

В этих условиях ленинский лозунг «на чужой земле защищать свою землю» может в любой момент обратиться в практические действия.

*Директива Главного управления политической пропаганды
Красной Армии 15 мая 1941 г.
(РЦХИДНИ. Фонд 88. Опись 1. Дело 898. Лист 21)*

Мир социализма разбросал свои метастазы по всему свету, одарив СССР десятилетиями выматывающего «донорства». Последние тридцать лет советской власти — это, в сущности, классическое воплощение политики «мороженого дерьма» — поддержки и консервации нежизнеспособной системы за счет чудовищного разбазаривания национального достояния России.

«Литературная газета», 20 ноября 1996 г.

1

При капитализме человек эксплуатирует человека.
А при социализме — наоборот.

Тысячи лет люди мечтали о равенстве, братстве и счастье. Но попытки осуществить эти мечты почему-то всегда завершались разорением, всеобщим помешательством и одичанием, разгулом толпы, большой кровью, торжеством негодяев.

В 1917 году на поиск путей ко всеобщему счастью вступила Россия.

Проблема состоит в том, что на этом пути, как на ледяной горке, невозможно остановиться. Несет до конца. До всеобщего счастья.

Вожди социалистического переворота Ленин и Троцкий совершенно четко понимали, вполне определенно и категорически заявляли, что построить счастливую жизнь в одном отдельно взятом государстве нельзя. Построение всеобщего счастья возможно только в мировом масштабе. Социалистическое государство должно либо погибнуть, либо повернуть весь мир на социалистический путь.

Логика негибкая: если рабочие и крестьяне захватили власть в одной стране, если установили у себя счастливую жизнь, то это становится примером для рабочих и крестьян всего мира. Они тоже попытаются свергнуть власть капитала в своих странах. Но буржуины ни за что не захотят расставаться со своей властью, отдавать свои дворцы и награбленные сокровища.

Ради того, чтобы предотвратить революции в собственных странах, буржуины будут вынуждены уничтожить Советскую республику — первый островок рабочего счастья в мировом океане горя и слез.

«Существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немислимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит» (В. Ленин. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 17).

И Ленин, и Троцкий видели путь спасения Советской России только в Мировой революции: если распространить социализм по всему миру, тогда у рабочих и крестьян во всем мире не будет больше врагов, никто тогда не будет покушаться на их волю, на их лучшую долю.

Вот почему и Ленин, и Троцкий предпринимали неоднократные попытки развязать революционные войны как в Европе, так и в Азии. Они создали Коминтерн — штаб Мировой революции. Они считали войну между Советской Россией и ос-

тальным миром совершенно неизбежной, они готовились к этой войне, они ее разжигали и раздували.

Некоторые вожди революции так никогда и не излечились от революционной романтики. В головах других вождей эта романтика выветрилась весьма быстро. А третьи этим недугом никогда и не страдали. Только прикидывались.

Но и перед первыми, перед вторыми и перед третьими стояла все та же проблема: социализм в одной стране долго существовать не может. И в группе стран — тоже. Его следовало каким-то образом распространить на весь мир.

Причин для этого много.

Одна из них: в нормальной стране экономикой правит жесточайшая конкуренция. Выживает только тот, кто способен производить самые лучшие товары в любых требуемых количествах по самым низким ценам. Потому любой владелец завода вынужден сворачивать только что налаженное производство очень хороших утюгов и кастрюль, штанов и подтяжек, автомобилей и тракторов, а вместо них налаживать производство товаров еще более высокого качества. Кто опоздал на день, тот вылетает в трубу. При этом любому владельцу завода и фабрики приходится бороться не только против конкурента в соседнем городе, но и против того, который что-то там внедряет на острове Хоккайдо, и против того, который что-то затевает на новом заводе в пригороде Милана.

А в социалистическом государстве вся экономика — под контролем государства, т.е. под контролем правительства, т.е. правительственных чиновников, т.е. под контролем бюрократии. Конкуренции при таком раскладе не может быть в принципе. Да она никому тут и не нужна.

Если внутри государства нет жесточайшей борьбы за постоянное обновление, за качество производимой продукции, за снижение затрат, то тогда и на международном рынке товары «Made in DDR» или «Made in USSR» восторга не вызывают. Тогда социалистическому государству приходится или торговать ресурсами, или продавать свою дрянную и устаревшую продукцию в ущерб себе.

И еще: владелец завода рискует своими деньгами, своим заводом. Одна ошибка или просто невезение (кризис мировой или бедствие стихийное, к примеру), и ты вылетаешь из бизнеса, ос-

вобождая место более умным, более хватким, более сообразительным или просто более везучим. Никто никаких объяснений не требует и их не принимает.

В социализме бюрократ своими деньгами не рискует. Все принадлежит государству, т.е. никому конкретно. За неправильное решение бюрократа могут пожурить, а могут и простить, ошибки не заметив. Или, постаравшись, не заметить. Главное — отчитаться перед начальством. Можно неправильное решение представить правильным или даже единственно возможным. Вышестоящим ведь тоже за ошибки нижестоящих отвечать. Так вот им, вышестоящим, выгодно ошибки нижестоящих не замечать. А заметив, прикрывать. Так принцип управления и трактовался (тут я не стал вписывать нехорошее слово, означающее процесс очковтирательства): снизу доверху...

Если мы производим товары, которые никак по качеству не дотягивают до мировых стандартов, да еще и продаем их по бросовым ценам, то и своим рабочим не можем обеспечить высокий уровень жизни. И тогда рабочий класс социалистического государства начинает обращать внимание на то, как живут несчастные угнетенные пролетарии в гниющем капитализме. Весьма скоро они с удивлением обнаруживают странные вещи и начинают задавать неуместные вопросы...

Что делать бедному деревенскому ремесленнику, если он может производить только дорогую дрянь, но не способен подняться до уровня соседа, который делает хорошо, быстро и дешево?

Тут два выхода.

Первый: объявить себя банкротом и попытаться освоить новую профессию, ну хотя бы свинопаса.

Второй: каким-то образом навредить соседу, чтобы и его продукция стала такой же дрянной и дорогой. В крайнем случае — поджечь мастерскую конкурента. Неплохо и его самого подстеречь в дубраве да и рубануть тихонько топориком.

Что делать мудрейшим вождям великого государства, которые создали нежизнеспособную экономическую систему социализма? Что делать, если их экономика не выдерживает конкуренции с развитыми странами, если она не способна обеспечить населению приемлемый уровень жизни?

У вождей два выхода.

Первый: признать свой путь ошибочным, себя объявить банкротами. И записаться в свинопасы.

Второй путь...

Проблема только в том, что в конкурентах — весь мир.

2

Есть девочки по вызову.

Есть мальчики по вызову.

И есть академики по вызову. Академики легкого поведения. Промышляют в районе Александровского сада и Лубянской площади. Это одна из мастей кремлевской obsługi.

Так вот, академики по вызову дружно соглашаются с тем, что Ленин и Троцкий были фанатиками Мировой революции. Не только теоретиками, но и практиками.

Это так, добавляют они, однако уже в начале 20-х годов власть в Советской России захватил Сталин. Он сосредоточил в своих руках необъятную власть. Сталин от идеи Мировой революции отказался. Он строил социализм в одной стране... Следовательно, ни на кого нападать не собирался.

Звучит убедительно.

Для тех, кто Сталина не читал.

Но можно, и не читая Сталина, сообразить, что аргумент про социализм в одной стране страдает хромотой. Сталин действительно строил социализм в одной стране. И в начале 30-х годов он социализм построил. Этот пункт программы Сталин выполнил. Что же намеревался он делать дальше? Вот в чем вопрос.

Тут мне возражают, что в Советском Союзе не было никакого социализма. Была тотальная власть бюрократии и тайной полиции. Были концлагеря. Массовое истребление людей. Граница на замке. Орды стукачей. Голод. Нехватка всего. Пятикилометровые очереди. Разве это социализм?

Это социализм.

Настоящий.

Социализм, если товарищу Марксу следовать, — это равенство. Путь к равенству Маркс указал ясно и четко: уничтожение частной собственности.

Сталин великое дело Маркса — Ленина — Троцкого продолжил, частную собственность уничтожил. Всю собственность сделал общенародной. Он поставил ее под контроль государства, то есть под контроль государственных структур, то есть под контроль чиновников, то есть бюрократии.

А пятикилометровые очереди — прямое следствие бюрократического (т.е. социалистического) метода управления экономикой. И концлагеря — неизбежное следствие тех же причин. Куда прикажете девать тех ничтожных людишек, которые выступают против произвола бюрократов, т.е. против государственного управления экономикой, т.е. против социализма, против справедливости и равенства?

Тех перевоспитывать. Трудом. Так лагеря и назывались — исправительно-трудовые.

Кстати, Маркс не обещал народу жизнь без господства бюрократии, расстрелов, голода, холода и очередей. Читайте его труды. Ищите такие обещания. Ройтесь, не найдете! Он концлагеря обещал. И настойчиво рекомендовал.

Сталин следовал заветам Маркса и Ленина. Обеспечив счастливую жизнь народам своей страны, он смотрел вперед. Главное для него: как обретенную свободу и добытое счастье убе-речь?

Вот план Сталина: «Проект выставляет вместо лозунга Соединенных Штатов Европы лозунг федерации отпавших и отпадающих от империалистической системы советских республик развитых стран и колоний, противопоставляющих себя в своей борьбе за мировой социализм мировой капиталистической системе» (Речь на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 13 июля 1928 года).

3

Сталину мало одной только Европы. Ему нужен социализм мирового масштаба. Путь к счастью прямой: отрывать от капиталистической системы как развитые страны (не только европейские), так и колонии, ставить их на путь социализма и объединять в федерацию, которая будет вести борьбу за победу в мировом масштабе.

Тут я вынужден снова вспомнить академиков по вызову и их объяснения причин возникновения Второй мировой войны. Означенные академики отсылают нас к одной фразе в книге Гитлера, из которой следует, что ему ужасно хочется пожить на земле на Востоке.

Фраза такая в книге Гитлера действительно есть. Но спросим высоколобых: а вы Маркса, случаем, не читали? А Ленина с Троцким? А Бухарина и Фрунзе? А Склянского с Зиновьевым? С работами товарища Сталина тоже не мешает ознакомиться.

И кем был Гитлер в 20-е годы, когда сочинял «Майн кампф»? Кто его знал? Кто тогда мог поручиться, что он однажды придет к власти?

А Сталин уже к середине 20-х годов был полновластным диктатором огромной страны. Под его контролем несметные ресурсы, неисчислимы богатства, полностью военизированная страна, промышленность, ориентированная только на производство оружия, 170 миллионов рабов. Кроме того, у Сталина Коминтерн — интернациональная организация продажных негодяев и отщепенцев, готовых по приказу Кремля выступить против интересов собственных стран и народов, ведущих подрывную работу против всех стран мира.

И данное выступление Сталина — не что иное, как разъяснение своим подданным боевой программы Коминтерна и его конечной цели — установления власти над всем миром.

Согласимся: мечта о землях на Востоке — одно, весь мир — нечто другое. Иной масштаб.

О землях на Востоке, короткая срок на нарах, мечтал з/к Гитлер, не имея решительно никаких средств свои мечты превратить в жизнь.

А о главной цели коммунистов подчинить себе весь мир заявлял безраздельный диктатор Советского Союза, имея под своей властью народ, промышленность, неисчерпаемые ресурсы, армию великой страны и многотысячную подрывную агентуру во всех странах мира.

Не будем спорить о том, была ли у Сталина возможность повернуть на путь социализма Европу, Азию и весь мир. Какой прок от наших споров? Главное в том, что сам Сталин в такую возможность верил. Главное в том, что национальные интересы своей страны и ее народа он безраздельно и полностью подчинил интересам интернациональным.

О необходимости построения социализма в мировом масштабе Сталин заявлял еще в 1917 году, когда ефрейтор Гитлер ни о каких землях на Востоке и мечтать не мог. Гитлер тогда на велосипеде донесения развозил из тыла к фронту и наоборот, а Сталин был членом правительства Советской России.

Так, может быть, Сталин потом изменил свое отношение к Мировой революции?

Нет. Не изменил. До самой своей смерти он остался верен идеалам социализма.

Но нас в данный момент интересует канун Второй мировой войны. Открывайте сталинские тома, читайте его речи того периода. Сталин настойчиво повторяет во всех своих работах, выступлениях и речах главную мысль: полная победа социализма в одной стране возможна! Советский Союз — блистательный тому пример. В Советском Союзе социализм построен полностью.

Но полная победа — это еще не окончательная победа. Мы окружены врагами, которые обязательно попытаются силой оружия свергнуть наш самый прогрессивный в мире строй.

«Окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе» (И. Сталин. «Правда», 14 февраля 1938 г.).

О том, что Сталин от идей Маркса и Ленина не отступил ни на шаг, нужно судить по его делам.

Начиная с 1918 года Сталин как один из лидеров Советской России принимал самое деятельное участие в попытках установления социалистического режима в Азербайджане, Грузии, Армении, Финляндии, Германии, Польше, Венгрии, Болгарии, Румынии, Австрии, Италии, Монголии, Аргентине и других странах.

В 1924 году над гробом Ленина Сталин дал торжественную клятву расширять Советский Союз. И он слово свое держал.

Во второй половине 1930-х годов, став полноправным хозяином Советского Союза, Сталин попытался навязать социализм Испании.

В 1939 году Сталин с помощью силы во второй раз пытался повернуть на путь социализма Финляндию.

В 1940 году он повернул на этот путь Эстонию, Литву, Латвию, Молдавию, Западную Украину и Западную Белоруссию, Северную Буковину. Он требовал передать под свой контроль

Болгарию, датские проливы для выхода в Северное море, черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, базы в Персидском заливе, территории южнее Баку — Батуми, т.е. Восточную Турцию, Северный Иран и Ирак.

В августе 1941 года Сталин взял под свой контроль половину Ирана.

Гитлер нарушил планы Сталина. Но как только Сталин отбил нападение Германии, он с новой силой ринулся разворачивать «освобожденные» страны на путь социализма.

В 1944 году — Болгария.

Далее — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, Албания, Восточная Германия...

Пошли бы и дальше. Да только у американцев бомба появилась. Только этим победный марш Красной Армии и был сдержан.

Был еще «иранский Азербайджан». И опять же только наличие в арсенале США ядерной бомбы спасло миллионы людей от счастливой колхозной жизни.

Несмотря на бомбу, товарищ Сталин поставил на путь социалистического развития КИТАЙ! Это вам не фунт изюма. Тут же — Северная Корея и Северный Вьетнам.

В 1949 году был создан военный блок НАТО. Цель чисто практическая — защитить Грецию и Турцию от сталинского напора.

А Сталин устроил блокаду Западного Берлина, т.е. пытался поставить его на правильный путь.

Похоже ли все это на социализм в одной стране?

5

Убив Сталина и разоблачив его преступления, сталинские приспешники продолжали великое дело Маркса, Ленина, Троцкого, Сталина.

Фанатиком Мировой революции и покорения всего мира был маршал Жуков. До него ядерное оружие рассматривалось как оружие принуждения к миру, сдерживания или возмездия. Целью для ядерного оружия были города-заложники. Первый пример: Хиросима.

Наступление, оборона, да и вся война при таком раскладе теряли смысл: что толку от побед на фронте, если противник сотрет наши города в радиоактивную пыль?

Но вот и в Советском Союзе появилось ядерное оружие. И тут выступил Жуков: пусть враги испепелят наши города, мы все равно будем наступать! Свое ядерное оружие будем применять не только для сдерживания супостата, не только для разрушения его городов и истребления его народа, но и для решения самой сложной задачи наступательной войны — для прорыва его фронта. Шарахнем спецбоеприпасом по его обороне и тут же пустим в пролом прямо через эпицентр взрыва сотни танков, тысячи автомашин, десятки тысяч наших солдатиков!

Невозможно? Очень даже возможно! Смотрите, я вам покажу!

И показал. Устроил учения 1954 года. Построил вражескую оборону. Посадил в траншеи собак, овец, баранов, коров, лошадей. Хрястнул по оборонительному району бомбой. Облако радиоактивное медленно за горизонт поползло, пыль часами оседать будет. Стоит ли ждать? Ждать не стоит. Противник может пролом закрыть. На войне время дороже всего. Вперед, ребята! Под черное облако!

Великий Стратег превратил в импотентов 40 тысяч молодых здоровых советских мужиков. Ради эксперимента. Зато доказал, что ядерное оружие можно использовать на поле боя для прорыва обороны. Очень даже просто у него получилось. Не надо тайно собирать сотни артиллерийских батарей на пяточке, не надо подвозить десятки тысяч тонн боеприпасов. Этим мы свой замысел раскрываем, на этом внезапность теряется. Зачем все это, если можно одной бомбой обойтись? Долбанул! И вперед! Ради счастья на всей земле!

После тех учений борцы за народное счастье воспряли духом: не все еще потеряно! Будем и впредь отрывать от капитализма куски. Где путем заговора. Где подкупом. Если потребуется, освободительным походом!

И пошло, и поехало. Алжир. Египет. Ливия. Сирия. Конго. Индонезия...

Ну зачем нам Индонезия?

А там следом — всяческие земли на Востоке, на Западе, на Юге. Только на Север не пошли. Потому как севернее Советского Союза нет ничего. Севернее только медведики косоногие обитают.

Так развернулись товарищи, так размахнулись с освоением земель южнее, восточнее и западнее, что блеск гитлеровского шедевра поблек. Куда убогой книжонке «Майн кампф» тягаться

с Программой Коммунистической партии Советского Союза, принятой историческим XXII съездом КПСС!

Не тот у Адольфа был размах. Не тот. Недотягивал до громадь наших планов и свершений. Не тянул. Мечтал ли Адольф о землях на Кубе? То-то. А наши мечтали. И сказку бльдю сделали. Во что нашему народу одна только Куба обошлась! Во что влетела!

Ради социализма на Кубе товарищ Хрущев был готов весь мир в урановую пыль перетереть. И зачем нам Куба? Национальный интерес? У нас в стране в половине школ сортиры на улице. На переменках побегает девочка 7—8 зим по таким сортирам, потом на всю оставшуюся жизнь бесплодная. Национальный интерес — в школах сортиры теплые возвести. Чтoб народ не вымирал. А мы все больше о победе социализма в Венесуэле радели. Да еще бы Чили к нашей телеге пристегнуть. Для полного счастья.

«В поддержку национально-освободительного и коммунистического движения в 1950—1980-е годы «вбухали» сотни миллиардов долларов без каких-либо конечных позитивных результатов для роста благосостояния советского населения» («Красная звезда», 11—17 марта 2009 г.).

Не забывали и главных врагов. На средства, которые не достались советским лечебницам и школам, гужевалась Коммунистическая партия США. И еще много других, ей подобных. После крушения коммунизма были опубликованы некоторые счета: столько-то миллионов долларов французским братьям, столько-то — бразильским... Список длинный-длинный. А миллионов много-много. И малина эта — каждый год. Десятилетиями. И подписи под списками товарищей Андропова, Горбачева и других товарищей.

Объясните, мудрецы, как эту халяву повязать с социализмом в одной стране? Вот бы и строили в одной стране, на зависть всему миру. Так нет же. Раздавали сокровища направо и налево.

А кто не желал социализма, того танками давили. И у себя в Новочеркасске демонстрации рабочего класса топили в крови. И в Будапеште. И в Праге. И в Варшаве. И в Берлине.

Если социализм в одной стране, так в одной стране и топили бы. При чем тут Польша и Венгрия?

Но ради счастья всеобщего не жалели наши вожди ни кнутов, ни пряников. Кого танками пока не давили, того сладкими морковками заманивали. Вот пример. Разгорелась однажды в

Британии забастовка шахтеров, и тут же шахтеры советские братскую помощь шлют. Валютой. Миллионами. Ради победы трудового народа. Ради гибели проклятого капитализма.

Тут еще отобрали советские дипломаты в штатском пять проверенных товарищей из британских коммунистических профсоюзов да и отвезли в советский санаторий для рабочего класса: любуйтесь. Возвращаются те — глаза навывкате. По всем телеканалам Би-би-си взахлеб рассказывает, как в Советском Союзе победивший рабочий класс живет: пляжи на Черном море шикарные, да чистенькие, да никого в августе на них нет, отдыхай, сил набирайся. Катера и яхты к услугам. С экипажами. С женскими. Все бесплатно. Номера — только суперлюкс, по пять комнат на брата. Шампанское рекой. Если кому вискарря, то и этого добра в достатке. С перебором. Жратва — лучшим ресторанам Эдинбурга и Бристоля такое не снилось... И танцы до утра. С бабами породистыми. А цветов-то, цветов — море целое. Да видел бы кто, как дети трудящихся СССР отдыхают! А какой пригляд за ними! Тут тебе и врачи, и психологи, и медсестры с нянечками, и тренеры с экскурсоводами...

Вот нам бы в Британии такую жизнь шахтерам устроить!

И товарищи в Центральном Комитете КПСС работали на износ во славу счастья всего человечества. В 1979 году секретарь ЦК КПСС товарищ Б. Пономарев публично бахвалился, что в последние годы в советский хлев удалось загнать дополнительно Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Анголу, Мозамбик, Гвинею-Бисау, Эфиопию, Никарагуа, Южный Йемен.

Он про Афган не вспомнил. Не вспомнил потому, что очередь Афганистана тогда еще не подошла. Ридну Афганщину двинулись освобождать только через шесть месяцев.

И вот нам академики рассказывают, что Сталин от идеи Мировой революции отказался. Только доказательств не приводят.

6

Теперь вспомним главное.

22 июня 1941 года Гитлер нанес смертельный удар Советскому Союзу. После этого удара борьба Советского Союза за захват всего мира — это всего лишь арьергардные бои побежденной армии, которая позорно проиграла войну. Вся послевоенная воз-

ня кремлевских вождей и стратегов — это лишь бессильное кланье сломанной челюстью. Силы Советского Союза были подорваны, промышленный потенциал разрушен, сотни тысяч и миллионы самых талантливых, самых трудолюбивых, самых толковых, смелых и честных людей погибли в войне, которая нашему народу была вовсе не нужна. Если бы кремлевские вожди эту войну не развязали, то все эти миллионы остались бы жить, они трудились бы на благо своей страны, они оставили бы после себя жизнеспособное потомство.

Но они полегли. Потому вождям пришлось продолжать борьбу за покорение всех стран мира, опираясь только на силы тех, кто живым остался.

После Второй мировой войны Сталина и всех, кто правил Советским Союзом после него, сдерживала американская ядерная мощь, объединенная экономическая, политическая и военная сила всего мира — от Турции до Норвегии, от США до Японии.

А вот весной 1941 года никакой американской ядерной мощи не было. Не сдерживала она Сталина. И не было объединенной мощи всех стран. Наоборот, мир был погружен в хаос Второй мировой войны. При этом Америка была союзником Сталина. 27 мая 1941 года президент США Рузвельт заявил в радиообращении к гражданам Америки, что США будут помогать любой стране, которая ведет борьбу против Германии. Советский Союз еще не воевал с Германией, но поставки стратегических материалов из США в СССР шли нарастающим темпом с осени 1940 года.

Вот где для Сталина был момент совершать победоносные освободительные походы.

Подумаем, как далеко мог бы пойти товарищ Сталин, который опирался на свежую силу великой страны. Сталина никто не сдерживал. Америка поддерживала Сталина и подталкивала к освободительному походу в Европу, гарантируя бескорыстную и беспредельную экономическую, политическую и военную помощь...

7

В Советском Союзе мысль Маркса — Ленина — Троцкого — Сталина о том, что победа пролетариев может быть обеспечена только через Мировую революцию, была ясна и понятна всем.

Ее повторяли вожди всех рангов, идеологи, агитаторы, писатели, поэты.

Во второй половине 1930-х годов над Советским Союзом с новой силой воссияла идея защиты нашего счастья путем оказания помощи братьям по классу в их борьбе за светлое будущее. И загремели над страной стихи и песни про то, как мы дойдем до Ганга, про Последнюю республику, про Последнюю высоту, на которой наши бойцы водрузят красный флаг, про Последний пограничный столб, который сметут солдаты наши:

Сейчас мы с болью помним о судьбе,
О тяжелой доле зарубежных братьев.
О, как, мой сын, завидую тебе!
Услышишь ты свободный их напев,
Не будет в нем ни горя, ни проклятья.

По всей земле, как в солнечном саду,
Потомкам жить, свой труд благословляя.
И может быть, в двухтысячном году,
Вот эти строки вольные читая...

Далее — в том же духе.

Это — творение Валентина Лозина (Стихи о будущем. Л., 1937). Вольный поэт завидует сыну своему — ведь ему предстоит своими глазами увидеть счастье всех народов, которым суждено жить единой социалистической семьей без границ и пограничных столбов. Но и грядущие поколения, читая вольные стихи, будут завидовать поэту, которому выпало жить в прекрасную эпоху 1937 года и быть современником великого вождя, который готовил освобождение человечества.

Стратегия — служанка политики.

Политика отдала стратегии приказ: подготовить теорию и обеспечить на практике превращение Союза Советских Социалистических Республик во Всемирный Союз Советских Социалистических Республик.

Первой на очереди — Европа. Потом — Азия. Далее — везде.

Выбора у красных командиров не было. Измором весь остальной мир не возьмешь. Оставалась только стратегия сокрушения.

Глава 7

ГЛУБОКАЯ ОПЕРАЦИЯ: ИСТОКИ

Когда последний пограничный знак
С лица земли сметут солдаты наши, —
Восторжествует всюду красный флаг,
Цветы для всех свои раскроют чаши.
И люди, населяющие мир,
Вслед за тобой, одна шестая света,
Как победители, придут на пир
Провозгласить великую победу.

*Валентин Лозин.
Стихи о будущем. Л., 1937*

1

Под самый победный финал Гражданской войны Красная Армия вдруг уперлась в заранее подготовленную почти неприсутпную глубокошелонированную оборону. Белые укрылись и укрепились в Крыму, а вход в Крым — через узкий перешеек длиной 30 км, шириной в самом узком месте всего 8 км. За много веков у Крыма было много владельцев. Каждый новый хозяин полуострова укреплял узкую перемычку, по которой новые завоеватели могли ворваться в его владения, возводил тут укрепления и заграждения. За долгие века на перешейке перекопали все. Оттого имя ему — Перекоп. Монголы тут построили крепость Ор-Капи. Через две сотни лет турки создали мощную оборонительную ли-

нию, которая была названа Турецким валом. Еще через триста лет Крым отвоевала Екатерина Вторая. По ее приказу в 1783 году русские генералы заложили Перекопскую крепость.

Перекоп — естественный рубеж обороны Крыма. Обороняющемуся не надо расплывать свои силы на сотни километров — можно их сосредоточить на узком участке, который много веков готовили к обороне. В 1920 году Крым защищали войска белых, у которых был многолетний опыт войны. И офицеры, и рядовые солдаты знали, что отступать им некуда, позади — пучина морская, а в плен к красным комиссарам лучше не попадать.

И вот поздней осенью Красная Армия провела две последовательные по глубине фронтовые наступательные операции, объединенные единым замыслом: одна неделя — контрнаступление в Северной Таврии, трехдневная пауза, после которой наступление с прорывом укреплений на Перекопе и захватом всего Крыма. Эта операция длилась 11 дней.

Путь в Крым перекрывал ров длиной 11 км и глубиной 10 м. За рвом — земляной вал шириной 30—50 м у основания, высотой 10 м. Ров был прикрыт проволочными заграждениями. В земляной толще вала были устроены огневые точки. Вся местность простреливалась многослойным пулеметным и артиллерийским огнем.

Позади первой линии обороны на удалении 20—25 км находилась вторая полоса — шесть линий окопов и траншей.

В тылу за двумя линиями обороны был сосредоточен мощный резерв, в составе которого, помимо пехоты, кавалерии и артиллерии, было 14 бронепоездов, 45 броневых автомобилей и танков.

Кроме пути через Перекоп, в Крым можно было попасть, перебравшись через водную преграду Сиваш — Гнилое море. Ширина в наиболее доступном месте — 7 км. Глубина — где по колено, где по пояс, где и до 3 м. Берега пологие топкие, дно илистое, вязкое. Кораблям тут делать нечего — сплошные мели и отмели. Все лодки на побережье белые заблаговременно увели с собой или основательно повредили. Плоты вязать не из чего: кругом голая степь. Но и вброд идти — невелика радость: на многокилометровом пути множество достаточно глубоких мест, которые ничем не обозначены и на карты не нанесены.

Красным предстояло форсировать Сиваш вброд под огнем с вражеского берега. Проблема усложнялась тем, что в ноябре дул

холодный пронзительный ветер и гнал волну, температура упала до минус 10—12 градусов.

Красные за трое суток прорвали оборону на Перекопе, после чего ввели в прорыв подвижные группы — 1-ю и 2-ю Конные армии. Кроме того, на вспомогательном направлении был форсирован Сиваш, прорвана оборона и на этом направлении был введен в прорыв 3-й конный корпус.

Три подвижные группы, не ввязываясь в бои, стремительно рванулись к черноморским портам...

2

С самого начала Первой мировой войны Ленин стремился «войну империалистическую превратить в войну гражданскую». К сожалению, история пошла именно по этому кровавому пути. Россия без всякого перерыва из Первой мировой войны влетела в войну гражданскую. Гражданская война стала для страны следствием и продолжением Первой мировой. Поэтому красные командиры, которые победно завершили Гражданскую войну, в подавляющем своем большинстве прошли и через Первую мировую.

Они видели две войны.

И они явно улавливали разницу.

В огромном большинстве все они в Первой мировой войне были рядовыми, унтерами, фельдфебелями или прапорщиками. Первая мировая война для них — это тупая беспросветная бойня, которая привела Россию к «похабному миру», капитуляции, национальному позору, всеобщему одичанию и озверению, распаду армии и государства, расправам пьяной солдатни над своими командирами. Да сами они этими расправами и заправляли, сами своих генералов на штыки поднимали...

А в Гражданской войне они из грязи поднялись прямо в князи — получили под командование батальоны, полки, бригады, дивизии, корпуса, армии и фронты. В ходе Гражданской войны они ощутили вкус безграничной и бесконтрольной власти. Они завершили войну победой. Они стали героями.

Теперь с трех раз попытайтесь угадать, к какому типу войны тяготели красные командиры после того, как бури все отгремели. К той, окопной, которая завершается позорной капитуляци-

ей с истреблением командиров озверевшей солдатней? Или к той победной, стремительной, с разгромом и разгоном воевод и атаманов? К той, которая завершается расправой над командирами, или к той, которая возносит их, командиров, к вершинам власти и славы?

Жуков рассказывает, что после победного завершения Гражданской войны красные командиры так ничего и не поняли. Их все так же тянуло в окопы, им нравилась война позиционная, которая ничем хорошим завершиться не может. Грядущую войну они видели только в свете опыта Первой мировой, а свой опыт победных маршей до черноморских портов, а потом еще и до Тихого океана они тут же быстро и прочно забыли.

Но в данном вопросе, как и в ряде других, я Жукову не верю. И другим не советую.

3

Вопрос о характере грядущей войны перед красными командирами не стоял. Выбора у них не было. Стратегия, как мы уже установили, — служанка политики. Политики ставят задачи, генералы ищут пути их решения. Вожди Советского Союза поставили перед красными командирами задачу, которая могла быть решена только сокрушительным наступлением, только рывком к океанам. Путь к Последней республике — это как путь Чингисхана к Последнему морю. Ни стоянием, ни сидением в траншеях такую задачу решить невозможно.

Серьезные историки рассказывают доверчивым толпам о «социализме в одной стране», о том, что Сталин якобы отказался от идеи Мировой революции, что идея Последней республики была им отвергнута. Но кто бы, растолкуйте мне, позволил в 1937 году вольным поэтам слагать поэмы про «последний пограничный столб»? Кто бы разрешил Константину Симонову в 1939 году трубить о «последнем фашистском городе, в котором последний фашист поднимет руки перед танком, на котором будет красное, именно красное знамя»? Кто бы за такие сочинения обвешивал вольных поэтов Сталинскими премиями?

С одной стороны, социализм в одной стране, с другой — но мы еще дойдем до Ганга!

Весьма серьезные ученые, толкуя о сталинских замыслах, не удосужились ознакомиться с его трудами. По рассказам серьезных, Сталин когда-то был революционером, но потом, ближе к войне, с революционного пути свернул.

Но вот вам орешек на разгрыз: «Для уничтожения опасности капиталистической интервенции необходимо уничтожить капиталистическое окружение, а уничтожить капиталистическое окружение возможно лишь в результате победоносной пролетарской революции по крайней мере в нескольких странах».

Это чеканная формула из великого творения товарища Сталина «История ВКП(б). Краткий курс» (М., 1938. С. 261—262). Вышла эта книга в конце 1938 года. Куда уж к войне ближе! И первый тираж — 1 000 000 экземпляров. Дальше пошли миллионы за миллионами.

Книга эта среди всех других книг была самой главной. Точно как товарищ Сталин стоял над всеми остальными товарищами, как бы ни были высоки их ранги, должности и заслуги. Глава про капиталистическое окружение в этой книге — заключительная и ключевая. Все предыдущие главы — великий пройденный путь, а в конце — что предстоит свершить.

4

Как же увязать социализм в одной стране и ликвидацию капиталистического окружения?

Очень даже просто: сначала победим в одной стране, затем в соседних, заменяя капиталистическое окружение социалистическим.

Не прошло и года после выхода этого величайшего творения марксистско-ленинской мысли, как товарищ Сталин приступил к выполнению плана ликвидации капокружения. В 1939 году он присоединил кусок Польши, обеспечил трудящимся счастливую жизнь. В том же году попытался ликвидировать окружение в Финляндии. Не вышло. Зато в следующем году уничтожил проклятый капитализм в Эстонии, Литве, Латвии, Бессарабии. Но вот беда: все равно в окружении остались, теперь Германия соседом...

От своих идей Сталин не отказывался до конца жизни. Но и после смерти Сталина его идеи жили и побеждали. «Только с

исчезновением империалистических государств исчезнут попытки военных интервенций и связанные с этим попытки реставрации капитализма. А капиталистическое окружение исчезнет только в результате социалистической революции во всех основных капиталистических странах» (Исторический материализм. Под общей редакцией Ф.В. Константинова. М., 1954. С. 267. Тираж 1 000 000 экз.).

Ситуация: в 1954 году вокруг Советского Союза — трудовая Корея, братский Китай, героический Вьетнам, народная Польша, первое социалистическое государство на немецкой земле, вставшие на путь социализма Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания... А мы все равно в окружении. И это окружение предстояло сокрушить во всех основных капиталистических странах. Иначе — никак. Пока в Калифорнии социализм не возведем, покоя нам не будет.

После Второй мировой войны, имея в союзниках Китай и десяток других стран, которые прикрывали Советский Союз почти со всех сторон, советские вожди все же не могли спать спокойно. Каково же было товарищу Сталину перед войной, когда он был в одиночестве? Ясное дело, он готовил оборону страны, которую можно было обеспечить только распространением социализма на соседние страны, а это можно было сделать только наступлением.

Так что у красных командиров выбора не было: им предстояло только наступать, только нести на своих штыках счастье всем соседним народам. И выдумывать им ничего было не надо. Они ясно понимали, что главное в том, чтобы в начальном периоде войны, в самые первые ее дни и часы не повторить сценария Первой мировой войны, т.е. не позволить противнику образовать сплошной фронт.

Для этого надо было иметь уже в самый первый момент войны мощную армию, готовую по первому сигналу перейти границу. И надо было иметь крупные подвижные соединения для того, чтобы вырваться из приграничных районов на простор, туда, где нет и не может быть неприступной обороны противника. Иными словами, задача заключалась в том, чтобы районы сражений стремительно отодвинуть как можно глубже в тыловые области вражеской страны, тем самым срывая его мобилизацию, нарушая стратегические перевозки, занимая районы, которые про-

тивник готовил для обороны, а заодно и его хранилища стратегических запасов, важные административные, промышленные и транспортные центры.

Однако советские стратеги не упускали из виду и вероятность того, что перед ними вдруг окажется мощная, заранее подготовленная оборона, как в Первой мировой войне, или даже сильнее — как на Перекопе в 1920 году. Потому все они были сторонниками очень мощной артиллерии. Надо сказать, что во всех странах мира перед Второй мировой войной роль артиллерии решительно недооценивалась. Исключением был Советский Союз, который вступил во Вторую мировую войну с самой мощной в мире как по количеству, так и по качеству артиллерией.

Наряду с работами по созданию мощной артиллерии, т.е. главного инструмента прорыва, велась интенсивная исследовательская работа по поиску способов, которые позволят взломать любую, даже теоретически непробиваемую, оборону.

5

Красные командиры по собственному опыту знали, что мощные кавалерийские соединения и объединения способны решать не только оперативные, но и иногда стратегические задачи. Боевое применение кавалерийских корпусов и конных армий в Гражданской войне показало умным людям дальнейшее, единственно возможное направление развития оперативного искусства и стратегии.

Конная армия Гражданской войны — это почти танковая армия Второй мировой войны. Между конными и танковыми массами, несмотря на все различия, общего гораздо больше: рывок в пролом в отрыве от своих тылов, соседей и медлительной пехотной массы, молниеносный бросок в глубину, стремление обойти сильную оборону стороной, побеждать не огнем, а движением. И главное — скорость: все делать так быстро, чтобы противник постоянно опаздывал.

В Гражданской войне кавалерийские корпуса и конные армии были настоящим инструментом блицкрига. Термин этот тогда широко не был известен, но красные командиры использовали конные массы именно так, как потом использовали тан-

ковые массы: внезапно, массированно, на узких участках, стремительно и на максимальную глубину.

Кавалерийские командиры гораздо лучше своих пехотных коллег понимали значение внезапности, глубокого охвата и обхода, удара во фланг и тыл.

Характер действий кавалерийских дивизий, корпусов и конных армий в Гражданской войне, сам стиль мышления командиров этих подвижных формирований полностью соответствовали характеру действий механизированных корпусов и танковых армий Второй мировой войны: рейд по вражеским тылам, не обращая внимания на свои открытые фланги, не ввязываясь в затяжные бои, обходя очаги сопротивления решительным маневром.

Вовсе не случайно, что лучшие командиры Второй мировой войны — родом из кавалерии. От кавалерийских корпусов и конных армий, насыщенных пулеметами, подвижной артиллерией, броневиками, бронепоездами и самолетами, полшага до мехкорпусов и танковых армий. Количество лошадей сократить, броневиков — добавить. А принципы боевого применения менять незачем. Они — те же.

* * *

В Красной Армии выходцы из кавалерии господствовали над выходцами из пехоты. Им не надо было объяснять, что только движение приносит победу. Они это знали, не заглядывая в учебники стратегии.

Среди кавалеристов были и дураки. А где их нет? Но нас приучали всех кавалеристов считать идиотами. И начинать с самого верха, с Ворошилова и Буденного. Однако Ворошилов и Буденный понимали маневренную войну куда лучше, чем французские, британские, германские генералы, просидевшие всю Первую мировую войну в далеких от фронта штабах и опыта маневренной войны не имевшие.

Глава 8

КТО ПРИДУМАЛ БЛИЦКРИГ?

Именно русские впервые выдвинули идею массирования подвижных соединений.

*Генерал-полковник Ф. Гальдер,
начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии.
Служебный дневник. Запись 23 июня 1941 года*

Полная деморализация наших войск произошла и потому, что планы Сталина были планами народа. Во всяком случае — значительной его части...

Безнравственно-агрессивный комплекс народной души и вызвал то бессилие воли, которое на войне всегда приводит к поражениям, если кампания из «большой прогулки» превращается в изнурительное противоборство. Народ собирался воевать на территории врага, военачальники наши не меньше германских бредили блицкригом. А получилось все не так весело... Неожиданная для войск и народа оборона обернулась тотальным отступлением на всем фронте.

*А.Б. Зубов.
«Континент», 1995. № 84*

1

После войны недобитые гитлеровцы выдумали множество удивительных историй о войне. Среди них и такая: это мы, не-

мецкие генералы, придумали блицкриг, а русские дурачки переняли нашу идею. Мол, обезьянам положено обезьянничать.

Рассказы о том, что идея блицкрига родилась в Германии, были подхвачены тысячами экспертов Великобритании, США, Франции. Немец для британца, американца, француза хотя и бывший враг, но все же человек Запада, он — свой. Потому достижения немцев (но не их преступления) жители Западной Европы и Северной Америки считают собственными достижениями: мол, это мы, цивилизованные, блицкриг придумали, а невежественные Иваны способны только копировать.

Вот выступает один из самых мерзких и самый трусливый из гитлеровских вояк, генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, рассказывает про Сталинградскую стратегическую наступательную операцию и про советские танковые корпуса, которые были введены в прорыв. Манштейн высоко оценивает действия сталинских танковых корпусов. И добавляет: этому русские научились у нас (Э. Манштейн. Утерянные победы. М., 1999. С. 357).

Удивительна не наглость тупого гитлеровского мерзавца, а реакция комментаторов. Я пролистал мемуары Манштейна на английском и французском языках: никаких замечаний к этому заявлению. Вышли мемуары Манштейна и на русском языке. В объяснениях, приложениях и дополнениях, которые подготовили российские историки, содержится больше интересной информации, чем в самом тексте Манштейна. Но вот Манштейн заявляет, что применять танковые корпуса Красная Армия научилась у немцев, и наши мудрейшие эксперты не возражают... Они с этим заявлением согласны. Российские серьезные историки (и не только историки), слушая такие речи, покорно головами кивают.

А вот не молчаливое согласие, а активная защита стратегической мудрости гитлеровцев: «Мощные танковые клинья в сочетании с массированными ударами авиации... эти приемы относились к числу бесспорных новаций, о чем следует сказать прямо, без уверток». Это некто Григорий Аксельрод поет хвалу гитлеризму («Российская газета», 7 августа 1995 г.).

Вот такую же песнь Гитлеру и его стратегам исполняет некто Иосиф Косинский: «В отличие от советских концепций (если они вообще существовали) гитлеровский блицкриг был не только разработан на бумаге, но и реализован на полях сражений в

Польше, Франции, Норвегии» («Новое русское слово», 26 июня 1989 г.).

Некий гитлеровский прихвостень по имени Карем Раш исходит слюной: «Справедливости ради напомним, что перед войной во всем мире правильно использовать в битвах танк умели только немцы» («Красная звезда», 31 июля 1999 г.).

За такие откровения этого самого Раша и в «Красной звезде», и в «Военно-историческом журнале» ужас как любят. «Красная звезда» ему развороты сдает в аренду: ну-ка еще какую-нибудь гадость расскажи об этих русских идиотах.

Таких выступлений мы найдем во множестве как в российских газетах, так и в зарубежных.

2

Ради того, чтобы вопрос о копировании прояснить, обратимся к фактам.

У красных командиров был опыт маневренной войны на необозримых пространствах. Они воевали в такой войне с начала 1918 года по конец 1920-го. В Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке война продолжалась и после этого.

У германских офицеров и генералов до начала Второй мировой войны опыта маневренной войны не было.

В ходе Гражданской войны в Красной Армии были созданы мощные подвижные соединения и объединения: кавалерийские дивизии, конные корпуса и армии, принципы боевого использования которых практически ничем не отличались от принципов правильного использования механизированных корпусов и танковых армий во Второй мировой войне.

Таких подвижных соединений в Германии не было. Соответственно не было и опыта их использования.

В 1926 году в Советском Союзе была опубликована книга Владимира Триандафиллова «Размах операций современных армий». Вслед за этим Триандафиллов опубликовал книгу «Характер операций современных армий».

Эти книги легли в основу теории Глубокой операции, суть которой заключалась в одновременном подавлении обороны противника средствами поражения на всю глубину, в прорыве на

избранном направлении с последующим стремительным развитием тактического успеха в оперативный путем высадки воздушных десантов и ввода в сражение ЭРП (эшелона развития прорыва), т.е. мощной подвижной группы, основу которой составляют танки.

В книгах Триандафиллова уже тогда содержалась вся грядущая мудрость выдающихся стратегических наступательных операций: Сталинградской, Львовско-Сандомирской, Белорусской, Яско-Кишиневской, Висло-Одерской, Маньчжурской.

Триандафиллов был не только великим военным теоретиком, он занимал должности начальника оперативного управления штаба РККА и заместителя начальника штаба РККА. Его книги — это не упражнения кабинетного мыслителя, а фундаментальные исследования командира, который лично отвечал за поиск перспективных направлений развития Красной Армии, за планы ее боевого использования в будущих войнах.

Ничего подобного, равного, отдаленно схожего с работами Триандафиллова не появилось в Германии и ни в какой другой стране ни в то время, ни позже.

В 1929 году на учениях Белорусского военного округа в присутствии иностранных военных атташе, в том числе и германского, впервые в мировой практике был проверен принцип массированного использования танков для нанесения стремительного удара в глубину после прорыва обороны противника. Учениями руководили К.Е. Ворошилов, Б.М. Шапошников, В.К. Триандафиллов.

В то время в Германии не было ни теории боевого применения танков, ни самих танков. Ни одного.

Со времен Хрущева принято к достижениям Триандафиллова пристегивать еще и Тухачевского в качестве то ли покровителя, то ли консультанта, то ли соавтора теории Глубокой операции. Однако книги Триандафиллова — это идейный разгром Тухачевского и его дивных фантазий. Книги Триандафиллова были написаны в качестве «нашего ответа Тухачевскому». И гибель Триандафиллова в странной авиакатастрофе многими современниками расценивалась как месть Тухачевского. До сих пор эта катастрофа ложится тенью на биографию «звезды в плеяде».

2 августа 1930 года на учениях Московского военного округа был впервые в мировой практике высажен парашютный десант

для решения боевой задачи в тылу условного противника. Этот день считается днем рождения ВДВ и началом их бурного развития. Ни в Германии, ни в других странах мира в то время воздушно-десантных войск не было.

Так кто же кого копировал?

20 апреля 1932 года начальник штаба РККА будущий Маршал Советского Союза А. И. Егоров представил Революционному военному совету СССР (РВС) доклад «Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе». Хотя в названии говорится только о тактике и оперативном искусстве, в докладе были затронуты и фундаментальные вопросы стратегии. Тот, кому интересно, должен прочитать доклад полностью. Я же, дабы не делать свою книгу тоскливой и нечитаемой, ограничусь только минимумом цитат из этого эпохального документа:

«Крупные мотомехчасти во взаимодействии с конными массами и авиацией, поддержанные в первые дни пограничных сражений пехотными частями, врываются на территорию противника. Основные цели групп вторжения:

- а) уничтожение частей прикрытия;
- б) срыв в приграничных районах мобилизации и новых формирований;
- в) захват и уничтожение образованных запасов противника на ведение войны и удержание оперативного значения районов, указанных в задаче как одна из основных целей глубокого вторжения на территорию противника. <...>

При организации операции, при нацеливании войск нужно стремиться, чтобы в конце первых или в крайнем случае в начале вторых суток операции была бы атакована наземными войсками такая глубина оперативного расположения противника, преодоление которой приводило бы к полному взлому неприятельского фронта. <...>

Глубина проникновения в первые сутки до 80—100 км».

Как видим, основная идея — внезапное нападение на противника, который не завершил мобилизацию и к отражению вторжения не готов. Никакой раскочки, никакого выжидания — полный взлом неприятельского фронта и рывок 80—100 километров группами вторжения по вражьей земле в первый день войны!

20 апреля 1932 года, когда начальник штаба РККА делал доклад членам РВС СССР, Адольф Гитлер праздновал день своего

рождения. То был невеселый день. Ибо 1932 год был для Гитлера годом сплошных провалов и жестоких поражений. С каждым днем дела шли все хуже и хуже. 6 декабря 1932 года Геббельс записал в своем дневнике: «В организации царит тяжелая депрессия. Мы все очень подавлены, прежде всего из-за опасности развала партии».

Армия Германии в том году была совсем крошечной. Резервистов и вовсе не было. В случае войны некого было призывать. О таких прорывах в первый день войны германские генералы даже и не мечтали. Не было у них в то время ни танков, ни авиации, ни тяжелой артиллерии... Да и пехоты с кавалерией тоже много не набиралось.

Прочитаем еще раз несколько предложений из доклада начальника штаба РККА А.И. Егорова от 20 апреля 1932 года и задумаемся. Что-то уж больно тут все знакомо. Где же мы эту картину уже видели? Ах да. 22 июня 1941 года...

Уберите из документа имя начальника штаба РККА, после этого весь текст без изменений можно использовать для описания того, что случилось на советских западных границах в одно прекрасное летнее утро.

Красные командиры затевали против Европы именно то, что Гитлер совершил против них в 1941 году.

Красные командиры планировали такие действия в годы, когда Великобритания была занята сохранением своих заморских и заокеанских владений, и на это были ориентированы ее вооруженные силы. Франция тогда придерживалась исключительно оборонительной стратегии. А в Германии Гитлер еще не пришел к власти. Да уже и не надеялся.

3

В феврале 1933 года штабом РККА были разсланы в войска как официальное руководство «Временные указания по организации глубокого боя».

В сентябре 1935 года были проведены учения, вошедшие в историю Красной Армии под названием Больших Киевских маневров. С двух сторон участвовали 65 000 бойцов и командиров, 1012 танков, 608 самолетов, 305 орудий. Об этих маневрах снят

документальный фильм «Сражение за Киев». В ходе маневров отработывался прорыв обороны стрелковым корпусом, усиленным танками непосредственной поддержки пехоты (НПП) и артиллерией РК. Оборона условного противника была взломана, в прорыв введена подвижная группа, в составе которой было 754 танка. Удар наносился на глубину более 230 километров. Впервые в мировой практике был выброшен воздушный десант, в составе которого теперь уже не взвод, не рота и даже не батальон, но целый парашютный полк (1188 человек), и высажен посадочный десант в составе двух полков с артиллерией и легкими танками.

Теория Триандафиллова была проверена на практике. Войска и штабы получили опыт проведения Глубокой операции.

В сентябре 1936 года были проведены учения Белорусского военного округа, в ходе которых войска не только прорывали оборону противника и наносили удар в глубину, но и форсировали крупную водную преграду — реку Березину. В учениях с двух сторон участвовало 71 000 бойцов и командиров, 1320 танков с соответствующим количеством артиллерии и авиации. В ходе маневров был совершен 200-километровый марш танковой бригады (310 танков), выброшен парашютный десант (1808 человек) и высажен посадочный десант (5700 человек) с артиллерией и танками.

Подобные учения проводились в Московском, Приволжском, Ленинградском и других военных округах.

А вот как обстояли дела в Германии.

«На последних предвоенных командно-штабных учениях, состоявшихся весной 1939 г. под руководством начальника Генерального штаба сухопутных сил, был впервые проработан вопрос о массированном применении на поле боя моторизованных дивизий и корпусов. Осенью 1939 года должны были состояться под руководством начальника подвижных войск крупные осенние полевые учения моторизованных соединений...» (Б. Мюллер-Гиллебрандт. Сухопутные войска Германии. М., 1957. Т. 1. С. 157).

Объясняю, что такое командно-штабные учения (КШУ). Командиры и штабы выезжают в поле и ведут сражение, командуя воображаемыми войсками: вон туда я двину дивизию, туда — другую. Но войск нет. Учебная пасека без пчел. Крупные КШУ хороши тем, что их можно проводить как весной, так и летом: учимся

управлять войсками, однако войска полей не топчут. А вот после сбора урожая, когда грачи улетели, лес обнажился и поля опустели, можно порезвиться на просторе и с настоящими войсками.

Первые маневры с крупными соединениями подвижных войск в Германии были запланированы на осень 1939 года, но помешала война.

Так вот, в Германии теоретически на картах действия крупных механизированных соединений впервые отработывались весной 1939 года.

С настоящими войсками — никогда.

Я не раз заявлял, что Германия вступила во Вторую мировую войну без подготовки. Не примите за пережест. Вот вам доказательство.

В августе 1939 года в степях Монголии соединения Красной Армии осуществили молниеносный разгром 6-й японской армии: внезапный сокрушительный огонь артиллерии, удар авиации, пехота с танками непосредственной поддержки, следуя за огненным валом, взламывает оборону, и мощные подвижные группы быстроходных танков устремляются в глубину.

Граждане владельцы «Родины», «Российской газеты», «Красной звезды», вы считаете народы Советского Союза недоумками, которые способны только на то, чтобы подобно обезьянам перенимать чужой опыт. Объясните же не мне, а своим читателям: как же в августе 1939 года красные обезьяны ухитрились скопировать опыт высшей расы, если в Германии первые учения с мощными танковыми соединениями планировалось провести только в сентябре и октябре 1939 года? Если эти маневры замышлялись, но так никогда и не состоялись.

4

На основе опыта учений и маневров Киевского, Белорусского и других округов в 1936 году был принят Временный полевой устав РККА (ПУ-36). Глубокая операция — суть и основное содержание этого устава.

И опять же: ни в Германии, ни в какой-либо другой стране в то время такой теории в уставах закреплено не было.

Тут-то мне и кольнут в глаза: так устав же временный!

Правильно. Но никакого другого тогда не было. Устав временный, но к исполнению обязательный. И давно пора разобраться, почему это он был временным.

То был период бурного развития армии. Шла жесткая борьба мнений. Каждый считал свою точку зрения единственно правильной, каждый ее отстаивал. В пылу борьбы использовались и не совсем честные приемы. Иногда идейные противники выдвигали друг против друга весьма тяжкие обвинения, придираясь к пустякам. Потому каждый себя страховал использованием терминов «предварительный», «временный» и пр.

В случае нападок можно было всегда увернуться, объявив, что это не окончательный вариант. Дошло до того, что был отпечатан и направлен в войска Полевой устав 1941 года (ПУ-41), под названием которого значилось: проект.

Кстати, сам товарищ Сталин задавал тон: «История ВКП(б). Краткий курс». Противников у Сталина было много. И явных, и скрытых. Могли придраться: вот ты это не осветил, и вот это. А у Геня Всех Времен и Народов ответ заготовлен заранее: так это же краткий курс!

Но где же полный? В том-то и дело, что полного не было и он не предвиделся. Есть краткий, им и довольствуйтесь.

Именно так обстояло с уставами, инструкциями и наставлениями: они временные, они предварительные, они в проектах. Но обязательны к выполнению, и других нет.

Главное же заключалось в том, что все эти уставы, инструкции и наставления были весьма похожи. Все они ориентировали Красную Армию на проведение стремительных наступательных операций. А вот уставов с рекомендациями того, как надо строить оборону в стратегическом масштабе, как отражать удары агрессора и наносить контрудары, как отходить в случае неудачи, не было. Ни в предварительном виде, ни во временном, ни в проектах.

5

Раз уж речь зашла о копировании, рассмотрим различия в германском и советском подходах к ведению стратегических наступательных операций.

Блицкриг — это стремление перенести боевые действия с линии фронта в глубокий тыл противника. Блицкриг — это рывок на простор, туда, где нет войск противника. Блицкриг — это обеспечение победы в основном не огнем и боем, а маневром: мгновенно выйти на такие рубежи и в такие районы, чтобы противник был вынужден сдаться без сопротивления... В этом вопросе у советских и германских генералов полное совпадение взглядов.

Но на этом совпадения и кончаются.

И начинаются различия.

Советские командиры рассудили так: неплохо застать противника врасплох. Но ведь можно нарваться и на прочную оборону. Что будет с танками, если их пустить на заранее подготовленную оборону? Правильно. Они понесут огромные потери, не причинив большого вреда противнику, который засел в окопах и траншеях. В Первой мировой войне ни американцам, ни австрийцам, ни немцам, ни французам с британцами не удалось по большому счету прорвать обыкновенные траншеи, что же будет в новой войне, когда придется прорывать линии траншей, которые усилены железобетонными оборонительными сооружениями?

Не упуская такой возможности из виду, красные командиры одновременно с теорией стремительного рывка в глубину вражеской территории разрабатывали и теорию прорыва непреступной обороны. Теория прорыва стала составной частью теории и практики Глубокой операции.

Было определено и на многочисленных маневрах проверено: если противник в обороне, то мощным подвижным танковым соединениям место не в первом эшелоне, а во втором. Оборону противника прорывают не они, а общевойсковые соединения. Главная сокрушающая сила — артиллерия, прорыв осуществляет пехота, имеющая как собственные танки, так и танки усиления. А мощные подвижные соединения выжидают. Они не тратят сил на прорыв или тратят их только в крайнем случае в самый последний момент для завершения прорыва.

В соответствии с этими выводами Красная Армия прямо накануне войны в качестве инструментов прорыва получила на вооружение лучшую в мире 122-мм гаубицу М-30 образца 1938 года, лучший в мире 120-мм миномет образца 1938 года, 152-мм гаубицу-пушку МЛ-20 образца 1937 года, 203-мм гаубицу Б-4

образца 1931 года, известную в народе как «Сталинская кувалда», и много других замечательных артиллерийских орудий.

Германская армия не обладала теорией прорыва, развитию полевой артиллерии внимания уделяла мало. Полевая артиллерия оставалась в основном на уровне Первой мировой войны.

Имея мощную полевую, в основном гаубичную, артиллерию, Красная Армия потребовала первоклассные артиллерийские тягачи. И она их получила. Легкий бронированный «Комсомолец» — тягач 45-мм противотанковой пушки и «Ворошиловец» — тягач самых тяжелых артиллерийских систем — это две крайние точки диапазона. И оба этих тягача, как и все остальные в диапазоне между ними, были выдающимися для своего времени машинами.

В соответствии с теорией прорыва для советской пехоты был создан специальный пехотный танк Т-26, и пехота была насыщена этими танками.

В германской армии у пехоты собственных танков не было.

Для усиления атакующей пехоты на главных направлениях в Советском Союзе были созданы специальные танки прорыва, танки качественного усиления пехоты, вначале Т-28 и Т-35, затем на смену им — КВ и КВ-2.

В Германии танков прорыва не было.

Имея и теорию, и инструмент прорыва, Красная Армия всегда (хотя иногда и с трудом) в конечном счете взламывала любую теоретически непреодолимую оборону — от японской полевой в знойных степях Монголии и заснеженной «Линии Маннергейма» до укрепленных полос на Зееловских высотах на подступах к Берлину и японских укрепленных районов в Маньчжурии.

И еще одно фундаментальное отличие. Танковые армии в Советском Союзе были действительно танковыми армиями, так как их основу составляли танковые соединения и части с необходимыми средствами усиления и поддержки.

В армии Германии под термином «танковая группа», затем «танковая армия», понималось огромное объединение, основу которого составляли пехотные дивизии. Были в составе такой группы или армии и танковые дивизии, но, как правило, в меньшинстве.

Теперь постараемся уловить разницу в способах использования подвижных соединений и объединений.

Каждая германская танковая группа или армия получала самостоятельную полосу наступления. Таким образом, действия каждой такой группы или армии были скованы этой полосой. С одной стороны, за нее не выходи, с другой — за все, что творится в твоей полосе, отвечаешь!

В Красной Армии полосы нарезали фронтам, общевойсковым армиям, стрелковым корпусам и дивизиям. Взломав оборону противника силами общевойсковых соединений, советские командиры вводили подвижные соединения в чистый или почти чистый прорыв. Советским подвижным соединениям, т.е. механизированным, кавалерийским и танковым корпусам, конно-механизированным группам и танковым армиям, не нарезали самостоятельных полос наступления.

Если подвижная группа действовала в интересах общевойсковой армии, то могла самостоятельно маневрировать во всей полосе наступления этой армии. Если она действовала в интересах фронта, то получала еще большую свободу действий. Командир советского мехкорпуса или командующий танковой армией получал свободу маневра на огромных пространствах. Его забота — прорваться быстрее и дальше. У него нет заботы давить мелкие и крупные очаги сопротивления, которые остаются в тылу. Следом за подвижными танковыми группировками наступают общевойсковые армии, стрелковые корпуса и дивизии, это их ответственность, они зачистят.

Германскому командиру такого же ранга в такой же ситуации приходилось рвать вперед, но вместе с тем не забывать и про тылы: гасить оставшиеся очаги сопротивления, прочесывать леса, ловить партизан, конвоировать пленных, организовывать лагеря для них, восстанавливать мосты и дороги, оставлять гарнизоны в захваченных городах и селениях, организовывать комендантскую службу... Проще говоря, ему приходилось распылять внимание и силы на массу разных задач, отвлекаясь от основной.

Не позавидуешь.

В германской армии танковые войска являлись основной ударной силой в наступлении. Их использовали в первом эше-

лоне для прорыва обороны. Это приносило успех, но только до тех пор, пока удавалось заставить противника врасплох, пока перед наступающими германскими танками не было прочной глубокоэшелонированной обороны.

В германской армии не было ни теории прорыва, ни соответствующего инструмента для его осуществления. Потому, встретив прочную оборону, германская армия неизменно буксовала. Началось это уже в июле 1941 года, когда германские танки уперлись в бетонные огневые точки Киевского укрепленного района, который героически защищала 37-я армия генерал-майора А.А. Власова, только что сформированная из десантников, резервистов и отходящих частей.

После этого так и пошло — нарвались германские танки на оборону и встали: Ленинград, Москва, Тула, Воронеж, Сталинград, Курская дуга.

7

Германский генерал высшего ранга в должности начальника Генерального штаба сухопутных войск на второй день войны против Советского Союза записал в своем рабочем дневнике, т.е. в официальном документе, что идея массирования подвижных соединений впервые выдвинута Красной Армией.

Граждане Раши, Косинские, Аксельроды, повторите эти слова сто десять раз и постарайтесь запомнить.

Дневник не предназначался для публикации, в этом его ценность.

Матерый гитлеровец признается сам себе в том, что «именно русские впервые выдвинули идею»... К этому надо добавить: не только выдвинули идею, но и претворили ее в жизнь.

И вот находятся люди, которых история войны не устраивает. Они историю кроют на свой лад, они ее беспощадно кромсают. Цель фальсификаторов — историю войны пересмотреть и переписать. В пользу Гитлера.

В своем подозрительном усердии они давно превзошли Геббельса и других гитлеровских пропагандистов.

Подводя краткий итог, заявляю: Красная Армия действий всех мастей Манштейнов и Гудерианов не копировала. Если бы

она их копировала, то завершила бы войну с тем результатом, с которым они ее завершили.

* * *

Теперь деловое предложение.

Почему бы, принимая новых слушателей в Академию Генерального штаба, не задать каждому вопрос: а зачем тебе в академию? Родину защищать? Отчего же ты ее не защищаешь? Безграмотные, бессовестные, продажные гитлеровские прихвостни и горлопаны ведут целенаправленную идеологическую войну против России. Вот и защищай! Где твой ответ клеветникам из так называемой «Российской газеты»? Знаний не хватает? Никогда про Триандафиллова не читал, про Глубокую операцию и танки прорыва? Тогда тебе в академии делать нечего. Не дорос. Или не хватает храбрости за честь Родины выступить? Тогда тебе в академии и подавно делать нечего.

Высказывают опасение: при таком-то подходе может случиться недобор. Что же тогда делать? Закрывать академию?

Отвечаю решительно: тогда закрывать.

Глава 9

ПОЧЕМУ КОМКОР ПАВЛОВ БЫЛ ПРОТИВНИКОМ КРУПНЫХ ТАНКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ?

Мотомеханизированные массы, имеющие ограниченные оборонительные возможности, должны действовать исключительно наступательно.

«Правда», 20 мая 1936 г.

1

Осенью 1932 года в Советском Союзе по предложению и требованию заместителя наркома по военным и морским делам, начальника вооружений РККА М.Н. Тухачевского впервые в мировой практике были сформированы два механизированных корпуса. Один в Ленинградском военном округе, другой — в Украинском.

В 1934 году было сформировано еще два таких же корпуса — в Московском военном округе и Забайкальском.

В 1938 году название корпусов изменили. Они стали называться танковыми. Но их структура и суть оставались прежними — это были мощные ударные соединения, основное ядро которых составляли танковые подразделения и части. Эти корпуса создавались для нанесения внезапных сокрушительных ударов, проведения самостоятельных стремительных глубоких операций в от-

рыве от малоподвижных пехотных масс. Ни у кого в мире в то время не было ничего подобного. Мы были первыми в мире. Нам есть чем гордиться.

Однако...

21 ноября 1939 года Главный военный совет РККА принял решение о расформировании танковых корпусов. Решение принималось на основе выводов комиссии, председателем которой был командарм 1 ранга Г.И. Кулик. В составе комиссии были Маршал Советского Союза С.М. Буденный, командармы 1 ранга Б.М. Шапошников и С.К. Тимошенко, командармы 2 ранга К.А. Мерецков и М.П. Ковалев, комкор Д.Г. Павлов.

По воинскому званию Павлов был младшим, но именно он был зачинщиком разгрома мощных танковых соединений. Павлова поддержал Кулик. Павлову и Кулику удалось доказать свою точку зрения, и решение о расформировании танковых корпусов было принято единогласно.

Официальная кремлевская пропаганда десятилетиями описывала это решение как победу невежественных кавалеристов над прогрессивными танкистами, как отказ от передовых взглядов на роль танковых войск в войне, как одну из трагических ошибок и просчетов, которые привели к разгрому Красной Армии летом 1941 года.

Мотивы действий Павлова объясняют весьма доходчиво: он воевал в Испании, а там танки использовались мелкими группами. Опыт боев в Испании был истолкован превратно. В Испании Павлов проявил себя как грамотный, умный, храбрый и решительный командир. В числе самых первых, 22 июня 1937 года, он получил звание Героя Советского Союза. В августе 1939 года для Героев Советского Союза был введен особый знак отличия — медаль «Золотая Звезда». Павлов получил «Золотую Звезду» № 20. (Первая «Золотая Звезда» у Жукова — № 435.)

Итак, доблестный командир Павлов, опираясь на опыт войны в Испании, предложил танковые корпуса расформировать. Но война-то была локальной. Допустимо ли было ограниченный опыт небольшой войны использовать как рецепт боевого применения танков в грядущей мировой войне?!

По возвращении из Испании Павлов был поставлен командовать всеми танковыми войсками Красной Армии. Сталин присвоил ему звание комкора, минуя предыдущее звание комдива.

За умелое руководство танковыми соединениями во время Зимней войны в марте 1940 года Павлову было присвоено звание командарма 2 ранга.

В 1940 году в Красной Армии были введены генеральские звания. Весь высший командный состав был полностью переаттестован. Командарм 2 ранга Павлов стал генерал-полковником танковых войск. Через полгода Сталин присвоил ему звание генерала армии. Вот он-то, непутевый Павлов, и сгубил все дело.

Танков в Красной Армии было много, да только расплыли их по мелким подразделениям. А танки надо было в ударные кулаки собирать!

Вот и получилось, что были у нас крупные танковые соединения, но Сталин Тухачевского сгубил, а потом утробил великое дело, начатое Гением Стратегии.

Именно так нам описывают судьбу танковых корпусов кремлевские идеологи. Вот для примера образец сольного выступления на эту тему. Писатель Евгений Носов: «Шли навстречу вражеским танковым армадам плохо вооруженные, не всегда с патронами в подсумках и снарядами в артиллерийских передках. Шли без несостоявшихся танковых корпусов, на развертывании которых настаивал маршал Тухачевский, без ракетной огневой поддержки, также предложенной им, но отвергнутой, как идея, исходящая от «врага народа», без самого маршала — смелого новатора, образованного и умного полководца, знатока тактики и стратегии германского милитаризма» («Литературная газета». 1988. № 16).

Такие заявления публикуют уже полвека. Никого эти откровения не смущают и не возмущают, никто не возражает. Не хотелось бы Тухачевского вслед за лубянскими обвинителями врагом народа обзывать, так ведь и другом не назовешь того, кто собственный народ ядовитыми газами травил, истреблял целыми деревнями, кто в своей стране вводил оккупационный режим и не стеснялся этого термина. Но вот «смелого новатора», «образованного и умного полководца», «знатока тактики и стратегии германского милитаризма», без сомнения, надо брать в кавычки. И если оккупант Тухачевский приложил свою руку к созданию мощных танковых соединений, то почему бы нам не проявить бдительность? Почему бы не обратить придирчивый взгляд на вражеское творение?

Всего по рецептам Тухачевского было создано четыре мехкорпуса. Он требовал больше, но нашлись умные и дерзкие люди, которые «смелому новатору» сделать это не позволили.

В каждом корпусе Тухачевского было три бригады (две танковые, одна стрелково-пулеметная) и корпусные части: разведывательный, огнеметный и саперный батальоны, зенитно-артиллерийский дивизион, рота регулирования движения, техническая база, авиационный отряд.

Каждая из двух танковых бригад мехкорпуса включала три танковых, стрелково-пулеметный и саперный батальоны, артиллерийский дивизион и зенитно-пулеметную роту.

Стрелково-пулеметная бригада мехкорпуса состояла из батальона бронемашин, трех стрелково-пулеметных батальонов, двух артиллерийских дивизионов, зенитно-пулеметной роты.

Кроме того, в корпусе и в бригадах — подразделения связи, химической защиты, медицинские, хозяйственные, транспортные, ремонтные, административные и пр.

Всего в составе каждого корпуса — 560 танков, 215 бронемашин, 410 мотоциклов, 60 орудий, 12 самолетов-разведчиков, 207 автомашин.

С самого первого момента появления мехкорпусов строевые командиры обращались в различные инстанции с возражениями и протестами: такой корпус воевать не способен.

Каждый читатель сам может в этом убедиться. Для этого надо раздобыть черный кожаный картуз с красной звездой, натянуть его на лоб и попытаться представить себя на месте бедняги командира, которому выпало несчастье командовать корпусом, созданным по рецептам «знатока» и «смелого новатора».

Первый вопрос: как этим воинством управлять? В корпусе 560 танков, а общее количество танковых батальонов — шесть. Это сколько же на батальон приходится? Некоторое количество танков — не в батальонах, а в управлении корпуса и бригад. Но это картины не меняет. Батальоны все равно получают чудовищными по количеству танков, а потому неуправляемыми.

Для сравнения: Никита Хрущев в мемуарах радостно сообщает, что во время кровопролитных боев под Сталинградом вдрут

счастье привалило: Сталин подбросил подмогу — два танковых корпуса силой по 100 танков в каждом!

Вникнем: в корпусе 100 танков. Так ведь во главе генерал стоит. И штаб у него соответствующий. И рота управления. Кроме того, в составе корпуса — три бригады. Во главе бригад, которые в этот корпус входят, — полковники. И тоже со штабами, средствами связи и управления, со всеми необходимыми подразделениями боевого обеспечения. А у Тухачевского в каждом батальоне — почти по сотне танков. Да как же командир батальона с такой ордой может справиться?

Бронеавтомобилей в корпусе 215, и собраны они в два батальона: разведбат корпуса и батальон бронеавтомобилей стрелково-пулеметной бригады. Вопрос все тот же: это сколько же на батальон приходится и как таким батальоном управлять?

И если командирам батальонов тяжело, то и командирам бригад не легче. Еще древние римляне четко установили, что в подчинении любого военачальника не может быть более пяти основных боевых единиц. За два тысячелетия римский опыт был подтвержден тысячекратно во всех войнах всеми армиями. Но Тухачевский явно не знал того, что положено знать любому ротному старшине. У Тухачевского в подчинении каждого командира бригады по шесть огромных неуправляемых батальонов и дивизионов, не считая отдельных рот.

«Учения, проведенные с механизированными корпусами, показали, что они по своему составу громоздки и малоподвижны. Из-за слабых средств связи, особенно радио, командир корпуса не справлялся с управлением подчиненными частями. Корпуса медленно продвигались на марше и при вводе в прорыв» (ВИЖ. 1968. № 8. С. 108).

Мощные танковые соединения — это инструмент для проведения стремительных операций. А подвижные соединения Тухачевского потеряли свое главное качество — подвижность.

3

Задача механизированного (танкового) корпуса на войне: через пролом в обороне врага вырваться на оперативный простор и, стремительно продвигаясь вперед по тылам противника,

развивать тактический успех в оперативный, иногда — и в стратегический.

Это красиво в теории. На практике корпуса Тухачевского были чрезвычайно уязвимы от атак с воздуха.

В каждой бригаде — одна зенитно-пулеметная рота. В роте — 12 зенитно-пулеметных установок М-4. «М» — это пулемет «Максим». А цифрой обозначено количество стволов. Четыре «Максима» в одном блоке. Блок — на тумбе. Тумба — в кузове машины-полуторки. Наводчик ведет огонь сразу из всех четырех стволов. Этим достигается значительная плотность огня. Хорошая штука «Максим», но стреляет он обыкновенными винтовочными патронами. Для ведения огня по воздушным целям калибр маловат. 20-мм автоматические пушки были бы в самый раз. Но начальник вооружений РККА товарищ Тухачевский был непримиримым противником таких пушек. Он любил старого доброго «Максима». И если так, то хотя бы уж этими «Максимами» обеспечил бы в достатке. Одно из двух: или усиливай противовоздушную оборону бригад и корпуса в целом, или сокращай число танков.

12 ЗПУ М-4 были способны прикрыть командно-наблюдательный пункт командира бригады и командный пункт, на котором находятся основной состав штаба бригады, а также подразделения связи, обеспечивающие работу этих органов управления. Но чем прикрывать боевые порядки войск и тылы?

Мне напомнят: на танках — зенитные пулеметы.

Возражаю: на некоторых. На очень немногих. Зенитные пулеметы ставили на все Т-28 и Т-35. Со второй половины 1930-х годов зенитные пулеметы ставили на определенное количество Т-26. Но корпуса Тухачевского предназначались для стремительных действий, потому они были вооружены танками БТ. На БТ-2 и БТ-5 зенитный пулемет невозможно установить из-за конструкции люков на башне. Люки были квадратными, а для турели зенитного пулемета нужно иметь кольцо, чтобы разворачивать пулемет в нужную сторону. БТ-7 тоже не подходил для установки зенитного пулемета. У него люки продолговатой формы с закругленными углами. Нечто среднее между прямоугольником и овалом.

«Смелого новатора», начальника вооружений РККА не волновал вопрос о том, как установить зенитный пулемет на крыше башни БТ. И только после того, как Тухачевский покинул пост начальника вооружений, конструкторам был дан приказ один

люк на башне БТ-7 делать круглым и ставить турель П-40 с пулеметом ДТ. Танков БТ-7, на которых было возможно установить зенитную установку, было выпущено 1170, т.е. четверть от всех БТ-7. Поступали такие танки не только в танковые корпуса, но и в отдельные танковые бригады и танковые полки кавалерийских дивизий.

ЗПУ М-4 могла обеспечить большую плотность огня: четыре ствола, питание лентой, водяное охлаждение стволов. А у ДТ на танковой башне ничего этого не было: ни четырех стволов, ни водяного охлаждения, ни питания лентой. ДТ — хороший пулемет, но не для стрельбы по самолетам его создавали. Одним словом, наличие некоторого количества танков с зенитными пулеметами проблемы не решало.

Помимо зенитно-пулеметных рот в трех бригадах, у командира корпуса был собственный зенитно-артиллерийский дивизион (12 76-мм зенитных пушек), способный прикрыть пункты управления и узлы связи корпуса. Но не более того. И то только на стоянках, так как зенитные пушки не самоходные, а буксируемые. На марше и в бою мозговые и нервные центры корпуса не были защищены от атак с воздуха ничем. А ведь корпус создан именно для движения и боя. Боевые порядки подразделений и огромные тылы корпуса и бригад ни на месте, ни в движении, ни в бою тоже не прикрывались никак.

Тухачевский представлял себе начало войны только в виде внезапного вероломного нападения Красной Армии на спящего противника, в виде сокрушительного удара советской авиации по вражеским аэродромам и могучего рывка танковых армий к океану, когда танки идут броневым потоком и управлять ими не надо. И только в этой ситуации можно было использовать корпуса, созданные по его рекомендациям и проектам.

В любой другой ситуации такая организация корпуса превращалась в западню. Представьте себе огромное плохо управляемое или вовсе не управляемое, ничем не защищенное стадо танков. Если противник имеет превосходство, хуже того — господство, в воздухе, то такому корпусу долго не жить. Самолетам противника такое стадо легко обнаружить. После обнаружения терзай его почти безнаказанно.

Были в корпусах Тухачевского и собственные самолеты-разведчики. Сами они воздушный бой вести не способны и для это-

го не предназначены. Но для них нужен полевой, хоть и небольшой, но все же аэродром. Он в любом случае оставался не прикрыт от атак с воздуха.

Мелкие танковые подразделения легко по рошицам-перелесочкам прятать. Когда подразделений много и все они мелкие и подвижные, поди их разыщи да накрой. А когда все танки собрались стаями, как сардинки, тогда бакланам и чайкам раздолье. Поэтому давайте не будем печалиться о судьбе корпусов Тухачевского. Для ситуации, которая возникла 22 июня 1941 года, они были совершенно не приспособлены. Если бы в ходе оборонительной войны кто-нибудь вздумал использовать корпуса Тухачевского для проведения контрударов, то зря погубил бы людей и технику, ибо для авиации противника нет лучшей цели, чем бесконечные незащищенные танковые колонны на марше. Авиация разгромит эти колонны еще на подходе к району ввода в сражение.

4

Количество зенитных средств в корпусах Тухачевского было, мягко говоря, странным. Не менее странным было и количество артиллерии. На огневую поддержку 775 танков и бронемашин — 60 орудий. Не густо. На каждые 13 танков и бронемашин — одно орудие. Да и то на первый взгляд. Не забудем, что 12 пушек зенитные. А полевой артиллерии на весь корпус — 48 стволов. Причем половина их — в стрелково-пулеметной бригаде. Другая половина полевых орудий разделена на две танковые бригады. В каждой бригаде 12 орудий на поддержку 280 танков. Но и это иллюзия, так как в танковых бригадах были стрелково-пулеметные батальоны, вот их-то в первую очередь и надо поддержать огнем. Да ведь и разведчиков надо не забыть, и мотоциклистов, и работу саперов надо обеспечивать. Одним словом, танки в корпусах Тухачевского оставались без поддержки артиллерии.

В корпусах Тухачевского не было собственных средств форсирования водных преград. Они много еще чем не располагали. Но самым странным является количество автомобилей — 207.

Попробуем на месте командира корпуса эти автомобили распределить. Что самое главное? Да ведь все главное.

Прежде всего 60 автомашин надо отдать артиллеристам и зенитчикам. Это будут тягачи для пушек, гаубиц и зениток. Другой тяги в корпусе нет. Еще 36 автомашин — это платформы зенитно-пулеметных установок.

Но не может артиллерия продвигаться вперед, имея одни только тягачи. Артиллеристам надо помимо тягачей много машин.

Если отдадим машины артиллеристам и зенитчикам, тогда командиру корпуса, его штабу, всем нижестоящим командирам и штабам придется пересесть на лошадей... которые корпусу не полагались.

Хорошо, бросим корпус в прорыв, а всю артиллерию и зенитные средства оставим в тылу. Пушек, гаубиц, зенитно-пулеметных установок и так мало, но попробуем обойтись без них. Что делать, если машины нужны для более важной цели. Корпусом надо управлять. Без машин тут никак не обойтись.

Управлению и штабу корпуса надо дать несколько автомашин. Иначе танки уйдут вперед, а командир со штабом останется на месте. Кроме того, надо дать несколько автомашин подразделениям связи, которые обеспечивают работу штаба. Иначе командир корпуса со штабом пойдут в прорыв вместе с танками, но не смогут управлять такой массой боевой техники. Подразделений связи не так мало. Прикинем: они обеспечивают контакт с вышестоящим командованием, соседями, штабами бригад, входящих в состав корпуса, с приданными частями усиления, собственными самолетами и теми, которые действуют в интересах корпуса. Вперед высланы разведывательные группы, передовые отряды, головные, боковые и тыловые походные заставы, отряды обеспечения движения. Всех нужно держать под контролем, со всеми держать связь. А радиостанции тогда были громоздкими. В корпусах Тухачевского использовались в основном два типа радиостанций: 71ТК — танковая и 5АК, которая монтировалась в кузове грузового автомобиля.

Надо дать какое-то количество автомобилей управлениям и штабам трех бригад и подразделениям связи, обеспечивающим передачу сообщений от штабов бригад в штаб корпуса и в нижестоящие подразделения.

Всего в корпусе один зенитно-артиллерийский, четыре артиллерийских дивизиона и 17 батальонов. Всем нужны автомобили для командиров, штабов и подразделений связи. Помимо

этого, в корпусе более сотни рот и батарей. И роту регулирования движения без транспорта оставить нельзя.

Так вот, если 207 автомобилей отдать командирам, штабам, подразделениям управления, связи и регулирования движения, тогда придется оставить на месте саперов, ремонтников, огнеметчиков...

Не забудем, что есть в корпусе стрелково-пулеметная бригада. Кроме того, в каждой танковой бригаде — по стрелково-пулеметному батальону. Эти подразделения и части предназначены для закрепления успеха танкистов. Без стрелково-пулеметных подразделений и частей танкам в тылу врага делать нечего. Одни только танки захваченные объекты и рубежи не удержат. А стрелково-пулеметные подразделения имеют ценность только до тех пор, пока к прожорливым пулеметам есть патроны. С пехотой просто — посадить верхом на танки. Или пусть пехота вслед за танками бежит. Восемь — десять марафонов с полной выкладкой. Но куда пулеметчиков девать? И огромные запасы патронов, без которых нет толка от пулеметных подразделений?

В корпусе три саперных и один огнеметный батальон. У саперов всегда много всякой всячины с собой. Им и минировать, и разминировать, и мосты чинить, и колодцы рыть, растаскивать завалы, расчищать путь. А огнеметчикам надо иметь с собой много воспламеняющейся жидкости. Можно забрать машины в стрелково-пулеметной бригаде и отдать их саперам и огнеметчикам, тогда без машин окажутся медики и повара. Можно придумать еще множество разных вариантов распределения машин, но все варианты будут смешными.

Однако самое смешное впереди.

5

Корпус предназначен для самостоятельных действий в отрыве от главных сил, в глубине обороны противника. Ключевые слова — «самостоятельных» и «в отрыве». В такой ситуации надо иметь с собой по меньшей мере три заправки ГСМ на 775 танков и бронев автомобилей.

Основные танки в корпусах Тухачевского — БТ. Одна заправка БТ-5 — 500 л. 360 — в основных баках, 140 — в допол-

нительных. Еще и масло требуется. Заправка БТ-7 — 790 л. (650+140). Автомобили того времени — полуторки и трехтонки низкой проходимости. Если все 200 автомобилей корпуса нагрести только бензином, а смазочных масел с собой не брать, то и в этом случае три заправки взять с собой нельзя. А ведь 200 автомобилей должны везти горючее не только для танков и бронеавтомобилей, им и себя тоже надо бензином питать. И тут тремя заправками не обойдешься. Расчеты показывали, что каждый автомобиль должен был иметь пять заправок.

Так ведь еще и боеприпасы.

Хорошо, бензин с собой не берем, как-нибудь проведем стремительный танковый рывок без бензина. Загрузим все 200 машин боеприпасами. Вырываясь на оперативный простор, корпус должен иметь с собой хотя бы два запасных боекомплекта, помимо того, что загружено в танки и бронеавтомобили.

Один боекомплект БТ-5 — 115 снарядов и 2709 патронов. БТ-7 — 172 снаряда и 2394 патрона. Один боекомплект на 560 танков БТ-5 — 64 400 снарядов и 1,5 млн патронов. Умножим на два. А если у нас танки БТ-7, тогда получится еще больше. К этому добавим 215 бронеавтомобилей. Не забудем, что на большинстве из них стоят те же самые танковые пушки и пулеметы. Прибавим к этому полевую и зенитную артиллерию. Ее немного, но калибры тут солиднее: 76-мм пушки и 122-мм гаубицы. Приплюсуем ненасытные зенитно-пулеметные роты, стрелково-пулеметную бригаду и батальоны.

Прикинем, сколько все это может весить. Добавим вес добротных деревянных ящичков. А патроны, кроме того, запаяны в цинковые коробки, а уж потом уложены в ящички. Как ни крутись, ни 200 полуторок, ни 200 трехтонок столько патронов и снарядов не поднимут.

Людей в ходе операции можно не кормить, раненых можно не эвакуировать, их можно просто бросать по обочинам, как-нибудь в тыл сами доползут, но танки требуют ремонта и технического обслуживания. И если 207 автомашин нагрести боеприпасами или топливом, тогда корпус пойдет в прорыв, а ремонтные подразделения и резерв запасных частей останутся в тылу. А еще у нас и самолеты. Им тоже надо подвозить и горючее, и запасные части, и много еще всего.

В ходе учений для обеспечения одного танкового батальона собирали все автомашины корпуса, и очень даже здорово получалось. Но обеспечить транспортом бригаду, не говоря уже про весь корпус, не получалось, и получить не могло.

Иногда ради показухи выводили в поле целый корпус, и он, разя огнем, сверкая блеском стали, устремлялся в яростный поход... Зрелище было захватывающим. Уж в области показухи у нас во все времена полный порядок был. Получалось обворожительно потому, что от обалдевших иностранных наблюдателей и наших инженеров человеческих душ ускользала небольшая подробность. Заключалась она в том, что танки и бронемшины перед демонстрацией мощи ремонтировали и заправляли. Потому на краткое время показухи можно было обойтись минимумом ремонтных подразделений или вовсе без них.

На показуху танкам одной заправки вполне хватало. И одного боекомплекта им было достаточно на шумовое оформление представления. И люди были накормлены. В ходе представления корпусу не надо подавать ни запчастей, ни ГСМ, ни продовольствия, ни боеприпасов. Главное: корпусом почти не надо было управлять. На подготовку таких представлений у нас тратили по несколько месяцев. В армии демонстрации мощи подобного рода именовались балетом. Потому что каждый солдат знал свой маневр, командирам не приходилось тратить усилий на управление своими подразделениями...

6

Несуразность организации корпусов Тухачевского была настолько очевидной, что танкисты, которых нелегкая занесла служить в эти странные, созданные «смелым новатором», соединения, завалили вышестоящее командование, партийные комитеты, контрольные органы и особые отделы НКВД рапортами, заявлениями, обращениями и доносами: тут явное вредительство!

На все это «смелый новатор» невозмутимо отвечал: начнется война, дадим корпусам автомашины в достатке, усилим артиллерией и зенитками, введем в состав корпуса понтонно-мостовой полк... Такими заявлениями «новатор», не желая того, признавал: в мирное время корпуса небоеспособны.

Тухачевскому возражали: если автомашин нет в мирное время, откуда им взяться во время войны? Тем более что сам Тухачевский настаивал на том, чтобы все автомобили и трактора Советского Союза превратить в «танки».

Но если и дать корпусам в достатке автомобилей, тягачей, артиллерии, зенитных пушек и пулеметов, переправочных средств, то какой же получится длина колонн такого корпуса? И чем те колонны прикрывать, чем защищать и оборонять? И как командир корпуса с этим усиленным хозяйством будет справляться, если он уже сейчас не способен контролировать подчиненные ему войска?

28 декабря 1935 г. в организационную структуру корпусов были внесены изменения. Количество автомобилей в каждом корпусе увеличили с 207 до 1444. Из состава корпуса исключили зенитно-артиллерийский дивизион, один саперный и один огнеметный батальоны, техническую базу и авиационный отряд. В каждом корпусе осталось всего по 12 710 бойцов и командиров.

Однако и эти изменения не решали проблем. Расчеты показывали: в крупных подвижных соединениях на каждую боевую машину надо иметь не менее 4—5 транспортных машин. На 560 танков, 215 бронеавтомобилей, 10 огневых батарей артиллерии с соответствующим количеством пехоты, разведчиков, саперов, связистов, медиков и прочих надо иметь не менее 2000 автомобилей. Колонны такого корпуса растягивались на 250 километров. Да и то если между подразделениями и частями не соблюдались установленные уставом интервалы.

Если следовать уставу и здравому смыслу, то колонны корпуса никак не вписывались ни в 300, ни в 350 километров. Такое количество машин делало корпус малоподвижным, заметным и предельно уязвимым. «Имевшиеся средства связи не обеспечивали командиру корпуса непрерывное и надежное управление в движении и бою» (ВИЖ. 1968. № 8. С. 108).

Хорошая идея — мощные танковые соединения. Но чересчур — значит наоборот. Если по одному маршруту пустить 500 танков, то дорога станет непроходимой для следующих за танками автомобилей. Танки разбивают любой маршрут.

Подвижные соединения Тухачевского были поражены врожденным пороком: они не были подвижными.

Невозможность использования таких громоздких танковых армий в бою была несомненна, поэтому после создания четырех корпусов дальнейшее их развертывание прекратили.

Это ни в коей мере не противоречило принципу массирования танков в бою и операции. Помимо корпусов в Красной Армии было значительное число отдельных танковых бригад. В зависимости от типа состоявших на вооружении танков бригада могла иметь от 148 до 278 танков. И это, видимо, был тот предел, который не следовало переходить.

Танковые бригады были достаточно мощными, но эта мощь не была избыточной, она не шла в ущерб подвижности, не подрывала главных преимуществ подвижных соединений.

Но как же быть, если в данной ситуации для решения конкретной задачи требуется не 150 и не 250 танков, а больше? Никаких проблем. В этом случае надо использовать не одну, а две танковые бригады. Или три.

* * *

Лев — страшный хищник. Но стая волков вполне способна выполнить любую «работу», которую делает один лев. Волки загрызут кого угодно. Разница в том, что тяжелый лев не способен к длительному быстрому бегу. И даже более легкая львица способна к стремительному рывку только на достаточно коротком отрезке.

А вот поджарые волки способны преодолевать огромные расстояния. Танковые бригады были способны решать любые задачи как локальной, так и всеобщей войны. Только их надо было использовать в виде волчьей стаи: много поджарых хищников против одного зверя.

И Сунь-Цзы, и Бонапарт, и Гудериан знали, что только движение приносит победу. А мы с вами знаем, что волка ноги кормят.

Дмитрий Григорьевич Павлов, решительно выступивший против корпусов Тухачевского, это тоже понимал.

Глава 10

ЧТО ЕСТЬ КРУПНОЕ ТАНКОВОЕ СОЕДИНЕНИЕ?

В составе Сухопутных войск оставались достаточно мощные танковые и моторизованные соединения (бригады и дивизии), имевшие на вооружении 250—260 боевых машин.

Эти соединения, как каждое в отдельности, так и в различных комбинациях между собой, могли решать все задачи в рамках глубокой наступательной операции.

Советские Вооруженные Силы. История строительства. М., 1978. С. 239

1

Впервые в настоящем деле два корпуса, созданных по рецептам «смелого новатора» Тухачевского, были использованы в Польше в сентябре 1939 г.

В Польшу вошли два советских фронта. В составе Белорусского фронта действовал 15-й танковый корпус комдива М.П. Петрова. В составе Украинского фронта — 25-й танковый корпус полковника И.О. Яркина.

Оба корпуса действовали крайне неудовлетворительно. Их движение было медленным, кроме того, командиры корпусов постоянно теряли контроль над своими бригадами и батальонами. Танковые корпуса загрохотали дороги, не давая возможности

обеспечивающим подразделениям снабжать танки всем необходимым для марша и боя. Танковые корпуса отстали даже от кавалерийских дивизий. Танки разбили маршрут. Автомашины с ГСМ и боеприпасами не могли следовать за танками.

На совещании высшего командного состава в декабре 1940 года Маршал Советского Союза С.М. Буденный рассказывал про действия 15-го танкового корпуса: «Товарищ Павлов правильно предлагает, чтобы дороги были очищены, потому что если пустить эту махину и загромоздить все войсками, они скоро остановятся и никуда не двинутся... Мне пришлось в Белоруссии (товарищ Ковалев знает) возить горючее для 15-го танкового корпуса по воздуху. Хорошо, что там драться не с кем было. На дорогах от Новогрудка до Волковыска 75 процентов танков стояло из-за горючего. (...) Товарищ Павлов выдвинул вопрос о наличии 2—3 заправок в эшелоне развития успеха. По-моему, надо довести до четырех... Два боекомплекта мне кажется маловато. Нужно исходить из трех боевых комплектов. Когда вы выходите из прорыва на простор, то надо не за всеми объектами гнаться и терять время. Вы должны, елико возможно, глубоко проникнуть в тыл с тем, чтобы получить большой простор для маневра» (Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940. М., 1993. С. 273).

А ведь правильно понимал Семен Михайлович и мыслил трезво.

2

Красная Армия нанесла внезапный удар топором в затылок Польше, которая стояла стеной на пути гитлеровского движения на Восток. Красной Армии в Польше было легко, ибо основные силы Войска Польского воевали против германской армии. К моменту вступления Красной Армии на польскую землю Польша уже понесла огромные потери. К тому же командование Войска Польского отдало приказ не оказывать сопротивления Красной Армии. Отдельные бои и стычки — исключения из правила.

Польское командование надеялось, что братья-славяне идут на выручку, потому организованного сопротивления против

Красной Армии не было. Вот только поэтому застрявшие на дорогах грандиозные, перенасыщенные танками корпуса, созданные по рецептам «смелого новатора», не были позорно разгромлены польской кавалерией.

Корпуса Тухачевского до 1941 года не дожили. Но нетрудно представить их печальную судьбу в случае, если бы они встретились с германскими танковыми дивизиями, если бы вражеская авиация висела над дорогами, забитыми краснозвездными танками, у которых кончилось горючее.

А вот советские отдельные танковые бригады действовали в Польше быстро, решительно и дерзко. И не случайно, что решение о расформировании корпусов Тухачевского было принято осенью 1939 года: завершился «освободительный поход», подбиты итоги, сделаны правильные однозначные выводы: корпуса расформировать к чертовой матери!

Настаиваю: выводы были своевременными и правильными. Можно было бы и раньше до этого додуматься. И опыт Испании тут ни при чем. Был более зримый, более свежий опыт Польши.

Кстати, Дмитрий Григорьевич Павлов и опыт Испании истолковал очень даже правильно. В Испании советские танки Т-26, вооруженные мощной 45-мм пушкой, беспощадно истребляли германские танки Pz-I и Pz-II. Павлов сообразил, что в грядущей войне противник может в своем развитии подтянуться до уровня советских танков и создать нечто, подобное советским танковым пушкам. Исходя из этого он настоял на создании танков с дизельными двигателями, противоснарядным бронированием и с такими пушками, которые могли бы прошибать противоснарядное бронирование вражеских танков в случае, если противник сумеет тоже создать что-либо подобное.

Результат предвидения и настойчивости Павлова: в декабре того же 1939 года на вооружение Красной Армии были приняты KB и Т-34. А немцев опыт Испании так ничему и не научил. Они так при своем и остались. Германские мудрецы, всех мастей Гудерианы и Манштейны, видели, что их танки горят как спичечные коробки при встрече с самым устаревшим советским танком Т-26, но так и не сообразили, что настало время создавать танки с противоснарядным бронированием и ставить на них мощные пушки.

В ноябре 1939 года против существования танковых корпусов, кроме начальника Автобронетанкового управления комкора Павлова, решительно высказались:

- заместитель наркома обороны, начальник Генерального штаба РККА командарм 1 ранга Б.М. Шапошников, он планировал «освободительный поход» в Польшу, он видел результаты;
- командарм 1 ранга С.К. Тимошенко, командующий Украинским фронтом, в его подчинении был 25-й танковый корпус;
- командарм 2 ранга М.П. Ковалев, командующий Белорусским фронтом, в его подчинении был 15-й танковый корпус;
- заместитель наркома обороны командарм 1 ранга Г.И. Кулик, координировавший действия двух фронтов.

Не надо удивляться тому, что против существования танковых корпусов высказались и командиры этих корпусов — комдив М.П. Петров и полковник И.О. Яркин. Уж они-то понимали: начнется настоящая война — корпуса без толку погибнут, не причинив никакого вреда противнику, а виновных найдут быстро. И первыми в черный список впишут именно их, командиров корпусов. И будут правы. Если корпус такой организации невозможно использовать на войне, то неизбежно возникнет вопрос: отчего же вы, подсудимый Яркин, и вы, подсудимый Петров, раньше молчали?

Вот они и не молчали, а высказали все, что наболело, чтобы оградить себя от грядущих вопросов настырного прокурора.

Корпуса расформировали. Но ничего страшного не случилось.

Сравним, что было, с тем, что стало.

До реорганизации в составе каждой советской кавалерийской дивизии было по одному танковому полку. Тут никаких изменений.

В каждой стрелковой дивизии было по одному танковому батальону. Тут все так и осталось.

В Красной Армии было 4 отдельные тяжелые танковые бригады. Тут тоже ничего не изменилось.

Кроме того, в Красной Армии было 32 танковые бригады с танками БТ и Т-26: 8 бригад в составе четырех танковых корпусов и 24 отдельных. После реорганизации в Красной Армии осталось столько же танковых бригад Т-26 и БТ — 32. Только теперь все они стали отдельными.

Что же изменилось? Были ликвидированы *управления* четырех танковых корпусов. Павлов убрал ненужное звено управления, которое мешало и которое было неспособно управлять.

К слову сказать, штабы и органы управления танковых корпусов не исчезли бесследно. В августе 1939 года Сталин начал тайную мобилизацию Красной Армии. Помимо прочего, количество стрелковых корпусов за неполных два года увеличилось с 25 до 62. А количество армий — с 2 до 28. Штабные офицеры и командиры высшего звена (как, впрочем, и всех остальных звеньев) были нужны позарез. Управления четырех расформированных корпусов тут же обратили на формирование штабов новых общевойсковых армий.

4

Теперь давайте договоримся: мы с вами не будем обращать внимания на название, мы обратим внимание на суть.

Суть же заключается в том, что осенью 1939 года Гитлер нечаянно вляпался во Вторую мировую войну, к которой был совершенно не готов.

У него было 6 танковых дивизий и одно формирование, равное по силе танковой дивизии. Штатная численность каждой дивизии — 324 легких танка. У Павлова той же осенью того же 1939 года — 32 бригады по 278 БТ или Т-26.

Согласен: дивизия — это звучит гордо. Но разница в количестве танков между немецкой дивизией и нашей бригадой несущественна. При этом на каждую германскую дивизию по 4—5 наших бригад.

подавляющее большинство германских танков осенью 1939 года — это все те же Pz-I и Pz-II, которые ни в какое сравнение не шли с Т-26, не говоря про БТ. Поэтому при меньшей численности танков бригады Павлова, укомплектованные Т-26, решительно превосходили германские танковые дивизии по ог-

невой мощи, а бригады БТ — и по огневой мощи, и по мобильности.

Так кто же посмел упрекнуть Павлова в том, что он отказался от крупных танковых соединений?

А ведь у него, кроме того, 4 тяжелые танковые бригады, в которых было в зависимости от типа боевых машин от 148 до 183 танков, в то время как у Гитлера в 1939 г. ни один танк пока не дотягивал до 20 т. Проще: в тот момент у него не было не только тяжелых, но даже и средних танков.

И еще: советская пехота и кавалерия были насыщены собственными танками, а в Германии этого не было.

Не забудем и то, что сразу после войны в Польше количество танков в германских танковых дивизиях сократили. По численности танков они сначала сравнялись с бригадами Павлова, а потом и совсем отстали.

Этот процесс так никогда уже и не прекращался до самого конца войны. В ходе каждой новой реорганизации штатное количество танков в германских танковых дивизиях сокращалось, пока в 1944 году не дошло до 70. Но это по штату. Это столько, сколько положено. Но в ходе войны никак не получается иметь столько, сколько хочется, сколько вам должны были дать. В реальной обстановке в танковых дивизиях постоянно не хватало того, что им полагалось иметь.

И вот нас пропаганда уверяет: в Германии понимали роль крупных танковых соединений, а у нас Павлов превратно истолковал опыт Испании.

5

Лукавые академики десятилетиями рассказывают истории про «смелого новатора» и глупых кавалеристов, которые сгубили великие замыслы. Но они забывают рассказать о том, что же предложил Павлов взамен расформированных управлений корпусов.

А предложил он сохранить отдельные танковые батальоны во всех стрелковых дивизиях и танковые полки в кавалерийских дивизиях. Сохранить все отдельные танковые бригады. Сформировать дополнительно 3 танковые бригады и 10 учебных тан-

ковых полков, которые в случае войны следовало развернуть в бригады. Помимо всего этого, 15 лучших стрелковых дивизий Красной Армии, начиная с 1-й Московской Пролетарской, переформировать в моторизованные дивизии. 8 — в 1940-м, еще 7 — в первой половине 1941 года.

Моторизованные дивизии Павлова были мощными, подвижными, компактными, управляемыми, удивительно до изящества сбалансированными. В каждой такой дивизии — четыре полка (танковый, артиллерийский, два мотострелковых), три батальона (разведывательный, связи, легкий инженерный) и два дивизиона (ПТО и зенитный). Всего в дивизии 257 танков. Кроме этого, 49 бронемашин в подразделениях управления, разведки и связи, 98 орудий и минометов (без 50-мм) и 980 автомашин.

Главное в том, что вся реорганизация была связана с минимальным количеством организационных и кадровых изменений и перемещений. Моторизованные дивизии не надо было формировать. Они уже существовали в виде самых лучших стрелковых дивизий Красной Армии. Оставалось отдельный танковый батальон дивизии развернуть в полк, убрать из дивизии один стрелковый полк, а два оставшихся стрелковых полка поедить на машины и добавить им танков.

Кроме того, следовало из стрелковой дивизии, превращаемой в моторизованную, вывести один из двух артиллерийских полков. Убрать всегда легче, чем создать новое. Да и не всегда требовалось убирать. До подписания пакта Молотова — Риббентропа в советских стрелковых дивизиях было по одному артиллерийскому полку. И только с осени 1939 года в их состав начали вводить второй артполк. В момент начала реорганизации Павлова еще не во все стрелковые дивизии был введен второй артполк. А если он и был, то находился в стадии формирования.

36 танковых бригад оставались такими же, как и раньше, только количество танков в каждой из них сократили на два десятка. Предстояло создать 3 новые танковые бригады, что при наличии такого количества уже существующих бригад не представляло труда.

И создать 10 учебных танковых полков. Тут тоже особых проблем возникнуть не могло, ибо в составе каждой танковой бригады был собственный учебный танковый батальон. Павлов предлагал вывести их из состава бригад и объединить в учебные полки. Вот и все.

В любом случае учебные танковые полки должны были находиться далеко от границ. В случае внезапного возникновения войны они не попадали в зону боевых действий.

Швидко грамотные защитники Тухачевского помнят, что по требованию Павлова были расформированы *управления* четырех корпусов, но забывают, что вместо них было создано 15 дивизий, которые превосходили расформированные корпуса и по количеству танков, и по боевой мощи, и по подвижности, и по способности вести боевые действия.

Помимо организационных изменений Павлов готовил качественное переоснащение танковых войск. Еще 21 февраля 1938 года, за три года до катастрофы 1941 года, начальник АБТУ РККА комкор Д. Павлов направил Наркому обороны СССР Маршалу Советского Союза Ворошилову доклад о необходимости коренного пересмотра системы танкового вооружения.

В этом документе Павлов требовал танки сопровождения пехоты Т-26 оставить пехоте и ни в коем случае не забирать их у нее. Павлов требовал перевооружить танки Т-28 и Т-35 76-мм пушкой с настильной траекторией и начальной скоростью снаряда не ниже 560 м/сек. Кроме того, на смену этим двум типам разработать новый тяжелый танк прорыва.

Эти предложения Павлова были реализованы. Для Т-28 и Т-35 была создана 76-мм пушка с начальной скоростью 555 м/сек, кроме того, для замены этих танков был разработан и пущен в серию тяжелый танк прорыва КВ.

Но и это не все. В том же документе от 21 февраля 1938 года содержится требование разработать танк для замены БТ. «Опытные образцы необходимо разработать в двух вариантах: колесно-гусеничный и чисто гусеничный для окончательного решения вопроса о выборе типа (гусеничного или колесно-гусеничного). При получении ходовой части (включая гусеницу) чисто гусеничного танка, работающей не менее 3000 км, можно будет отказаться от колесно-гусеничного типа танка» (РГВА. Фонд 4. Опись 19. Дело 55. Листы 1—2).

Всех нас давно воспитали на красивой легенде: глупенькие военные цеплялись за колесно-гусеничные танки, такой и повелели разработать. Но конструктор Кошкин, великий создатель Т-34, на свой страх и риск разработал одновременно два варианта: и гусеничный, и колесно-гусеничный. Испытания показа-

ли преимущества чисто гусеничной машины, так и родился лучший танк всех времен и народов. Дошло до утверждений, что Кошкин создавал Т-34 «как бы полуполюгально, в инициативном порядке, в промежутках между основной работой» («Красная звезда», 3—9 декабря 2008 г.).

Справедливости ради надо отметить, что красные командиры действительно цепко держались за колесно-гусеничные танки. Только не надо эту цепкость объяснять косностью и глупостью. Колесно-гусеничный танк — это букет проблем при проектировании, производстве, эксплуатации, ремонте, обучении. Чисто гусеничный танк надежнее и проще. Но перед советскими командирами стояла стратегическая задача освобождения целых континентов. Их размах — от тайги до британских морей. Не зря товарищ Сталин растил и холил поэтов, сочинявших поэмы про последний пограничный столб, последний фашистский город, про то, как «мы еще дойдем до Ганга».

Красную Армию готовили к проведению глубоких наступательных операций, но у танков весом более 15 т гусеницы не выдерживали длительного пробега, тем более — на высокой скорости. Если бы наука и техника того времени были способны дать гусеницу, которая выдерживала бы несколько тысяч километров пробега по пересеченной местности на больших скоростях, то от колесно-гусеничных неудобств красные командиры отказались бы решительно и единогласно.

Именно такой танк требовал создать Павлов. Требовал, когда находился в Испании. Требовал, вернувшись из Испании в 1937 г. Когда никакого конструкторского бюро Кошкина еще не существовало. Т-34 создавался по заданию и требованию начальника АБТВ комкора Павлова, что подтверждается и документами, и самыми авторитетными свидетельствами, вплоть до главного металлурга страны академика В.С. Емельянова и Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова, подтвердившего, что «Т-34 был мечтой Павлова, воплощенной в металл».

Так кто и зачем сочиняет и распространяет легенды о том, что Кошкин создавал Т-34 полуполюгально, по собственной инициативе и в перерывах между основной работой? Кому и зачем нужно извращать историю?

Нужно это делать для того, чтобы втоптать Павлова в грязь.

Ибо если признать, что Павлов не был идиотом, что предлагал вещи вполне разумные, но прямо противоположные тому, что делал Тухачевский, а затем Жуков, тогда ореол как «смелого новатора» Тухачевского, так и «маршала победы» Жукова померкнет.

К осени 1939 года КВ и Т-34, которые разрабатывались по заданию и требованию Павлова, были созданы, начались их испытания.

Танками КВ Павлов планировал перевооружить тяжелые танковые бригады прорыва.

Танками Т-34 — моторизованные дивизии.

6

По замыслу Павлова, в легких танковых бригадах надо иметь по 258 танков, в моторизованных дивизиях — по 257.

Танковые бригады — это почти одни только танки с минимальным количеством поддерживающих и обеспечивающих средств, а моторизованные дивизии — это соединения, в которых органически сочетаются танковые части с мотопехотой, артиллерией, средствами ПВО и т.д.

Делалось это вот для чего.

В боевой обстановке нам иногда нужны танковые части и соединения почти в чистом виде, т.е. танки с необходимым минимумом обеспечивающих подразделений. Пример: в стандартном стрелковом корпусе Красной Армии три стрелковые дивизии. Общее количество полков — 9 стрелковых и 8 артиллерийских (по два артиллерийских полка в каждой дивизии и два у командира корпуса). Если в составе стрелкового корпуса было не три дивизии, а только две, тогда общее количество полков — 6 стрелковых и 6 артиллерийских. Словом, пехоты и артиллерии в корпусе хватало. Если корпус действовал на главном направлении, тогда его следовало усиливать танками. Для этого случая — танковые бригады.

На более высоком уровне, т.е. на уровне армии и фронта, при подготовке наступательной операции создавались подвижные группы, предназначенные для стремительных бросков в глубокий тыл противника. Тут требовались соединения, в которых были не одни только танки, но и мотопехота, подвижная артил-

лерия, разведчики, зенитчики и пр. Для такого расклада — моторизованные дивизии.

Организация танковых войск по Павлову получилась простой, четкой, понятной, новые соединения — мощными, мобильными, управляемыми. Танковые бригады и моторизованные дивизии можно было включать в состав стрелковых корпусов, общевойсковых армий и фронтов, а также держать в резерве Главного командования.

Принцип Павлова: не загружать один маршрут тысячами машин, а разнести эту мощь в пространстве, действовать на разных направлениях, но с единой целью, по единому замыслу и плану. При необходимости эти соединения, как кубики, можно было использовать в любых сочетаниях.

Роль заместителей командующих советскими фронтами и армиями в случае войны — возглавить армейские и фронтовые эшелоны развития прорыва (ЭРП). Возможный состав фронтового ЭРП: заместитель командующего фронтом с небольшим штабом, средствами связи и управления, 2—4 танковые бригады и 1—3 моторизованные дивизии. Это не много и не мало, а ударный кулак силой 1000—1500 танков с пехотой, артиллерией и всеми поддерживающими и обеспечивающими силами и средствами. Куда больше? И создаваться такой кулак, по замыслу Павлова, должен там, тогда и постольку, где, когда и поскольку в нем возникла необходимость. Если необходимости нет, танковые бригады и моторизованные дивизии действуют рассредоточенно.

До появления моторизованных дивизий Павлова их роль выполняли кавалерийские дивизии. Комдив Жуков был заместителем командующего Белорусским военным округом по кавалерии. Вот его сообщение: «В мирное время мои функции заключались в руководстве боевой подготовкой частей конницы округа и отдельных танковых бригад, предназначенных опермобпланом к совместным действиям с конницей. В случае войны я должен был вступить в командование конно-механизированной группой, состоящей из 4—5 дивизий конницы и 3—4 отдельных танковых бригад».

В такой группе могло быть 1000—1300 танков. Кто сказал, что этого мало? Кто объявил, что советские командиры не понимали роли крупных танковых соединений?

Павлов только предложил кавалерийские дивизии в таких группах заменить на моторизованные. Он понимал, что средства

связи того времени не позволяли управлять единой танковой массой в 500—600 танков и несколько тысяч автомашин. Поэтому предлагал иметь танковые формирования меньшего размера, но более мобильные и управляемые.

В случае действий нескольких таких формирований на одном направлении управлять ими следовало не столько по единой системе связи, что тогда было невозможно, сколько увязывая их действия единым замыслом.

И это были не просто теоретические рассуждения. У Павлова в руках был результат блистательного эксперимента. В августе 1939 года советские войска на Халхин-Голе впервые в мировой истории применили тактику, которую немцы нарекли блицкригом. В составе советских войск не было мехкорпусов. Но там была мотострелковая дивизия, 2 танковые и 3 мотоброневые бригады. Они действовали на значительном удалении друг от друга, но по единому замыслу. Результат — стратегический.

Это то, доказывал Павлов, что нам требуется.

Надо обороняться — мотострелковая дивизия и танковые бригады во взаимодействии с пехотой, артиллерией, саперами с этой задачей на Халхин-Голе вполне справились. Причем в войне против очень сильного противника, в очень тяжелых климатических условиях, в ситуации огромного отрыва от баз снабжения.

Надо наносить контрудары — у них и это получалось.

Надо наступать, и для этого создавать подвижные группы, — пожалуйста. Никаких проблем. На Халхин-Голе были сформированы две подвижные группы в точном соответствии с той задачей, которую предстояло решать. Они ее успешно выполнили. Чего же боле?

Жуков побеждал на Халхин-Голе, кроме всего прочего, еще и потому, что в руках у него оказались правильные, созданные не им инструменты войны.

Он этого не понял. Он этого не оценил.

7

После Сталина было приказано восхвалять Тухачевского. Все, к чему «смелый новатор» приложил руку, объявлялось гениальным. Идеологические горлопаны, не вникая в суть дела,

завопили дурными голосами: «Гигант военной мысли! Звезда первой величины в плеяде выдающихся! Гения не поняли! Гения сгубили!»

Горлопаны не смотрят на суть. Для них термин важнее. Раз Павлов предложил бригады, значит, это нечто очень мелкое. А вот у немцев — танковые дивизии. Раз дивизии, значит, это крупные соединения, значит, немцы роль крупных танковых соединений понимали.

Но ведь редко какая германская танковая дивизия 1941-го и всех последующих годов по количеству (и качеству) танков могла сравниться с танковыми бригадами и моторизованными дивизиями Павлова.

Вот сведения о количестве танков в некоторых германских танковых дивизиях на 22 июня 1941 года:

- 1-я — 154;
- 3-я — 198;
- 4-я — 169;
- 9-я — 157;
- 13-я — 147;
- 14-я — 163;
- 16-я — 158.

Сравните это с танковыми бригадами и моторизованными дивизиями Павлова!

Кстати, нам рассказывают о том, что дивизии и корпуса Красной Армии не были полностью укомплектованы. А мы обратим внимание на германский разнობой. Какая из этих дивизий полностью укомплектована?

Возражают, что германские танковые дивизии были собраны в четыре группы. Правильно. А кто мешал бригады и дивизии Павлова собирать в группы? Именно это он и предлагал делать. Именно на этом настаивал.

Давайте же не на название смотреть, а на то, что за этим названием стоит.

Вот вам примеры.

1 ноября 1942 года командующий германской танковой армией «Африка» доложил в Берлин, что в составе танковой армии 409 танков, в том числе 321 исправный.

Танковой армии «Африка» посвящены терриконы книг, статей, диссертаций, фильмов. А ведь это, если разобраться, пара

танковых бригад Павлова, причем не полностью укомплектованных.

Еще пример. Маршал Советского Союза А.И. Еременко описывает самый страшный день Второй мировой войны — 23 августа 1942 года. Понятно, что речь идет об обороне Сталинграда. Волга — главная нефтяная артерия Советского Союза. По Волге нефть Каспия гонят вверх по течению. Это линия с юга на север. В каждом крупном речном порту часть нефти перегружают в железнодорожные цистерны и гонят их на запад и на восток. Стоит артерию перерезать, стоит только немцам выйти к Волге, на высоком берегу поставить несколько пушек, и Красная Армия задохнется, и промышленность остановится, и Советский Союз рухнет. Удобнее всего выйти к Волге у Сталинграда.

Еременко тогда был командующим фронтом, звание — генерал-полковник. Вот его рассказ: «Было ясно, что гитлеровцы перешли в наступление непосредственно на Сталинград. Об этом же свидетельствовал и доклад из штаба 8-й воздушной армии. Летчики видели две вражеские колонны примерно по 100 танков в каждой. За ними — сплошные колонны автомашин с пехотой. Все это катит на Сталинград» («Красная звезда», 12 октября 2002 г.).

Ситуация критическая. На волоске судьба Советского Союза. Силы у немцев огромные. Сила в том, что танки не одни — за колоннами танков идет уйма автомашин: управление, связь, саперы, ремонтники, пехота, артиллерия, зенитчики, медики, боеприпасы, ГСМ и все остальное. А самих-то танков...

Если присмотреться, так по количеству танков это всего только одна бригада Павлова. И опять же не полностью укомплектованная. Да и та на две части разорванная. И танки все легкие и средние.

Выходит, что с соединениями типа бригад Павлова можно было вполне решать как оперативные, так и стратегические задачи. А данный пример показывает, что можно было бы обойтись даже и более мелкими соединениями: противник ввел в прорыв две боевые группы (называйте их полками, бригадами, дивизиями — не в названии дело) по 100 танков в каждой. Ведь все равно идут они по разным маршрутам, но связаны общим замыслом, общей целью. Главное в том, что они находятся под единым контролем вышестоящего начальника и полностью обеспечены всем необходимым для жизни и боя.

И вот нам вбивают в головы: уж немцы-то понимали, что танки надо собирать в мощные группы. Так вот, две группы по 100 танков в каждой со всеми необходимыми поддерживающими и обеспечивающими частями чуть было не решили исход Второй мировой войны.

И если речь пошла о крупных танковых соединениях, то ни при каких условиях не обойти нам грандиозное танковое сражение на Курской дуге летом 1943 года.

Среди германских войск лучше всего были укомплектованы части в соединения СС: в дивизии «Великая Германия» к началу сражения 163 танка, в 3-й танковой дивизии СС — 139 танков.

Танковые дивизии Вермахта были вооружены слабее:

3-я танковая — 90 танков;

9-я — 83;

12-я — 82;

18-я — 72;

19-я — 81 и т.д.

Я привожу официальные сведения из «Военно-исторического журнала». Прямой интерес как советских генералов тогда, так и официальных историков сейчас в том, чтобы силы противника преувеличить. В данном случае, например, среди прочих приемов обмана приводится и такой: советские танки делят на две категории — «всего» и «в том числе исправных», а среди германских танков так делят только те, которые воевали в Африке. Те, что воевали против Красной Армии, наши серьезные историки на исправные и неисправные не делят. Вроде у немцев всегда и все исправные.

В среднем каждая германская танковая дивизия к началу сражения на Курской дуге располагала 78 танками. Кто после этого будет утверждать, что Дмитрий Григорьевич Павлов, предлагая иметь танковые бригады и моторизованные дивизии силой по 257—258 танков, не понимал роли и значения крупных танковых соединений?

Еще пример для сравнения. В декабре 1944 года 6-я гвардейская танковая армия нанесла удар в обход Будапешта. В ее составе 220 танков, 9 самоходно-артиллерийских установок, 16 установок РС, 390 орудий и минометов и 1956 автомашин (ВИЖ, 1973. № 12. С. 65).

Колоссальная мощь. Вот доказательство того, что на заключительном этапе войны советские полководцы поднялись на высочайший уровень, верно понимали роль танковых войск и правильно их использовали.

А я опять возражаю: назовите 6-ю гвардейскую танковую армию другим именем — и получите то, что предлагал Павлов.

* * *

100 танков, 200 танков — огромная сила. Но только при условии, если они обеспечены топливом, боеприпасами, запаянными частями, если действуют совместно с артиллерией, пехотой, разведчиками, зенитчиками, саперами, медиками, ремонтниками.

В каждом корпусе, который был развернут в соответствии с рецептами Тухачевского, 560 танков и 215 броневых автомобилей. Но они не обеспечены ни топливом, ни боеприпасами, ни средствами управления и связи, ни артиллерией и зенитчиками, ни разведчиками, ни пехотой. Такая организация — дурь и блажь. А если смерить прокурорским прищуром — измена и вредительство.

Комкор Павлов это понял. Он против этой дури выступил.

Глава 11

А ОН И ЛОБ РАСШИБЕТ

Проводимые мероприятия, особенно формирование механизированных корпусов и артиллерийских полков РКК, были подчинены только интересам наступления, без учета, что им придется вести и оборону.

*Генерал-полковник Л.М. Сандалов.
Первые дни войны. М., 1989. С. 44*

1

Казалось бы, для того чтобы дробить камни, нужна кувалда. Чем тяжелее, тем лучше.

Однако есть предел.

Если кувалду не поднять, то в этом случае легкая лучше тяжелой. Корпуса Тухачевского были неподъемными. Именно поэтому комкор Павлов требовал от них отказаться.

Преимущество структуры, которую предложил Павлов, в том, что она была гибкой. Она создавалась для наступательной войны. Но при необходимости соединения, созданные по рецептам Павлова, можно было использовать для обороны, нанесения контрударов, для контрнаступления, перерастающего во всеобщее наступление.

В оборонительных сражениях дивизии и бригады Павлова можно было использовать в засадах на путях движения против-

ника. В случае отступления бригады и дивизии Павлова можно было оставлять в качестве арьергарда: главные силы отходят и закрепляются на новом рубеже, их отступление прикрывают подразделения быстроходных танков, которые сдерживают некоторое время противника, затем рывком уходят к главным силам.

Павлов настоял на своем.

Но долго радоваться ему не дали. У мехкорпусов были свирепые сторонники. Борьба за воссоздание мехкорпусов была жестокой. Стараниями ужасно прогрессивных стратегов 7 июня 1940 года командарм 2 ранга Павлов был снят с должности начальника Автобронетанкового управления Красной Армии и отправлен командовать Белорусским особым военным округом, который через несколько дней после назначения Павлова был преобразован в Западный особый.

Павлова сняли с АБТУ, чтобы не мешал повороту на гибельный путь.

9 июня 1940 года нарком обороны утвердил план формирования восьми мехкорпусов. Танки было решено сгонять в неповоротливые, неуправляемые стада. 4 июля 1940 года СНК СССР принял постановление № 1193-464сс, которое утверждало новую штатную организацию мехкорпуса. В каждом корпусе — две танковые и одна моторизованная дивизии, мотоциклетный полк, несколько отдельных батальонов, авиационная эскадрилья.

Сторонники мехкорпусов окончательно победили. Главная их идея: корпусов надо иметь не четыре, как при Тухачевском, а вдвое больше! И в каждом корпусе не 560 танков, а опять же — вдвое больше!

И началось развертывание сначала восьми мехкорпусов чудовищной организации. Затем к ним добавили еще и девятый. В каждом таком корпусе — 36 080 командиров и бойцов, 1031 танк, 266 броневедомостей, 1710 мотоциклов, 358 орудий и минометов, 5165 автомобилей, 352 трактора, 12 самолетов.

Всего в таком корпусе было 13 полков: 5 танковых, 4 мотострелковых, 3 артиллерийских, 1 мотоциклетный.

Пяти тысяч автомобилей для обслуживания одной тысячи танков явно не хватало. Поэтому корпуса дополняли сверх нормы автомобильными батальонами.

В случае движения такого корпуса в одной колонне ее длина составляла 400—450 км. Это без средств усиления. Но корпуса намечалось усиливать двумя корпусными артиллерийскими

полками, помимо трех, которые уже были в его составе, инженерно-саперными и понтонно-мостовыми полками и батальонами и другими средствами.

И это начали осуществлять. Например, в состав 4-го мехкорпуса были введены дополнительно 441-й и 445-й корпусные артиллерийские полки, в состав 5-го мехкорпуса — 467-й и 578-й и т.д.

Командиры, которым выпало несчастье такими корпусами командовать, понемногу роптали. На декабрьском совещании высшего командного состава командир 6-го мехкорпуса генерал-майор М.Г. Хацкилевич заявил: «Иногда заставляют идти в прорыв в полосе 5—6 километров. Как может такая масса танков войти в прорыв? Мы подсчитали на наших учениях (даже выбрасывали по 2500 машин из боевого состава, брали самое необходимое для жизни и боя), и то у нас в прорыв идет 6800 машин, почти 7000. Как можно втиснуть такую массу машин на такой узости этого фронта?» (Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940. С. 275).

Нам рассказывают о причинах германских побед: все дело в том, что немцы сосредоточились на узких участках. Ох, побывать бы им на учениях 6-го мехкорпуса, поучиться бы на узких участках сосредоточиваться...

Впрочем, немцы это и без приглашения через границу видели. 6-й мехкорпус Хацкилевича — прямо на самом острие Белостокского выступа.

Генерал Хацкилевич продолжал: «Один боекомплект — это 100 вагонов. Вот представьте себе, какой нужен тыл, чтобы за собой все это тянуть, тем более если иметь три с половиной боекомплекта».

Но и про три заправки не следует забывать, которые тоже с собой надо тянуть...

Мошь такого корпуса можно представить несколько иначе. Давайте встанем на обочине и полюбуемся на мехкорпус, который прет мимо нас. Один танк или автомобиль в минуту. Они же не впритык идут, как по Тверской, а держат установленные уставом дистанции. Кроме того, движение в колонне снижает скорость. И танки у нас в колоннах не только быстроходные, но всякие. Вперемежку с тракторами, которые тянут за собой тяжелые орудия, до 152-мм гаубиц-пушек включительно. И дорога у нас советская.

Теоретически — 60 машин в час.
1440 в сутки.

Однако дистанции надо держать не только между отдельными машинами, но и между ротами. А это уже не 35—40 м, а 200—300. И между батальонами дистанции. Чуть побольше. И между полками. И между дивизиями.

Тут еще и поломки машин, которые движение тормозят. И привалы. Теоретически мимо одной точки мехкорпус должен был стремительно проскакать за 7 суток. Если, конечно, личный состав будет меньше спать, меньше есть, меньше тратить времени на заправку и ремонт машин. Не забудем, что танк требовал ремонта через 50 часов движения (Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940. С. 298).

7 суток — научно обоснованная норма. Правда, не всегда в нее удавалось вписаться.

В ходе декабрьского совещания высшего руководящего состава Красной Армии командир 1-го мехкорпуса генерал-лейтенант П.Л. Романенко докладывал о том, как он намерен действовать на войне. Его перебил нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко: «После того как вы повели свой корпус, вы все поломали и загородили на неделю дорогу» (Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940. С. 155).

Давайте же согласимся: когда Дмитрий Григорьевич Павлов выступал против *таких* мехкорпусов, у него были на то основания.

2

Использовать *такой* корпус в обороне невозможно: танки можно быстро зарыть в землю, но что делать с тысячами автомашин? Они — прекрасная цель для вражеской авиации. А без автомашин, т.е. без топлива, запчастей и боеприпасов, танки бесполезны.

И для контрудара такой корпус использовать нельзя. Если пустить мехкорпус вдоль фронта к месту вражеского прорыва, то 1000 танков, 1500 мотоциклов, 350 тракторов, 5000—7000 автомобилей запрудят все дороги и не позволят другим соедине-

ниям, которые действуют рядом, ни снабжать себя, ни совершать маневр резервами, ни отходить назад.

Такой корпус предназначался только для прорыва на вражескую территорию. Только там можно было вытянуть его колонны. Только там можно было реализовать его колоссальную мощь. Но только при условии нашего полного господства в воздухе.

Иными словами, создание таких корпусов автоматически предполагало внезапный удар советской авиации по вражеским аэродромам для завоевания господства в воздухе в первый момент войны. В других условиях использовать такой корпус было невозможно: он слишком уязвим от вражеской авиации.

Но и в наступлении корпус такого состава мог использоваться только при условии полной внезапности, когда тысячи танков вдруг врываются на вражью землю и прут вперед, не отвлекаясь на мелкие стычки, обходя очаги сопротивления, имея впереди ясную, заранее известную командирам цель.

Точно так, как колонны германских танков в 1940 году рвались к берегам Атлантики.

Точно так, как 6-я гвардейская танковая армия в августе 1945 года шла вперед к Тихому океану.

Но любые заранее незапланированные отклонения от первоначальных планов могли завершиться поражением потому, что инерция этой массы была колоссальной, а управлять ею было почти невозможно.

В голову приходит спасительная идея: а почему бы не пустить такой корпус по трем или четырем маршрутам?

Идея великолепная. Но это именно то, что предлагал командир Павлов, — не собирать танки неуправляемыми массами и гнать их одной колонной, а иметь танковые соединения размером поменьше и вести их в сражение по разным маршрутам, но к общей цели и по единому замыслу.

Мне напоминают, что на конечном этапе войны советские командиры управляли танковыми армиями. Правильно. Но танковых армий было только пять. В самом конце войны — шесть. Вводились они в сражение, имея в своем составе 500—600 танков. Редко — 800—900. Но бывало и 200—300 танков в танковой армии. Танки были советские, но использование танковых армий стало возможно после получения из Америки сотен тысяч автомобилей высокой проходимости и соответствующего количества средств связи. В 1941 году этого не было, потому управ-

лять такими корпусами в быстроменяющейся обстановке было невозможно. И обеспечивать их всем необходимым для жизни и боя — тоже невозможно.

3

В январе 1941 года начальником Генерального штаба Красной Армии был назначен генерал армии Г.К. Жуков, и он объявил: девяти мехкорпусов мало. В Красной Армии надо иметь **ТРИДЦАТЬ** таких корпусов!

Жуков настоял на их формировании. Впоследствии управление одного мехкорпуса расформировали, не завершив его создания.

Но и 29 — это так много, что после войны при Сталине и даже при Хрущеве об этом стеснялись говорить. В официальной истории сообщалось, что мехкорпусов создавалось *несколько* (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1961. Т. 1. С. 457).

Прочитаешь такое и прикинешь: ну три... ну пять...

Тут еще раз стоит вспомнить «самую правдивую книгу о войне». Жуков сообщал, что у немцев было 3712 танков. И это было в 5—6 и более раз больше, чем в Красной Армии. А чуть раньше в той же книге он поведал, что в начале 1941 года настаивал на создании 30 мехкорпусов по 1000 танков в каждом, а глупенький Сталин почему-то колебался...

Решение о развертывании 9 мехкорпусов было явно ошибочным. Решение о доведении их числа до 30 было преступлением против Красной Армии. Спихнуть на Сталина вину за это преступление никому не удастся. «И.В. Сталин, видимо, не имел определенного мнения по этому вопросу и колебался. Время шло, и только в марте 1941 года было принято решение о формировании просимых нами 20 механизированных корпусов» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 197).

Укомплектовать все это было решительно невозможно. В управлении каждого мехкорпуса и корпусных частях (мотоциклетный полк, авиационная эскадрилья, батальон связи и пр.) в соответствии со штатом 10/20 полагалось иметь 346 человек командного и начальствующего состава, т.е. офицеров по совре-

менной терминологии. Для укомплектования управлений и корпусных частей 29 корпусов требовалось 10 034 офицера.

Так это, наверное, с сержантами? Нет. Младшего состава в управлении каждого мехкорпуса и в корпусных частях в соответствии с тем же штатом 10/20 должно было быть 434 человека. Всего — 12 586 в 29 корпусах.

Для каждой новой танковой дивизии требовались 1334 офицера и 2437 старшин и сержантов. Всего по требованию Жукова создавалась 61 танковая дивизия. На их укомплектование требовались 81 374 офицера, 148 657 старшин и сержантов.

К этому еще 31 моторизованная дивизия. Штат 05/70. Офицеров в моторизованной дивизии — 1093, сержантов и старшин — 2276. На 31 дивизию требовалось 33 883 офицера и 70 556 младших командиров.

Итого на укомплектование 29 мехкорпусов, 3 отдельных танковых и 2 отдельных моторизованных дивизий требовалось 125 291 офицер и 231 799 старшин и сержантов.

Всего в 29 мехкорпусах и 5 отдельных танковых и моторизованных дивизиях должно было быть 1 101 110 бойцов и командиров. Цифра получилась как в компьютерной программе — единички и нолики.

Это не считая двух мотострелковых дивизий, мотоброневых бригад, танковых полков кавалерийских дивизий, танковых дивизионов горнокавалерийских дивизий, отдельных танковых батальонов воздушно-десантных корпусов, некоторых стрелковых дивизий и бригад, танковых частей и подразделений НКВД.

Править такими массами танковых войск с помощью старого аппарата управления было невозможно. Решение о развертывании мехкорпусов повлекло за собой и решение о перестройке аппарата управления.

26 июня 1940 г. АБТУ РККА было преобразовано в Главное автобронетанковое управление РККА в составе четырех управлений. Для этого требовались самые опытные и самые знающие танкисты в самых высоких званиях.

Кроме того, в состав Управления боевой подготовки НКО входила инспекция автобронетанковых войск (генерал-инспектор — генерал-майор танковых войск Б.Г. Вершинин, заместитель — генерал-майор танковых войск П.Е. Шуров).

Помимо этого, непосредственно наркому обороны подчинялось управление снабжения горючим (генерал-майор танковых войск П.В. Котов).

В каждом военном округе и на Дальневосточном фронте танковыми войсками руководил начальник Автобронетанкового управления (АБТУ). Всего было 17 таких управлений. Начальник АБТУ и его заместитель — генеральские должности.

В каждой общевойсковой армии руководство танковыми войсками осуществлял начальник автобронетанкового отдела (АБТО). Это тоже генеральская должность. Например, начальником АБТО 17-й армии был генерал-майор танковых войск М.И. Павелкин, 18-й армии — генерал-майор танковых войск Н.Д. Гольцов, 21-й армии — генерал-майор танковых войск В.Т. Вольский, 23-й армии — генерал-майор танковых войск В.Б. Лавринович. Всего на 21 июня 1941 года в составе Красной Армии было 28 общевойсковых армий и 3 в стадии подготовки к развертыванию. И у каждого генерала соответствующий аппарат управления...

Из-за нехватки танковых генералов на должности начальников АБТУ и АБТО ставили полковников, но они обладали как генеральскими привилегиями, так и генеральской властью.

Для укомплектования всех этих управлений и отделов требовались генералы, генералы, генералы. И полковники с майорами и капитанами.

Для этой танковой орды надо было готовить кадры. Их готовили Военная академия им. Сталина и 21 танковое училище. Каждое военное училище — одна генеральская должность. И много генеральских должностей в академии. Кроме генералов, и академии, и военным училищам требовались во множестве полковники, подполковники, майоры и прочие всякие...

В Харькове было два танковых училища. В Ульяновске — тоже два танковых. А в Саратове — три танковых училища! Не считая всяких прочих.

В других родах войск творилось то же самое. В Чкалове было два училища ВВС. В Киеве — два артиллерийских, а в Ленинграде — три артиллерийских училища. Так и назывались: 1-е ЛАУ, 2-е ЛАУ, 3-е ЛАУ.

Переподготовка офицеров танковых войск проводилась на Ленинградских бронетанковых курсах усовершенствования ко-

мандного состава. Начальник курсов — генерал-майор танковых войск Н.А. Болотников.

Но готовить надо было не только офицеров, но и сержантов. Для танковых войск были развернуты учебные центры просто невероятной производительности.

Танки надо ремонтировать и снабжать. Помимо боевых и учебных подразделений требовалось развернуть склады ГСМ и бронетанкового имущества, ремонтные заводы и базы, в том числе подвижные.

В первой половине 1941 года в Советском Союзе шло развертывание танковых войск, в составе которых должно было быть, учитывая управленческий аппарат, академию, военные училища, курсы переподготовки, учебные центры и обеспечивающие структуры, никак не меньше полутора миллионов человек.

Столь же бурными темпами шло развертывание авиации, воздушно-десантных войск, артиллерии и всех остальных компонентов машины сокрушения.

4

Сталин не зря колебался. Был риск. Был страшный риск. Если бросить такие корпуса через границу, их никто остановить не сможет. Даже если бросить не все, а только десяток, даже не до конца укомплектованных, все равно эту броневую массу никому не удержать.

Но в случае вражеского нападения вся эта масса войск воевать не способна. Просто из-за длины колонн. Просто из-за поднимаемой пыли. Просто из-за невозможности укрыть эти массы от воздушной разведки и ударов с воздуха. Просто из-за нереальности задачи все это снабжать и этим управлять.

Ради создания мехкорпусов надо было отобрать все танки у советской пехоты. Жуков их отобрал, и пехота осталась без танков. В случае наступательной войны — ничего страшного. Пехота победоносно пойдет вперед вслед мехкорпусам. Но если враг ударит первым, пехота без танков может и побежать...

Так оно и случилось.

Результат затеи: почти из всех стрелковых дивизий изъяли танковые батальоны Т-26 и бросили их на формирование жуковских

мехкорпусов. Устойчивость всех советских стрелковых дивизий этим была резко снижена. А танки собрали в чудовищные неуправляемые массы. Советские стрелковые дивизии были не полностью укомплектованы противотанковыми пушками, зато у них были танки Т-26. А это та же пушка, но только самоходная. Та же пушка, но бронированная. Та же пушка, но еще и с пулеметами.

Танки Т-26 из дивизий изъяли и этим резко снизили их сопротивляемость в случае встречи с вражескими танками.

Формирование мехкорпусов означало, что с высшего уровня понимания роли танков в войне Красная Армия скатилась на более низкий уровень: сверхмощные соединения есть, а танков поддержки пехоты нет.

Павлов предлагал иметь относительно небольшие, но подвижные бригады и дивизии. А Жуков в гигантские танковые массы собрал все, что было в Красной Армии. И вот в одной колонне движутся тяжеленные КВ — скорость 34 км/ч, запас хода 240 км — и БТ-7М — скорость на гусеницах 62 км/ч, запас хода на гусеницах 600 км. И тут же Т-26 со скоростью 30 км/ч. И Т-34 со скоростью 55 км/ч.

А кроме того, тракторы «Сталинец» и «Ворошиловец» с тяжеленными орудиями на крюке и скоростью 10—15 км/ч.

Жуков загнал быстроходные танки в тихоходные колонны, в которые вписал еще автомашины низкой проходимости и сотни тракторов с тяжеленными пушками и гаубицами. Тем самым Великий Стратег лишил быстроходные танки их главного преимущества. Он вязал ноги бегунам, превращая маневренную массу в тягучую, малоподвижную. Тем самым он свел к нулю жертвы, усилия и страдания народа за все предвоенные годы.

Народ дал армии первоклассное оружие в невиданных нигде в мире количествах. Оставалось этими количествами и качествами умно распорядиться. Но во главе Мозга Армии оказался безмозглый солдафон.

5

В июне 1941 года во всем мире было 40 механизированных корпусов. В том числе:

в США — 0;

в Великобритании — 0;

в Японии — 0;

в Италии — 0;

Франция в тот момент как самостоятельное государство не существовала;

в Германии — 11, в том числе 9 — на советско-германском фронте, 1 — в Африке, 1 — в резерве;

в Советском Союзе — 29.

Три четверти мехкорпусов всего мира были советскими. Но это на первый взгляд. При внимательном рассмотрении обнаруживается, что минимум восемь советских мехкорпусов по своей мощи, количеству и качеству вооружения каждый в отдельности превосходили все бронетанковые войска Германии, вместе взятые, и все танковые войска мира, вместе взятые. К таким корпусам относятся:

1-й мк Северного фронта (командир — генерал-майор танковых войск М.Л. Чернявский);

2-й мк 9-й армии Южного фронта (генерал-лейтенант Ю.В. Новосельский);

3-й мк 11-й армии Северо-Западного фронта (генерал-майор танковых войск А.В. Куркин);

4-й мк 6-й армии Юго-Западного фронта (генерал-майор А.А. Власов);

6-й мк 10-й армии Западного фронта (генерал-майор М.Г. Хацкилевич);

8-й мк 26-й армии Юго-Западного фронта (генерал-лейтенант Д.И. Рябышев);

15-й мк Юго-Западного фронта (генерал-майор И.И. Карпезо);

16-й мк 12-й армии Юго-Западного фронта (комдив А.Д. Соколов).

На 22 июня 1941 года подавляющая часть германских танковых войск была брошена против Красной Армии: 3712 устаревших, изношенных танков. А в Красной Армии их было 25 000, в том числе более 3000 самых современных танков БТ-7М, Т-40, Т-34, КВ-1 и КВ-2, равных которым не было ни у кого в мире. И вот писатель Носов повествует о германских танковых армадах и полном отсутствии оных в Советском Союзе...

Но, гражданин Носов, были и у нас корпуса, почище гитлеровских.

Так в чем же дело? В чем причина катастрофы?

Изучение вопроса приводит любого исследователя к парадоксальному выводу: страшный разгром 1941 года случился не потому, что в Красной Армии не было мехкорпусов. Разгром именно потому и случился, что мехкорпуса были, потому что были они слишком мощными, потому что было их слишком много.

Дмитрий Григорьевич Павлов был совершенно прав, выступая против их создания, но ему не поверили, вопреки его мнению мехкорпуса развернули и тем сгубили кадровую Красную Армию.

21 февраля 1938 года, за три года до катастрофы 1941 года, начальник АБТУ РККА комкор Д. Павлов направил Наркому обороны СССР Маршалу Советского Союза Ворошилову доклад о необходимости коренного пересмотра системы танкового вооружения. Павлов предупреждал: «Разные же тактико-технические показатели (по скоростям, проходимости, бронированию и вооружению) этих боевых машин, действующих в одном соединении, приводят к неправильному боевому использованию их» (РГВА. Фонд 4. Опись 19. Дело 55. Листы 1—2).

Павлов требовал формировать соединения мощные, однако не переступая той грани, за которой они становятся неповоротливыми и неуправляемыми. Кроме того, он настаивал на том, чтобы в каждом соединении были танки одного, максимум двух типов: например, основная масса в соединении — тяжелые танки прорыва, а также некоторое количество легких подвижных танков для разведки и охранения.

А безграмотный Жуков замешивал в свои мехкорпуса все, что попадало под руку. Посмотрите на состав любого мехкорпуса 1941 года, и увидите в каждом корпусе весь спектр бронетанковой техники: от наших первенцев до новейших образцов, от легких и легчайших до самых тяжелых, от танков прорыва до танков развития успеха, от разведывательных до танков непосредственной поддержки пехоты.

6

Некто Н. Яковлев написал книгу «Маршал Жуков» (М., 1995). Творческий метод восхитительный. Товарищ Яковлев старательно переписал мемуары Жукова, добавляя к ним свои комментарии: вот тут он прав! И тут тоже! И вот тут! Ах, как хорошо! Ох, какое мудрое решение! И какое смелое!

Вот и до мехкорпусов Яковлев добрался: «Не сразу и не вдруг ему удалось убедить в правильности своей точки зрения Сталина. Решение об этом последовало только в марте 1941 года. Решение правильное, но ресурсы! Для укомплектования этих корпусов нужно было 16,6 тысячи танков новых образцов, а всего 32 тысячи танков! Наша промышленность дала... Но курс был взят верный, начатое тогда формирование корпусов ошутимо отразилось на ходе войны» (с. 60).

Тут повторяется история с Тухачевским. О нем наша любезная пропаганда писала, что его предложения о производстве 50—100 тысяч танков в год были совершенно правильными, вот только цифры нуждались в уточнении.

Но если цифры уточнить, если их привести в соответствие с возможностями экономики страны, то от предложений Тухачевского ничего не оставалось.

Вот и еще один Гениальный Стратег взял верный курс: даешь мехкорпуса! Только ресурсы... Нет в стране столько танков, автомашин, средств связи, и промышленность не способна столько построить в ближайшие годы. И офицеров столько нет в стране. И содержать столько офицеров, обеспечить их обмундированием, продовольственными пайками, деньгами, жильем ни одна страна не способна.

Не оттого, что такая у нас слабая промышленность. Если бы весной 1941 года были бы собраны все танки всех стран мира, то и тогда жуковские мехкорпуса невозможно было бы укомплектовать.

В защиту мудрости Стратега выступает «Красная звезда» (25 марта 2006 г.): «Следовательно, Жуков прав, и неуккомплектованность моторизованных и танковых частей к началу войны достигала 50—60 процентов».

Вот такая в Министерстве обороны России логика. Жуков настоял на формировании невероятного количества мехкорпусов, танковых и моторизованных дивизий, которые ни при каких условиях было невозможно укомплектовать ни танками, ни автомашинами, ни средствами связи, ни личным составом. Сталин долго этому сопротивлялся. Но Жуков настоял. Грянула война, и у Жукова оправдание: так они же не укомплектованы!

И кто же виноват? Понятно, Сталин.

Теперь вопрос гражданину Н. Яковлеву: видел ли он проселочную дорогу, по которой прогремела колонна в 100 танков? А

у Жукова в неуккомплектованных корпусах по 300, 500, 700, 800 и более танков! Ему хотелось бы и по 1000 в каждом корпусе. В первые дни войны тяжелые танки ломали дороги и мосты, следом за ними — сотни других танков и тракторов с орудиями. А уж за ними по непроходимому бездорожью — тысячи автомашин. Они отставали, а то и вообще останавливались. Но тогда останавливаются и танки. Потому как в машинах ремонтники, запчасти, ГСМ. Куда же танкам без них?

На дорогах (особенно наших) такие титанические скопления машин создавали гигантские пробки. В оборонительной войне, когда господство в воздухе принадлежит противнику, скопления танков превратились в прекрасную цель для немецких бомбардировщиков: бей, не промахнешься.

Одновременное формирование 20 мехкорпусов, когда еще не завершилось создание первых девяти, привело к тому, что слаженные боевые механизмы и устоявшиеся воинские коллективы танковых батальонов и бригад были полностью разрушены. По проектам Жукова в стране шло одновременное формирование 92 танковых и моторизованных дивизий. Командиры взводов становились ротными и тут же поднимались выше — на должности комбатов. Не потому, что Сталин в 1937 году истребил «40 тысяч стратегов», а потому, что в стране создавалось умопомрачительное количество авиационных, танковых, десантных и прочих дивизий и корпусов.

Вам приходилось принимать должность на новом месте? В первые дни все офицеры и солдаты на одно лицо. Поди упомни, кто тут командир первого батальона, а кто третьего, кто начальник разведки, а кто заместитель начальника штаба полка, кто твой солдат, а кто не твой.

Хорошо, если в полку всего несколько новых офицеров, которые еще не освоились. А если весь полк новый? Если все офицеры и все солдаты новые? Если никто никого не знает? 20 новых мехкорпусов, которые начали формировать в марте 1941 года, — это 60 новых дивизий, 260 новых полков, тысячи новых батальонов. Но чтобы их укомплектовать, приходилось бойцов и командиров забирать из ранее созданных соединений и частей...

Весной 1941 года, добившись коренной реорганизации Красной Армии, Жуков перемешал всех командиров всех танковых войск. Все на своих местах были новичками. Все друг на друга смотрели удивленными глазами: а ты, братец, кто таков?

Жуков никогда не изучал историю военного искусства. А там содержатся уроки на века. Вот вам македонская фаланга. 8, 16, а то и 25 шеренг по 800—1000 бойцов в каждой шеренге. Устоять против фаланги не мог никто. Один у нее недостаток: развернуть ее невозможно.

Римляне сделали мощный шаг вперед. Они расчленили монолитную фалангу на отдельные отряды — манипулы. Расчленение на тактические единицы сделало армию более подвижной, управляемой, способной вести сражение на любой местности, осуществлять маневрирование в бою и наращивать удар из глубины.

Казалось бы, монолит — это сила, это крепость непробиваемая. А расчленение — ослабление. Все обстояло как раз наоборот. Расчленение означало усиление и резкое повышение боевых возможностей.

Однажды некий римский умник по имени Теренций Варрон решил отказаться от расчлененных боевых порядков и сплотить римскую армию воедино. Чтоб, значит, она крепче стала. Римская армия превратилась в огромную фалангу, которая потеряла гибкость и маневренность. Тут-то Ганнибал меньшими силами и устроил грандиозный разгром. Имя той битвы стало нарицательным — Канны. И урок всем стратегам на все века и тысячелетия: огромная неповоротливая масса предельно уязвима.

Это понимал Павлов.

Этого не понимал безграмотный Жуков. Он где-то услышал, что крупные танковые соединения — это прогресс. И бросился формировать крупные танковые соединения. Заставь великого стратега войну готовить, так он и лоб расшибет. И не только самому себе, но и всей армии, и всей стране.

Заявление о том, что курс был взят правильный, действительности не соответствует. Курс был взят дурацкий и преступный. «Надо признать, что наши механизированные корпуса оказались действительно громоздкими» (Маршал бронетанковых войск П.П. Полубояров. Сборник «На Северо-Западном фронте». М., 1969. С. 128).

Кремлевские соловьи не унимаются: «Начатое тогда формирование корпусов ощутимо отразилось на ходе войны». Именно

так: начатое тогда формирование корпусов привело к мгновенной потере двадцати тысяч танков и всего кадрового состава танковых войск. Следствие этого — разгром Красной Армии, поражение в войне и гибель Советского Союза после долгой и мучительной агонии.

Уже 15 июля 1941 года было принято решение мехкорпуса расформировать. Но расформировывать было нечего. Танки либо сгорели от ударов авиации, либо были брошены из-за отсутствия горючего и совсем незначительных поломок.

В оборонительной войне надо реагировать на действия противника, а для этого хороши небольшие легкоуправляемые подвижные соединения и части: отдельные танковые батальоны, полки и бригады. Вот их-то и стали использовать.

А виновником разгрома определили Павлова.

С 1942 года в Красной Армии возрождаются танковые и механизированные корпуса. По штату в танковом корпусе должно было быть:

в 1942 году — 168 танков;

в 1943-м — 257;

с 1944 года до конца войны — 270.

Механизированные корпуса в эти годы по штату должны были включать соответственно 175, 229, 246 танков.

Война показала, что подвижное танковое соединение должно быть не только мощным, но и гибким. Стремясь к его максимальному усилению, нельзя перешагнуть грань, после которой такое соединение теряет свою подвижность и становится неуправляемым. Оптимальное количество танков для такого соединения 230—270.

Это подтверждено опытом величайшей из войн. Это именно то, что предлагал Дмитрий Григорьевич Павлов еще осенью 1939 года. Только эти соединения он называл не корпусами, а танковыми бригадами и моторизованными дивизиями.

Если кому-то это не нравилось, то следовало только сменить название.

Глава 12

ПРО 170 ДИВИЗИЙ И 2 БРИГАДЫ

Мы насчитывали перед началом войны в Красной Армии 200 дивизий. Через шесть недель после начала войны мы вынуждены были установить, что их было 360.

*Генерал-полковник Альфред Йодль.
Протокол допроса от 17 июня 1945 года*

1

Итак, замысел Сталина прост и гениален: сравнить страны Европы, а на заключительном этапе выступить в роли миротворца, благодетеля и освободителя.

Но возникает вопрос: а было ли у него в достатке сил на такое дело?

Во времена Хрущева было объявлено, что на 22 июня 1941 года в западных приграничных округах Советского Союза было 170 дивизий и 2 бригады.

В любом учебнике, в любой официальной книге о войне мы найдем привычные 170 дивизий и 2 бригады. «История Второй мировой войны» (Т. 3. С. 425) все о том же: 170 дивизий и 2 бригады. Под этим подписались все, кто был причастен к казенной исторической науке: Институт военной истории Министерства обороны, Институт всеобщей истории Академии наук и т.д. и т.д.

В любом военном училище, в любой военной академии Советского Союза от всех курсантов и слушателей требовали знания этой цифры. Тот, кто сумел запомнить, что в западных военных округах 22 июня 1941 года было 170 дивизий и 2 бригады, считался знатоком военной истории, тот мог идти на экзамены и в успехе не сомневаться.

Для тех, кто эту цифру усвоить не мог, сделали облегченный курс. Во всех армиях мира традиционно две бригады приравниваются к одной дивизии. Тем, кто был не в состоянии запомнить две цифры, придумали одну цифру: 171 дивизия. Усвоившие эту цифру тоже считались знатоками. Им присваивали звания полковников и забирали преподавателями в Военную академию имени Фрунзе.

Рассказы про 170 дивизий и 2 бригады повторялись так часто и так долго, что превратились в истину в самой что ни на есть последней инстанции. Перед самым распадом Советского Союза Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д.Т. Язов (ВИЖ. 1991. № 5. С. 7) назвал все те же 170 дивизий и 2 бригады, и никто над ним не смеялся. Наоборот, некоторые кивали в знак согласия: вот какой у нас грамотный министр, ведь надо же — какие высоты постиг!

После смещения Горбачева можно было ожидать, что вот теперь-то наконец в стране будет объявлена гласность, что некоторые наши генералы и официальные историки осмелеют и начнут говорить правду. Но ни один не осмелел...

Результат: «Российская газета» 22 июня 1993 года сообщила про... 170 дивизий и 2 бригады. Подписал старший научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны РФ Г. Иваницкий. Казалось бы, коммунизм рухнул, теперь можно говорить правду. Но нет.

Министр обороны должен был как-то на такие публикации реагировать: старшему научному сотруднику рекомендовать поиск новой профессии, а Институт военной истории разогнать. Но министр обороны не реагировал. Выяснилось, что сам он — выпускник Военной академии имени Фрунзе.

Проходит ровно год, и центральный орган Министерства обороны газета «Красная звезда» 22 июня 1994 года сообщает про 170 дивизий и 2 бригады...

Так и пошло. Текут годы и десятилетия, и каждый год на 22 июня мы вновь и вновь узнаем...

Было время, когда и я звонко твердил: 170 дивизий и 2 бригады...

Но в 1969 году Академия наук СССР и Институт военной истории Министерства обороны выпустили сборник «На Северо-Западном фронте». Среди авторов — маршал бронетанковых войск П.П. Полубояров, генерал армии П.А. Курочкин, генерал-полковник Ф.П. Полыннин, генерал-лейтенанты В.Ф. Зотов, Ф.Я. Лисицын, Р.С. Терский и другие не менее достойные товарищи. Редактор — главный военный историк Вооруженных Сил член-корреспондент АН СССР генерал-лейтенант П.А. Жилин.

Сборник удивительный. Вот, например, что сообщается на 112-й странице: «К началу войны Прибалтийский особый военный округ имел два механизированных корпуса и три отдельные танковые бригады».

Сообщил это маршал бронетанковых войск П.П. Полубояров. Он подробно описал оба мехкорпуса.

3-м мехкорпусом командовал генерал-майор А.В. Куркин. В составе корпуса 2-я танковая дивизия генерал-майора Е.Н. Солянкина, 5-я танковая дивизия полковника Ф.Ф. Федорова и 84-я моторизованная дивизия генерал-майора П.И. Фоменко.

12-м мехкорпусом командовал генерал-майор Н.М. Шестопалов. В составе корпуса 23-я танковая дивизия полковника Т.С. Орленко, 28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского и 202-я моторизованная дивизия полковника В.К. Горбачева.

Кроме того, в составе танковых войск Прибалтийского округа были три отдельные танковые бригады:

- 6-я — полковника А.И. Горшкова;
- 22-я — полковника И.П. Ермакова;
- 27-я — подполковника Ф.М. Михайлина.

О двух мехкорпусах в Прибалтийском округе в то время я знал, но сообщение о трех бригадах было для меня оглушительным ударом. Еще бы: мы все твердим про 170 дивизий и 2 бригады во всех пяти приграничных округах, а тут сообщается, что в одной только Прибалтике одних только танковых бригад было ТРИ.

Ошибка? Непохоже. Маршал бронетанковых войск Павел Павлович Полубояров в 1941 году был только полковником, но занимал весьма высокий пост начальника автобронетанкового

управления Прибалтийского особого военного округа. Два механизированных корпуса и три отдельные танковые бригады подчинялись ему. Не мог же он «вспомнить» танковые бригады, которых в его подчинении не было, и командиров, которые этими бригадами не командовали.

Когда был опубликован сборник «На Северо-Западном фронте», П. Полубояров был уже маршалом бронетанковых войск и занимал в советских танковых войсках самый высокий пост — был их начальником. У маршала был доступ ко всем документам, которые касались танковых войск. То, что он писал, было проверено Академией наук СССР, Институтом военной истории Министерства обороны. Правильность всех сведений удостоверена подписью главного военного историка генерал-лейтенанта П.А. Жилина.

Один из авторов сборника, генерал армии П.А. Курочкин, летом 1941 года был генерал-лейтенантом, представителем Ставки ВГК на Северо-Западном фронте. Уж он-то знал о войсках, которыми руководил. Танковые войска — его козыри.

Если сообщение о трех танковых бригадах — чья-то ошибка, то Курочкин должен был бы поправить. Такая ошибка — не в его пользу. Ему упрек бросят: у тебя было столько танковых войск, а ты немцев к Питеру пропустил... Потому, если бы кто-то такое сообщил по ошибке, он должен был первым протестовать: не было у меня никаких бригад!

Но Курочкин не возразил. Следовательно, три танковые бригады в Прибалтике были.

Другие источники подтверждают наличие в 1941 году в Прибалтике трех танковых бригад (помимо двух межкорпусов). Например: «Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945». Книга 1. Рига, 1966. С. 39. Со ссылкой на ЦАМО. Фонд 140. Опись 197659. Дело 5.

Самое мощное исследование о войсках ПриОВО предъявил читающей публике Руслан Сергеевич Иринархов («Прибалтийский особый...»). Минск, Харвест, 2004). На с. 56 он подтверждает существование трех танковых бригад в составе ПриОВО по состоянию на 21 июня 1941 года. С этим источником не поспоришь, ибо никто другой более полного и объективного описания Прибалтийского особого военного округа накануне германского вторжения пока не смог представить.

После выхода сборника «На Северо-Западном фронте» перед официальными историками было только два пути.

Первый: признать, что заявления про 170 дивизий и 2 бригады, мягко говоря, не соответствуют действительности.

Второй путь: опровергнуть сведения главного советского танкиста маршала бронетанковых войск Полубоярова и главного военного историка ВС СССР генерал-лейтенанта П.А. Жилина, а заодно — германские архивные документы.

Но наши официальные историки выбрали третий путь: документы, факты и свидетельства игнорировать. Проходят десятилетия, а они так и повторяют: 170 дивизий и ДВЕ бригады.

3

Тогда, в 1969 году, доступа к архивам у меня, понятно, не было. Но я решил как-то истину прояснить: сколько же войск было у Сталина на западных границах 21 июня 1941 года?

Начал с поиска справочника, в котором были перечислены все эти 170 дивизий и 2 бригады. Быстро установил, что такого справочника нет. Почему-то его никто не удосужился составить.

И тогда я его начал составлять сам. Для себя самого. Иметь с собой архив — не получится. Не та у советского офицера жизнь. Молодому офицеру таскать с собой папки с вырезками по гарнизонам не получится. Оставалось одно — запоминать. Встретил, к примеру, в «Военно-историческом журнале» сведения про 125-ю стрелковую дивизию, запомни их. Их немного, только номера полков: три стрелковых — 466-й, 657-й, 749-й и два артиллерийских — 414-й пушечный и 459-й гаубичный.

А потом где-то проскочит фамилия командира — генерал-майор Богайчук Павел Петрович. Через год-другой если повезет, то и система подчинения этой дивизии прояснится: она входила в состав 11-го стрелкового корпуса 8-й армии Северо-Западного фронта.

Тем временем и по множеству других дивизий данные накапливаются. И все стыкуется. И все одно к другому ложится. Сосед справа — 90-я стрелковая дивизия 10-го стрелкового корпуса. Слева — 48-я стрелковая дивизия 11-го стрелкового кор-

пуса. Вот и день рождения 125-й дивизии открылся. Приказ на формирование — 19 августа 1939 года.

Дата уж больно знакомая. Вспомнишь другие дивизии, а этот день повторяется то тут, то там: и вот у этой такой же день рождения, и вон у той...

Вы думаете, что запоминать номера полков и дивизий, фамилии командиров и места дислокации — это то же самое, что запоминать телефонную книгу? Вовсе нет. Это то же самое, что любителю футбола запоминать состав любимой сборной. Футбольный, а равно и хоккейный фанаты помнят тысячи данных о том, кто, когда, на какой минуте, с чьей подачи и из какого положения забил. Они помнят состав десятков команд и результаты сотен и тысяч игр. И запоминают это без всякого напряжения. Если интересно, все это запоминается само собой...

А вывод напрашивался вот какой: в Советском Союзе на государственном уровне война никем не изучалась. За долгие десятилетия никто не пытался восстановить картину случившегося. Поднимите мне веки и укажите того генерала, того маршала, того военного историка, ту группу экспертов, то учреждение, которые развернули карту и воткнули в нее флажки, означающие советские бригады и дивизии. Официальные историки не только не пытались расставлять на карте советские войска, но не удосужились проверить объявленные сведения о количестве бригад и дивизий.

А зря. Удивительная картина вырисовывается.

4

Группировка советских войск (образно говоря, положение фигур на шахматной доске) на 22 июня заслуживает отдельной книги. Сейчас мы говорим не о расположении фигур, а только об их количестве на советских западных границах.

Мне возразят: стоит ли упоминать такую мелочь, как танковые бригады? Думаю, стоит. В Африке у Гитлера было две, затем четыре дивизии. О действиях тех дивизий написаны терриконы книг. Вообще вся британская военная историография второй половины XX и начала XXI века сводится к изучению действий двух германских танковых дивизий в Африке и десант-

ной операции, которая была проведена в Нормандии летом 1944 года.

В 1941 году у Гитлера на советско-германском фронте было всего 17 танковых дивизий. И количество танков в этих дивизиях на 22 июня 1941 года мы уже обсуждали: в среднем по полторы сотни.

Если советские танковые бригады считать мелочью и в расчет не принимать, то как быть с германскими танковыми дивизиями? Тоже считать мелочью и в расчет не принимать? У Гитлера на Восточном фронте только две танковые дивизии (6-я и 7-я) по количеству танков сравнимы с советскими бригадами.

Почему же германские танковые дивизии с равным или меньшим количеством танков мы не объявляем мелочью и не сбрасываем со счетов?

5

В той же Прибалтике на 22 июня 1941 года находились три отдельные бригады ПВО:

- 10-я полковника М.И. Удовиченко в Риге,
- 12-я полковника Д.Я. Дрожина в Вильнюсе,
- 14-я полковника П.М. Барского в Каунасе.

Каждая бригада ПВО включала зенитно-артиллерийский полк, несколько отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов и пулеметных батальонов. Бригады ПВО были вооружены лучшими в мире 85-мм зенитными пушками, а также счетверенными зенитными пулеметами М-4 и крупнокалиберными пулеметами ДШК. Бригады могли использоваться как против воздушного, так и против наземного противника. В 1941 году во всем мире не было ничего лучшего для стрельбы по танкам, чем наша 85-мм зенитная пушка, а счетверенные и крупнокалиберные пулеметы хороши для стрельбы по пехоте. Но эти бригады официальные историки считать не желают. Не будем спорить. Идем дальше.

Там же, в Прибалтике, на 22 июня находились две отдельные противотанковые бригады: 9-я в составе 8-й армии, 10-я в составе 11-й армии. О 9-й противотанковой бригаде известно столько, что можно писать отдельную книгу. Она находилась в Шяуляе, ею командовал полковник Николай Иванович Полян-

ский. В состав бригады входили 636-й и 670-й артиллерийские полки (по шесть дивизионов в каждом полку), минно-саперный батальон, автомобильный батальон и другие подразделения. Кому интересно, может найти достаточно материалов и о 10-й противотанковой бригаде.

В каждой бригаде по штату 5322 человека, 883 автомобиля и трактора, 24 107-мм и 48 76-мм пушек, 48 85-мм и 16 37-мм зенитных пушек, 165 пулеметов.

Номера противотанковых бригад взяты не с неба. В западных приграничных военных округах мы находим весь ряд номеров противотанковых бригад: 1, 2, 3, 5-я в Киевском, 4-я в Одесском, 6, 7, 8-я в Западном и две наших знакомых — 9-я и 10-я — в Прибалтийском округе. Маршал Советского Союза К.С. Москаленко был в те времена генерал-майором артиллерии, командовал 1-й противотанковой бригадой в Западной Украине. Бригада была не только полностью укомплектована, но в ней было и 600 человек сверх штата. Вот как маршал описывает свою бригаду: «Должности старшего и среднего командного состава были укомплектованы хорошо подготовленными офицерами, имевшими большой опыт командования. Словом, бойцы, командиры, политработники, почти все шесть тысяч человек, составлявшие бригаду, были как на подбор... А тем временем прибывали все новые эшелоны с людьми и боевой техникой» (На Юго-Западном направлении. М., 1960. С. 19).

О том, что за командиры стояли в 1941 году во главе противотанковых бригад, можно судить по такому факту...

Командир 1-й противотанковой бригады стал впоследствии Маршалом Советского Союза, командир 4-й противотанковой бригады полковник М.И. Неделин — главным маршалом артиллерии, первым Главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения. Командиры других бригад тоже оказались достойными своих высоких должностей.

А теперь попробуйте увязать десять советских противотанковых бригад с привычным «и 2 бригады...». К слову сказать, в то время все остальные страны мира не располагали ни одним столь мощным противотанковым соединением, а также не было ни в одной армии мира и противотанковых пушек калибром выше 50 мм. Но наши официальные историки под визгливые

вопли о патриотизме всю эту мощь вычеркнули из нашей истории. Ну и ладно. Поспешим вперед.

Все в той же Прибалтике находились 9-я, 10-я, 201-я воздушно-десантные бригады. Все три — в составе 5-го воздушно-десантного корпуса (ВДК), которым командовал генерал-майор И.С. Безуглый. Корпус готовили к десантированию в районе Кенигсберга. Подготовка к десантированию зашла так далеко, что отменить отданный приказ уже было невозможно. Для обеспечения одновременной переброски трех бригад 5-го ВДК был развернут временный сборочный завод, на котором авиаконструктор Олег Константинович Антонов руководил сборкой десантных планеров. Все это происходило в такой близости от границ, что утром 22 июня 1941 года Антонов проснулся от грохота германской артиллерии. «В комнату буквально влетел один из инженеров завода: Война! Немцы уже под городом!» (След в небе. М., 1971. С. 220).

На рассвете — нападение, а уже в шесть утра немецкая пехота вышла к цехам завода десантных планеров. Это в какой же близости от границ надо было построить завод десантных планеров, чтобы в первые два часа войны оказаться в зоне боевых действий? Серьезные историки признают, что Сталин готовил вторжение в Европу... но не в 1941 году, а в 1942-м. Если так, зачем собирать десантные планеры у самых границ в 1941 году? Где их хранить до следующего лета от дождей, ветров и снегов? Рядом с границей нет ангаров для хранения планеров на целый десантный корпус. Если действительно, как признают серьезные, вторжение готовилось на 1942 год, то надо массовую сборку планеров производить в самый последний момент, а не годом раньше.

(Кстати, антоновский планер так и назывался «Массовый-4» и для длительного хранения никак не предназначался.) Но мы отвлеклись: обо всем этом — в следующий раз. А сейчас вернемся к 5-му ВДК. В оборонительной войне этот корпус оказался совершенно ненужным, парашюты и десантные планеры пришлось бросить у границ, а корпус по прямому (освободительному) назначению не использовать. А раз так, серьезные историки в своей статистике пропустили и сам корпус, и бригады, в его состав входящие, и такие же корпуса в других округах и бригады, их составляющие.

Тут же, в Прибалтике, находилась 1-я отдельная бригада морской пехоты, которой командовал матерый советский диверсант полковник Терентий Парафило (с октября 1941 года — генерал-майор). На 22 июня 1941 года бригада находилась в Либаве.

На 22 июня в Прибалтике находились две стрелковые бригады: 3-я (полковник П.М. Гаврилов) и 8-я (полковник Н.П. Симоняк).

А стоит ли вспоминать о стрелковых бригадах? Стоит. В каждой из этих бригад был один артиллерийский и два стрелковых полка, в 3-й бригаде — отдельный противотанковый дивизион, а в 8-й — отдельный танковый батальон и другие части и подразделения (Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945. Кн. 1. Рига, 1966. С. 144).

3-я стрелковая бригада с частями усиления — это 15 000 человек.

8-я стрелковая бригада с частями усиления, авиацией и береговой артиллерией — 27 000 человек (Там же). Примерно такую же численность дает и официальная «История Второй мировой войны» (Т. 4. С. 70): «Гарнизон базы во главе с генералом С.И. Кабановым состоял из 8-й отдельной стрелковой бригады (командир полковник Н.П. Симоняк), частей береговой обороны, пограничного отряда, двух авиаэскадрилий и сил охраны водного района. Общая численность достигала 25 тыс. человек».

По количеству и качеству артиллерии наши стрелковые бригады превосходили немецкие дивизии. Только мы немецкие дивизии все считаем, а наши бригады пропускаем.

Мы попробовали считать советские бригады только в Прибалтике. И пусть меня простят, если я какую пропустил. А не упомянул много: советские железнодорожные войска, которые готовились к перешивке узкой западной колеи на широкий советский стандарт, имели бригадную организацию. Для обеспечения готовящегося освободительного похода на западных границах находились 10 советских железнодорожных бригад.

Кроме Прибалтики, к «освободительному походу» готовились советские войска в Карелии, Белоруссии, Молдавии, Крыму, но основная масса — в Украине. И тут бригад было больше, чем в Прибалтике. Пример: в Прибалтике была только одна железнодорожная бригада (15-я в Каунасе, командир подполковник П.А. Морозов), а в Украине таких бригад было шесть. И

опять меня тянет в отступления, тянет рассказать о 5-й железнодорожной бригаде полковника П.А. Кабанова (в последующем генерал-полковник), которая в Перемышле готовилась к форсированию пограничной реки, тянет рассказать о 18 000 вагонов с узкой колеей, которые были подготовлены на советских приграничных станциях, и многом, многом другом. Но мы сейчас считаем бригады и дивизии, поэтому не будем отвлекаться.

Думаю, что если посчитать бригады только в одной Прибалтике, то формула «170 дивизий и 2 бригады» не является больше абсолютной истиной.

6

Серьезные историки говорят: и 2 бригады, а их только в Прибалтике — 15. Если, конечно, не считать бригад НКВД. Серьезные историки говорят: 170 дивизий, а мы можем прикинуть, сколько их было на самом деле. Тут не хватит разоблачительного трактата в тысячу страниц, поэтому я показываю сейчас только три простейших приема кремлевского обмана.

Прием первый. В составе советских воздушно-десантных войск были бригады (которые меньше дивизий) и корпуса (которые больше дивизий), но дивизий как таковых в составе воздушно-десантных войск не было. Раз так, то все воздушно-десантные войска в расчет не принимаются.

В Первом стратегическом эшелоне Красной Армии было пять воздушно-десантных корпусов (в каждом по три бригады, артиллерия и танки) и одна отдельная воздушно-десантная бригада. Кроме того, шла подготовка к созданию еще пяти воздушно-десантных корпусов. Понятно, что все это создавалось не для обороны, в оборонительной войне не пригодилось. Раз так, говорят серьезные, значит, все воздушно-десантные войска просто не замечаем и в статистике не учитываем.

В составе войск ПВО было три корпуса (1-й — Москва, 2-й — Ленинград, 3-й — Баку), две дивизии (3-я — Киев, 4-я — Львов), 9 бригад (все в западных райднах страны). Но ни корпуса, ни дивизии, ни бригады в статистике не учитываются. Между тем зенитно-артиллерийские полки, которые входили в состав этих корпусов, дивизий и бригад, были двух типов: 60-орудийные (три

дивизиона по пять батарей) и 100-орудийные (пять дивизионов по пять батарей). Все это из советской статистики выброшено.

Кроме того, в составе войск ПВО находились соединения, именовавшиеся бригадными районами ПВО. Эти соединения не назывались бригадами потому, что не было для них стандартной организации. Исходя из важности каждого конкретного обороняемого объекта, возможной угрозы ему и наличия сил и средств в каждом случае предусматривалась своя организационная структура. Однако, как правило, каждый район ПВО включал в свой состав один зенитно-артиллерийский полк и несколько отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов и пулеметных батальонов, зенитно-прожекторных и других подразделений. В западных пограничных округах находились 20 бригадных районов ПВО. Но все это тоже из статистики выброшено.

Прием второй. В Германии были армейские дивизии и дивизии СС. Точно так же в Советском Союзе были армейские дивизии и дивизии НКВД. СС и НКВД — близнецы-братья, элита, отборные, стойкие, проверенные, фанатичные соединения. Войска СС и НКВД были вооружены лучше обычных армейских дивизий, лучше укомплектованы и лучше обучены и обеспечены. Когда мы считаем немецкие дивизии, то считаем все, включая дивизии СС. А на советской стороне дивизии НКВД пропускаем.

Между тем есть что вспомнить. «Войска НКВД состояли из 14 дивизий, 18 бригад и 21 полка различного назначения. <...> Кроме того, на западной границе было 8 пограничных округов, 49 погранотрядов и другие части» (В. Бешанов. Танковый погром 1941 года. М., 2000. С. 159).

Дивизии НКВД находились достаточно близко от границы.

В ходе войны войска Действующей армии в отличие от частей и соединений, которые находились в тылу или резерве, получали существенные льготы и привилегии, начиная с другого рациона питания и ежедневных стограммовых порций прозрачной согревающей жидкости до начисления денежного довольствия и выслуги лет по другой системе. Потому для каждой части и соединения совершенно четко письменным приказом определялось, с какого момента она числится в составе Действующей армии и с какого момента она в нем не числится.

Так вот, 21, 22 и 23-я мотострелковые дивизии НКВД в составе Действующей армии числятся с 26 июня 1941 года. С этого

же дня числятся в составе Действующей армии 2, 3, 4, 5 и 20-я дивизии НКВД по охране железнодорожных сооружений (Военная история Государства Российского. В 30 т. Великая Отечественная. Действующая армия. М., 2005. С. 518—519).

Не надо думать, что если дивизия не включена в состав Действующей армии, то она еще не существует и не воюет. «Военно-исторический журнал» (2001. № 5) опубликовал документ под названием «Краткое описание боевых действий 5-го мотострелкового полка и 22-й мотострелковой дивизии войск НКВД за период с 22 июня по 13 июля 1941 года». Из этого документа следует, что 22-я мсд НКВД 22 июня существовала, была укомплектована, имела танки и вела боевые действия. Только в тылу. Полковник А. Головкин докладывал, что «на каждый произведенный выстрел из окна, с башни или колокольни отвечал огнем пулеметов и танковых пушек...». За первые три дня войны бойцами дивизии «были расстреляны 120 человек пойманных негодяев». Советский народ не только не желал сражаться за народную власть, но и почему-то стрелял в ее представителей и защитников из окон и чердаков. А 26 июня 21, 22 и 23-я мотострелковые дивизии НКВД встретились с германскими войсками...

8-я мотострелковая дивизия НКВД в составе Действующей армии числится даже и ранее того — с 24 июня.

9-я и 10-я дивизии НКВД по охране железнодорожных сооружений и 13-я конвойная дивизия НКВД в составе Действующей армии — с 22 июня 1941 года (Там же).

Мотострелковые дивизии НКВД, как мы установили ранее, располагали всеми видами оружия сухопутных войск, включая танки, пушки, гаубицы и минометы.

И дивизии НКВД по охране железнодорожных сооружений — это не сторожа с берданками. «К началу Второй мировой войны на вооружении внутренних войск НКВД состояло более пятидесяти подразделений бронепоездов. Количество чекистских бронепоездов даже превысило число армейских» (И.Г. Дроговоз. Крепости на колесах. История бронепоездов. Минск., 2002. С. 226—227).

В дивизиях НКВД по охране железнодорожных сооружений состояли на вооружении не только бронепоезда, но и артиллерия, минометы, тяжелые пушечные бронеперегонщики. И комплектовались эти дивизии отнюдь не жителями Средней Азии.

В этом списке меня смущает только конвойная дивизия НКВД. Никак сообразить не могу, что делали несколько тысяч отборных вертухаев 22 июня 1941 года на западной границе Советского Союза. Кто и с какой целью их туда задвинул?

Раньше приходилось встречать упоминания про конвойные батальоны, полки и бригады вблизи границ: например, 132-й отдельный конвойный батальон НКВД в Бресте, 109-й конвойный полк НКВД во Львове, 5-я конвойная бригада НКВД в Минске. Но так, чтобы целая вертухайская дивизия, да прямо 22 июня оказавшаяся в районе боевых действий, — это для меня открытие.

Мы только ступили шаг в сторону и тут же сразу обнаружили дюжину новых дивизий, которыми и дополним 170 нам известных.

Третий метод. «170 дивизий и 2 бригады» — это только Первый стратегический эшелон Красной Армии. Но под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года грузился, выдвигался, разгружался в приграничных округах Второй стратегический эшелон Красной Армии — семь армий, в составе которых танков и артиллерии было больше, чем во всем Вермахте.

Позади шло развертывание Третьего стратегического эшелона — это целый Резервный фронт.

Серьезные историки сравнивают первые эшелоны советских и германских войск. Правомерное сравнение? Да. Но только на первый взгляд. Германские войска были построены в один стратегический эшелон, позади которого находился небольшой резерв. Все германские войска были вытянуты вдоль границ тоненькой ниточкой, позади которой практически ничего не было. А советские войска были построены в три стратегических эшелона, позади которых располагались мощные резервы.

Представьте себе, читатель: у вас одна квартира, а у какого-нибудь серьезного историка — три квартиры, да еще и дача. Справедливо ли сравнить одну вашу квартиру с одной из трех квартир серьезного человека и делать выводы?

Но именно так поступают серьезные: у немцев один стратегический эшелон, у нас — три. Но они сравнивают один эшелон у немцев и один у нас.

Пример: в 2005 году вышла грандиозная «Военная история Государства Российского» в 30 томах. Готовили эти тома многочисленные группы экспертов под командованием действительного государственного советника Российской Федерации 1-го

класса доктора исторических наук В.А. Золотарева, который ранее в звании генерал-майора занимал должность главного военного историка Вооруженных Сил СССР. В томе про советско-германскую войну (с. 536—537) приводятся сведения о том, как мало было сил в пяти западных приграничных округах. Например, в Киевском особом военном округе, который 21 июня 1941 года был преобразован в Юго-Западный фронт, 21 июня было всего лишь 907 046 бойцов и командиров.

Винтовок и карабинов во фронте — 1 035 420. (Это к вопросу об одной винтовке на троих.)

Пистолетов-пулеметов — 15 483.

Ручных и станковых пулеметов — 35 267.

Орудий и минометов полевой артиллерии — 14 756.

Зенитных орудий — 2221.

Танков — 5465. В том числе исправных — 4788.

Боевых самолетов — 2059. В том числе исправных — 1759.

Сил, конечно, мало. Особенно в сравнении с 631 германским танком во всех германских войсках, которые действовали не только против войск Юго-Западного фронта, но и против Южного фронта.

Некий Стратег такое соотношение сил называл многократным численным превосходством германских войск.

Не будем спорить. Укажем лишь на то, что группы наших просветленных экспертов посчитали силы Юго-Западного фронта без учета войск НКВД и армий Второго стратегического эшелона. А ведь в это время в районе Белая Церковь — Черкассы уже полностью разгрузилась 19-я армия, прибывшая с Северного Кавказа. В ней — 110 339 бойцов и командиров, 1614 орудий и минометов и 140 танков (Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940—1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М., 2005. С. 246).

А в районе Шепетовки разгружалась 16-я армия, прибывшая из Забайкалья. В ней, помимо прочего, тысяча стволов артиллерии и почти полторы тысячи танков (1059 в 5-м мехкорпусе, 356 в 57-й отдельной танковой дивизии, 32 в 46-й и 152-й стрелковых дивизиях). Все танки исправные. Неисправные запрещалось грузить в эшелоны.

Если принять во внимание эти армии, то силы Юго-Западного фронта предстают в ином свете. А ведь это только один пример усиления только одного округа.

Легенда про 170 дивизий и 2 бригады — национальный позор России.

Эта легенда циркулирует вот уже более 60 лет. Такое долголетие наводит на грустные рассуждения. Выходит, что Министерство обороны России вообще изучением войны не занималось. Генеральный штаб тоже о войне ровным счетом ничего не знает. В одной Москве о войне написано книг и монографий столько, что можно из этих томов сложить плотину Братской ГЭС. Но все это макулатура.

Чего стоит диссертация о войне, если автор не удосужился даже посчитать дивизии? Чего стоят мемуары какого-нибудь Маршала Победы, если он просто не знал, сколько у него в 1941 году было дивизий?

Генерал-полковник Ю. Горьков объявил, что все документы в руках генеральских, а у меня документов нет, потому-то только им, генералам, и может открыться истина историческая: «Выяснение истины... учитывая особую сложность проблемы, требует осмотрительности, трезвости суждений, строгой опоры на документы. <...> И изучать историю нужно, образно говоря, не по поддельным копиям, а в подлиннике» («Красная звезда», 21 октября 1995 г.).

Все правильно. Так и должно быть.

Однако тысячи генералов Советской, а теперь Российской армии, имея в руках все документы Министерства обороны, Главного оперативного и Главного организационного управлений Генерального штаба и всех других его главных управлений, все архивы государства, включая совершенно секретные, за 60 лет упорных трудов не удосужились установить, что бригад было не две, а больше.

Осознавая сложность ситуации на военно-историческом фронте, я вынужден писать историю, опираясь на те скудные обрывки информации, которые опубликованы открыто.

Как видите, даже этого хватает для того, чтобы уличить Великих Стратегов в ужасающем невежестве.

Глава 13

ПРО КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАЗУМ

Две грабь-армии удачно вступили на путь международного разбоя. Но на этой большой дороге тесно двум бандам сразу, если у каждой из них в перспективе цель — мировое господство. И хрястнул один другого. Хрястнул сильно, хорошо подгадав момент, сбив с ног и думая, что убил. Но он сильно просчитался и понял это не сразу. Ветер, посеянный в сентябре 1939 года, вернулся бурей на наши города и веси. «Непобедимая и легендарная», руководимая ареопагом полуграмотных вождей во главе с усатым лицедеем, окруженным такими же полуграмотными холуями-стратегами, была в считанные дни уничтожена. Не желая признавать, что по их вине со страной произошла катастрофа, что армия разбита, московские стратеги, не имея других военных планов, кроме агрессивно-наступательных, шлют в несуществующую армию неадекватные обстановке приказы о контрнаступлении, усугубляя тем катастрофу и неразбериху.

*Иосиф Комаровский.
«Взгляд». № 535. 21—27 декабря 2002 г.*

1

И вот выступает преподаватель Военной академии имени Фрунзе полковник Морозов в газете «День». (Очень красивое название — почти «День-М».) Для начала полковник Морозов,

демонстрируя знание предмета, сообщает, что в западных приграничных округах находилась 171 советская дивизия. (Не каждый способен запомнить формулу «170 дивизий и 2 бригады», потому для некоторых полковников введено упрощение.)

Продемонстрировав народу собственную эрудицию, полковник переходит к разоблачениям: уж не стоят ли за моей спиной группы экспертов?

Если зашла речь о группах экспертов, то давайте вспомним, гражданин полковник, что это за вашей спиной группы экспертов. Многочисленные группы. Точнее — бесчисленные группы. Толпы экспертов.

Темнело в глазах, когда к концу рабочего дня стада полковников вываливали из ворот Академии имени Фрунзе. Все они — эксперты. Всех их поставили на стражу той самой версии, которую вы, гражданин полковник, защищаете. Всем вам приказали бдительно охранять и стойко оборонять... Все вы — ученая рать. И не только вы. В одном только городе-герое Москве военных академий было больше, чем в США, Британии, Германии, Японии и Франции, вместе взятых. В одном только городе-герое Москве генералов больше, чем в Вооруженных силах США. А если мы говорим о генералах с тремя звездами и выше, то их в Москве больше, чем в остальной Европе.

К самому расцвету застоя в Советской Армии было 18 военных академий, один военный университет, 74 высших военных училища, 4 военных института, 4 средних военных училища, 6 военных факультетов при гражданских высших учебных заведениях.

Кроме того, 32 высших учебных заведения МВД.

Помолчим про КГБ, хотя и там военной историей занимались весьма упорно.

Так что не вам, полковник, жаловаться. Рать у вас — на страх врагам.

В одной Москве военных экспертов больше, чем оленей на Чукотке. Так стадами и бродят. Или может, гражданин полковник, вы верите в то, что тут, на Западе, серьезные эксперты умнее, чем в России? Не верьте. Тут они такие же, как и у нас. Только серьезнее.

Но если вы действительно верите в коллективный разум, то сформируйте группу, да и хотя бы посчитайте дивизии Красной Армии 1941 года. Только заранее предупреждаю: группой — не выйдет.

- Не кажется ли вам, гражданин полковник, странным, что 60 лет предпринимаются попытки написать историю войны, но ничего из этого почему-то не выходит? На написание истории войны режим бросал орды экспертов, но ничего не удалось сделать. Интересно, а почему?

А потому, гражданин полковник, что вас приучили мыслить хором.

И вот результат: за 60 лет ни один слушатель, ни один выпускник, ни один преподаватель Общевойсковой академии (в девичестве — Академия имени Фрунзе) не удосужился посчитать дивизии и бригады Красной Армии в приграничных округах на момент начала войны.

Вы предполагаете группы экспертов за моей спиной, а между тем сообразить, что военная наука СССР и современной России обманывает народные массы, мог любой, кто умеет считать до двух. Для этого вовсе не надо иметь ни группы экспертов, ни исследовательского института, ни целой академии.

Вы, гражданин полковник, верите в коллективную мудрость экспертов, а я вам рекомендую книгу, которую более сотни лет назад написал великий Густав ле Бон. Книга сделала его знаменитым на весь мир и на многие века. Называется книга «Психология толпы». В России она вышла в позапрошлом веке, в 1896 году, в издательстве Павленкова. В числе поклонников великого Густава — когорты выдающихся практиков управления толпой от Ленина до Муссолини и Гитлера. Понятно, товарищ Сталин эту книгу знал весьма близко к тексту и мастерски использовал ее рекомендации.

Густав ле Бон на множестве примеров показал, что интеллект группы не является суммой интеллектов индивидов, которые ее составляют. Наоборот, человек в группе глупеет и теряет способность видеть, слышать, понимать, самостоятельно мыслить: «Нет надобности, чтобы толпа была многочисленна... Как только несколько индивидов соберутся вместе, то они уже составляют толпу, даже в том случае, если они — выдающиеся ученые... Способность наблюдения и критики, существующая у каждого из этих ученых в отдельности, тотчас же исчезает в толпе».

Полковник О.Ф. Сувениров 100 лет спустя выразил центральную мысль «Психологии толпы», только уже применительно не к какой-то вообще группе экспертов, а конкретно к нашей родной военной науке, к Институту военной истории Министерства обороны: «Одной из важных причин, порождающих определенную немочь многих военно-исторических трудов Института, является почти повальное увлечение руководства Института подготовкой коллективных трудов. <...> При их подготовке, как правило, отсекается, отбрасывается все оригинальное, по-настоящему творческое. <...> По распространенному среди историков мнению, редакции коллективных трудов — это братские могилы для талантов. Это своеобразная колхозно-совхозная система для науки, убивающая всякие стимулы личной заинтересованности и ответственности ученого» (ВИЖ. 1991. № 11. С. 90).

3

Толпа остается толпой вне зависимости от того, в Москве она, в Париже или в Лондоне. Вот вам образец коллективной мудрости заокеанских экспертов из Вашингтона.

В ходе Второй мировой войны и сразу после нее группам западных знатоков в своих расчетах и заключениях следовало предполагать, что не все из того, что публично высказывает Гений Всех Времен и Народов, чистая правда. Поймать товарища Сталина на слове не представляло труда.

Уже 3 июля 1941 года в своем первом публичном выступлении с момента германского нападения товарищ Сталин крепко соврал.

Выступление началось знаменитыми словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

Вот такой у нашего народа братец объявился. По самую макушку кровью братьев и сестер изукрашенный.

За обращением — первое предложение. И в нем — правда: война продолжается.

А со второго предложения вождя понесло: «Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что

лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения...»

Если верить товарищу Сталину, не прошло и двух недель войны, а лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разгромлены...

Далее, на протяжении всей войны, товарищ Сталин и другие товарищи гнули ту же линию. А по завершении войны подвели итог: воевали мы в соответствии с самой передовой в мире сталинской наукой побеждать, потому потери Советского Союза минимальны.

И вот в американском Авиационном университете была создана научно-исследовательская группа по сбору, обработке и проверке сведений о людских потерях в войне. Работали 10 лет. Руководил группой экспертов бригадный генерал ВВС США Д.О. Смит, выпустивший в 1955 году в Нью-Йорке книгу «U.S. Military Doctrine».

Книга была немедленно переведена на русский язык и издана в Советском Союзе, ибо очень уж выводы американских высоколобых понравились нашим ответственным товарищам. Сработал старый фокус из двух зеркал, когда одно зеркало, отражаясь в другом, создает иллюзию бесконечности. Лукавая мудрость московского агитпропа отразилась в изысканиях многочисленных групп американских специалистов и вернулась на родную землю в виде заключения независимых экспертов: вот видите, и они там, за океаном, к тем же выводам пришли.

Собрав сведения по всем странам, тщательно их обработав и проверив, группы американских ученых подвели итог: «Проведенный анализ показывает, что в ходе второй мировой войны было убито 9,5 миллионов солдат и офицеров» (Д.О. Смит. Военная доктрина США. Исследования и оценки. М., 1956. С. 217).

4

Учитывая, что Вторая мировая война была самым грандиозным катаклизмом в истории человечества, что прямое и косвенное участие в ней принимали сотни миллионов людей, а статистические сведения после войны были отрывочны, противоречи-

вы, запутанны, а то и вовсе отсутствовали, такая точность расчета групп американских ученых восхищает.

К потерям солдат и офицеров группы умнейших американских зубров приплюсовали потери мирного населения и получили странный результат: «Во второй мировой войне, продолжавшейся всего на один год дольше первой, участвовала более значительная часть населения земного шара, но количество жертв было лишь немногим больше» (С. 216).

Странно.

Первая мировая война продолжалась с 1 августа 1914 по 11 ноября 1918 года, т.е. чуть больше четырех лет. А Вторая мировая — с 1 сентября 1939 по 3 сентября 1945 года, т.е. шесть полных лет. Если бы состав участников, пространственный размах, интенсивность боевых действий и системы оружия остались прежними, то и тогда потери во Второй мировой должны были быть в полтора раза больше, чем в Первой.

Но общая продолжительность войны не обо всем говорит. Из Первой мировой войны Россия выпала, точнее — вывалилась, за год до ее окончания. А во Второй мировой войне Советский Союз официально воевал с 22 июня 1941 года до завершения. Но если судить по справедливости, то с самого начала до самого конца.

Соединенные Штаты вступили в Первую мировую войну под самый занавес, а во Второй мировой воевали с декабря 1941 года по сентябрь 1945-го.

Отчего же потери во Второй мировой войне оказались только чуть больше, чем в Первой мировой?

Пространственный размах Второй мировой ни в какое сравнение не идет с Первой мировой. Во Второй мировой боевые действия шли по всей Европе — от Северной Норвегии до гор Кавказа, от Южной Франции и островов Средиземного моря до стен Мурманска, Питера, Москвы и Сталинграда. А за пределами Европы — от Северной Африки до джунглей Южной Азии и диких островов Тихого океана. В зонах боевых действий оказались сотни миллионов гражданского населения. Уже только в результате этого должен был последовать резкий скачок в количестве жертв. Ведь в Первой мировой боевые действия в основном за пределы Европы не выходили, а фронты стабилизировались примерно в районах государственных границ великих империй. Гражданское население откочевало на сотню ки-

лометров от линии фронта и даже не слышало артиллерийской перестрелки.

Да и средства борьбы во Второй мировой никак с Первой мировой не сравнить. Массированное использование танков и авиации должно было повлечь за собой и увеличение количества жертв.

Вторая мировая война по своему характеру резко отличалась от Первой.

В ходе Второй мировой войны возникло массовое партизанское движение, т.е. война велась не только на линии фронтов, но повсеместно. Вспомним Варшавское восстание. Ничего подобного не было в Первой мировой.

В ходе Второй мировой войны появились огромные пространства, на которых все воевали против всех: Югославия, Западная Украина, Белоруссия.

В Первой мировой войне к пленным в основном относились в соответствии с международными правилами ведения войны, а во Второй мировой их уничтожали миллионами.

Во Второй мировой войне истребление мирного населения осуществлялось индустриальными методами. Первая мировая война не знала ничего подобного Освенциму, Бухенвальду, Бабьему Яру, Райчихлагу, массовым убийствам заключенных тюрем и лагерей при отступлении Красной Армии.

Во Второй мировой войне стратегическая авиация сметала целые города вместе с их населением. Завершилась она применением ядерного оружия.

И вот вопрос: как же могло случиться, что число жертв во Второй мировой войне оказалось столь незначительным?

Перед группами американских экспертов открывались два пути.

Первый: подвергнуть сомнению официальные советские цифры, и тогда бы число жертв войны резко увеличилось.

Второй: искать объяснение столь странному результату столь жуткой войны.

Усомниться в советской версии группы экспертов даже и не помышляли. Раз есть официальная бумага из Москвы, значит, так все оно и было...

Оставался только второй путь: подозрительно малое количество жертв как-то объяснить. Для этого потребовалось сде-

лать теоретический вывод, который опрокидывал тысячелетний опыт всех цивилизаций: «Следовательно, исторически бессмысленно делать вывод о том, что увеличение мощи средств поражения является причиной увеличения числа жертв войны» (Д.О. Смит. Военная доктрина США. Исследования и оценки. С. 217).

Проще говоря, используем мы стратегическую авиацию для уничтожения городов или не используем, бросаем бомбы атомные или вовсе их не имеем, душим людей в газовых камерах или не душим, количество жертв от этого не зависит.

Прошло совсем немного лет, и президент США Джон Кеннеди, который теоретических обоснований групп просветленных знатоков не читал, задал Никите Хрущеву вопрос: так сколько же у вас народу погибло — миллионов двадцать?

И получил исчерпывающий ответ: ага, двадцать.

Тут же группы экспертов, как советских, так и забугорных, сию цифру обосновали.

Назвал бы любопытный Джон 10 миллионов, то получил бы тот же ответ: ага, именно так...

И группы экспертов под это тут же подвели бы теоретическую базу. Им, экспертам, все равно — хоть 10 миллионов, хоть 50.

А не задал бы любопытный Джон свой вопрос, то так бы группы экспертов и твердили, что увеличение мощи средств поражения на количество жертв не влияет.

5

Если хотите, более свежий пример.

Экономика Советского Союза, как известно, была полностью паразитической. Страна выкачивала нефть и гнала ее за рубежи. Наш экспорт — нефть, газ и оружие для Третьей мировой войны. Колоссальными массами этого оружия переполнялись арсеналы Советской Армии и армий подневольных братских стран. Кроме того, кремлевские вожди гнали оружие в неограниченных количествах всевозможным Индонезиям и Алжирам, Сириям и Ливиям, Анголам, Кубам и Египтам. Все — по льготным ценам. Все — в кредит, при ясном понимании того, что никто никогда многомиллиардных долгов возвращать не будет.

Попробуйте включить новости по любому российскому, американскому, британскому, немецкому, французскому каналам и найти выпуск, в котором не мелькнул бы автомат Калашникова. Если такое и случится, то вместо Калашникова увидите ДШК, Т-54, ПКМ или РПГ-7. Без этого новости не обходятся. Мы даже гордимся тем, что на гербах четырех разных государств красуется «калашников».

Наполняя и переполняя мир оружием, Советский Союз превращал планету в единое поле битвы и сам понемногу вползал в войну. Сначала в дальних провинциях, а затем повсеместно снабжение населения стали осуществлять по карточкам. Как во время войны. И на страну медленно, но неотвратимо напал финансовый крах. Товарищ Горбачев напечатал множество купюр достоинством в 50 рублей (в то время — огромные деньги), ими выплатил зарплату всему населению, потом объявил эти бумажки недействительными. Любой нормальный человек, видя такое, ясно понимал: дальше ехать некуда. Это конец.

Между тем некто Рональд Рейган решил слегка потряхнуть Советский Союз, испытать на прочность, взять на характер. У Рейгана была возможность повлиять на Саудовскую Аравию. Он повлиял. 13 сентября 1985 года Рейган произнес четыре слова: будем наращивать производство нефти. Это был смертный приговор Советскому Союзу.

Производство нефти в горячих пустынях Аравии было резко увеличено. Но оно было увеличено и в США. Цена во всем мире снизилась. Все остальные страны — производители нефти несли убытки от падения цен. Возместить убытки можно было только увеличением производства. Все бросились производство увеличивать. И цены рухнули.

И вот в самом конце 1990 года был опубликован и в начале 1991 года появился в витринах американских и британских книжных магазинов образец коллективного творчества группы эрудитов: капитальный труд о перспективах развития Советского Союза. Совершила сей интеллектуальный подвиг группа незаурядных американских и британских экспертов, чей авторитет по обе стороны Атлантики непоколебим.

Про содержание не говорю. Достаточно названия: Soviet Union 2000 (St. Martins Press. New York, 1990).

Лучшие эксперты Запада, сбившись в отару, обсуждали вопрос о перспективах «перестройки» и рисовали картинку расцвета Советского Союза к 2000 году.

Надо ли было быть экспертом, чтобы понимать: цены на нефть летят, как саночки на ледяной горке, следовательно, никакого Советского Союза больше не будет...

Надо сказать, что каждый из этих экспертов в отдельности — умный, понимающий человек, интересный собеседник. Но стоит им сбиться в группу серьезных специалистов, и они тут же меняются. Все их знания и способности мгновенно исчезают.

Жаль, что народ Америки (да и не только Америки) привык верить группам экспертов. Был даже заказан второй тираж... Но тут-то Советский Союз и хрупнул.

И одна из главных причин: кремлевские вожди слишком уповали на коллективную мудрость партии и ее ленинского Центрального Комитета. И каждый начальник, от самого низа до самого верха, опирался на коллективную мудрость групп экспертов. Проще говоря, вожди разучились мыслить самостоятельно...

6

А теперь — ближе к нашим баранам, то бишь к нашим группам экспертов.

Вот некто, скрывающий свое имя под псевдонимом *Виктор Суоров*, выпустил научный труд. Имя свое скрыл, но объявил состав группы экспертов, которые направляли его на путь истины. В составе группы генерал армии М.А. Гареев, генерал-полковник Ю. Горьков, генерал-майор Ю. Солнышков, академик В. Анфилов, Г. Барановский и другие ответственные товарищи.

На стр. 105 они привели данные о подавляющем численном превосходстве германской авиации над советскими ВВС. Боевых самолетов Люфтваффе на советско-германском фронте 22 июня 1941 года, оказывается, было 4950, а в Красной Армии — только 1540. Правда, к советской цифре в скобках добавлено: «нов. обр.».

Расскажите же мне, почему у Гитлера считают все самолеты, а у Сталина только «нов. обр.»? Откуда эта любовь к Гитлеру у всех мастей Гареевых и Барановских?

Известно ли группам мудрейших экспертов, что и у Гитлера тоже не все самолеты были «нов. обр.»? Известно ли им про существование германского бомбардировщика Hs-123? Известно ли им, что максимальная скорость этого самолета была 345 км/ч, а бомбовая нагрузка 200 кг? Известно ли им, что по бортам фюзеляжа этого чуда техники висели кавалерийские стремена?

И откуда взялась эта цифра — 4950? И кто объявил о том, что в Красной Армии было всего только 1540 самолетов новых образцов, если одних только МиГ-3 было 1363? А вы, граждане, ДБ-3ф считали? Их, если не ошибаюсь, было 972. А Ер-2 и Ар-2 не забыли? Добавьте сюда ЛаГГ-3 и Як-1, Су-2, Ил-2, Пе-2 и ТБ-7.

Но с танками и того интереснее. На той же странице группы наших экспертов заявили, что у Гитлера 22 июня 1941 года на советско-германском фронте было 3712 танков, а у Сталина — 1800. И эта последняя цифра без всякого комментария, без уточнений и добавлений типа «нов. обр.». Нет, просто заявлено, что в Красной Армии было 1800 танков. И это XXI век! И это наши светила! И те же люди, обличая меня, заявляли, что одних только танков Т-26 в Красной Армии на 22 июня было на 3000 (три тысячи) больше, чем танков БТ.

На странице 177 этого шедевра группа лучших российских экспертов заявила, что «у нас имелось несколько плавающих танков, и то лишь в виде образцов, в то время как у немцев было их значительно больше».

Этот ужас я разоблачил много лет назад в книге «Самоубийство». Но группы экспертов во главе с главой Академии военных наук продолжают твердить этот бред. Откройте же любой справочник! На 22 июня в Красной Армии было плавающих танков Т-37А — 2331, Т-38 — 1129 и Т-40 — 277.

3700 опытных образцов?

Генерала армии Гареева я уже однажды опозорил рассказом про «38-тонные» танки. Ему мало. Он ринулся повествовать про германские плавающие танки.

Так вот: гражданин генерал, не было в Германии никаких плавающих танков. К некоторым цепляли понтоны. Но из этого вовсе не следует, что танки были плавающими. Я могу прицепить понтоны к паровозу и объявить себя создателем плавающего паровоза. А могу топор положить в медный тазик и продемонстрировать первый в мире плавающий топор. Или утюг.

Вся книга переполнена столь же дикими откровениями. Господам Гареевым, Горьковым, Барановским следовало протестовать и требовать снять их имена с этого позорного творения. Но они не возражали, потому срам коллективной глупости пал на каждого из них персонально.

* * *

Но вернемся к нашим дивизиям.

Повальная фанатичная вера в мудрость групп экспертов, т.е. в мудрость толпы, проникла во все подворотни, во все щели советской государственной машины.

Военная наука вообще и военная история в частности были заражены инфекцией коллективного творчества, пожалуй, больше, чем остальные другие науки.

Результат налицо. Согласен, не каждый полковник Академии имени Фрунзе обучен считать до 170. Но за 60 лет могучие группы серьезных военных историков могли бы посчитать до двух и сообразить, что бригад было не две, а больше...

Могли бы? Нет. Не могли. Теперь это установлено в экспериментальном порядке. Три поколения экспертов, работая группами, так и не удосужились посчитать до двух.

Ибо это — толпа.

А толпа к созиданию не способна.

Только — к разрушению.

Глава 14

ПРО ДИВИЗИИ-СКЕЛЕТЫ

Людские ресурсы у русских всегда в избытке.

*Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии
генерал-полковник Ф. Гальдер.
Военный дневник. Запись 23 июля 1941 года*

1

Танковые дивизии — главный инструмент агрессии. В 1941 году в Красной Армии танковых дивизий было в три раза больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. Других дивизий у товарища Сталина тоже было в достатке. Скрыть это невозможно. Но если этого не скрывать, всему миру станет ясна освободительная сущность сталинской подготовки. Что же делать? Как смазать картину?

И был найден выход: признать, что дивизий было много, но объявить, что были это не полноценные боевые формирования, а лишь каркасы, лишь командиры со знаменами, лишь номера в горячих головах генералов Генерального штаба. Было решено объявить, что советские дивизии были дивизиями-скелетами, что ни одна советская дивизия не была полностью укомплектована.

Так и объявили: «На 1 июня 1941 года из 170 дивизий и 2 бригад, находившихся в пяти приграничных округах, ни одно соединение не было укомплектовано по полному штату» (50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 235).

И пошло. Группа экспертов Военной академии Генерального штаба, всестороннее исследовав проблему, пришла к тому же выводу: «На 1 июня 1941 года из 170 дивизий и 2 бригад, находившихся в пяти приграничных округах, ни одно соединение не было укомплектовано до полного штата» (Начальный период войны. М., 1974. С. 209). Авторский коллектив возглавил начальник академии генерал армии С.П. Иванов. Группа экспертов Военной академии Генерального штаба не только пришла к тому же выводу, что и авторы труда «50 лет Вооруженных Сил СССР», но и выразила свою мысль теми же самыми словами, с точностью до запятой.

Много еще маршалов, генералов, академиков, докторов, профессоров, доцентов и кандидатов обращались к этому вопросу, и все приходили к тому же заключению, и все выражали свою мысль той же фразой. Слово в слово: «...ни одно соединение не было укомплектовано...»

Группы западных экспертов поддержали: так оно и было... Раз русские сами признают, что были не готовы к войне, раз уж генерал армии С.П. Иванов говорит, что ни одна дивизия не была полностью укомплектована...

И публикуют роскошные тома: великолепная бумага, огромные фотографии, звучные имена всемирно известных авторов, и в каждом варианте истории: «...ни одна советская дивизия не была полностью укомплектована...» Историю переписывают, издают новые книги в еще более красочных обложках, с еще более громкими именами авторов, а фраза повторяется.

Истина эта священна и неоспорима: так учат в Военной академии Генерального штаба, и во всех других военных академиях, и во всех военных училищах...

Прочитав в очередной раз нерушимую формулу в очередном роскошном томе, я собираю свои папочки, грузю в машину и назначаю встречу очередному автору — знаменитому западному историку, который эту фразу почему-то повторил. Грузить много: 443 папки на каждую стрелковую дивизию, 62 — на стрелковые корпуса, 29 — на мехкорпуса, 61 — на танковые дивизии... а еще на мотострелковые, моторизованные и кавалерийские дивизии, воздушно-десантные бригады и корпуса, на противотанковые бригады... Одним словом, много. Встречаю знаменитого автора, раскладываю несколько папок (остальные демонстрирую —

всего не разложишь) и предлагаю сверить наши сведения: вы утверждаете, что ни одна дивизия не была укомплектована, хорошо, доставайте ваши материалы на 1-ю Московскую пролетарскую дивизию, на 2-ю, 3-ю, 100-ю, 200-ю... Давайте сравним наши сведения. Показывайте, что есть у вас, а я покажу, что мне удалось найти, вырезать и наклеить на картоночки.

И собеседник гаснет: среди историков с мировыми именами принято высказывать общее суждение, вникать в детали их не приучили. Ищу, но пока не нашел ни одного историка-профессионала, у которого была бы заведена папочка на каждого советского генерала, на каждый военный округ, на каждую армию, корпус, дивизию, бригаду, на каждый флот, флотилию, эскадру.

Самое главное в науке — дипломы, премии, титулы и звания. Как красиво звучит: профессор Сент-Энтони-колледжа Оксфордского университета, лауреат... или начальник Военной академии Генерального штаба, генерал армии, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель, кавалер, лауреат...

Нет, мне никогда не подняться до тех высот, не встать в те ряды. И как мне спорить с деятелями-кавалерами-лауреатами? Преклоняюсь перед титулами и званиями. Завидую. Куда мне до них. Нет у меня званий, нет титулов, и премий мне никто не присуждал.

Но у меня есть нечто такое, чего нет у профессора Сент-Энтони-колледжа, чего не было и у генерала армии С.П. Иванова.

У меня есть ножницы.

И папочки. И полочки.

2

Если бы у начальника Военной академии Генерального штаба генерала армии, профессора, лауреата, кавалера, доктора были бы ножницы и интерес к изучаемому предмету, то он бы вырезал все, что опубликовано в открытой печати, и раскладывал бы по полочкам. Вот тогда бы он не вещал про 170 дивизий и 2 бригады. Вот тогда бы он не настаивал на том, что ни одна дивизия не была укомплектована.

Ножниц у генерала не нашлось, интереса к изучаемым предметам он не проявил, войной не заинтересовался, папочек не

завел. Поэтому я приглашаю своего читателя к моим коллекциям. Начнем с самой первой дивизии.

Генерал армии Я. Крейзер в 1941 году был генерал-майором, командиром 1-й Московской Пролетарской моторизованной дивизии. Вот как он ее описывает: «Танковый полк был оснащен в основном танками БТ-7М. Всего в дивизии было около 225 танков. Впоследствии, находясь в районе Орши, дивизия получила 30 танков Т-34 и 10 танков КВ. На вооружении артполка было 54 гаубицы калибра 122-мм. Противотанковый дивизион имел 18 пушек калибра 45-мм. Численный состав дивизии около 12 тыс. человек» (ВИЖ. 1966. № 6. С. 58).

Напомню читателю, что моторизованная дивизия по штатам военного времени (штат 05/70) должна была иметь 11 534 бойца и командира.

Вникнем: у Гитлера в 1941 году во всех моторизованных дивизиях, вместе взятых, — ни одного танка, во всех пехотных дивизиях, вместе взятых, — ни одного. Во всех дивизиях СС — ни одного. В единственной кавалерийской — ни одного. 1-я Московская Пролетарская числится у нас по разряду пехоты, а танков в ней больше, чем во всех германских пехотных, моторизованных, охранных дивизиях, вместе взятых, ибо количество танков в них — круглый ноль.

В германской армии танки были только в танковых дивизиях. И вот только с германскими танковыми дивизиями можно сравнивать нашу 1-ю моторизованную. И сравнения — в ее пользу: каждая из 17 германских танковых дивизий на советско-германском фронте на 22 июня обладала в среднем меньше чем двумя сотнями танков. У нас в 1-й моторизованной танков больше, чем в среднем по германским танковым дивизиям. Это по количеству. Обратим внимание и на качество. На вооружении артиллерийского полка 122-мм гаубицы М-30. Таких гаубиц ни в Вермахте и ни в какой другой армии мира не было. И до конца войны не появилось ни в Германии и ни в одной другой стране. (Если же зайти с другой стороны, то надо признать, что такие гаубицы все же в германской армии появились. И уже в 1941 году. Красная Армия бросала их во множестве. И снаряды к ним — в избытке. Не пропадать же добру. Немцы любили М-30 и интенсивно использовали.)

Танки 1-й моторизованной дивизии — БТ-7М. А на них — дизельные двигатели мощностью по 500 л.с. Двигатель — сердце танка. В нашей пехоте такие были двигатели, каких в германской пехоте не было и в германских танковых войсках тоже. Ничего подобного в германской армии не появилось до самого конца войны. И ни у кого в мире не появилось. Такими двигателями ни одно государство мира не располагало ни в начале войны, ни в конце ее, ни в первые послевоенные годы.

1-я моторизованная еще до вступления в первый бой получает усиление: 30 Т-34 и 10 КВ. Всего в дивизии стало 265 танков. Во всех германских танковых войсках ни одного танка, равного КВ и Т-34, не было. И по количеству танков она сильнее любой германской танковой дивизии.

Мы обратили внимание только на одну дивизию, первую по номеру, теперь оценим заявление о том, что ни одна дивизия не была полностью укомплектована.

После того как бывший командир 1-й моторизованной дивизии генерал армии Крейзер опубликовал статью, а потом и книгу, кремлевские историки должны были или разоблачить генерала как лжеца и объявить архивные материалы недействительными, или отказаться от формулы «ни одна советская дивизия...». Но нет, лауреаты-кандидаты спокойно читают (а может, и не читают) мемуары генерала армии Крейзера, не протестуют и... все так же повторяют: «...ни одна советская дивизия...»

3

Идем дальше.

Генерал-лейтенант И.П. Рослый на Параде Победы командовал сводным полком 1-го Белорусского фронта. В 1941 году он был полковником, командиром 4-й имени Германского пролетариата стрелковой дивизии.

Послушаем генерала. Вот что он об этой дивизии рассказывает: «В строю 14,5 тысячи человек. 65% личного состава принимало участие в боях во время войны в Финляндии... На вооружении дивизии: 54 танка Т-26, орудий — 72, минометов — 66, противотанковых орудий — 30, зенитных — 12, тракторов — 49, танков-амфибий Т-38 — 10, броневиков — 10, автомашин — 550

*Разница
в форме усов*

*Вторая мировая война
в Европе завершилась
в 1945 году, когда
советские
и американские
солдаты встретились
на Эльбе и обнялись,
как братья*

А началась Вторая мировая война в сентябре 1939 года, когда советские и германские солдаты встретились на Буге и обнялись, как братья

Торжественный марш советских и германских войск в Бресте: советские Т-26Т и Т-26 в одном строю с германскими грузовиками

*Мотоциклисты
Гудериана и танкисты
Кривошеина празднуют
победу*

*Поделились
по-братски. Только
в Бресте германские
войска передали
Красной Армии
7000 пленных
защитников города
и Брестской крепости*

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

1.

Условно, что СССР имеет право держать на арктической у финляндии территории полуострова Ханко и примыкающих островов до пятнадцати тысяч человек наземных и воздушных вооруженных сил.

2.

Для наблюдения за выполнением в жизнь настоящего договора и разрешения возникающих вопросов образуется Смешанная Комиссия на паритетных началах, которая вырабатывает правила своего деятельности.

Если по какому-либо вопросу, возникшему в связи с осуществлением настоящего договора, члены Комиссии не могли бы прийти к соглашению, то вопрос, по которому не состоялось соглашение, решается обычным дипломатическим путем. В случае, если этим путем соглашение не будет достигнуто, разногласие разрешается путем непосредственных переговоров между Правительствами обеих стран.

3.

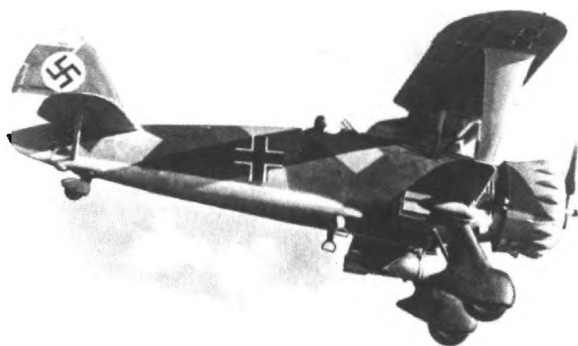
Настоящий конфиденциальный протокол является приложением к Договору о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и финляндской Демократической Республикой, заключенному 2 декабря 1939 года.

В. Молотов

О. Куусинен

2/XII-39 г.

Обратим внимание на неприметную деталь, которая говорит обо всем. Вождь свободной демократической рабоче-крестьянской Финляндии товарищ Куусинен подписался под договором с Советским Союзом нашими родными русскими буквами

Мудрые академики считают у Гитлера все самолеты, а у Сталина только «нов. обр.»? Известно ли группам мудрейших экспертов, что и у Гитлера тоже не все самолеты были «нов. обр.»? Известно ли им про существование германского бомбардировщика He-123? Известно ли им, что максимальная скорость этого самолета была 345 км/ч, а бомбовая нагрузка 200 кг? Известно ли им, что по бортам фюзеляжа этого чуда техники висели кавалерийские стремени?

*«Сталинская кувалда» —
203-мм гаубица Б-4. Нет лучшего
инструмента для того, чтобы рубить
просеки сквозь жилые кварталы
вражеских городов*

*В оборонительной войне «Сталинская кувалда» не нужна.
Для нее нет целей. Отступить с ней вообще невозможно.
Она весит 17,7 тонны, стреляет снарядами весом по 100 кг.
Вывезти снаряды и заряды из приграничных лесов
невозможно. Потому горсть песка в ствол — один выстрел.
Попутно обратим внимание и на несокрушимую боевую
технику наступающих гитлеровцев*

*На хороших дорогах советские колесно-гусеничные
БТ-7 вполне себя оправдали. Немецкие танкисты
очень любили советские танки*

*КВ-2 — настоящий шедевр военной техники. Поместить
столь мощное орудие во вращающуюся башню танка
больше не удалось никому в ходе всей войны.
В июне 1941 года Жуков бросил советские тяжелые
танки в погоню за германскими легкими танками.
Он гонял мехкорпуса по дорогам до тех пор, пока не был
исчерпан ресурс двигателей и не кончилось горячее*

Ни один современный танк не имеет орудия калибром 152 мм. 23 июня 1941 года первые сообщения о танках с такими орудиями поступили с фронта в Берлин. Этим сообщениям не поверили. Войскам было направлено разъяснение, что таких танков не бывает

Даже на небольшом куске брони KV-2 десяток вмятин от германских бронепробивных снарядов. В первой половине Второй мировой войны ни одна армия мира не могла сравниться с Красной Армией в количестве и качестве вооружения

Мощные бронепробивные снаряды не брали броню KV-1 даже сзади

Если войска стоят в обороне, то пикирующие бомбардировщики им не страшны. Одна бомба, один снаряд не могут нанести большого вреда. Войска ведь не кучей собраны. Если же мы готовим армию к наступлению, то степень уязвимости войск стремительно повышается. Войска надо собрать плотными группировками, желательно — вдоль дорог. Это Франция, 1944 год. Французский танковый батальон готовится к наступлению. Машины на втором плане — с боеприпасами и бензином. Одной бомбы было бы достаточно... Да и промахнуться трудно

Именно такую картину застали германские пилоты 22 июня 1941 года прямо у самых границ: боевые и транспортные машины Красной Армии — бок о бок, часто тремя параллельными колоннами. Чем выше была готовность Красной Армии к нанесению удара, тем легче было ее бить, тем страшнее был разгром

"HONEST JOE."
"If only I dared—"

Май 1941 года. Британская карикатура: «Честный Иосиф. Если бы я только решился...» Британия приглашала, подзадоривала и даже шантажировала Сталина: если не нападешь на Германию, мы выйдем из войны, и останешься один на один с Гитлером. Соединенные Штаты, как докладывал Сталину товарищ Громыко, оказывали не только политическое, но и экономическое давление с целью заставить Советский Союз вступить в войну против Германии

*На войне нет плохих дорог.
Есть плохие танки, которые ходились только
для опереточной войны*

*На войне нет плохой погоды.
Есть плохая одежда*

и три тысячи лошадей. Стрелковым оружием укомплектованы по штату. Ко всем видам оружия имеется один боекомплект» (Последний привал — в Берлине. М., 1983. С. 32).

Вот что интересно в организации этой дивизии: в каждой советской стрелковой дивизии был собственный разведывательный батальон. В этом батальоне, помимо прочего, 16 разведывательных танков. Только в составе разведывательных батальонов советских стрелковых дивизий танков было больше, чем во всем Вермахте. Кроме того, некоторые советские стрелковые дивизии сохраняли в своем составе по одному отдельному танковому батальону — 54 танка в батальоне. Это мы видим на примере 4-й стрелковой дивизии полковника Рослого. Длинная костлявая лапа жуковских реформ не успела добраться до этой дивизии. И до некоторых других тоже. Любой любитель истории может без труда найти документы об отдельных танковых батальонах в составе 13-й, 24-й, 100-й, 104-й, 132-й, 140-й и некоторых других советских стрелковых дивизий. Рекомендую, например, ВИЖ. 1987. № 2. С. 51.

В немецких пехотных дивизиях, как мы уже знаем, танков вообще не было.

Но если даже представить, что 4-я стрелковая была укомплектована пехотой не полностью, но у нее были танки, то и тогда она была сильнее любой германской пехотной дивизии. Спросите фронтовиков, как воевать веселее: с неполным комплектом пехоты, но с танками или с полным комплектом пехоты без танков?

В 4-й стрелковой были и танки, и она была полностью укомплектована солдатами, сержантами и офицерами. В большинстве своем у них был опыт прорыва сверхмощных укреплений в Финляндии. Правда, в оборонительной войне этот опыт и не пригодился...

4

Генерал армии К. Н. Галицкий был генерал-майором, командиром 24-й Самара-Ульяновской Железной трижды Краснознаменной стрелковой дивизии. Генерал свидетельствует: «В апреле наша дивизия, как и многие другие соединения, была переведена на штаты военного времени и хорошо укомплектована. Она

имела теперь 12 тыс. человек, 78 полевых, около 50 противотанковых и 12 зенитных орудий, 66 минометов калибра 82—120 мм и много другого вооружения. Полевую артиллерию составляли два артполка — пушечный и гаубичный. Они были перевооружены — первый 76-мм пушками образца 1939 года, второй — гаубицами 122-мм образца 1938 года и 152-мм гаубицами-пушками образца 1937 года на тракторной тяге» (Годы суровых испытаний. М., 1973. С. 18).

В этом отрывке обратим внимание на фразу «В апреле... переведена на штаты военного времени». Германского нападения не ждали, зачем же перевели дивизию на штаты военного времени? Или в войну собирались вступать без германского нападения? И вовсе не одну 24-ю дивизию перевели на военные штаты. Обратим внимание на слова генерала Галицкого: «как и многие другие соединения».

Обратим внимание и на два артиллерийских полка в дивизии. Все советские стрелковые дивизии летом 1941 года имели по два артиллерийских полка. У Гитлера пехотных дивизий было меньше, чем у Сталина стрелковых, в каждой германской пехотной дивизии был только один артиллерийский полк. Основной калибр германской полевой артиллерии 105 мм, советской — 122 мм. Германская полевая артиллерия — это слегка модернизированные орудия, разработанные в ходе Первой мировой войны. Лозунг «Пушки вместо масла» — глупая пропаганда. Гитлер не сумел укомплектовать даже по одному артиллерийскому полку в каждой германской пехотной дивизии устаревшей германской артиллерией. Поэтому германские пехотные дивизии использовали трофейную артиллерию, захваченную в Чехословакии, Польше, Югославии, Греции, Бельгии, Голландии, Франции, Дании, Норвегии. Полевая артиллерия германской армии во Второй мировой войне была многочисленной, но только в сравнении с другими армиями. В сравнении с нашей артиллерией она была устаревшей, разнотипной, малочисленной, даже с учетом всех трофейных изношенных стволов.

Постараемся представить проблемы германской службы артиллерийского снабжения, которой приходилось поставлять войскам боеприпасы двадцати восьми разных калибров. Ни одной из воюющих держав мира не удалось в области полевой артиллерии к концу Второй мировой войны создать или повторить то,

что у Сталина было к началу войны. Красная Армия завершила войну, обладая самой мощной и самой современной артиллерией в мире.

Орудия полевой артиллерии, которыми Сталин располагал в 1941 году, в начале нового тысячелетия все еще состоят на вооружении десятков стран мира и могут быть использованы в бою.

Но вернемся в 24-ю стрелковую дивизию генерала Галицкого. Кроме двух артиллерийских и трех стрелковых полков в дивизии были все положенные отдельные батальоны, а также отдельный танковый батальон. В феврале 1941 года началась реорганизация, в соответствии с которой отдельные танковые батальоны выводились из состава стрелковых дивизий. Но не везде эта реформа была завершена. 24-й стрелковой дивизии повезло. Ее отдельный танковый батальон сохранился.

5

Генерал армии А. Белобородов был полковником, командовал 78-й стрелковой дивизией. Кроме трех стрелковых полков в ее составе два артиллерийских полка: 159-й пушечный и 210-й гаубичный. Дивизия находилась на Дальнем Востоке, но в критической ситуации, как и десятки других, появилась на фронте. Сталин мог подбрасывать свежие дивизии под Москву, а Гитлер по каким-то причинам этого не делал. Сталин снимал свежие дивизии с дальневосточных границ и бросал их в бой. У Сталина было откуда взять, а у Гитлера не было такого бездонного погреба резервов. В том и разница.

Генерал Белобородов описывает 78-ю сд: «Всего в дивизии было более 14 000 солдат и офицеров, 23 легких танка, 3 45-мм орудия, 35 76-мм орудий полковой и дивизионной артиллерии, 18 122-мм гаубиц, 4 152-мм гаубицы, 59 50—82-мм минометов, 6 37-мм зенитных пушек, 441 автомашина и 3400 лошадей» (ВИЖ. 1962. № 2).

Обратим внимание на 23 легких танка. В разведывательном батальоне каждой стрелковой дивизии их полагалось 16. Тут их в полтора раза больше положенного по штату. Генерал подтверждает свои слова ссылкой на архив Министерства обороны (Фонд 208. Опись 2511. Дело 1011. Лист 13) и обобщает: «Дивизия в це-

лом представляла серьезную боевую силу. Однако мы не имели положенного по штату комплекта зенитной и противотанковой артиллерии».

Вот тут и надо искать некоторую часть зарытой собаки. Перед войной по приказу товарища Сталина было сокращено производство зенитной артиллерии и полностью прекращено производство противотанковой. Если Красная Армия ударит в Румынию и отрежет нефть от Германии, то германские самолеты останутся на аэродромах и танки замрут на месте. Зачем в этом случае советским дивизиям четвертого эшелона зенитная и противотанковая артиллерия? И не так уж товарищ Сталин боялся Гитлера, если накануне войны не тратил ресурсы на чисто оборонительные виды вооружения, а бросил их на производство гаубиц и бетонобойных снарядов к ним.

Для наступательной войны 78-я дивизия полковника Белобородова была укомплектована полностью, а в оборонительной ей пришлось туго. Попробуйте сражаться против наступающих танков и пикирующих бомбардировщиков без зенитной и противотанковой артиллерии.

Генерал-лейтенант И.Н. Руссиянов был полковником и командовал 100-й стрелковой дивизией. Это была одна из самых лучших дивизий Красной Армии. Именно с нее начался список гвардейских соединений. В сентябре 1941 года она была преобразована в 1-ю гвардейскую стрелковую. О ней написано много. Рекомендую книгу «Первая гвардейская». Общий вывод: 100-я была укомплектована полностью. Мало того: в ней было людей и вооружения сверх того, что положено. В ее составе был 317-й отдельный танковый батальон — 54 танка. Всего в этой дивизии было 70 танков.

А 2-й гвардейской стрелковой стала 127-я стрелковая дивизия. «В середине августа 1940 г. дивизия была полностью укомплектована личным составом и боевой техникой. <...> В начале мая 1941 г. согласно приказу штаба округа части 127-й дивизии получили пополнение из числа военнообязанных запаса и для прохождения сборов маршевым порядком из своих казарм вышли под Киев — в Ржищевские лагеря» (Гвардейская Таманская. М., 1972. С. 9—10).

Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов в 1941 году был генерал-майором, командовал 132-й стрелковой дивизией. «Всего

в дивизии насчитывалось около 15 тысяч человек, более 3000 лошадей, сотни автомашин. В целом она представляла серьезную боевую силу» («Когда гремели пушки». М., 1962. С. 10).

Генерал-полковник В.М. Шатилов был майором, начальником штаба 196-й стрелковой дивизии... Он сообщает, что дивизия вступила в первый бой, имея 17 000 человек (На земле Украины. М., 1980. С. 179). Вспомним, что каждая советская стрелковая дивизия должна была иметь 14 483 человека. А тут солдатиков больше, чем положено. А на странице 10 генерал сообщает, что 17 000 человек в 196-й дивизии — это только одной штыковой пехоты, а кроме солдат, вооруженных винтовками, в каждой дивизии — сотни и тысячи пулеметчиков, минометчиков, разведчиков, танкистов, артиллеристов, саперов, медиков, офицерского состава и т.д. Попутно генерал сообщает и о соседях: «116-я дивизия была полностью укомплектована» (С. 96).

Генерал-полковник Людников был полковником и командовал 200-й стрелковой дивизией. «Наша дивизия была укомплектована личным составом по штатам военного времени и имела все средства вооружения» (ВИЖ. 1966. № 9).

Можно со стрелковых дивизий перепрыгнуть на кавалерийские. Генерал армии А.С. Жадов был генерал-майором. За несколько дней до войны он сдал 21-ю горнокавалерийскую дивизию в Средней Азии и принял 4-й воздушно-десантный корпус в Белоруссии. Жадов ехал принимать воздушно-десантный корпус (мы к нему еще вернемся), а тем временем 21-ю горнокавалерийскую дивизию тоже перебрасывали на Запад. Вот как ее оценивает бывший командир: «Да, дивизия была полностью укомплектована хорошо подготовленным личным составом. Отлично обстояли дела с лошадьми, стрелково-пулеметным и артиллерийским вооружением, боеприпасами» (А.С. Жадов. Четыре года войны. М., 1978. С. 25).

«Советские кавалерийские соединения содержались в мирное время по штатам, почти не отличавшимся от штатов военного времени, и были сравнительно хорошо укомплектованы» (А.Г. Хорьков. Грозной июнь. М., 1991. С. 43).

Имея в своем составе танковые полки, советские кавалерийские дивизии по ударной мощи превосходили любую из германских пехотных, кавалерийских, моторизованных дивизий.

Особую опасность для Германии представляли советские горнокавалерийские дивизии, которые тайно перебрасывались на румынскую границу. Во взаимодействии с воздушными десантами, горнострелковыми дивизиями и корпусами они могли перехватить ничем не защищенные перевалы в Карпатах и Трансильванских Альпах, что означало бы победный для Сталина конец войны.

Гитлер сорвал эти планы, и 21-я горнокавалерийская дивизия, как и другие ей подобные, была брошена в болота Белоруссии, где выучка захватывать перевалы не потребовалась.

Особо следует сказать о степени укомплектованности частей и соединений НКВД, так как в них некомплекта не было никогда. Пример дает генерал-майор В.С. Антонов: «Отдельный мотострелковый полк НКВД — это была скорее стрелковая бригада военного времени. В полк входили четыре отдельных мотострелковых батальона, танковая рота, артиллерийский дивизион и другие подразделения» (Путь к Берлину. М., 1975. С. 4).

Между батальоном и отдельным батальоном — достаточно большая разница. Так вот: в состав отдельных мотострелковых полков НКВД входили не простые мотострелковые батальоны, а отдельные. Уже одно это, даже если не принимать во внимание танковую роту и артиллерийский дивизион, по существу, превращало полк в настоящую бригаду.

6

Если нас утомляют описания стрелковых, мотострелковых, моторизованных и кавалерийских дивизий, обратимся к танковым. Можем прямо с первой и начинать.

Генерал-лейтенант В.И. Баранов был генерал-майором, командиром 1-й танковой дивизии. Дивизия вступила в войну не просто полностью укомплектованной, а укомплектованной опытным, побывавшим в боях личным составом. На 22 июня в дивизии было 24 Героя Советского Союза и 400 офицеров и солдат, награжденных орденами. В те времена орденами не бросались, как в наше время, и геройские звездочки кому ни попадя не вешали. В составе 1-й танковой дивизии было 370 танков и 53 бронемашин (ВИЖ. 1988. № 9).

Оценим: германский 46-й моторизованный корпус входил в состав 2-й танковой группы Гудериана. В корпусе — 10-я танковая дивизия, моторизованная дивизия СС «Дас Райх» и знаменитый полк СС «Великая Германия». Общее количество танков в 46-м корпусе 206. У Гудериана в лучших корпусах было в полтора раза меньше танков, чем в некоторых наших дивизиях. А таких дивизий, как наша 1-я танковая, в Германии не было ни в начале войны, ни в ее ходе, ни в конце.

В 7-й советской танковой дивизии (генерал-майор С.В. Борзилов) на 22 июня было 368 танков (ВИЖ. 1988. № 11. С. 33). Сравнить такую дивизию с германскими дивизиями нет смысла. Мы можем сравнивать только с корпусами. Например, с 56-м. Это знаменитый корпус Э. Манштейна. В момент пересечения границы в его составе было 223 танка.

Во многих наших дивизиях танков в полтора раза больше, чем в германских корпусах.

А качество?

Пожалуйста: в 7-й советской танковой дивизии среди прочего 52 КВ и 150 Т-34, а в корпусе Манштейна, и во всех остальных корпусах, и во всех остальных армиях мира — ни одного танка, по своим характеристикам даже отдаленно напоминающего Т-34 и КВ.

В 8-й танковой дивизии (полковник П.С. Фотченков) было 325 танков, включая 50 КВ и 140 Т-34 (Там же).

В 10-й танковой дивизии (полковник С.Я. Огурцов) было 365 танков, в том числе 63 КВ, 38 Т-34 и 61 Т-28 (Там же).

7

Для того чтобы не утруждать себя рассмотрением отдельных дивизий, можем обратить наше внимание на их скопления. Вот, например, что известно о советских дивизиях в Ленинградском военном округе: «В округ входила 21 дивизия, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные. Соединения, непосредственно занимавшие приграничные районы, были укомплектованы личным составом и материальной частью по штатам военного времени» (Полковник Б.Н. Петров. ВИЖ. 1988. № 1. С. 45).

Развернем карту, нанесем на нее положение дивизий Ленинградского военного округа и обнаружим, что все они находились в приграничных районах, т.е. все дивизии Ленинградского военного округа были укомплектованы людьми и боевой техникой не просто полностью, но уже переведены на штат военного времени.

Или вот об уральских дивизиях: «В течение 1939—1940 гг. в приграничные округа из Уральского военного округа было отправлено пять полностью укомплектованных стрелковых дивизий. До этого на Дальний Восток отбыли три хорошо обученные стрелковые дивизии и 7-я мотобронеполк» (Краснознаменный Уральский. М., 1974. С. 95).

К этому добавим, что под убаюкивающие песни Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года из того же Уральского военного округа в западные районы страны начала выдвижение 22-я армия в составе армейского и двух корпусных управлений со всем комплектом армейских и корпусных частей. В 22-й армии было шесть полностью укомплектованных дивизий. В остальных округах шел тот же процесс.

* * *

Как же получилось, что на 22 июня столько полностью укомплектованных дивизий превратилось в некомплектованные?

Глава 15

ПРО НЕУКОМПЛЕКТОВАННЫЕ КОРПУСА

За первые восемь месяцев войны было призвано более 10 миллионов человек.

*Генерал армии М. Моисеев,
начальник Генерального штаба ВС СССР.
«Правда», 19 июня 1991 г.*

1

На уровень бригад мы уже опускались. Можем пойти и ниже: «747-й стрелковый полк 172-й стрелковой дивизии... как и остальные части дивизии, был укомплектован кадровым составом. С началом войны лишь некоторая часть солдат пришла из запаса, и то многие из них были участниками советско-финской войны» (ВИЖ. 1963. № 12. С. 88).

Речь про один полк, но из описания следует, что и вся 172-я стрелковая дивизия укомплектована.

Можем с уровня полков, бригад и дивизий подняться выше — на уровень корпусов. Вот, например, 41-й стрелковый корпус генерал-майора И.С. Кособуцкого. В корпусе, как и положено, два корпусных артиллерийских полка и три стрелковые дивизии: 111-я, 118-я, 235-я. Как и многие другие дивизии Красной Армии, они встретили войну в эшелонах. Об этих трех дивизиях сообщается, что «к моменту отправки дивизии были почти полностью укомплектованы» (ВИЖ. 1993. № 6. С. 18).

Генерал-полковник И.В. Болдин сообщает про 6-й мехкорпус: «Личный состав корпуса был превосходно обучен, половину танкового парка составляли машины Т-34 и КВ» (Страницы жизни. М., 1961. С. 95). Уточним: в 6-м мехкорпусе — 1021 танк, в том числе 114 КВ и 238 Т-34, 229 бронемашин, 127 из которых тяжелые пушечные БА-10. В корпусе было 335 орудий и минометов (ВИЖ. 1989. № 4. С. 25).

Генерал-лейтенант Д. Рябышев был генерал-майором и командовал 8-м механизированным корпусом. В составе корпуса 12-я и 34-я танковые дивизии и 7-я моторизованная дивизия, мотоциклетный полк, авиаэскадрилья и другие части. Генерал сообщает: «Личным составом корпус был укомплектован почти полностью, имел 932 танка» (ВИЖ. 1978. № 6. С. 67). Генерал, правда, сообщает и о слабине: средства противовоздушной обороны корпуса — четыре 37-мм зенитные пушки и 24 зенитных пулемета.

В случае внезапного массированного удара советской авиации по германским аэродромам зенитных средств корпусам и дивизиям много не требовалось. Но при внезапном нападении противника такой корпус был обречен на уничтожение, несмотря на всю его остальную мощь.

Если готовилось отражение германского вторжения, а зенитных средств не хватало, следовало массы танков отводить от границ, дробить их на небольшие танковые подразделения и части, прятать в лесах, ставить в засады, отрывать для них окопы, маскировать. С одной стороны, уничтожить их было бы очень трудно. С другой — оборона Красной Армии была бы непробиваемой.

Но танки по приказу Великого Стратега держали у границ тучными стадами, не обеспечив зенитного прикрытия.

Так было везде.

Список можно продолжать все дальше и дальше: танков было много. Очень много.

Не будем продолжать. Остановимся. Сравним.

Сравнивать с германскими моторизованными корпусами нет смысла: у нас многие танковые дивизии сильнее германских корпусов. Приходится сравнивать с германскими танковыми группами. Все германские танковые войска были объединены в четыре группы. Группы состояли из корпусов, корпуса — из дивизий.

Общая картина выглядела так:

1-я танковая группа — 699 танков, из них новых типов 0.

2-я танковая группа — 953 танка, из них новых типов 0.
3-я танковая группа — 1014 танков, из них новых типов 0.
4-я танковая группа — 631 танк, из них новых типов 0.
Это все.
А у нас!

2

А у нас 29 мехкорпусов. Укомплектовать их полностью, как мы уже выяснили, не представлялось возможным. Однако, и не до конца укомплектованные, они все же представляли определенную силу.

Не повторяя уже названных, на выбор:

2-й мехкорпус — 489 танков, в том числе 60 новейших.

3-й мехкорпус — 669 танков, в том числе 51 новейший.

4-й мехкорпус — 892 танка, в том числе 414 новейших.

11-й мехкорпус — 241 танк, в том числе 31 новейший.

15-й мехкорпус — 733 танка, в том числе 131 новейший.

22-й мехкорпус — 647 танков, в том числе 31 новейший.

И т.д. и т.д.

Были у Сталина механизированные корпуса без новейших танков:

1-й мехкорпус — 1011 танков.

12-й мехкорпус — 806 танков.

14-й мехкорпус — 534 танка.

16-й мехкорпус — 680 танков.

Так у Гитлера все корпуса без новейших танков.

Были в Красной Армии и совсем слабые мехкорпуса. В 17-м, например, было 36 танков. Но из этого вовсе не следует, что Красная Армия была слабой. Наличие таких корпусов свидетельствует только о выдающихся умственных способностях одного Очень Великого Полководца, который требовал формировать все новые корпуса, который хотел иметь в три раза больше мехкорпусов, чем все остальные страны мира, вместе взятые, наперед зная, что ни людей, ни танков, ни автомашин, ни средств связи для них нет.

Если суммировать, то выглядела картина так.

У Гитлера на Восточном фронте 9 моторизованных корпусов и один в резерве. В среднем 329 танков в корпусе. В том числе новейших — 0.

У Сталина в западных приграничных округах 20 мехкорпусов, в каждом в среднем 519 танков, в том числе в каждом по 66 новейших танков.

Кроме того, в эшелонах перебрасываются на запад еще 7 корпусов, в каждом из которых в среднем по 537 танков, в том числе в каждом корпусе по 7 новейших танков.

Для усиления своих броневых армий Сталин мог перебрасывать танки с Дальневосточного фронта, из Забайкальского, Закавказского и некоторых других военных округов. В Закавказском военном округе было 877 танков. В Забайкальском военном округе даже после ухода 5-го мехкорпуса и 57-й танковой дивизии оставалось еще 1232 танка. Дальневосточный фронт не воевал, но на его вооружении состояло 3203 танка.

У Гитлера таких резервов не было.

Мы уже установили, что у Сталина танки были в стрелковых и кавалерийских дивизиях. Например, в мехкорпусах Киевского особого военного округа было 3945 танков, но общее количество танков в округе — 5465, так как они были и в других частях и соединениях, помимо мехкорпусов.

У нас в одном округе танков больше, чем в Германии и у всех ее союзников, вместе взятых, на всех фронтах от Норвегии до Северной Африки и от Бреста французского до Бреста советского.

Но ведь и это не все. У Сталина были дивизии НКВД. Количество танков в этих дивизиях никогда не публиковалось. Но было их много. У Гитлера в войсках СС в 1941 году танков не было.

А еще у Сталина были воздушно-десантные корпуса. С танками.

У Гитлера в 1941 году танков в воздушно-десантных войсках не было.

Кстати, надо вспомнить и о воздушно-десантных корпусах.

Официальная история ВДВ говорит: «Укомплектование корпусов личным составом к 1 июня 1941 года было закончено» (Советские воздушно-десантные. М., 1986. С. 51).

А вот про ПВО: «Шесть артиллерийских полков 2-го корпуса ПВО, который прикрывал Ленинград, имели на вооружении около 600 новых 85-мм орудий, 59 артиллерийских батарей корпуса по боевой организации считались дежурными с готовностью открытия огня в одну минуту. Кроме того, в корпусе имелось 16 37-мм орудий, 76 крупнокалиберных пулеметов, 175 счетверенных пулеметных установок и 246 76-мм орудий, не предусмотрен-

ных штатным расписанием. Корпус также имел 12 рот воздушно-го наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), радиолокационный батальон, три полка аэростатов заграждения, два прожекторных полка и шесть прожекторных батальонов артиллерийских полков» (История Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 179).

Представьте себе шесть полков по 100 85-мм зенитных орудий в каждом! А сверх того еще почти 250 76-мм зениток сверх штата.

Примерно такой же мощи был и 1-й корпус ПВО, прикрывавший Москву. Но его с началом войны тут же усилили. «Общая численность зенитного артиллерийского вооружения к 22 июля 1941 г. — к началу налетов воздушного противника на Москву составляла: зенитные пушки 85-мм — 564, 76-мм — 232, 37-мм — 248, зенитные пулеметы — 336» (Войска противовоздушной обороны страны. М., 1968. С. 101). К этому добавьте 6-й истребительный авиационный корпус в составе 11 истребительных авиационных полков.

Об авиации впереди разговор особый. Когда будете листать мемуары, обратите внимание на состав авиационных дивизий и жалобы командиров на то, что в них было по два комплекта самолетов.

3

Вернемся на грешную землю, но поднимемся на более высокий уровень.

Маршал Советского Союза А.И. Еременко: «К началу войны, когда враг был в непосредственной близости, передовые части и соединения 16-й армии — 5-й механизированный корпус (около 1300 танков), отдельная танковая бригада (300 танков), 32-й стрелковый корпус — начали сосредотачиваться в указанных выше районах» (В начале войны. М., 1964. С. 215).

Генерал-полковник Сандалов: «К июню 1941 года соединения и части, входившие в состав 4-й армии, были в основном укомплектованы личным составом и боевой техникой в пределах штатных норм» (Первые дни войны. М., 1989. С. 55).

«Стрелковые дивизии, находящиеся в приграничной полосе, были почти полностью укомплектованы и имели полагающееся по штату вооружение» (Р.С. Иринархов. Западный особый. Минск, 2002. С. 30).

Генерал-лейтенант артиллерии Г.Д. Пласков (в то время полковник): «53-я дивизия, в которой я был начальником артиллерии, дислоцировалась на Волге. Старший командный состав вызвали в штаб нашего 63-го корпуса. <...> Командир корпуса А.Г. Петровский, обычно спокойный, невозмутимый, заметно волновался.

— Товарищи, — сказал он. — Приказано отмотобилизовать корпус. Мы должны укомплектовать части по штатам военного времени, для чего использовать неприкосновенный запас. <...>

Еще ни разу на учения не брали полный комплект боевых снарядов. Не призывали людей из запаса...» (Под грохот канонады. М., 1969. С. 125).

63-й стрелковый корпус, как и вся 21-я армия, был полностью укомплектован по штатам военного времени и переброшен к западным границам.

Генерал-лейтенант В.Ф. Зотов (в то время генерал-майор, начальник инженерных войск СЗФ): «Саперные батальоны были отмотобилизованы по штатам военного времени... десять батальонов, прибывших с Дальнего Востока, были вооружены полностью» (На Северо-Западном фронте (1941—1943). Сборник статей участников боевых действий. М., 1969. С. 172).

У Сталина кроме дивизий и бригад боевых были бригады, полки и батальоны резервные и учебные. Не будем пренебрегать мелочами.

Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов говорит о том, что в самом начале войны встретил под Гомелем запасной полк, «насчитывавший свыше десяти тысяч человек» (Когда гремели пушки. М., 1961. С. 33).

Генерал-полковник Л.М. Сандалов: «Из трех пулеметно-артиллерийских батальонов численностью по 350—400 человек проводилось развертывание пяти батальонов по 1500 человек каждый» (ВИЖ. 1988. № 11. С. 7).

Это просто малый штрих, но так было везде.

4

Но даже и не это главное. Все советские дивизии, полностью и не полностью укомплектованные, могли стать полнокровными в любой момент. Идея советской стратегии в том и заключа-

лась: не пугать зверя — нанести первый удар тем, что есть, и тут же начать открытый этап мобилизации. И дополнить все недоукомплектованные полки и дивизии.

Каждая дивизия могла нести любые потери, но они тут же восполнялись бы резервистами, готовыми заменить павших товарищей. «Чтобы ясно себе представить, насколько большим было скопление военнообязанных на сборном пункте дивизии, приводим данные из журнала боевых действий 2-го стрелкового корпуса, в который вошла дивизия. В журнале указывается, что “на сборный пункт 100-й дивизии только в течение 25 июня явилось более 1500 человек одних офицеров”» (Первая гвардейская. С. 67. Со ссылкой на архив ЦАМО. Фонд 202. Опись 2159. Дело 29. Лист 15).

100-я стрелковая дивизия (как и все соседние) была не просто укомплектована полностью, но в ней были бойцы и командиры сверх штата. А тут — еще много тысяч резервистов. Куда их девать? Тот же источник сообщает, что пришлось формировать еще три полка из бойцов и командиров, которых было некуда пристроить. В дивизии три стрелковых и два артиллерийских полка, а позади — еще три полка резервистов. Резервистов было столько, что дивизию, и не ее одну, можно смело разворачивать в корпус или бросать в интенсивные боевые действия в уверенности, что любые потери немедленно возместят резервисты.

Вспоминает полковник И.И. Исаков: «Бровары были забиты войсками... Не берусь сказать, сколько сотен или даже тысяч кадровых командиров, в основном командиров запаса, находилось в резерве, именовавшемся КУКС Юго-Западного фронта» (Командиры мужают в боях. М., 1968. С. 5).

В Красной Армии восполнение потерь осуществлялось как нигде и никогда, невиданными методами и темпами.

Вот только два примера.

«14-я запасная стрелковая бригада Московского военного округа только в августе 1941 года подготовила и направила на Северо-Западный и Центральный фронты 19 маршевых батальонов и 8 рот общей численностью 19 112 человек... Всего за 15 месяцев 14-я запасная стрелковая бригада подготовила для действующей армии 250 тыс. бойцов и командиров» (Генерал-майор В. Яценко. ВИЖ. 1985. № 2. С. 34).

23 августа 1942 года 21-й отдельный учебный танковый батальон «насчитывал около 2000 человек, из них 500 офицеров — командиров танков» (ВИЖ. 1976. № 9). 500 офицеров в батальоне!

Генерал-лейтенант А.В. Владимирский был подполковником, заместителем начальника оперативного отдела штаба 5-й армии КОВО. Он написал учебник об армии, в составе которой он 22 июня 1941 года вступил в войну. Долгие десятилетия учебник был секретным, но перед самым развалом СССР был опубликован под названием «На Киевском направлении» (М., 1989).

Отличие этой книги от обыкновенных мемуаров в том, что генерал не пишет о себе самом, о своих действиях, мыслях, переживаниях. Это развернутый рапорт о боевых действиях 5-й армии с начала войны до сентября 1941 года.

Книга переполнена статистическими данными, которые не только собраны в архивах, но и выверены специальной комиссией с тем, чтобы представить будущим поколениям офицеров и генералов секретную, посторонним недоступную, но в какой-то мере правдивую картину того, что случилось.

5-я армия КОВО — вполне стандартное объединение, которое не выделялось какой-то особой мощью на фоне других армий Первого стратегического эшелона. Ее не сравнить ни с 10-й, ни с тем более 9-й армиями, которые явно превосходили ее по силам.

На странице 28 дается численный состав 5-й армии на 1 июня 1941 года — 142 570 бойцов и командиров. На странице 24 пояснение: «Без приписного состава запаса, призванного на учебные сборы в мае 1941 года». А было этих приписных, как мы увидим далее, много тысяч.

На странице 29 находим количество орудий и минометов в 5-й армии — 2044. Это без учета 45-мм противотанковых пушек. Таблица хороша тем, что в ней четко и ясно расписано, где, сколько, каких орудий было. Например, 122-мм гаубиц в 5-й армии было 260, 152-мм — 235.

Сведения о 45-мм противотанковых пушках приведены отдельно на странице 25. Их было 338.

Танков 5-я армия имела 1503. Без учета тяжелых пушечных бронев автомобилей.

Как после этого прикажете верить Академии военных наук, при содействии руководства которой выпущена книжка с утверждением о том, что во всей Красной Армии 22 июня 1941 года было всего 1800 танков?

Как прикажете верить сочинителю Жукову, который объявил, что высшие руководители Советского Союза «не видели дальше своего носа, вследствие чего наше руководство не сумело своевременно создать мощные бронетанковые войска, и создавали их уже в процессе войны»?

1500 танков в одной армии! В ходе войны ни одна советская **ТАНКОВАЯ** армия ни разу, ни одного дня и ни одного часа таким числом танков не располагала. А тут не танковая армия, а обыкновенная.

Ни в одной германской **ТАНКОВОЙ** армии в ходе войны такого количества танков тоже не было.

22 июня 1941 года все германские танки на советско-германском фронте были сосредоточены в четырех танковых группах. Во 2-й танковой группе танков было в полтора раза меньше, чем в нашей самой обыкновенной 5-й армии. И в 3-й танковой группе тоже в полтора раза меньше.

Если взять 1-ю и 4-ю танковые группы вместе, то и тогда они по числу танков до нашей 5-й армии недотягивают. Причем весьма серьезно недотягивают.

Но если бы даже летом 1941 года советские части, соединения, объединения и не были полностью укомплектованы, то разве это мешает воевать? На войне практически всегда полки, дивизии, корпуса и армии воюют, имея некомплект личного состава и вооружения. Разве это помеха на пути в Берлин?

* * *

У меня нет титулов, нет званий. Я не историк. Но у меня есть интерес. У меня есть страсть коллекционера, страсть борзой собаки, если хотите.

Так вот, совсем не надо носить титулов и званий, чтобы собрать материал, которым набита любая полковая библиотека. Не надо быть ни историком, ни экспертом, а надо просто проявить интерес и собирать сведения о дивизиях так, как мальчишки собирают марки.

Все доступно.

Только надо протереть много пар штанов...

Глава 16

КАК ЖУКОВ МОСТИЛ ДОРОГУ ГУДЕРИАНУ

Армия, которая научилась наступать, но не обучена в деле отступления, будет разгромлена.

*И. Сталин.
Выступление на приеме в Большом Кремлевском дворце
20 января 1938 года*

1

Причину разгрома Жуков объяснил просто: войск не хватало не то что для обороны, но даже и для прикрытия границы.

А мы обратимся к воспоминаниям германского летчика. Его звали Ганс-Ульрих Рудель. Летал он на Ju-87, совершил 2530 боевых вылетов. Вот его впечатление о начале войны против Советского Союза:

«К вечеру первого дня я совершил 4 вылета за линию фронта в район между Гродно и Волковыском. Мы обнаружили огромные массы русских танков вместе с длиннейшими обозами. В основном это были танки типов КВ-1, КВ-2 и Т-34. Мы бомбили танки и зенитные батареи, обстреливали из пулеметов автомобили и повозки со снабжением для танков и пехоты. На следующий день первый вылет мы совершили в 3 часа утра, а последний — в 10 часов вечера. О нормальном ночном отдыхе пришлось забыть, поэтому мы использовали каждую свободную минуту, чтобы рухнуть в траву под самолетом и немедленно уснуть. <...>

Возле дороги на Витебск, по которой наступали наши войска, мы видели один из полузаконченных аэродромов, забитый бомбардировщиками «Мартин». Им не хватало то ли топлива, то ли экипажей. Пролетая над многочисленными аэродромами, над разветвленной сетью укреплений, все мы думали: «Как хорошо, что мы ударили первыми»... Было похоже, что Советы лихорадочно готовили базу для нападения на нас. А какую еще из западных стран Россия могла атаковать? Если бы русские завершили свои приготовления, у нас не было бы ни малейшего шанса остановить их. <...>

Мы совершили множество вылетов для ударов по русским войскам на большом шоссе, ведущем из Смоленска в Москву. Оно было буквально забито бесчисленными русскими машинами. Танки и грузовики стояли бок о бок практически вплотную, часто тремя параллельными колоннами. Если бы эта масса техники обрушилась на нас. <...>

Атака этой соблазнительной цели не представляла никаких сложностей. Через несколько дней шоссе оказалось забито грудами обломков» (Г.-У. Рудель. Пилот пикировщика. В кн.: Бомбы сброшены! М., 2002. С. 30—35).

В том, что немец не врет, каждый может убедиться, посмотрев хронику тех дней: поля и дороги завалены разбитой, сгоревшей советской боевой техникой, а по дорогам гонят несметные толпы пленных красноармейцев.

Все сказанное немецким летчиком можно подтвердить и официальной статистикой потерь Красной Армии. Не буду портить настроение читателям осточертевшей цифирью. Каждый сам может найти сведения о том, сколько миллионов советских солдат попало в плен в 1941 году, сколько орудий, танков и самолетов было потеряно.

Думаю, что при том количественном и качественном превосходстве в вооружении, которое было у Жукова, границу было чем прикрыть. Грех жаловаться на нехватку сил. Разгром 1941 года был обусловлен другой причиной. Вспомним: свой первый орден будущий Маршал Советского Союза Г.К. Жуков получил 31 августа 1922 года. За что? Официальное объяснение: «За Гражданскую войну». Поймите, граждане. Какая война в 1922 году? На Европейской части бывшей Российской империи Гражданская война завершилась в ноябре 1920 года. А в Азиатской части Жуков в те годы не воевал.

Ларчик просто открывался. На фронтах Гражданской войны Г.К. Жуков храбростью не отличился, орденов не заработал. Зато отличился в зверских карательных операциях против русского народа уже после Гражданской войны. Первый орден — за подавление крестьянского восстания на Тамбовщине.

Русский народ всеми силами сопротивлялся коммунистической оккупации. Потому наемнику Жукову в одном из боев крепко досталось. Русский боец чуть было не разрубил Жукова пополам. Сам грядущий Маршал Победы этот бой описывает так: «У меня шашка была еще занесена, а он уже рубанул» (ВИЖ. 1987. № 12. С. 41).

Повторяю не в первый раз, что термин «оккупация» придуман не мной. Жуков воевал против русских в Тамбовской губернии. А командовал всеми карателями кумир Жукова Тухачевский, который, не стесняясь, в открытой печати назвал свой способ правления Россией оккупацией.

В тот раз оккупанта Жукова спасло два обстоятельства.

Во-первых, была зима. На нем были полушубок и много другой теплой одежды. Кроме того, несколько ремней на правом плече. Это и смягчило удар. Во-вторых, на выручку Жукову подоспел другой оккупант и русского бойца зарубил...

На мой взгляд, самый подходящий образ для описания 1941 года именно этот: в свистящем замахе Сталин вознес сверкающую шашку над Европой... а Гитлер уже рубанул.

Датой советского удара, по моим вычислениям, должен был быть день 6 июля 1941 года.

Независимый историк Марк Солонин на основе тщательного изучения архивных документов пришел к выводу, что удар Сталина готовился на 23 июня 1941 года. Выходит, что Гитлер опередил Сталина не на две недели, а на 24 часа.

Доказательства Солонина убедительны. Возможно, он прав.

Известное предсказание адмирала Ричардсона, бывшего командующего Тихоокеанским флотом США, я привожу не по каким-то заграничным, недоступным российскому читателю публикациям, а по тексту «Красной звезды» (19—25 ноября 2008 г.). В мае 1941 года, выступая на семинаре в Сан-Диего, адмирал заявил, что, вне всякого сомнения, в ближайшее время начнется война между Сталиным и Гитлером, а после этого изрек следующее: «Безусловно, крупного успеха достигнет тот, кто первым начнет наступление, поскольку и Вермахт и Красная Армия обучены

на идее блицкрига. (...) Если Сталин неожиданно бросит на Гитлера 200 дивизий и 10 тысяч танков, то Вермахт будет раздавлен и через пару месяцев сталинская армия будет стоять в Гибралтаре. Если же начнет Гитлер, то где он окажется через два месяца, известно только Всевышнему, ибо он неизбежно завязнет на просторах России, и Сталину придется истратить уйму времени, чтобы выбить его оттуда».

Адмирал недооценил серьезность сталинской подготовки. Танков у Сталина было вдвое больше. А в остальном все правильно: если бы товарищ Сталин рубанул первым, то раскрыл бы Европу до самого Гибралтара.

Он замахнулся, но Гитлер рубанул первым...

2

Один из моих критиков высказал трезвую мысль: обороняться легче, чем наступать.

Идею подхватили. Из здоровой мысли некоторые делают логичный, казалось бы, вывод: уж если Красная Армия была совершенно не готова даже к обороне, то о наступлении и говорить нечего.

Так?

Нет, граждане, не так.

Объясняю на примере.

13 апреля 2006 года итальянскими карабинерами был захвачен Бернардо Провенцано. Он же Трактор. Он же Бинну. Он же Привидение Корлеоне. Операция по захвату — без единого выстрела. Дядя Бинну сопротивления не оказал. Никакого. К обороне был совершенно не готов, следовательно...

Следовательно... только в Корлеоне на его личном счету 52 убийства и 22 покушения на жизнь. Не считая нераскрытых убийств. Но это мелочи. Трактор находился в розыске с 1963 года, т.е. 43 года. Последние 13 лет руководил сицилийской мафией. А к обороне не был готов.

Еще пример.

21 апреля 1997 года в 8 часов 12 минут утра в Одессе был убит Виктор Павлович Куливар. Он же Карабас. Стреляли в Карабаса не из какого-то супероружия с фантастическим прицелом. Хватило обыкновенного автомата, точнее — пистолета-пулемета

та. Стреляли не с дальнего расстояния, а с пяти шагов. Нападала не банда головорезов. Вышел спокойно из-за угла молодой человек и шархнул очередью.

Карабас жил почти открыто, без неприступных резиденций, без бригады бойцов, без бронированных лимузинов. В день смерти рядом с ним не было ни одного телохранителя.

Проще говоря, обороны никакой, нападение на Карабаса — минимально возможными силами. Не удивлюсь, если узнаю, что у него в тот день не было с собой даже и пистолета.

К обороне Виктор Павлович был совершенно не готов. Ибо к ней никогда не готовился. И не нуждался. Следовательно...

Следовательно, из этого вовсе ничего не следует.

Карабас держал под контролем Одессу. Повторяю: Одессу!!! Это же вам не какой-то там Манхэттен взять под теплое крыло. С мнением Карабаса считались весьма серьезные люди далеко за пределами Одессы, от Хабаровска и Находки до Неаполя и Барселоны, от Ташкента и Омска до Чикаго и Ванкувера. Его могущество было столь велико, что об обороне он попросту не заботился. Кто посмеет выступить против Карабаса?!

На том и сгорел.

Именно так Красная Армия не готовилась к обороне, ибо вождем Советского Союза некого было бояться. Потому удар Гитлера малым количеством авиации и танков стал для родины мирового пролетариата почти смертельным, как автоматная очередь с пяти шагов. Если смотреть в исторической перспективе, то в конечном итоге удар Гитлера для Советского Союза оказался убойным.

Но если Красная Армия была совершенно не готова к отражению германского нашествия, то из этого ровным счетом ничего не следует.

Есть и еще аргумент: Красная Армия трижды, в 1939, 1941 и 1944 годах, пыталась прорваться в Финляндию, но до Хельсинки так и не дошла. Казалось бы, если советские танки не дошли до Хельсинки, то куда уж им пытаться брать Берлин!

Но вопреки логике Красная Армия, которая не смогла захватить столицу Финляндии, захватила столицы Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Венгрии, Чехословакии, Бессарабии, Румынии, Болгарии, Югославии, Германии. Сюда еще и Китай пристегнуть можно.

К защите своей земли не готовы, а захватывать чужую — пожалуйста.

Обороняться действительно легче, чем наступать. Но только при условии, что мы твердо решили обороняться и поставили свои войска в оборону.

Решил бы Виктор Павлович Куливар заняться вопросом собственной безопасности, то не так легко было бы его в тихом переулке встретить.

Но он этим вопросом не занимался. Как и товарищ Сталин.

Сталин знал, что для Гитлера война против всего мира самоубийственна. К лету 1941 года Гитлер находился в ситуации, когда война уже была проиграна. Врагов у него уже было столько, что всех их победить он не мог ни при каких условиях. Неужели он еще и против Советского Союза пойдет, если не способен защитить даже собственную столицу от британских бомбардировщиков?!

Понимая это, Сталин оборону не готовил, а уничтожал. Он готовил наступление.

Однако чем больше внимания наступлению, тем хуже для вашей обороны.

Войска, которые готовятся к обороне, рассредоточены по фронту и в глубину. Они зарылись в землю, да еще и замаскированы. Ради эксперимента, поставьте в поле мишени и стреляйте по ним со ста метров или с двухсот. А теперь отройте траншею, спрячьте в них ваших фанерных врагов и опыт повторите...

Если войска стоят в обороне, то пикирующие бомбардировщики им не страшны. Одна бомба, один снаряд не могут нанести большого вреда. Войска ведь не кучей собраны. Не страшны и танки. Прет он железный на тебя, а ты маневрируй — на три метра по траншее в сторону от него отскочи. Всего-то и делов. Оно даже и хорошо, если он прямо на тебя идет. Пропустил над собой, потом — бутылкой зажигательной в корму. Танки, которые идут на подготовленную оборону, предельно уязвимы.

Если же мы готовим нашу армию к наступлению, то степень уязвимости войск постоянно и стремительно повышается. Войска надо собрать плотными группировками, желательно вдоль дорог. Именно такую картину на совещании высшего командного состава в декабре 1940 года описывал командир 6-го мехкорпуса генерал-майор Хацкилевич, от которого требовали впихнуть семь тысяч машин в 5—6 километров фронта прорыва. Именно такую картину застали германские пилоты 22 июня: боевые и

транспортные машины бок о бок, практически вплотную, часто тремя параллельными колоннами.

Чем выше была готовность Красной Армии к нанесению удара, тем легче было ее бить, тем страшнее был разгром.

4

Вспоминает подполковник Воронов Александр Сергеевич. Рассказов подобных у меня хватит на несколько томов. Впрочем, каждый читатель и сам при желании может собрать не меньше.

22 июня 1941 года лейтенант Воронов в составе 14-го отдельного путевого железнодорожного батальона 17-й железнодорожной бригады оказался на станции Городея. Это между Минском и Барановичами. Если смотреть шире, то это главная железнодорожная магистраль грядущей войны: Москва—Смоленск—Минск—Барановичи—Брест—Варшава—Познань—Берлин. Можно и дальше: Ганновер—Кельн—Льеж—Париж.

В Бресте, там, где магистраль пересекает государственную границу, — неимоверное скопище войск, которых, как рассказывает Жуков, ему не хватало даже для прикрытия границы. А позади этой массы войск 17-я железнодорожная бригада вела работы по модернизации стратегической магистрали, прямиком ведущей в Варшаву, Берлин и далее.

Вечером первого дня войны началось отступление. Вот рассказ Александра Сергеевича Воронова: «Шли всю ночь. В шесть утра, это уже 23 июня, подошли к старой границе. Батальон остановила группа генералов и полковников, они быстро переговорили о чем-то с нашим командиром, и мы получили участок обороны. Нам было приказано рыть окопы... На следующий день к нам пришли восемь человек в штатском и сказали, что они из Копылянского районного Совета, остаются здесь вести партизанскую борьбу. А сейчас им нужны люди, чтобы открыть железобетонные огневые точки. И вот я с шестью бойцами в сопровождении этих людей иду, куда показывают. Сбиваем ломами замки, открываем ДОТы и уходим. Те, из Совета, остаются охранять их.

Вечером 24 июня к нам в батальон приехал из штаба военинженер 1 ранга Орлов. Он передал приказ старшего начальника: батальон снять для обеспечения движения поездов на участке Тимковичи—Слуцк—Осиповичи. Когда шли через город, встре-

тили тех, с кем накануне открывали огневые точки...» (На фронтовых магистралях. Рыбинск, 1995. С. 9—10).

Что имеем?

На второй день войны военных железнодорожников бросают рыть окопы. Хотя умнее было бы поставить их на разрушение этой самой магистрали. Без нее никакого наступления на Москву быть не могло.

Но кто-то вдруг вспомнил про оборону. А раньше о чем думали? Почему не рыли окопы до германского нападения?

Вскоре, правда, план меняется: не надо рыть окопы, надо обеспечить вывоз стратегических запасов из пограничной полосы. Правильное решение. Но зачем эти запасы туда завезли и свалили у границ? И почему группа генералов и полковников приказывает военным железнодорожникам рыть окопы, хотя рядом никем не занятые железобетонные укрепления?

И какой идиот приказал распустить постоянные гарнизоны укрепленных районов, а фортификационные сооружения запретить на замки, не оставив никому ключей?

Мелкие партийные вожди районного масштаба, люди гражданские, от армии далекие, по собственной инициативе решают приводить в готовность железобетонные огневые точки. Ясно, что внутри нет ни вооружения, ни боеприпасов, ни медикаментов, ни продовольствия, ни воды. И все же это лучше, чем встречать наступающие танковые лавины в мелких окопчиках или вообще в чистом поле. А тут же толпятся генералы и пытаются создать свою оборону, явно не подозревая, что рядом брошенный укрепленный район и в нем никем не занятые железобетонные сооружения.

Впрочем, товарищи районного масштаба не долго в тех сооружениях сидели. Сообразив, куда клонится дело, они не стали упорствовать в своем стремлении остановить врага. И пошли они, солнцем палимы, повторяя...

5

Теперь еще и еще раз вспомним балладу о том, как Великий Стратег в январе 1941 года гениально предсказал направление главного удара германских войск: «Руководство игрой искусственно замедляло темп продвижения «синих», придерживало его.

Но «синие» на восьмые сутки продвинулись до района Барановичей, причем, повторяю, при искусственно замедленном темпе продвижения».

Жуков (если ему верить) знал, что главный удар противник будет наносить вдоль центральной стратегической железнодорожной магистрали на Барановичи, следовательно, дальше на Минск и Смоленск. Жуков якобы знал, что противник прорвется в район Барановичей не на восьмые сутки, а даже раньше. И вот в районе Барановичей у Жукова целая железнодорожная бригада в составе полка, двух отдельных батальонов и обеспечивающих подразделений. В бригаде более четырех тысяч бойцов-железнодорожников. Вот и прикажи им линию разобрать! Пусть немецкий танковый клин рвется вперед, но снабжение войск в стратегическом масштабе в то время и в той конкретной ситуации было возможно только по железным дорогам.

Но 17-я железнодорожная бригада магистраль не разбирала. Хорошо. Тогда прикажи бригаде ничего не делать! Пусть ребятки мячик гоняют. Пусть в речках купаются. Пусть урожай в колхозах собирают. Пусть вечерами хороводы водят.

Но Жуков силами 17-й железнодорожной бригады мостил путь для Гудериана. А силами остальных девяти таких же бригад мостил пути агрессорам вдоль всей западной границы в глубь советской территории.

Возразят, что Западным особым военным округом командовал генерал армии Павлов... Правильно. Но модернизация и развитие железнодорожной сети, тем более на главном стратегическом направлении войны, в компетенцию командующего округом не входят. На это требуется решение правительства. А Генеральный штаб представляет свои соображения о том, что, где и когда надо делать.

Летом 1941 года Сталин свалил свою вину на Павлова.

После войны на того же Павлова свалил свою вину и Жуков. Сейчас находятся умники, которые обвиняют Дмитрия Григорьевича Павлова в предательстве. Граждане обвинители, но ведь десять военных железнодорожных бригад общей численностью более 40 000 человек вели реконструкцию и новое строительство не только в Белоруссии, но и вдоль всей западной границы СССР от Белого моря до Черного, т.е. это была не местная инициатива, а целенаправленная, руководимая Москвой кипучая деятельность. Почему же вы Жукова предателем не обзываете?

22 июня 2001 года в день 60-летия германского нападения начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал армии Квашнин толково и четко объяснил причины разгрома: «В результате не вполне правильной оценки Генеральным штабом и Верховным Главным Командованием сложной обстановки на фронтах несвоевременно было принято решение о переходе к стратегической обороне, что явилось одной из причин серьезного поражения войск приграничных военных округов в начальном периоде войны» («Красная звезда», 22 июня 2001 г.).

Восхитительно.

Выходит, наши стратеги обстановку оценивали правильно.

Но не вполне.

Самую чуточку они ошибались. Самой малости не хватало им для того, чтобы решения их можно было признать вполне правильными.

Это чисто совковый подход. Полный провал в Советском Союзе именовался отдельными недостатками, захват чужих земель — братской помощью, а истребление миллионов соотечественников — перегибами отдельных руководителей районного масштаба.

Кремлевские вожди готовили преступление против Европы, но подготовка к освободительному походу обернулась преступлением против собственного народа — гибелью новых миллионов и чудовищными разрушениями.

И давно пора об этом сказать открытым текстом.

* * *

Действия Жукова я объяснил тем, что он готовил Красную Армию к нападению на Германию. В ответ поднялся ураган протеста, который не утихает вот уже более 20 лет.

Ладно. Согласен. Но в таком случае действия Жукова можно объяснять только тем, что он был изменником Родины, вредителем и предателем.

Какие еще можно выдумать объяснения?

Глава 17

ЕЩЕ РАЗ О 186-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

С осени 1939 года началось развертывание Советских Вооруженных Сил.

*Советские Вооруженные Силы.
История строительства.
М., 1978. С. 234*

Усиленное развертывание всех видов Вооруженных Сил и родов войск началось с осени 1939 года.

*Партия и Армия.
М., 1980. С. 161*

1

19 августа 1939 года Сталин протянул руку дружбы Гитлеру: шли гонца, Польшу делить будем. В тот же день Сталин начал тайное мобилизационное развертывание Красной Армии и мобилизацию всего государства для войны.

Мобилизация была всеобщей и тотальной. В грандиозный процесс были втянуты промышленность, сельское хозяйство, транспорт, наука, культура, все ресурсы великого государства и все слои населения, включая ученых и колхозников, писателей и журналистов, паровозных машинистов и лесорубов, бойцов и командиров, чекистов и дипломатов, заключенных тюрем и ла-

герей, учителей и врачей, подростков, женщин, стариков и всех, всех, всех.

Размах мобилизационного развертывания Красной Армии явно перехлестывал потребности раздела Польши.

Через три десятка лет после завершения войны советское руководство официально признало, что развертывание Вооруженных Сил проводилось. Правда, при этом датой начала процесса было приказано называть 1 сентября 1939 года, когда 4-я внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла новый закон — «О всеобщей воинской обязанности». При этом как-то упускалась из виду мелкая деталь: сессия была *внеочередной*. Заранее о ней известно не было. Приказ о сборе в Кремле кубанских казаков, донецких шахтеров и чукотских оленеводов для утверждения нового закона был отдан 19 августа 1939 года. Вот отсюда и берет свое начало мобилизация.

Кроме того, не дожидаясь, пока чукчи доберутся до Москвы, товарищ Сталин в тот же день, 19 августа, отдал распоряжение о формировании десятков новых дивизий и корпусов.

Мобилизация разорительна. Просто так ее не начинают. Цель мобилизации очевидна: Сталин готовил сокрушение Европы. Иных объяснений его действиям пока никто не выдвинул. И подготовкой к отражению грядущей агрессии тут тоже не отбьешься: в августе 1939 года Советскому Союзу никто не угрожал, никаких планов нападения на Сталина у Гитлера в тот момент не было, Германия к войне была совершенно не готова. Это была вынуждена признать даже официальная коммунистическая пропаганда: «Осенью 1939 года германские вооруженные силы еще не могли вступить в решающую схватку на Западе» (Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М., 1970. С. 24).

Тут же официальная история и причину приводит: не было у Гитлера в тот момент заготовлено оружия и боеприпасов, промышленность не была переведена на режим военного времени, она не справлялась с выполнением военных заказов.

Если осенью 1939 года Гитлер не был готов сокрушить Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Францию и Люксембург, то на сокрушение Советского Союза у него и подавно сил не было.

И как прикажете после этого понимать заявления официальной пропаганды о том, что Сталин стремился выиграть время и

оттянуть войну? Он стремился оттянуть войну, которую Гитлер в тот момент не замыслил? Или он старался оттянуть войну до того момента, пока Гитлер не переведет промышленность на военные рельсы и не наготовит впрок пушек, танков, самолетов, снарядов и бомб?

2

В Красной Армии за неполных два года количество одних только стрелковых и горнострелковых дивизий увеличилось с 96 до 198, а стрелковых корпусов — с 25 до 62. Обо всем этом я рассказал в своей книге «День-М». В качестве примера привел 186-ю стрелковую дивизию. Эта дивизия — в длинном перечне близнецов, чей день рождения выпал на тот роковой день — 19 августа 1939 года. Номер выбран не случайно. До декабря 1938 года самый большой номер стрелковой дивизии — 100. А тут вдруг в мирное время начинается формирование сразу огромного количества дивизий до 186-й включительно...

«Ледокол» громили беспощадно, но «День-М» почти не трогали: к этой книге придраться совсем не просто. Но все же через 15 лет после ее появления мой давний противник Владимир Новаковский нанес внезапный и сокрушительный удар. Он нашел воспоминания генерал-лейтенанта Н.И. Бирюкова, который в 1939 году был полковником, командиром 186-й стрелковой дивизии.

Книга Бирюкова опубликована в 1972 году в Волгограде. Генерал сообщает, что был делегатом XVIII съезда ВКП(б), который состоялся в марте 1939 года. Он отправился в Москву и уже в поезде получил сообщение, что назначен командиром 186-й стрелковой дивизии. В дивизию он прибыл «весной 1939 года». Дивизия, если верить генералу Бирюкову, была территориальной, т.е. солдат в ее составе не было. Их собирали только летом на учения.

Находка моего противника — свирепый удар. Не в бровь, а ниже пояса.

Если все в книге генерала Бирюкова правильно, то «День-М» опрокинут: никакого развертывания Красной Армии начиная с осени 1939 года не происходило, дивизия, мною поставленная в пример, существовала и раньше.

Мой критик ссылается на конкретный источник, а я сообщил, что день рождения 186-й стрелковой дивизии в августе, но источник не указал. На этом он меня и поймал. Получается, что я сам выдумываю истории, на свидетельства и документы не опираясь, а он гвоздит меня генеральским мемуаром словно канделябром.

Рассказывая про 19 августа 1939 года, я мог бы выбрать в качестве примера любую из множества дивизий, приказ на формирование которой был подписан в тот день. Я выбрал 186-ю. И погорел. Если дивизия, приведенная в пример, начала формироваться не в этот день, а существовала раньше, то что же говорить об остальных дивизиях, которые я в пример не ставил?

Обвинения выслушал. Начинаю отбиваться.

3

Любому, кто интересовался историей Красной Армии, совершенно ясно, что генерал Н.И. Бирюков ошибся. До 1939 года в Красной Армии были дивизии двух типов — территориальные и кадровые. Содержание территориальных дивизий обходилось гораздо дешевле: не надо тысячи людей кормить круглый год, не надо обеспечивать их жильем, не надо это жилье содержать в тепле зимой, не надо лечить бойцов и командиров. Главное — не надо отрывать тысячи людей от созидательного труда. В дивизии — небольшое ядро командиров, остальные пусть создают материально-техническую базу грядущей победы. Собрали бойцов раз в год из соседних районов области, повоевали против фанерных врагов и разошлись. Даже подметки на сапогах после того менять не надо.

Хорошая система. Однако к началу 1939 года Красная Армия полностью отказалась от территориального принципа комплектования войск. Все территориальные дивизии стали кадровыми.

На 1 января 1938 года в Красной Армии было 34 территориальные стрелковые дивизии, на 1 января 1939 года не осталось ни одной. Об этом любой желающий может узнать из любых источников, начиная с официальных. Например, «История Второй мировой войны», т. 3, с. 199.

Мог ли Николай Иванович Бирюков в 1939 году командовать территориальной стрелковой дивизией, если таковых в Красной Армии в то время уже не было?

Источник, из которого я черпал сведения о 186-й стрелковой дивизии, тоже вполне официальный — «Военно-исторический журнал» (1980. № 12. С. 76—77). Отчего же в книге я его не назвал? Да оттого, что в славные годы коммунистической власти было только два официальных и открытых источника, из которых можно было черпать сведения о советских дивизиях, корпусах и армиях: «Военно-исторический журнал» и «Советская военная энциклопедия». И ничего иного в перспективе не предвиделось. Рассудил так: тот, кто серьезно изучает начальный период войны, просто обязан завести картотеку, пролистать все подшивки ВИЖ и все тома СВЭ, сведения обо всех дивизиях, корпусах и армиях в свои карточки занести. Короче, тот, кому интересно, имеет сведения о 186-й и всех иных дивизиях, упомянутых в этих сокровищницах. А тому, в ком интерес не проявился, моя точность без надобности.

Считаю, что мой источник — ВИЖ — более надежен, чем мемуары генерала Бирюкова.

В своей книге Н.И. Бирюков не сообщает точных дат. Вместо этого: «когда я ехал в Москву» и «весна 1939 года».

А ВИЖ называет номера всех полков, которые в разное время входили в состав 186-й Брестской краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии с момента формирования до конца войны, и точные даты вступления в должность всех командиров этой дивизии опять же с момента формирования до конца войны. Для каждого командира указана точная дата, когда он дивизию принял и когда ее сдал. Первый командир 186-й сд Н.И. Бирюков принял дивизию 19 августа 1939 года, сдал 12 сентября 1941 года.

Для грядущих критиков перечисляю всех командиров этой дивизии до 9 мая 1945 года включительно:

- полковник (с 4 июня 1940 года генерал-майор) Н.И. Бирюков;
- полковник А.П. Пилипенко;
- генерал-майор А.И. Зыгин;
- майор (с 19 мая 1942 года подполковник) М.И. Никитин;
- генерал-майор В.К. Урбанович;

- полковник Н.П. Яцкевич;
- полковник (с 1 сентября 1943 года генерал-майор) Г.В. Ревуненков;
- полковник С.С. Величко.

«Военно-исторический журнал» — официальный орган Министерства обороны СССР. Сведения о 186-й стрелковой дивизии — не чья-то статья, а официальный ответ на официальный запрос.

А книга генерала Н.И. Бирюкова издана в областном книжном издательстве. Это означает, что издавали ее люди гражданские. Даже при всем зверстве советской цензуры областному издательству было не обязательно проверять, была ли дивизия в 1939 году территориальной или кадровой, существовала ли она весной или была создана летом этого года.

Мой источник более свежий. Сначала была опубликована книга генерала Бирюкова, потом, через 8 лет, официальный орган Министерства обороны СССР опубликовал совершенно иную информацию.

И никто не возразил.

В настоящее время любители военной истории далеко опередили официальных историков в вопросах изучения войны. Лучший справочник по Красной Армии составили К. Калашников, В. Феськов, А. Чмыхало и В. Голиков (Красная Армия в июне 1941 года. Новосибирск. Сибирский хронограф. 2003). Академия наук России, Министерство обороны, Генеральный штаб, Академия военных наук, Институт военной истории и прочие столь же авторитетные организации ни порознь, ни сообща не способны сотворить даже и сотой доли того, что удалось четырем провинциальным подвижникам.

Справочник «Красная Армия в июне 1941 года» — живой упрек всем нашим орденоносным и титулованным бездельникам от военной истории. Наши генералы и академики малое количество информации размазывают по многотомникам. А тут в одном томе, в достаточно малом объеме, сконцентрирована колоссальная по количеству и качеству информация, которая по своему характеру и значению превосходит все то, что ухитрились создать все советские и российские официальные историки за 60 лет упорных трудов. Главное в том, что у официальных историков статистические материалы всегда (и совершенно предна-

меренно) излагаются без всякой системы. А тут все сведения систематизированы. Тут все коротко, четко, ясно, точно, по-военному.

Нашлось в этом справочнике место и для 186-й стрелковой дивизии. Она сформирована в августе 1939 года.

4

В своих воспоминаниях генерал Бирюков ошибся. Но давайте же попытаемся вникнуть в причину столь явной ошибки.

Для этого пойдем двумя путями.

Сначала пойдем налево и представим, что товарищ Сталин был полным идиотом.

И вот идиот Сталин 19 августа 1939 года повелевает сформировать новую дивизию. Тут же Управление кадров НКО начинает поиск перспективного полковника, которого можно было бы назначить на эту должность. Его находят и назначают. За этим неминуемо следует лавина перемещений командного состава. Если в Красной Армии создана одна новая должность командира дивизии, то сколько человек получают повышение? Правильно: десять. Какой-то полковник с должности заместителя командира дивизии поднимается на вновь созданную должность командира дивизии, освобождая свое место. На это место поднимается некий командир полка. На его место — зам. А далее повышаются командир батальона, начальник штаба батальона (который в те годы именовался старшим батальонным адъютантом), командир роты и его заместитель. Наконец, какой-то взводный становится заместителем командира роты или даже ротным, освободив свое место свежеспеченному лейтенанту, который тоже получает повышение, принимая взвод под командование.

Но новой 186-й стрелковой дивизии нужен не только командир, но и заместители командира дивизии, начальник штаба, начальник тыла, начальник артиллерии, начальник разведки и пр. и пр. Кадровые органы должны немедленно найти достойных кандидатов из числа перспективных подполковников и майоров и назначить их на должности.

Но возвышение одного командира полка, который будет назначен на должность заместителя командира новой дивизии,

опять срывает с мест 7—8 других офицеров до взводного включительно. И все другие назначения влекут за собой вереницу перемещений. А еще надо найти пять командиров полков, их заместителей, начальников штабов и пр. и пр. В дивизии 23 батальона и артиллерийских дивизиона. И сюда надо найти командиров. И их заместителей. И ротных. И командиров батарей...

И надо думать о том, где разместить товарищей командиров с их семьями. И где размещать солдат. И чем кормить 10—12, а то и 15 тысяч ртов. И чем кормить 3 тысячи лошадей. И где содержать 558 автомашин. И где их ремонтировать. И где проводить батальонные и полковые учения. Куда выводить батареи, дивизионы и артиллерийские полки на боевые стрельбы. Где тренировать водителей танков и бронемашин. И как эту рать одевать и обувать. Какими кнутами и пряниками держать под контролем.

Это я к тому, что был бы Сталин идиотом, то сначала отдавал бы приказ о формировании дивизии, а после этого начинал бы решать тысячи вопросов, связанных с ее рождением.

Теперь пойдем направо и представим, что товарищ Сталин идиотом не был. В этом случае подготовку к развертыванию как 186-й стрелковой дивизии, так и всей Красной Армии он начал загодя. Так оно и было. Подготовка к развертыванию Красной Армии началась еще в 1927 году, когда страна приступила к выполнению плана 1-й Сталинской пятилетки. Подготовка к развертыванию продолжалась в ходе 2-й пятилетки. А вот в ходе 3-й оно, это развертывание, и началось.

В 1-й пятилетке Сталин возвел индустриальную базу: построил металлургические заводы, шахты, рудники, электростанции. Это то, без чего не может жить и развиваться военно-промышленный комплекс. Следующий шаг — чисто военные заводы: артиллерийские, танковые, авиационные, патронные, судостроительные. И только после этого — развертывание Красной Армии, да и то не сразу, а, так сказать, с нулевого цикла.

Представьте себе строительство промышленного гиганта. Строительства как такового еще нет, но уже назначен директор, уже к месту строительства тянут железнодорожную ветку, уже сколачивают бараки и опутывают их колючей проволокой, уже брешут собачки и матерятся конвоиры. И не подумайте, что директору грядущего комбината легче живется до начала его стро-

ительства. Как раз наоборот: забот у него втрое больше, так как ничего еще не организовано.

Так и в Красной Армии. Приказ о формировании ряда дивизий отдан 19 августа 1939 года. Однако задолго до этого перспективных полковников наметили к выдвижению, освободили от старых обязанностей и обременили новыми. В марте, апреле, мае 1939 года они уже знали, что будут командирами дивизий, которых еще нет. Они уже принимали людей, сколачивали штабы, возводили склады и хранилища, загружали их оружием, боеприпасами, обмундированием и обувью, продовольствием, проводили пробные призывы приписного состава и войсковые учения.

Для того чтобы разворачивать армию без предварительной подготовки, без нулевого цикла, надо было быть полным идиотом. А ведь товарищ Сталин не одну дивизию создавал... Премудрый и весьма серьезный историк волен говорить и писать о Сталине все, что угодно, только не надо Сталина считать дурнее себя.

Принимая это во внимание, согласимся, что нулевой цикл развертывания был. Называя себя командиром дивизии, Николай Иванович Бирюков недалеко отклонился от истины, хотя никакой дивизии в марте еще не было. Весной и летом 1939 года хлопот ему выпало по полной норме. Этот подготовительный цикл весьма близок к понятию территориальной дивизии: вроде бы дивизия есть, и вроде бы ее нет. Дадут приказ, и она появится...

Приказ был отдан 19 августа.

5

Практика назначения командиров соединений и частей до того, как эти боевые единицы возникли, является общепринятой не только в армии, но и во флоте, не только у нас, но и в других странах.

Вот пример. 15 сентября 1954 года капитан-лейтенант Жильцов Лев Михайлович был назначен на должность старпома первой советской атомной подводной лодки К-3.

10 июня 1955 года капитан 2 ранга Осипенко Леонид Гаврилович был назначен командиром этой лодки.

24 сентября 1955 года — официальная церемония закладки корабля. (На этот счет существуют разные данные. На мой взгляд,

самыми точными являются сведения, которые опубликовал контр-адмирал Костев Георгий Георгиевич, опытный подводник, историк флота, профессор, член-корреспондент Академии военных наук.)

9 августа 1957 года атомная подводная лодка К-3 спущена на воду.

3 июля 1958 года — начало ходовых испытаний.

17 декабря 1958 года подписан акт правительственной комиссии о приемке К-3 с перечнем недостатков, которые предстояло устранить.

10 апреля 1959 года после устранения всех замеченных недостатков К-3 вступила в состав Северного флота.

Мораль: почти 4 года капитан 2 ранга Осипенко командовал атомной подводной лодкой, которой не было в составе флота. Он вступил в командование, когда никакой атомной подводной лодки вообще не было. Означает ли это, что он не был командиром?

Нет, не означает.

Командиром был. И стезя ему выпала тернистая. Служба — не мед. Его служба Отечеству в эти долгие тяжкие годы была оценена по высшей шкале. Командиру вначале несуществующей, а затем (казалось бы) недействующей атомной подводной лодки было присвоено звание капитана 1 ранга. До этого командирам подводных лодок столь высокого воинского звания не присваивали.

23 июля 1959 года Указом Президиума Верховного Совета СССР капитану 1 ранга Осипенко Л.Г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 11083).

А капитан-лейтенант Жильцов, впоследствии контр-адмирал, Герой Советского Союза, более года был старпомом подводной лодки, которая существовала только на бумаге, потом три с половиной года строилась и испытывалась.

Принимая вышеизложенное во внимание, согласимся, что назначение полковника Бирюкова на должность командира 186-й стрелковой дивизии вовсе не означало, что такая дивизия уже существует.

Упоминание про XVIII съезд ВКП(б) в связи с новым назначением полковника Бирюкова многое проясняет. Материалы съезда надо читать. Их не перескажешь. Под бурные аплодис-

менты и животно-восторженный гогот зала с трибуны сыпались, словно медяки из разбитой копилки, вот такие заявления: «Наша армия будет самой нападающей из когда-либо нападавших армий!», «Ураганом ворвется Красная Армия во вражескую землю!», «Нет сил таких и в целом мире, чтоб нас остановить!»

Если мы готовимся защищать свою землю, то кто и зачем будет нас останавливать?

Прочитав стенограммы съезда, петербургский историк Александр Гогун подвел итог: «Речами и атмосферой этого съезда Сталин и его ближайшие соратники дали понять партии и стране: Советский Союз готовит большую войну».

И вовсе не случайных людей отбирали на тот съезд.

Отбирали тех, кому предстояло планы партии претворить в жизнь. Точнее — в смерть.

Предыдущий, XVII съезд именуют Съездом победителей.

А XVIII есть основания назвать Съездом поджигателей.

* * *

19 августа 1939 года Сталин принял решение о начале тайной мобилизации Красной Армии и всей советской экономики. Это решение означало неизбежную войну в Европе. Это решение означало, что Сталин подписал смертный приговор всем окружающим странам.

О том, что происходит за стенами Кремля, знать никто не мог. Но в этот день великая русская поэтесса Анна Ахматова написала одно из самых страшных своих стихотворений. Оно называлось «К СМЕРТИ». Под стихотворением она поставила дату: 19 августа 1939 года.

Смертный приговор Европе был Сталиным вынесен, но привести его в исполнение не получилось. Через 52 года, 19 августа 1991 года, кремлевские вожди, уподобившись Гитлеру, бросили свои танки на захват Москвы. Не сумев задавить танками весь мир, они были вынуждены их повернуть против собственного народа, чтобы сохранить свою власть.

Но и это у них не получилось.

Глава 18

ТАК ГДЕ ЖЕ ПЛАНЫ?

Был ли в нашем мобплане 1941 года такой, сугубо оборонительный, вариант? Сомневаюсь. Если судить по воспоминаниям высшего военного руководства, то такого варианта не было. И слова Г. Жукова о том, что «как будто делалось все зависящее от нас, чтобы встретить максимально подготовленными надвигающуюся военную угрозу», сомнений не ликвидируют.

*Генерал-майор Ю. Солнышков.
«Россия». 1993. № 26*

1

Коль скоро речь зашла о 186-й стрелковой дивизии, то давайте проследим ее дальнейшую историю. В судьбе этой дивизии, как в осколке разбитого зеркала, отразилась печальная участь всего Второго стратегического эшелона Красной Армии, т.е. семи армий, которые накануне войны Сталин тайно выдвигал к западным границам из Забайкалья, Сибири, Урала, Поволжья, с Северного Кавказа и других районов Советского Союза.

Если мы обратимся к мемуарам увешанных орденами, увенчанных лаврами победы прославленных полководцев, которые, сохранив верность антинародному режиму, завершили войну на высоких командных должностях, то причины разгрома каждой

дивизии, корпуса, армии, всего Второго стратегического эшелона станут совершенно ясны. Но разнообразия ради давайте окинем взглядом начало боевого пути 186-й стрелковой дивизии с диаметрально противоположной точки зрения.

Пусть хоть один раз нашим свидетелем будет не кадровый военный, но призванный из запаса гражданский человек.

Не генерал, но младший лейтенант.

Пусть о начале войны расскажет тот, кто завершил ее не победителем, но ээком в норильских никелевых рудниках.

Этот свидетель — Л.А. Самутин. Свои воспоминания он писал в конце 1970-х годов без всякой надежды когда-либо их опубликовать. Оттого что мемуары свои он никак не озаглавил, в 2002 году, через много лет после смерти автора, питерское издательство «Черное и белое» выпустило их под названием «Я был власовцем...».

В Русскую Освободительную Армию (РОА) под трехцветный русский флаг Самутин попал не случайно. Власть кремлевских оккупантов он считал властью бандитской и преступной. Выбор его был осознанным. Глубоко осознанным. Но сначала были служба в Красной Армии и германский плен.

В своих воспоминаниях Самутин не задает вопросов и не делает никаких выводов. Он просто рассказывает о том, что сам пережил.

В конце книги — недописанная автобиография, история жизни только до 1940 года. Книга обрывается так: «Первые признаки приближающейся грозы: трехмесячные курсы после окончания еще продолжены на неопределенный срок. Присвоение командирского звания — младший лейтенант. На выпускном собрании курсантов в напутственном выступлении комиссара курсов, старого полкового комиссара, неприкрытый намек на приближающуюся войну» (С. 316).

2

Итак, в начале июля 1940 года Л.А. Самутин (возраст — 25, профессия — преподаватель института) был призван на трехмесячные курсы переподготовки. Его должны были отпустить в конце сентября, но отпустили в начале декабря, присвоив звание младшего лейтенанта. И почти открытым текстом предупредили: не зря мы тут звания раздаем.

Гитлер подписал Директиву № 21 о нападении на Советский Союз 18 декабря 1940 года. А в начале декабря, когда Гитлер директиву еще не подписал, некий полковой комиссар в далекой уральской провинции уже знал: будет война. И какие-то большие московские начальники, которые в сентябре 1940 года принимали решение о продлении срока обучения на курсах с последующим присвоением всем курсантам офицерских званий, тоже все прекрасно понимали.

22 июня 1941 года, уже после того, как германские войска нанесли первый сокрушительный удар, товарищ Сталин отказывался в это верить. А вот в декабре 1940 года даже младшим лейтенантам запаса достаточно ясно объяснили, к чему надо быть готовым в ближайшее время.

И не надо говорить о том, что все это проклятый власовец сочинил. Читайте мемуары советских генералов и маршалов: все они — о том же, все они знали, что дело к неизбежной и скорой войне клонится. Знали еще в 1940 году. И в 1939-м знали. И все они германского нападения не ждали. Для всех советских людей нападение было громом среди ясного неба.

Вот вам не власовец, а советский полководец Герой Советского Союза генерал армии А. В. Горбатов: «В воздухе пахло войной. Ее ждали все, и не так уж много было среди военных людей, у которых теплилась еще надежда на то, что войны можно избежать. Однако, когда было объявлено о внезапном нападении авиации противника на Житомир, Киев, Севастополь, Каунас, Минск, на железнодорожные узлы и аэродромы и о переходе дивизий противника через нашу границу, это сообщение всех поразило» (Годы и войны. М., 1965. С. 172).

Я набрал целую коробку стандартных цитат типа: «В воздухе пахло грозой», а через пару страниц в тех же книгах: «Как гром среди ясного неба».

Любой желающий может найти множество опубликованных свидетельств того, что народ знал о приближающейся войне. И в то же время нападение Германии всех, начиная с товарища Сталина, поразило внезапностью.

На первый взгляд какое-то противоречие: все знали, что будет война, об этом открыто говорили, но германского нападения никто, начиная со Сталина, не ждал.

Но противоречия нет: все знали, что будет война.

Но без германского нападения.

Теперь — к началу книги.

В 1940 году преподаватель института Самутин проторчал на сборах не три месяца, как положено, а пять. В декабре его отпустили, но через четыре месяца, в начале апреля 1941 года, вновь призвали на трехмесячные (якобы) сборы. В конце мая младшего лейтенанта запаса Самутина внезапно назначают командиром пулеметно-минометной роты 1-го батальона 238-го стрелкового полка 186-й стрелковой дивизии.

Призвали его затем, чтобы чему-то научить, теперь, научив, приказывают принимать роту и ею командовать. Самутину дают в подчинение старшину и трех лейтенантов. Лейтенанты досрочно без экзаменов выпущены из училищ и без отпуска отправлены в войска. В пулеметно-минометной роте Самутина должно было быть 120 солдат. Но пока их не было. Потом появились.

«В середине мая вдруг стали прибывать большими группами новые люди, пополнение. Это оказались запасные приписного состава. От них мы узнали, что призвано этих запасных 15 возрастов, всем объявлено, что рядовой состав призывается для прохождения 45-дневных сборов...

К нам в полк, когда мы уже были в лагерях у станции Юматово, повалили валом эти приписники...» (Л.А. Самутин. Я был власовцем... С. 16).

Середина мая выбрана неспроста. Один месяц, с середины мая до середины июня, — интенсивная подготовка резервистов, сколачивание подразделений. После этого над страной и миром гремит Сообщение ТАСС о том, что в Советском Союзе никакой переброски войск к западным границам не проводится и не намечается, и тут же приказ 186-й стрелковой дивизии грузиться и — в путь.

«Вчера было очередное опровержение ТАСС, разговорчики идут всякие, беспокойно становится вокруг... И призыв этих приписных в таком большом количестве, и досрочный, на два месяца раньше срока, выпуск лейтенантов из военных училищ — все, наверное, неспроста, что-то готовится...» (С. 18).

«Получен приказ из Округа немедленно нашей дивизии сниматься с лагеря и отправляться на большие корпусные, а возможно, на армейские маневры... Сегодня — четырнадцатое, грузиться будем шестнадцатого с утра... Капитан Никитин, командир вто-

рого батальона, сунулся было с вопросом, куда хоть поедем, да тут же и прикусил язык. Майор не рассердился, а только, уходя с крыльца, махнул рукой — и в дивизии никто не знает...»

«Паровоз не прицеплен. Это весьма загадочное и интригующее обстоятельство. От того, с какой стороны прицепят паровоз, зависит, против кого нас двинут. Если паровоз прицепят к тому концу поезда, который в сторону Уфы, значит, поедем на восток, с Японией будем счеты сводить. Мы и ждем этого.

С другой стороны, эта идущая уже второй год война в Европе, эти странные опровержения ТАСС одно за другим заставляли предполагать и иное. <...>

Вдоль поезда идет командир дивизии генерал-майор Н.И. Бирюков. Его сопровождают несколько командиров... Генерал и его свита поглядывают в ту сторону поезда, где станция Чишмы, до нас быстро доходит смысл этих поглядываний... К западному концу эшелона медленно подкатывался паровоз. Все прояснилось. Значит — едем на запад. Другого направления тут нет...» (С. 18—20).

«Меня пронизывает мысль, которая за суматохой двух последних дней просто не приходила в голову. За всей этой возней, пустой и лихорадочной, некогда было спокойно подумать, минуты свободной не было, сейчас вот все улеглось и в голове стал налаживаться некоторый порядок. Как же так — до конца срока моего (нашего!) лагерного сбора осталось две недели, а нас везут на какие-то армейские маневры. Сколько времени они продлятся? Уж, наверное, не две недели...» (С. 21).

«Наш поезд идет вне расписания...» (С. 23).

4

Остановимся, передохнем, поразмыслим.

Итак, младшего лейтенанта запаса призвали на трехмесячные сборы в начале апреля 1941 года. Следовательно, в начале июля должны были отпустить.

Командиры взводов — прямо из училищ. Выпуск должен быть в июле, но на два месяца раньше срока, в мае 1941 года, приказом Наркома обороны СССР из военных училищ без экзаменов было выпущено 70 000 офицеров. Всех их без отпуска отправили прямо в войска.

Товарищ Сталин (как нам объясняют) ни на кого нападать не собирался.

Товарищ Сталин (как все мы знаем) германского нападения не ждал и в подобное нападение не верил.

Чем объяснить досрочный выпуск?

Но тут не только выпуск, но и призыв одновременно 15 возрастов резервистов. В мае призвали на сборы 807 000 рядовых и сержантов запаса в возрасте от 22 до 37 лет включительно.

До уборки урожая.

Опять же, нападения не ждали. И сами ни на кого нападать не собирались.

Если 15 возрастов призвали в середине мая на 45 суток, следовательно, отпустить должны были в начале июля...

Но, как видим, отпускать не собирались, вместо этого отправили на учения. И над эшелонами звучали какие-то странные сообщения ТАСС. Кремлевские историки почему-то помнят только Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 года, по невежеству именуя его Заявлением ТАСС от 14 июня. Но в те дни, недели и месяцы таких сообщений было несколько. И граждане Советского Союза, привыкшие читать между строк и слышать между фраз, четко понимали: за всем этим что-то кроется.

Наш свидетель Самутин видел отправку только одного своего эшелона из состава 186-й стрелковой дивизии. Но дивизии надо много эшелонов. И дивизия была не одна. Их было много. С Урала «на учения» уходила целая армия. 22-я. И не только с Урала. Из внутренних военных округов одна армия, 18-я, перебрасывалась в Первый стратегический эшелон. Семь других армий из Забайкалья, Сибири, Урала, Поволжья, с Северного Кавказа, из других районов формировали Второй стратегический эшелон.

Сотням тысяч людей объявляли, что везут их на учения. Но зачем армии из Забайкалья, Урала и Сибири перевозить на западные границы Советского Союза на учения? Разве в диких степях Забайкалья нет места для учений? Разве в Поволжье негде развернуться? А Южный Урал! Способен ли какой иностранец представить себе размах степей окрест Оренбурга?

Интересно, что и командиры, и солдаты ясно понимали, что везут их вовсе не на учения, а на войну. Только поначалу неясность была: против Японии или против Германии.

Но вскоре прояснилось.

Вернемся к рассказу свидетеля.

«Вся станция Великих Лук оказалась забитой воинскими поездами. Эшелоны с людьми, военной техникой: орудиями, танками, машинами, поезда с запломбированными товарными вагонами, длиннейшие составы цистерн с горючим — одни прибывали, другие отправлялись с очень короткими интервалами. Мы ждали своей очереди.

Тут, в Великих Луках, пришел конец нашему беззаботному настроению. Теперь уж мы не предчувствовали — своими глазами видели, что готовится что-то серьезное, и нам в этом предстоит участвовать.

Было утро 20 июня. Но нам еще понадобилось полтора суток, чтобы добраться до старой западной границы, хотя до нее уж было не так далеко...

Вечером 21-го мы прибыли на какую-то станцию... По вагонам передали команду:

— Готовиться к выгрузке!

Вдали виднелось станционное здание, на котором было написано ИДРИЦА...

Было около 10 часов вечера, когда скомуандовали общее построение и нам объявили, что идем к складам переобмундировываться и довооружаться. Идти пришлось совсем недалеко, и на удивление быстро — повзводно — всем были выданы совершенно новые комплекты обмундирования, вплоть до нижнего белья, и, что самое главное, опротивевшие ботинки с обмотками тоже были заменены сапогами...

Легкое стрелковое оружие нам тоже заменили. Вместо старых разболтанных винтовок, которые мы привезли с собой, нам выдали новые винтовочки и ручные пулеметы...

Но что больше всего удивило нас, так это получение боеприпасов. И это оказалось не только к удивлению, но и к неудовольствию, так как не больше, чем через час, мы выступили, и боеприпасы значительно увеличивали вес переносимых грузов. Приказано было объявить личному составу, что боеприпасы выданы потому, что маневры будут происходить в районе государственной границы, а всякая воинская часть, находящаяся в районе границы, должна быть снабжена боеприпасами.

Где-то в первом часу бледной июньской ночи мы выступили колонной в северном направлении от Идрицы...» (С. 28—30).

И вот утро.

«По дороге, от бежавших мимо незнакомых командиров я услышал слово — ВОЙНА!»

6

Остановимся еще раз.

В начале июля должны были отпустить по домам как рядовых, так и офицеров-резервистов. Зачем же им выдали новые сапоги? Зачем поменяли все обмундирование на совершенно новое?

Если им через пару недель или даже через месяц-другой по домам, то пусть бы в своих обмотках и дотянули бы срок. И государству экономия.

А оружие новое зачем? Пусть бы солдатики на учениях со старыми винтовками бегали. А новое оружие пусть в ружейной смазке войны дожидается. Придет время воевать, вот и дайте бойцам новые винтовки и пулеметы!

Зачем выдали боеприпасы? Учения в районе границы? Но от Идрицы до границы 407 километров по прямой. А вот в тех дивизиях, которые действительно были на границе, в это же самое время боеприпасы отбирали и сдавали на склады. Дабы случайной пальбой Гитлера не вспугнуть.

Переодевали, переобували, перевооружали не одну дивизию, не один корпус и не одну армию, а миллионы резервистов. Горы сапог на грунте помнят солдаты и Первого, и Второго стратегических эшелонов. И все это до германского нападения. Не ожидая оно.

И ради чего?

«Два дня проторчали мы на той поляне, на берегу Великой. Я уже узнал от местных крестьян, что эта речка — действительно Великая. И только на третьи сутки с начала войны поступил приказ двигаться на запад, в сторону старой государственной границы...

Как потом я узнал, мы стояли в лесах за Идрицей потому, что собственной задачи дивизия в эти первые дни так и не полу-

чила. И двинулись лишь тогда, когда стало необходимо перед приближавшимися немцами быстро организовать оборону по линии Себеж — Дрисса — Витебск...

Еще два дня мы болтались взад-вперед в районе между Себежем и старой государственной границей. Задачи полку менялись прежде, чем мы могли приступить к выполнению предыдущей. Наконец последовал приказ возвращаться в Себеж и снова грузиться в эшелоны...

Невеселые мысли возникали от картин беспорядка, бестолковщины, бесхозяйственности и растерянности старших командиров.

На второй день болтанки в районе старой границы мы получили приказ разгрузиться и занять часть укреплений Себежского укрепрайона. Оказалось, что в связи с переносом государственной границы в сороковом году укрепления были демонтированы. И когда это успели все так капитально разрушить! Ни связи между огневыми точками, никакого инвентаря в ДОТах. Даже за посудой для хранения воды пришлось бежать выпрашивать у колхозников невдалеке. Хорошо, люди понимали и охотно помогали, кто чем мог.

Не успели мы дооборудовать свои новые позиции, как последовал новый приказ. Все были так издерганы бестолковщиной этих первых дней войны, что матерились в открытую. Оказалось, на наше место должна заступить 170-я дивизия, наш бывший сосед по Юматовскому лагерю...

К вечеру мы были уже в Себеже. Садилось солнце. Вечер был тих и спокоен, но никакого покоя не было среди людей. На станции оказалась такая невообразимая толчея, что для нашей погрузки эшелоны были оттянуты от станции на перегон в сторону границы, куда поезда уже не шли. Нам пришлось опять топтать несколько километров назад дорогой, которую мы только что прошли.

Погрузка была трудная. Без платформы, по накатам, втягивали орудия, грузили ящики с боеприпасами, продовольствием, всего более намаялись с этими проклятыми лошадьми, которые никак не хотели подниматься в вагоны. Уже глубокой ночью кончили грузиться и все повалились спать как убитые.

Проснувшись утром — видим, что стоим все там, где и грузились! Никуда не тронулись ночью! Ну и дела! Вот так война!» (С. 32—33).

«Не дав нам дожждаться подхода немцев к Себежскому укреп-району, нас сняли и перебросили под Витебск. По дороге, едва двинувшись с места, мы попали под бомбежку одним-единственным немецким самолетом — он сбросил три бомбы. Одна взорвалась на путях станции Идрица, где мы остановились, между нашим эшелонном и другим, стоявшим через десяток пустых путей. Немца отогнали два наших юрких тупорылых ястребка, вынырнувших откуда-то из-за леса, тот сбросил еще две бомбы где-то уже за станцией и улетел прочь. Но от этой единственной бомбы, упавшей на путях, сначала загорелся один вагон в середине того, второго состава, а потом, через несколько минут, исчез вдруг весь состав, на его месте образовалось как бы огненное озеро, огонь не метнулся вверх, как рисуют взрывы на картинках, а растекаясь по земле вдоль всего эшелона вправо и влево от него метров на 20—30, захватив ближайшие пути и наш комендантский взвод, бежавший во главе с капитаном, комендантом эшелона, с лопатами забрасывать песком горящий вагон. И звука взрыва мы не слышали, только что-то фукнуло со страшной силой на нас, и мы повалились друг на дружку, не успев понять, в чем дело. Оглохший, вскочил я с полу нашего вагона и увидел, как солнце скрывается в туче пыли и дыма, поднимающихся с земли в воздухе, паря в нем, как листы картона на ветру, падают на землю подброшенные взрывом вагонные двери и крыши... Тот эшелон был с боеприпасами. На землю сыпались то осколки, то целые неразорвавшиеся снаряды. Иные уже рвались и на земле. Отовсюду бежали люди, они открывали рты, и тут я понял, что оглушило, не слышу, и бросился бежать вместе с ними. Иногда бежавшие рядом вдруг припускали бежать быстрее, рывком, еще и оглядываясь назад. Оглянулся и я. Там, на станции, взлетали один за другим огненные гейзеры, и какие-то хлопки, как удары вальком по мокрому белью, я уловил все-таки — это рвались цистерны с горючим, и особенно громкие и звонкие взрывы их еще прибавляли жару к нашей панике. А поселок при станции, весь из деревянных домишек, уже польхал жутким русским пожарищем» (С. 37).

«9 июля, немцы не совершили налета на железнодорожную станцию Витебска. Вся территория станции, все пути были забиты воинскими эшелонами с людьми, техникой, боеприпасами. Жертвы тогда были бы просто ужасны. Но судьба хранила нас в тот раз — мы миновали Витебск благополучно.

Ночью едва не въехали немцам прямо в пасть — спасибо неизвестному железнодорожнику, путевому обходчику, петардами остановившему поезд в 2—3 километрах от станции, уже захваченной немцами.

Только спустя четверть века, из воспоминаний генерала Бирюкова, узнал я некоторые подробности боевой обстановки тех дней.

Оказывается, тогда в 10—15 километрах северо-западнее места, где нас остановили и ссадили с поезда, основные силы нашей дивизии были окружены и готовились к прорыву из первого окружения. Нас же заставили окапываться на опушке леса, и никто не знал, откуда в действительности может показаться противник.

Но и эту позицию мы не успели оборудовать до конца, как поступила вечером команда колонной двигаться на восток, в сторону поднявшегося на горизонте огромного зарева — горел разбомбленный и подожженный Витебск в 25 километрах в нашем тылу. Никто не знал задачи — куда идем, что нас ждет, что делать каждому при встрече с немцами...

Двигались по дороге, медленно, с непонятными остановками и задержками, колонна невообразимо растянулась, голова исчезла где-то впереди во мгле лунной летней ночи. Я послал для связи одного за другим несколько бойцов вперед за получением сколько-нибудь четких указаний — никто не вернулся. Наконец спереди по цепочке передали — роте свернуть в лес, завести транспорт в глубь леса, самим занять оборону на опушке. Никто не слышалось никакой стрельбы, только зарево в стороне Витебска разгоралось все ярче...

Наступило утро. Все время стояли прекрасные солнечные дни. Я ходил по опушке, считал своих бойцов и младших командиров — к недоумению своему, многих недосчитался. На вопросы — что делать? что дальше? — ничего не мог ответить, никаких приказаний оставлено не было. Нигде поблизости не видно было следов нашей основной колонны. Я все еще надеялся, что вот-вот кто-нибудь прибежит к нам и передаст приказ сниматься и двигаться дальше.

К полудню я закончил обход лесочка, в котором мы были остановлены с ночи, — он оказался совсем небольшим, и никого из своих я больше не встретил, попало множество совер-

шенно деморализованных людей, из других, неизвестных мне частей. Никто не знал обстановки, у всех глаза были расширены от всяких ужасов, и совершенно нельзя было понять, истинных или воображаемых.

Я поспешил вернуться к своим. Охваченный беспокойством и недобрыми предчувствиями прибежал в наше расположение. Да, предчувствие не обмануло — людей стало еще меньше, десятка полтора-два, не больше, непоеные лошади бились и рвались на поводьях, привязанные к бричкам с грузами, значительная часть которых уже была растащена. Ездовых не было нигде. Ничего не оставалось больше, как принимать собственное решение. Я приказал отвязать лошадей и пустить их искать воду и корм. Потом их подберут колхозники. Я видел недалеко от леса деревеньку. В лесу остались брички, наполненные продовольствием — сухарями, сахаром, коробками со сливочным маслом, уже растаявшим в июльской жаре...» (С. 40).

Несколько дней младший лейтенант Самутин с осколками своей роты бродил по лесам. Люди изнемогли от усталости. Нашли укрытие. И все уснули.

«Расплата прийти не замедлила. Сколько мы спали? Часа 2—3, не больше. Наш сладкий сон в теплом убежище на свежем сене был оборван самым неприятным образом — нас били по ногам палками... Тыча нам палками и дулами карабинов под ребра и в спины, визгливо выкрикивая непонятные нам команды, явно не давая нам возможности опомниться и сразу отрезав нас от ямы, где осталось наше оружие, немцы бегом погнали нас на улицу деревни. Там стояло уже больше сотни захваченных и согнанных в кучу других таких же неудачников, как и мы. Оказывается, десятка два-три немецких мотоциклов с колясками влетело в деревню, не встретив ни одного выстрела и сами не выстрелив ни разу, и немедленно принялись хватать и сгонять в кучу, как стадо баранов, наших людей. Такова была степень деморализации и полного непонимания действительной обстановки... Не я один такой был, а много нас таких, лопающих, попало к немцам в лапы...» (С. 41).

Ручейки пленных сливались в речушки и реки. Толпы захваченных бойцов Красной Армии немцы гнали через границу.

«Прощай, Родина! Все оглядываемся назад. Пограничных знаков на дорогах нет никаких, их уничтожили немцы, но спра-

ва и слева видны недостроенные мощные ДОТы, железобетонные громадины с зияющими темными амбразурами, еще не закрытые землей. Не видно следов боев» (С. 53).

Дальше — жуткий мрак гитлеровских лагерей.

7

Итак, 21 июня 1941 года 186-я стрелковая дивизия прибыла в Идрицу и приступила к разгрузке и перевооружению. До этого момента все шло хорошо. Даже очень хорошо. И войск много, и оружие новое, и командиры знают, что им делать.

Но вдруг начинается война, и все пошло кувырком.

С 21 июня по 7 июля, т.е. больше двух недель, 186-я стрелковая дивизия (это подтверждено и генеральскими мемуарами) ходила кругами. Разгружалась и снова грузилась. Снова разгружалась и снова грузилась. Идрица—Себеж—Идрица—Себеж. Дивизия занимала укрепленный район. Затем его бросала. Рыла окопы. Бросала их и двигалась дальше. Нагруженная боеприпасами, продовольствием и всяким другим добром.

Мемуары Самутина надо читать. Я ведь самого интересного не цитирую. Надо читать о том, как солдаты, сознавая ненужность и глупость дурацких перемещений, бросали и оружие, и боеприпасы. Как дивизия таяла от усталости и бестолковщины. Как при первой возможности солдаты разбредались по лесам и деревьям.

Младший лейтенант Самутин о сдаче в плен не помышлял, сдаваться не хотел. Но, измученный вконец, уснул вместе с осколками своей роты. Уснул на деревенском сеновале, не выставив охранения: люди были истерзаны сверх всяких пределов безумными маршами. А ведь рядом никем не занятый укрепленный район!

Можно в такой расхлябанности обвинить младшего лейтенанта. А можно и Гениального Полководца, который в Генеральном штабе творил гениальные планы. Не одна ведь 186-я дивизия шаталась без дела, катастрофически теряя мощь еще до встречи с противником. Но и весь 62-й стрелковый корпус, в состав которого входила эта дивизия, тоже выписывал кренделя. И вся 22-я армия, в состав которой входил 62-й стрелковый корпус, тоже кружила в пространстве: то занимала укрепленные райо-

ны, то их бросала, то рыла окопы, то снова грузилась в эшелоны. А потом разгружалась.

И все семь армий Второго стратегического эшелона вытворяли подобные пируэты.

Раньше мы видели, что и в Первом стратегическом эшелоне творились столь же удивительные дела: гигантские мехкорпуса кружили по дорогам до тех пор, пока не израсходовали все топливо и моторесурс.

И тут вступает в силу наше право задать вопрос: а где планы войны?

* * *

Командир стрелкового отделения, который готовит шесть-семь-девять подчиненных ему бойцов к отражению атаки противника, составляет графический документ — карточку огня. На листочек бумаги он наносит стрелку «Север — Юг», ориентиры и расстояния до них, позицию отделения и полосу огня, позицию пулемета, основные и запасные секторы обстрела, позиции соседей и направление их огня перед фронтом отделения, участок сосредоточенного огня взвода, инженерные заграждения перед фронтом и на флангах.

Любой военный план, особенно план обороны, имеет графическое выражение. Такие планы готовят на всех уровнях — от отделения, взвода, роты и выше.

Покажите же мне, покажите нам, покажите стране, народу и миру карту с гениальным жуковским замыслом отражения германского вторжения.

Жуков готовил неприступную оборону? Какими силами? На каких рубежах? Где документ? Где карта?

Жуков готовил контрудары? Из каких районов, какими силами, в каком направлении? Где этот замысел отображен? И если он был, отчего дивизии, корпуса и целые армии выплясывали в пространстве, словно фигуристы на льду?

Пока великие полководцы и их наследники не представили графического изображения замысла обороны страны от германского нашествия, все их слова следует считать пустой болтовней, а Жукова надо считать хвастуном и прохвостом.

Глава 19

С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ И ДРУГИМИ ТОВАРИЩАМИ

Пришла директива срочно законсервировать все старые УРы, вывести на Сан воинские части, а охрану сооружений возложить на вольнонаемных вооруженных сторожей.

*Полковник Р.Г. Уманский.
На боевых рубежах.
М., 1960. С. 35*

1

«Линия Сталина» — это вначале 13, а затем еще 8 укрепленных районов вдоль западных рубежей Советского Союза. Их нумерация начиналась с цифры 1.

Но укрепленными районами были усилены не только западные, но и восточные рубежи страны. От Благовещенска до Владивостока пролегла полоса из 13 УР. Их нумерация начиналась с цифры 101.

Все укрепленные районы возводились по единым типовым проектам, их организационная структура определялась в соответствии с едиными требованиями по единой методике, их вооружали тем же самым оружием. Только судьбы у них разные.

К укрепрайонам у меня особая любовь, особое к ним отношение.

Родиться меня угораздило в поселке Барабаш Хасанского района Приморского края. Барабаш — центр 107-го УР. В первый класс пошел в поселке Славянка. А это центр 110-го УР. Потом снова был Барабаш. Все игры детства вокруг железобетонных утесов. Учиться довелось в разных местах, в том числе и в Киеве. Тактику постигал в Ржищевских лагерях и в полях вокруг Киева. Там, где прежде лежали узлы обороны КиУР. Служить выпало тоже в разных местах, в том числе и в Черновцах. Вокруг города 11-й УР.

В общем, равнодушен.

2

В каждом конкретном случае организационная структура УР определялась отдельно исходя из важности направления, условий местности, наличия сил и средств. До Второй мировой войны в состав УР обычно входили управление и штаб, 3—4 отдельных пулеметно-артиллерийских батальона, несколько отдельных пулеметных рот и взводов канонирной артиллерии, саперный батальон, батальон связи, автотранспортная рота. В угрожаемый период количество артпульбатов могло быть доведено до 8. В ряде случаев УР мог включать в свой состав 1—2 артиллерийских дивизиона или даже артиллерийский полк. Бывали отклонения от типовой организации. Например, в боевой состав четырех УР на Дальнем Востоке входили не только пулеметно-артиллерийские батальоны, но и особые уровские полки.

Своими силами гарнизон УР способен вести длительную упорную оборону.

Однако мощь укрепленного района многократно возрастает, если, помимо постоянного гарнизона, он усилен так называемым полевым заполнением. Проще говоря, УР должен служить опорной базой соединения. В каждом УР *помимо* постоянного гарнизона желательно иметь еще и стрелковую дивизию, а лучше — стрелковый корпус.

При таком взаимодействии долговременные огневые сооружения с постоянными уровскими гарнизонами являются стальным каркасом полевой обороны войск. Стрелковые полки и дивизии отрывают несколько рядов окопов и траншей, прикрывая

подходы к долговременным сооружениям, не допуская к ним вражескую пехоту и саперов, а долговременные сооружения придают непробиваемую прочность и обеспечивают мощную огневую поддержку стрелковым батальонам, полкам и дивизиям.

В случае когда стрелковая дивизия или корпус получают укрепленный район в качестве опорной базы, появляется возможность расположить командные пункты и узлы связи полков, дивизий, да и более высоких командных инстанций практически в полной безопасности. Их способность осуществлять постоянное и твердое руководство подчиненными войсками резко возрастает. Внутри укрепленного района располагаются полковые, дивизионные, корпусные склады и хранилища, госпитали, ремонтные базы. Всему этому больше не грозит опасность внезапно попасть под гусеницы вражеских танков.

Имея свои самые уязвимые органы управления и тылы в укрепленном районе, дивизия или корпус способны наносить мощные удары противнику, выходя далеко за обводы УР. Им не требуется много транспорта, и снабжать их легко, так как в укрепленном районе можно заблаговременно создать практически неисчерпаемые запасы боеприпасов, продовольствия, ГСМ и всего остального. Боевые части действуют налегке, не обременяя себя тяжеловесными тылами и обозами. Им не надо тащить за собой весь свой скарб и запасы. Эвакуация раненых, поврежденной техники и вооружения осуществляется в стационарные хорошо укрытые и защищенные госпитали и ремонтные базы. В случае неудачи полки и дивизии могут быстро отойти на заранее подготовленные позиции.

Именно так все и было организовано.

На Дальнем Востоке в каждом УР находился не только постоянный гарнизон, но, *кроме того*, еще и стрелковая дивизия. В Славянке, например, до войны стояла 32-я стрелковая дивизия полковника В.И. Полосухина, которая в критической ситуации осени 1941 года была переброшена под Москву, прямо на Бородинское поле.

В сознание миллионов внедрено ошибочное представление о том, что Москву спасали сибирские дивизии. Это не так. Москву спасали дальневосточные дивизии. В Сибири войск было мало, ибо над ней не нависало серьезной угрозы. А за Амуром и в Приморье в мирное время был развернут Дальневосточный

фронт. Вот его-то и потрошили, когда нужда потребовала. Но на замену ушедшим дивизиям тут же формировались новые.

Каждый УР — это не только гарнизоны, прозябающие в казематах, но и опорная укрепленная база для действий крупного соединения далеко за пределами узлов обороны укрепрайона.

Такое положение на Дальнем Востоке сохранялось вплоть до августа 1945 года, когда Красная Армия перешла в наступление.

Генерал-лейтенант И.П. Потапов служил всю войну в звании политрука в тех краях. Его свидетельство: «Каждый крупный УР обязательно должен был подкрепляться одной маневренной дивизией. Глубина обороны составляла 50—60 километров» («Красная звезда», 11 февраля 2006 г.).

Так обстояло дело и на западных границах. В Полоцком УР, например, помимо уровских подразделений и частей находился 4-й стрелковый корпус. УР был разделен на два участка: в северном — 50-я стрелковая дивизия, в южном — 5-я.

В Минском УР помимо уровских частей находился 16-й стрелковый корпус. В северном участке — 100-я сд, в южном — 13-я (Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы. М., 2004. С. 383).

Все это было до 1939 года. До подписания пакта.

3

После установления братского союза с Гитлером и общей границы с Германией на старой государственной границе из укрепленных районов были выведены не только постоянные гарнизоны, но и полевые войска.

15 ноября 1939 года нарком обороны Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов представил в Политбюро ЦК ВКП(б) товарищу Сталину и в СНК товарищу Молотову доклад об основах развития Красной Армии.

Пункт 6 этого документа — о войсках укрепленных районов. Нарком предлагал: «Специальные управления укрепленных районов и войсковые части для 1940 года остаются только для Дальнего Востока, Карельского укрепленного района ЛВО и укрепленных районов на Днестре, а остальные сокращаются» (Там же. С. 446).

Это тот самый документ, на основе которого «Линия Сталина» прекратила свое существование навсегда. В соответствии с предложением наркома численность уровских гарнизонов мирного времени сокращалась с 74 тысяч бойцов до 48 тысяч. Сохранялось только 14 управлений УР: один в Карелии, 13 — на Дальнем Востоке.

На границе с Румынией по Днестру сохранялись укрепрайоны, но расформировывались их управления, из них частично выводились уровские части.

На территориях, которые могли стать ареной германского вторжения, укрепрайоны ликвидировались полностью.

Удивительно: Сталин, говорят, боялся войны, пытался ее оттянуть и воспользоваться передышкой для того, чтобы укрепить оборону. Но вот вам иллюстрация к данному заявлению. На границе с Кореей и Маньчжурией укрепленные районы сохраняются и усиливаются. На границе с Финляндией — тоже. На границе с Румынией — сохраняются, хотя и в усеченном виде.

А области, граничащие с Германией, от укрепленных районов очищают!

Осенью 1939 года у наркома обороны даже и предложений никаких не было об инженерном оборудовании грядущих оборонительных рубежей на западной границе. Все, что есть, бросить. И точка.

Товарищ Сталин, товарищ Молотов и другие товарищи не возражали. Но если они Гитлера боялись, то за такие вредительские предложения должны были бы Ворошилова тут же веревками повязать и отправить в сумасшедший дом или в пыточную камеру.

Но не отправили. А благосклонно выслушали и план утвердили.

С Ворошилова даже и титул не сняли. Хотя было ясно, что обозначилось явное несоответствие: что это за нарком *обороны*, который об обороне не заботится, оборону не возводит, а ту оборону, которая была уже возведена, уничтожает?

4

Один из участников строительства «Линии Сталина», полковник Р.Г. Уманский: «Мне кажется это какой-то бессмыслицей. Сколько сил и энергии вложено, чтобы возвести железно-

бетонные ДОТы, вооружить и оснастить их оборудованием. А прекрасные километровые подземные инженерные сооружения «Серебряя», «Гульские мины» — неужели и их забросить, засыпав землей?» (На боевых рубежах. М., 1960. С. 35).

В мемуарах полковника поставлен вопрос. Но где ответ: засыпали ДОТы землей или нет? Ответ на странице 51. Тут рассказ о восстановлении Киевского УР в июле 1941 года: «Бригады слесарей монтируют в расчищенных от земли ДОТах пулеметы и тут же передают их прибывающим уровским подразделениям».

Независимых подтверждений того, что ДОТы взрывали или засыпали землей, достаточно. Самые авторитетные свидетельства на этот счет — Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. Я их уже приводил. Есть свидетельства и солдат, и генералов. Вот рассказ генерал-лейтенанта А.В. Владимирского: «С первых дней войны принимались меры по приведению Новоград-Волынского УРа в боевую готовность: откапывались засыпанные землей ДОТы. <...> Передовой узел обороны из-за нехватки табельного вооружения и штатных подразделений УРа был занят стрелковыми батальонами 206-й стрелковой дивизии... Этот узел, занятый с утра 5 июля отходившими частями 19-го мехкорпуса и стрелковыми батальонами 206-й стрелковой дивизии, был в тот же день прорван частями 14-й танковой дивизии противника» (На киевском направлении. С. 140).

Ломать — не строить. Осенью 1939 года «Линия Сталина» была ликвидирована. А в самом начале июня 1940 года прибывший из Монголии генерал армии Г.К. Жуков был назначен командующим войсками Киевского особого военного округа. Он прибыл в Киев и застал такую картину.

На новой советско-германской границе никаких укреплений нет.

Однако в 170—300 километрах от границы практически поперек всей территории Киевского особого военного округа пролегает цепь из четырех УР: Шепетовский, Староконстантиновский, Изяславский и Каменец-Подольский.

В 20—80 километрах позади этой линии пролегает вторая, более мощная линия укрепрайонов: Коростеньский, Новоград-Волынский, Остропольский, Летичевский и Могилев-Подольский.

Вторая линия УР лежит от болот Полесья до предгорий Карпат, от границ Белоруссии до границ Молдавии, т.е. весь Киев-

ский особый военный округ перегорожен двумя неприступными полосами обороны.

А позади, в 500 километрах от границы, — самый мощный УР Советского Союза. УР № 1 (он же КиУР) гигантской подковой охватывал Киев, обоими флангами упираясь в Днепр. Обойти его невозможно. С тыла город и УР прикрыты Днепром. На Днепре — самая мощная речная флотилия мира.

Передний край Каменец-Подольского и Могилев-Подольского УР прикрыт водной преградой — Днестром. Передний край Новоград-Волынского и Остропольского УР пролегает по реке Случь. Перед большей частью узлов обороны Киевского УР — река Ирпень.

Из 21 УР на западных рубежах страны 10, включая самые мощные, в Киевском округе. Только тут, но нигде больше они возведены в две линии, а позади двух линий — еще один УР. Только тут, но нигде больше позади всех этих укреплений — могучая водная преграда Днепр.

Все условия для обороны. Командующему округом — жить и радоваться.

Однако...

Однако все 10 УР КОВО брошены, разорены, огневые точки забиты землей и засыпаны. Ни гарнизонов, ни полевых войск в них нет. Днепровская флотилия расформирована.

За ненадобностью.

5

Позвольте еще раз процитировать рассказ Жукова о том, как он уезжал из Москвы в Киев принимать округ. Этот рассказ я приводил в другой книге, но для пользы дела его повторяю:

«Меня назначили на ответственный пост — командовать одним из важнейших приграничных округов. В беседах со Сталиным, Калининным и другими членами Политбюро я окончательно укрепился в мысли, что война близка, она неотвратима... Но какая она будет, эта война? Готовы ли мы к ней? Успеем ли мы все сделать? И вот с ощущением надвигающейся трагедии я смотрел на беззаботно провожающих меня родных и товарищей, на Москву, на радостные лица москвичей и думал: что же будет с

нами? Многие это не понимали. Мне как-то стало не по себе, и я не мог сдержаться. Я полагал, что для меня война уже началась. Но, зайдя в вагон, тут же отбросил сентиментальные чувства. С той поры моя личная жизнь была подчинена предстоящей войне, хотя на земле нашей еще был мир...»

И вот Жуков с ощущением надвигающейся трагедии прибывает в Киев и застаёт полный и преднамеренный (!) разгром и развал обороны. В Киевском особом военном округе сосредоточена самая мощная группировка войск Красной Армии. Это одновременно и самая мощная группировка войск во всем мире. Зачем их тут столько? Жуков объяснил: и он сам, и Сталин именно тут ожидали главный удар противника.

Сопоставим рассказы Великого Сочинителя с тем, что нам известно.

По словам Жукова:

- а) Сталин ужасно боялся войны;
- б) всеми силами и средствами Сталин пытался оттянуть войну, чтобы выиграть время и подготовиться к отражению вторжения;
- в) главный удар германских войск Сталин ожидал через территорию Украины, т.е. через территорию КОВО;
- г) сам Жуков твердо знал, что война близка и неизбежна, что надвигается трагедия, что сил Красной Армии нет даже и для прикрытия границы.

И вот товарищ Сталин посылает Жукова командовать этим самым Киевским особым военным округом.

И Жуков не делает ничего!

Полковник Р.Г. Уманский перед войной был капитаном. В 30-х годах участвовал в сооружении четырех разных укрепрайонов в КОВО. Фанней весной 1941 года, после того как Жуков убыл к новому месту службы в Москву, Уманский проверяет состояние Киевского УР. «Радости мало. Дворики залиты водой, она проникла и в сооружения. Маскировочные каркасы совсем провалились и требуют срочной замены, пулеметные столики заржавели, насосы «Красный факел» не работают, как и вентиляторы. За весь день нигде не встретили сторожевых дозоров. Да и где их встретить, если их всего 20 человек на весь УР, и те в большинстве старики, инвалиды» (На боевых рубежах. М., 1960. С. 36).

7 месяцев и 7 дней Киевским особым военным округом командовал некий зело Великий Начальник, личная жизнь которого была подчинена предстоящей войне. Первоклассный укрепрайон с двумя десятками инвалидов и стариков — это то, что он после себя оставил. Чем же Полководец все эти дни и месяцы занимался?

Он терзался сомнениями: какая она будет, эта война? Готовы ли мы к ней? Успеем ли мы все сделать? Что же будет с нами?

6

В последние дни декабря 1940 года в Москве состоялось совещание высшего руководящего состава Красной Армии. Выступает командующий 1-й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта генерал-лейтенант (и будущий генерал армии) Маркиан Михайлович Попов: «За это лето части 1-й Краснознаменной армии почти на 100 процентов выполнили план оборонных работ, буквально преобразили старые укрепленные районы и там, где можно было, сделали солидные предполья, создали несколько новых укрепрайонов и значительно преобразили приморскую границу вообще. Я, несколько забегаая вперед, хочу просить о том, чтобы нам разрешили для Приморского театра в будущем, в частности на 1941 год, работать по усовершенствованию своего театра, усовершенствованию укрепления границ, дорог. Эта работа может быть освоена армией без ущерба для ее боевой подготовки» (Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940. С. 87).

Генерал совершенно прав. Подготовка обороны ущерба боевой подготовке не наносит. Наоборот, помогает. Поясняю. Представьте себе огромный полигон дивизии. Один взводный командир вывел свой взводик и учит наступать. Тут никаких проблем не возникает. Затем он учит тому, как надо готовить оборону. 30 солдатиков упорно роют землю семь дней по 10—12 часов в сутки. Прикиньте, сколько окопов, траншей и ходов сообщения они нароют.

Рядом другой взводик занимается тем же. И третий. А их в дивизии много-много. И так годами.

Результат. Показать солдатам нечего. Все поле до горизонта кучами земли завалено. Перекопано все, как при закладке фундаментов нового города Комсомольска. А вокруг полигона — необозримые поля колхозные. Но туда нашему брату хода нет. Приходится вновь и вновь зарывать окопы и траншеи на своем полигоне и тут же их отрывать. Где чьи норы, кто и зачем их тут копал, не понять.

Если же предвидится война, то поля нам не помеха. Мы возводим оборонительные рубежи! Командующий округом с начальником штаба должны прикинуть, где следует встречать противника, согласовать свои планы с Москвой, нарезать полосы командующим армиями, те пусть разверстают участки корпусам и дивизиям. Цели ясны, задачи определены — за работу, товарищи!

Там, где пролегает полоса укрепрайонов, уже все заранее решено и согласовано. Надо выводить подразделения и части и ставить задачу: вот тут нам, ребятушки, супостата встречать, опорный пункт взвода надо строить так... С одной стороны, настоящая боевая подготовка. С другой — инженерное оборудование местности в районах предстоящих сражений. Отрыли окопы и траншеи. Хорошо. Следующая тема: крепить и перекрывать траншеи надо так... Вот так их маскировать. А противотанковый ров должен иметь изломы, чтобы подходы к нему было удобно простреливать фланговым огнем...

Именно так делалось в 1-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта. И не только в ней, но и в остальных армиях этого фронта.

А у Жукова в Киевском особом военном округе, где, как он рассказывает, ожидался главный удар германских войск, в те же самые дни, недели и месяцы для обороны не делалось ничего.

7

На следующий день после выступления генерал-лейтенанта Попова на совещании высшего командного состава Красной Армии с главным докладом выступил командующий КОВО генерал армии Г.К. Жуков.

И о том, как он готовит оборону Украины, — ни слова.

После войны Жуков рассказывал военным историкам, что возражать Сталину не смел, боялся, как бы Сталин не мигнул Берии, а тот бы не забрал Стратега к себе в подвал.

Поверим. Но вот в декабре 1940 года Жукову возможность представилась. Надо было сразу после Попова робко попросить: а нельзя ли и мне в КОВО совместить боевую подготовку войск с процессом инженерного оборудования театра возможных боевых действий? Раз Попову на Дальнем Востоке можно, почему мне нельзя на Украине?

Жукову надо было сориентироваться: разве утащил Берия к себе в подвал командующего 1-й Краснознаменной армией после его выступления? Разве Сталин разжаловал Попова в полковники, в капитаны или рядовые? Да ни в коем случае. Сразу после совещания командующий 1-й Краснознаменной армией генерал-лейтенант Попов был назначен командующим Ленинградским военным округом. Это весьма крутой служебный взлет — с армии, минуя должность заместителя командующего округом, прямо на округ. Да не простой, а очень важный. Это вам не Уральский округ, не Сибирский и не Северо-Кавказский.

Вот бы и сообразить Жукову, что за подготовку войск к ведению упорной обороны Сталин командиров не бьет и Берия их в подвал не тащит. Вот бы и поинтересоваться: а что же происходит? Нового нападения Финляндии мы вроде бы не ждем, но на ее границе держим УР с управлением и урвскими частями. Румынии нам не следует сильно бояться. Но и на румынской границе укрепрайоны сохраняются. На Дальнем Востоке тоже нападения не ждем. Войска с Дальнего Востока перебрасываем в КОВО. Но там ведется усиленное оборонительное строительство.

Главного удара мы ждем против войск КОВО. Так почему же именно тут разрушаем все, что раньше было возведено? Почему не бережем и не совершенствуем то, что уже готово?

Мне напомнят, что в 1940 году началось строительство новых укрепрайонов вдоль новой границы с Германией. Не надо напоминать. Об этом я помню. О новых укрепрайонах речь впереди. Сейчас только скажу, что строились они слишком близко к границе. Расположение их было крайне неудачным.

Кусок «Линии Сталина» в полосе КОВО — 500 км с севера на юг. Этот участок «Линии Сталина» полностью перекрывал все пути противника на восток.

А новая граница раздулась пузырем, как парус-спинакер над яхтой при полном курсе. Протяженность новой границы в полосе КОВО теперь составляла 860 км. Если сил нет, если враг сильнее, то лучше отойти немного назад и держать укрепленный фронт в 500 км, чем выдвинуть главные силы к пограничным столбам и держать неукрепленный фронт в 860 км, где пока никаких укреплений нет. Да и новых укреплений в Киевском округе возводили немного. На новой границе укрепления возводились не на всех 860 км границы, а только на 170. А 690 км границы — простор для наступающего.

* * *

Июнь 1940 года — момент разгрома Франции Германией.

15 июня 1940 года, еще до завершения боевых действий во Франции, Гитлер отдал приказ сократить число германских дивизий со 156 до 120. Никаких планов нападения на Советский Союз в тот момент у него не было. Это в настоящее время документально установлено. Никто с этим не спорит.

Неделей раньше, 8 июня 1940 года, Жуков уезжал из Москвы в Киев. Откуда же Великий Полководец мог знать, что «война близка, она неотвратима», если Гитлер в тот момент решил войну сворачивать, а свою армию сокращать? Почему вдруг Жуков подчинил свою личную жизнь предстоящей войне, если у Гитлера в то время еще не было ни планов, ни замыслов нападать на Советский Союз? Как мог Жуков чувствовать неотвратимое приближение войны, если все германские войска в то время воевали во Франции? Если на советской границе находилось всего 10 (ДЕСЯТЬ) германских дивизий без тяжелой артиллерии и без единого танка?

Вернемся к рассказу Жукова, который мы только что прочитали. О том, что война близка и неотвратима, он, Великий Стратег, как следует из его воспоминаний, сообразил сам. А беседа в Кремле с товарищем Сталиным и другими товарищами, окончательно в этой мысли укрепился...

Глава 20

СЛИШКОМ БЛИЗКО К ГРАНИЦЕ...

Не секрет, что первый стратегический эшелон состоял главным образом из наступательных группировок, которым сразу же пришлось обороняться. Фактически лишь 27—30 июня фронтам была поставлена задача перейти к стратегической обороне.

*Генерал-полковник Д. Волкогонов.
Триумф и трагедия. М., 1989. Кн. 2, ч. 1. С. 180*

1

В январе 1941 года в ходе разбора стратегической игры на картах командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Жуков в присутствии Сталина и всего высшего командного состава Красной Армии заявил, что в Белоруссии укрепленные районы строятся слишком близко к границе и имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию. Жуков отчетливо понял, что противник может ударить из районов Сувалки и Бреста в тыл войскам Западного фронта и окружить сразу три армии. За полгода до нападения Жуков насквозь разглядел весь замысел германского блицкрига. Он четко изложил этот замысел Сталину и всему высшему военному руководству страны.

Командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полковник танковых войск Павлов, видимо, обидев-

шись на то, что Жуков критикует ситуацию в его округе, возразил: а у тебя в Киевском округе они строятся далеко от границы?

На это Жуков с достоинством ответил, что и в Киевском особом военном округе они тоже строятся близко к границе, это неправильно, но он места строительства не выбирал.

Прочитав этот отрывок в мемуарах Великого Полководца, мы сразу и глубоко вникаем в причину разгрома Красной Армии летом 1941 года. Начальник отдела по борьбе с бандитизмом Одесского УГРО подполковник милиции Гоцман Давид Маркович в таком случае изрекал: картина маслом. Проще говоря, все тут ясно.

Из данного отрывка совершенно определенно следует, что Жуков в разгроме 1941 года не виноват. Укрепленные районы были построены не там, где надо, но Жуков к этому идиотизму отношения не имел. Решение о строительстве укрепленных районов вдоль новой государственной границы было принято до того, как он был назначен на должность командующего КОВО.

2

Кусочек текста — на полстранички. Но какой глубокий смысл, какой сгусток содержания!

И как правильно подана эта небольшая сцена: Жуков выразил правильную мысль, глупый Павлов возразил, тут-то Жуков ему и врезал: не мое решение, я мест не выбирал!

У Павлова в ЗапОВО новые укрепрайоны возводили слишком близко к границе.

Но и у Жукова в КОВО — тоже слишком близко к границе.

Да только зины Жукова в этом нет. Это он Павлову прямо в лицо и бросил. Что Павлову возразить? Возразить нечего.

Один — ноль: Жуков умный, Павлов — дурак.

И нам все ясно: разгром случился из-за глупости. И ясно, чьей именно. При молчании и попустительстве Сталина.

Все тут красиво и правильно, да только зачем авторы мемуаров Жукова тревожили тень Дмитрия Григорьевича Павлова, принявшего мученическую смерть в пыточных застенках Сухановского следственного изолятора и вины своей не признавшего?

А поведение Жукова в данной ситуации, если присмотреться, вовсе не решительный отпор недоумку, а мерзкий изворот труса и прихлебателя.

Давайте же вникнем. В Советском Союзе возникла проблема величайшей важности. С середины 1940 года сотни тысяч людей возводили оборонительную линию вдоль новых границ. На гигантскую стройку от Балтики до устья Дуная были брошены огромные массы народа, включая инженеров и рабочих высшей квалификации, заключенных лагерей, военнопленных, местных жителей. Кроме того, 58 строительных батальонов. Этого было мало. И тогда из состава стрелковых дивизий и стрелковых корпусов, как приграничных военных округов, так и тех, которые находились во внутренних районах страны до Урала и Сибири включительно, забрали 167 саперных батальонов. На это строительство перебрасывали саперные батальоны даже и с Дальнего Востока.

Стрелковые дивизии и корпуса остались не только без танков, которые Жуков у них отобрал ради формирования своих мехкорпусов, не только без артиллерии, которая не без ведома Жукова находилась на полигонах вдали от своих соединений, не только без зенитной артиллерии, которая тоже почему-то была выведена на полигоны, но и без саперов, без которых части и соединения становятся безрукими в самом прямом смысле.

На возведение укреплений тратили сотни тысяч и миллионы тонн самых дорогих и дефицитных материалов, включая арматурную и броневую сталь, гранит, самый прочный фортификационный бетон. На строительство было привлечено громадное количество техники.

Но все без толку! Мартышкин труд. Укрепрайоны возводили не там, где надо! Никакого прока от них все равно быть не могло. Накануне войны, когда дорог и каждый человек с лопатой, каждый кубометр бетона и каждая тонна стали, сотни тысяч людей были брошены на выполнение бестолковых работ, которые все равно никому не нужны.

И никто этого не понимал!

Один Жуков понимал!

Но если так, то должен был он орать истошным голосом при каждом удобном и неудобном случае о том, что укрепрайоны надо строить в других местах. Свое понимание Жуков был обязан до-

нести до Сталина, всего высшего политического и военного руководства страны. Он должен был бороться за то, чтобы глупейшую возню у границ прекратить, а людей, технику и материалы бросить на подготовку оборонительных рубежей там, где им положено быть.

И в мемуарах о своей борьбе Жуков должен был рассказывать вовсе не так. А то ведь что получается? Бросил Жуков подходя замечание, возникла легкая, на три фразы, перебранка с Павловым без всякого результата и продолжения, на том и стихло.

3

Если Жуков все так правильно понимал, то еще летом 1940 года, приняв под командование Киевский особый военный округ, должен был раз в неделю строчить доклады Сталину: в деле строительства новых укрепрайонов явная глупость, если не вредительство! Строительство вблизи границ надо срочно прекратить, оттянуть строительные организации и подразделения от границ, возводить оборонительные рубежи в других местах в сотнях километров от границы.

После смерти Сталина надо было разыскать те доклады в архиве и представить благодарным потомкам. Желательно — со сталинскими матерными резолюциями. Эти доклады стали бы украшением мемуаров.

Но не писал Жуков докладов. В архивах искать нечего. Ройтесь, не найдете. Потому и мемуары жуковские оказалось нечем изукрасить, кроме беспомощного вранья, никогда никем и ничем не подтвержденного.

В декабре 1940 года в ходе совещания высшего командного состава Красной Армии Жуков делал главный доклад «Характер современной наступательной операции». Вот еще возможность выразить боль за судьбу страны и ее народа. Надо было швырнуть в толпу генералов одну только фразу. Как булыжником в зеркальную витрину. Что-нибудь типа: мы тут все о стратегических наступательных операциях щебечем и чирикаем, а к обороне совершенно не готовы, укрепленные районы не там возводим, где следует.

Тогда бы через десятки лет, разыскав в архивной пыли стенограмму совещания, потомки размазывали бы по щекам слезы благодарности. Признаюсь: и я бы от такой находки разомлел. Жаль, Великий Полководец повода для разомления не оставил.

После разбора стратегических игр Жуков был назначен начальником Генерального штаба. Вот где был момент! Вот бы и заявить Сталину: укрепрайоны не там возводят! Или прекращай эту ненужную возню и бесполезную трату сил и средств, или должность начальника Генштаба принимать не буду.

Но Жуков покорно принял должность, не протестовал, смелых идей не изрекал.

Теперь он бывал у Сталина часто. Мы с вами уже однажды считали, сколько часов Великий Стратег просидел в сталинском кабинете. Но он еще и по телефону со Сталиным говорил. Еще, как сам Жуков сообщает, он и на сталинских дачах бывал, медпиво пил. Вот бы и спросить спокойно у товарища Сталина, кто принимал безумное решение и чем его мотивировал. Через четверть века в мемуарах следовало привести сталинский ответ. Тогда не надо было бы выставлять дураком своего правого соседа генерала Павлова.

Можно было бы в мемуарах намекнуть: докладов и рапортов я Сталину не слал, но при удобном случае выложил ему все, что наболело. Сталин боялся войны, и я, воспользовавшись его трусостью, посоветовал, что и где нужно строить.

Но и этого нет в воспоминаниях полководца.

Что же делал мудрейший и все ясно понимающий Жуков?

Думаете, он ничего не делал? Ошибаетесь. Он слал приказы командирам всех рангов: давай, давай! Он требовал выполнения планов строительства в срок.

Понимая, что строительство это бесполезно и вредно.

4

Укрепленные районы на новой советско-германской границе были возведены неестественно близко от пограничных столбов. Это совершенно правильно, если готовилось вторжение в Европу. Но совершенно абсурдно, если вожди и стратеги собирались отражать вражеское нашествие.

Укрепления выносят к границе, чтобы в ходе проведения стратегических наступательных операций сковать противника на второстепенных направлениях, чтобы за счет возведения долговременных оборонительных сооружений высвободить максимальное количество войск на пассивных участках для действий там, где наносится главный удар.

После войны и после Сталина освободительно-наступательную направленность строительства на новой границе требовалось скрыть от грядущих поколений. Для этого надо было предъявить объяснение: кто и с какой целью решил строить укрепрайоны там, где от них в оборонительной войне нет прока.

У Жукова нашлось стандартное объяснение на все случаи: это все от глупости. Тут же Стратег ткнул перстом в Павлова.

Справедливости ради надо сказать, что в мемуарах Жукова Павлов виновником прямо не назван. Просто показана мудрость Жукова, ясно объяснено, что укрепрайоны возводились не там, и назван Павлов, которому на толковые замечания Жукова возразить было нечего.

Так как других виновников столь идиотского положения в книге не названо, то у любого читателя остаются в глубинах памяти три факта: умный Жуков, дурацкое строительство и придурковатый заносчивый Павлов, который справедливой критики воспринимать не хотел, а только оспаривал простые и правильные замечания Выдающегося Полководца.

5

Жуков объявил, что мест для строительства укрепленных районов он не выбирал. Если в детали не вникать, то этому заявлению можно легко поверить — ведь Жуков командовал Киевским особым военным округом всего только 7 месяцев...

Но мы в детали вникнем.

Когда было начато возведение УР на новой границе?

Чтобы меня не заподозрили в чем-то нехорошем, буду ссылаться на творение академика В.А. Анфилова, одного из самых рьяных защитников жуковской гениальности. «Директивы на строительство УР военным советам Белорусского (впоследствии Западного) и Киевского особых военных округов были отданы

Наркомом обороны 26 июня 1940 г. Этим округам приказывалось в 1940 г. начать строительство ряда укрепленных районов» (Бессмертный подвиг. М., 1971. С. 162).

А когда Жуков был назначен командующим КОВО? 7 июня 1940 года. Приказ НКО № 02469.

Возможно, 26 июня был отдан приказ строить новые укрепрайоны, начиная цикл с нуля, т.е. с определения мест строительства.

Возможно, места укрепрайонов были выбраны ранее, а 26 июня поступил приказ к работам приступить.

Но в любом случае никакого строительства новых укрепрайонов в Украине и Белоруссии до 26 июня не было. Директива возводить новые укрепрайоны поступила в Киев, когда Жуков уже принял пост командующего.

Директива пришла из Москвы. Подписана наркомом обороны Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко. Для Жукова Тимошенко — старый боевой товарищ. Почти с самого конца Гражданской войны Жуков служил под командованием Тимошенко: командиром полка и бригады в дивизии Тимошенко, командиром дивизии в корпусе Тимошенко, командиром кавалерийского корпуса у заместителя командующего округом по кавалерии Тимошенко.

Жуков шел прямо по стопам. Тимошенко командовал 4-й кавалерийской дивизией, затем 3-м кавалерийским корпусом, служил в Москве в инспекции кавалерии, был заместителем командующего Белорусским военным округом. Именно по этим стопам, только в несколько ином порядке, следом шел Жуков: инспекция кавалерии, 4-я кавалерийская дивизия, 3-й кавалерийский корпус, заместитель командующего Белорусским округом по кавалерии.

Так и дальше шло. Тимошенко сдает Киевский особый военный округ, Жуков принимает. Дочери Жукова вспоминают, что в Киеве жили в том самом особняке, который только что освободил Тимошенко.

Получив 26 июня 1940 года от старого боевого товарища и командира директиву возводить УР не там, где надо, Жуков должен был хватать телефон закрытой связи и орать: «Семен! Ты свихнулся? Ты какие директивы шлешь? Мы с тобой полтора десятка лет в Белоруссии служили, мы ее всю пузом перепахали на учениях и маневрах. Ты соображаешь, где надо укрепрайоны

возводить, а где не надо? А Киевский округ ты только что сдал, понимать должен, где можно и нужно строить, а где нельзя и не нужно!»

Если не смог убедить по телефону, если депешами не достучался в двери, то надо было нестись в Москву на прием к наркомму. Строительство еще не начиналось! Еще все можно остановить, отменить, изменить!

Во все времена ни одного командира, ни одного полководца не украшало выполнение заведомо безумного приказа. Полководцы становились великими именно в моменты, когда отказывались выполнять преступные приказы вышестоящих начальников.

Так Жуков и должен был заявить Наркомму обороны СССР Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко: места выбраны неправильно. Построенные в этих местах, для обороны государства они непригодны. Посему директива об их возведении глупа или преступна. Глупых и преступных приказов выполнять не буду. Рви лампасы с моих штанов, снимай с должности, суди, сажай, стреляй! Я за чужие преступления не ответчик!

Если и это не помогает — к Сталину: Тимошенко — друг, но Родина дороже.

6

Жуков принимал присягу. Жуков клялся защищать Родину мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни. Вот тебе поле брани! Защищай! Иди в атаку один! Против глупого Павлова! Против Тимошенко! Если надо, против Сталина! Против всех! Не щади ни крови, ни самой жизни! Положи жизнь на алтарь Отечества! Докажи им, что не там огород городят. Если ты не выступишь на защиту Родины сейчас, потом из-за дурацкого расположения укрепрайонов будет взломан фронт, погибнет кадровая Красная Армия, будут захвачены гигантские запасы, мощности и территории, страна будет разорена и сброшена с пути развития. И кто знает, чем все это в итоге кончится.

Если Сталин, нарком обороны маршал Тимошенко, руководители страны и армии, наркомы, маршалы и генералы не по-

нимали, где надо возводить укрепленные районы, то их можно простить. Они не понимали!

А Жуков все понимал, но молчал. Один разок только соседа своего Павлова носом ткнул: не там строишь! Сам же продолжал упорно строить не там: а что я? Я солдафон. Я чурка! Мне приказали, я выполняю. И буду строить, где прикажут. Хоть на полюсе. Хоть на дне Азовского моря.

Давно замечено, что прикидываться дураком полезно и благотворно, прикидываться умным опасно и глупо.

Жуков всю жизнь прикидывался умным, корчил из себя стратега, полководца и мудреца. И попал в капкан. Если никто не разглядел опасность, а он ее ясно видел, если он все понимал, но не бил во все колокола, значит, изменил присяге, значит, миллионы убитых и разорение страны — на его совести. Значит, он негодяй, изменник, предатель и трус.

Стратег прибыл в Киев, через пару недель — директива: строить укрепрайоны, но такие, которые в оборонительной войне совершенно не нужны, а те, которые нужны, не строить. И Великий Полководец с ощущением надвигающейся трагедии, рванув под козырек, ринулся строить там, где приказали. Не тревожа ненужными приставаниями ни боевого товарища Тимошенко, ни товарища Сталина.

И только в январе 1941 года своему соседу по ЗапОВО выговорил: что ж это ты, непутевый Павлов, глупостями занимаешься? Укрепрайоны к самым пограничным столбам задвинул!

7

Между тем у Жукова в КОВО ситуация была даже хуже, чем у Павлова в ЗапОВО. Генерал-лейтенант А.В. Владимирский был подполковником, заместителем начальника оперативного отдела штаба 5-й армии КОВО. «Главная (долговременная) полоса обороны Владимир-Волынского и Струмиловского УРов создавалась на удалении 1—3 км от границы, а на отдельных участках примыкала к ней» (На киевском направлении. М., 1989. С. 40).

Жуков рассказывал, что главные силы Красной Армии были сосредоточены в Киевском особом военном округе потому, что именно тут ожидался главный удар немцев. Посмотрим на карту

и согласимся: если главный удар гитлеровские фельдмаршалы готовили не против Белоруссии, а против Украины, значит, это между Ковелем и Перемышлем. Севернее — Полесье, южнее — Карпаты.

Следовательно, первый, главный, самый страшный удар — по 5-й и 6-й армиям КОВО.

5-я армия — на более опасном направлении. Рывок германских танков через недостроенные укрепрайоны и боевые порядки дивизий и корпусов 5-й армии открывал целый веер возможностей.

Это самый прямой и короткий путь на Киев.

А можно было в районе Житомира повернуть на юг и ударить по тылам всех четырех армий КОВО.

Можно было рвануть вдоль Днепра на Днепропетровск и Запорожье, а тут мощнейшая сталелитейная база Советского Союза и производство почти всего советского алюминия, без которого не может быть ни самолетов, ни танковых двигателей.

Можно было без всяких препятствий от Житомира идти в Одессу или в Крым, где слабо защищенные с суши базы Черноморского флота.

Или, форсировав Днепр, рвануть в Донбасс, далее на Ростов, Грозный и Сталинград.

Если Жуков ждал главного удара на Украине, то должен был немедленно прекратить строительство железобетонных утесов в двух-трех, а то и в одном километре от границы! Ведь противник видит каждый участок строительства, каждую отдельную огневую точку, знает направление стрельбы из каждой амбразуры. Противник в мирное время проведет точные расчеты и в первый момент войны накроет ДОТы без пристрелки. Ему даже и разрушать их не потребуется, огнем минометов можно отогнать всех, кто попытается занять опорные пункты в соответствии с боевым расписанием.

В некоторых местах между границей и полосой долговременных огневых сооружений не было и километра. Полоса, как свидетельствует генерал-лейтенант Владимирский и как каждый может сам в том лично убедиться, побывав в тех местах, примыкала к границе. Тут и минометов не надо. Тут стрельбой из винтовок образца 1898 года обойтись можно было.

Удивительное вот где.

Если командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Жуков считал, что именно тут будет нанесен главный удар, то должен был прежде всего ставить вопрос о том, как же готовится оборона на направлении, которое определено главным и самым опасным.

Но вместо этого мудрый командующий КОВО упрекал соседа: не там у тебя укрепрайоны! Хотя считал направление Павлова второстепенным. И только в ответ на реплику Павлова Жуков вспомнил о том, что и у него в КОВО не все в порядке. Но, согласившись, действий никаких предпринимать не стал. Главное для Жукова: он-то не виноват.

Представьте, что вам достался недостроенный дом, в котором предшественник привинтил люстры к полу, а ковры гвоздиками прикрепил к потолку.

Неужели вы ничего менять не будете? Неужели и дальше люстры к полам будете прикручивать, возмущенно оправдываясь: так это же не я места выбирал...

8

Теперь позвольте этот грязный пузырь легонько ткнуть иголкой.

Перебранки с Павловым, которая так красочно расписана в «самой правдивой книге о войне», никогда не было. Доказать это можно, даже не прибегая к заумным вычислениям.

7 июня 1940 года генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов был назначен командующим войсками Белорусского особого военного округа, приказ НКО 02469 (11 июля 1940 года БОВО был преобразован в ЗаПОВО).

Если бы в январе 1941 года Жуков гордо бросил в лицо Павлову звенящую фразу о том, что он мест для строительства укрепленных районов в Киевском округе не выбирал, то Павлов ему бы отрубил столь же звонким ответом: он тоже мест в Белоруссии не выбирал, так как получил назначение в Минск в тот же день, что и Жуков в Киев. Одним приказом оба и назначены.

Такого ответа Павлова в книге Жукова нет. Из этого следует, что перебранка с Павловым или кардинально искажена, или полностью выдуманна.

Так зачем же сочинители «самой правдивой книги» выставили Павлова придурком, если знали, что Павлов находился точно в таком же положении, что и Жуков?

Затем, чтобы красиво оправдаться. Чтобы оттенить жуковскую мудрость фоном павловской дури.

Для появления Павлова в данном моменте повествования есть и более серьезная причина.

Перед сочинителями стояла задача отмазать гражданина Жукова от уголовного дела о преступном строительстве укрепленных районов не там, где их следовало строить в случае, если бы готовилась оборона священных рубежей Отечества. Для этого надо было показать, что:

а) Жуков ясно понимал пагубность принятого варианта строительства;

б) но не молчал трусливо, а честно и прямо свою точку зрения отстаивал, даже в присутствии Сталина.

Но тут перед сочинителями возникла другая проблема. Если написать, что Жуков лично Сталину заявил, что укрепрайоны возводят не там, то тогда бы потребовалось сообщить, а что же на это ответил Сталин. Пришлось бы в уста Сталину вложить какую-нибудь глупость. Пришлось бы сообщить, что Сталин ни черта не понимал, войны боялся, но возводил бесполезные укрепления там, где они для обороны государства вовсе не нужны.

Сталину можно приписать все, что угодно, но дураком он не был. И уж если затевал что-то, то ясно понимал, что именно и ради чего. Если бы сочинители представили Сталина полным дебилом, который распорядился тратить титанические усилия, ресурсы и средства на строительство в районе границ, не понимая, зачем это нужно и чем это грозит, то читатели такому описанию могли и не поверить.

Поэтому следовало выдумать сцену, в которой Жуков свое мнение отстаивает, но Сталин никакой глупости в ответ не несет. Для этого самый удобный и, по-видимому, единственно возможный ход — изобразить словесную перепалку Жукова с каким-нибудь недоумком, но в присутствии Сталина.

Овцы сыты, волки целы.

Дабы дурацкий колпак с бубенчиками на Сталина не примерять, потребовался кто-то другой, кому бы он вполне подошел. Потому и выбрана форма диалога с Павловым.

Вот и все. Вина с Жукова снята, а Павлов еще раз посрамлен.

* * *

Жуков как командующий самым мощным военным округом Советского Союза был обязан не с Павловым браниться, а требовать кардинального решения проблемы от высшего руководства страны.

Поднявшись в январе 1941 года на головокружительную должность начальника Генерального штаба, он был обязан прежде всего добиться отмены принятых кем-то глупых решений, вместо них навязать руководству страны решения правильные.

В крайнем случае, не добившись поставленной цели, он был обязан снять с себя ответственность за безумное расходование сил и средств, подав в отставку с высокого поста. Но Жуков трусливо молчал.

А после войны и после Сталина вдруг поумнел задним умом и осмелел. Свою трусость, свое преступное бездействие, свою измену Родине списал на того, кто ответить уже не мог.

Такие действия на Руси всегда именовали подлостью.

Глава 21

БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНАЯ ПРИЧИНА

Вся система приграничных оборонительных сооружений, включая оборудованную на 80—90 процентов полосу обеспечения и недостроенную главную полосу УРов, несмотря на все недостатки, представляла довольно развитую инженерную основу для ведения упорной обороны войсками дивизий первого эшелона армии, но при условии своевременного занятия ими подготовленных сооружений.

*Генерал-лейтенант А.В. Владимирский.
На киевском направлении.
М., 1989. С. 41*

1

Жуков был назначен командующим КОВО 7 июня 1940 года, а директива строить новые укрепрайоны была им получена 26 июня. Сопоставив эти даты, любой исследователь получает право предполагать, что Жуков в выборе мест строительства все-таки участвовал.

Но даже если места строительства были определены комиссией во главе с предшественником Жукова на посту командующего КОВО командармом 1 ранга Тимошенко, то, получив директиву, Жуков имел и моральное, и служебное право возражать на любом уровне: мой предшественник выбрал места не там, где это требуется для обороны. Если завтра война, то за оборону

Украины отвечать в первую очередь буду я. Потому прошу дать мне возможность назначить новую комиссию, самому определить места и представить свое решение на утверждение наркома обороны и правительства. В противном случае отражение агрессии гарантировать не могу.

Вот и все. Никакой истерики, никакого скандала. Деловое предложение делового человека, которому дороги собственная честь, жизнь миллионов соотечественников и судьба Родины.

Да кто бы ему на это возразил?

Но если бы Сталин и возразил, то хотя бы потом Жукову было бы чем перед потомками оправдаться.

Поднявшись на должность начальника Генерального штаба, требование свое Жукову следовало повторить: на мне все планы войны, положение укрепрайонов на новой границе не соответствует интересам обороны страны, прошу, требую строительство немедленно прекратить и начинать его в других местах в соответствии с прилагаемыми схемами, картами и планами.

И опять же — деловое предложение толкового генерала.

Все можно было уладить, не произнося громких фраз, не используя матерных эпитетов.

Были у Жукова и другие возможности исправить и спасти ситуацию.

15 апреля 1941 года Военный совет КОВО обратился к правительству Украины с просьбой о выделении дополнительно 105 000 человек местного населения на строительство укрепрайонов (ВИЖ. 1976. № 5. С. 90). Но ведь строительство велось по планам Генерального штаба. Жуков только что сдал Киевский округ и принял Генеральный штаб. Он-то знал, что в Киевском округе полоса новых укрепрайонов возводится прямо по линии границы. И вот теперь в дополнение ко всем тем тысячам местного населения, к тем ордам заключенных и пленных, к тем строительным и саперным батальонам направляют еще 105 тысяч человек. Так это только на земле Украины. Но интенсивное строительство велось в Карелии, Литве, Белоруссии, Молдавии. Там тоже в дополнение к уже работающим гнали к самой границе новые тысячи, десятки и сотни тысяч людей.

Судьба подарила Жукову еще один уникальный шанс. Вот бы начальнику Генерального штаба генералу армии Жукову осторожно подсказать глупенькому Сталину, что новые тысячи людей не

надо гнать к самой границе. Пусть бы они возводили укрепления в сотне километров от границы. В двух или в трех сотнях!

Но мудрейший Стратег помалкивал. Он только Павлову якобы однажды тыкнул: не там возводишь! На том и смолк.

2

Заявление о том, что укрепрайоны строились слишком близко к границе, — это неумная попытка Жукова снять с себя ответственность за поражение Советского Союза во Второй мировой войне.

Новые укрепрайоны действительно были выдвинуты уж слишком близко к границам. Однако главная причина их сдачи гитлеровцам без всякого сопротивления заключалась вовсе не в том, далеко они от границы или близко, а в том, что они не были заняты войсками Красной Армии. Об этом Жуков рассказать забыл. Об этом он не вспоминал, об этом не размышлял. Ибо за это он отвечал лично. И в этом вопросе спихнуть вину на другого дядю не выгорит.

Сам Жуков завел речь об УР в Белоруссии, давайте же на их примере и проведем разбор полетов.

Дальше всего на запад были выдвинуты 64-й Замбровский УР и 66-й Осовецкий. В районе Белостока советская территория глубоким клином врезалась во владения Гитлера. В этом выступе находилась одна из самых мощных советских армий — 10-я. В ее состав и входили эти укрепленные районы.

64-й УР — 70 км по фронту, 5—6 км в глубину. В укрепрайоне 10 узлов обороны. Общее количество построенных долговременных огневых сооружений (ДОС) 53, в стадии строительства — еще 550.

53 ДОС — это не очень мало. Через каждые 1—1,5 км фронта — монолитный утес из фортификационного железобетона. Вот бы советским войскам на Курской дуге в 1943 году в дополнение к траншеям, перекрытым кукурузными стеблями и прошлогодней соломой или вовсе ничем не перекрытым и ничем не укрепленным, иметь пусть хоть и на каждых 10 км хотя бы один настоящий ДОС! Но их там не было ни одного. На сотнях километров фронта.

А в 1941 году в 64-м УР их было 53 на 70 км.

И 550 недостроенных — это вовсе не мало. Ведь это бетон! Это вам не три наката из осиновых жердей. В недостроенных ДОС тоже можно обороняться. Ведь руины Сталинграда оборонять легче, чем голую степь. Но в руинах вас может погубить обвалившаяся стена, вас могут подстрелить с того направления, где нет никаких стен. А в недостроенном ДОС на вас стена не обвалится и со всех сторон защита от снарядов, бомб, мин, осколков и пуль. Кроме того, мощь недостроенного УР определяется не только количеством ДОС. В каждом УР помимо ДОС возводились инженерные заграждения, бетонные подземные галереи между сооружениями, укрытые склады и хранилища, прокладывались кабельные линии связи, устраивались пункты водоснабжения. Там, где велось строительство УР, находились инженеры и рабочие, там были запасы строительных материалов и инженерная техника, которые могли в последний момент или даже уже в ходе боев быть использованы для усиления обороны.

Однако...

Однако 22 июня 1941 года в 64-м УР общее количество войск — 2 (ДВА!) батальона.

На 70 (СЕМЬДЕСЯТ!) километров фронта.

3

66-й Осовецкий УР — 60 км по фронту, 5—6 в глубину, 8 узлов сопротивления, 59 готовых ДОС, 594 — в постройке.

Тут на каждом километре фронта один готовый ДОС и десять в строительстве. Но это не все. 66-й УР был своего рода дополнением и дальнейшим развитием первоклассной Осовецкой крепости, построенной в конце XIX века.

В начале XX века Осовецкая крепость была самой современной крепостью Европы и представляла собой некий переходный этап от крепости к укрепленному району — 60 км по фронту, 15 км в глубину (в центральной части). В сентябре 1914 года Осовецкая крепость выдержала штурм, который проводился силами одной германской дивизии при поддержке 8 осадных батарей (60 150-мм и 210-мм орудий). Штурм был отражен. Затем Осовецкая крепость выдержала полугодовую осаду — с 30 января по 8 августа 1915 года. Крепость осаждал специально для этой

цели сформированный корпус. В его составе 40 пехотных батальонов и 17 осадных батарей (68 орудий, в том числе 4 — 420-мм, 16 — 350-мм, 16 — 210-мм, 20 — 150-мм, 12 — 107-мм).

6 августа 1915 года германские войска провели газовую атаку силами 30 газобаллонных батарей. Газовое облако, пройдя 10 км, достигло ширины в 8 км. Его высота составила 10—15 м.

Осовецкая крепость могла продолжать сопротивление даже и после этого. Она была оставлена войсками только по приказу вышестоящего командования в связи с общим отходом Русской армии.

А вот 22 июня 1941 года в этом районе у немцев не было ни осадных орудий, ни газовых батарей, не было и танков. Но в Осовецкой крепости и 66-м Осовецком УР находился 1 (ОДИН!) батальон.

На 60 (ШЕСТЬДЕСЯТ!) км фронта.

Сопротивление прекратилось 23 июня.

4

Так это же от того, что у Жукова сил не было!

Не было у него сил не то что на наступление! Не было сил на оборону! Да что там оборона! Не было сил даже и на то, чтобы прикрыть границу, чтобы пограничникам помощь оказать.

Это же в мемуарах Великого Стратега записано!

Такое действительно у Стратега записано. Но есть старое правило: не верь написанному.

Раньше мы уже видели силы Киевского особого военного округа на 21 июня 1941 года: 907 046 бойцов и командиров. Орудий и минометов полевой артиллерии — 14 756. Зенитных орудий — 2221. Танков — 5465. Самолетов — 2059.

Если оборонять границу протяженностью 860 км, то получается по тысяче солдатиков на каждый километр, много артиллерии и танков.

Если же не сидеть прямо на берегах пограничных речек, а отойти на линию старой границы, то оборонять надо будет не дугу в 860 км, а прямой фронт — 500 км. И тут — две сплошные линии укрепрайонов! На каждый километр — почти по две тысячи бойцов и командиров в бетонных укреплениях, обеспечен-

ных связью, боеприпасами, продовольствием и всем прочим. И по 10 танков на километр! И по 30 орудий и минометов!

Так это не считая 16-й и 19-й армий, одна из которых уже разгрузилась на территории КОВО, а другая прибывала и разгружалась. Если их учесть, тогда бойцов будет на 160 тысяч больше. Тогда число орудий и минометов возрастет на 2639 стволов, а танков — на 1580 единиц.

Не считая войск НКВД.

И все это ДО начала мобилизации!

Зачем же всю эту уймищу войск собрали в Киевском особом военном округе?

Объяснили нам это давно. И повторяют постоянно: мудрейшие кремлевские стратеги главный удар германской армии в Белоруссии не ждали. «Ждали его в направлении Киева, поэтому наиболее мощная группировка советских войск была сосредоточена на Украине. <...> Сталин тоже был уверен, что Германия постарается прежде всего овладеть Украиной и Донецким бассейном» («Красная звезда», 3—9 декабря 2008 г.).

Все ясно. Все понятно. Хвост выгасили. Причину столь жуткого сосредоточения мощи в Киевском округе объяснили.

Но голова увязла.

Если и Великий Стратег Жуков, да и сам Сталин ожидали главный удар германских войск на Киев, то что же с июня 1940 года по февраль 1941-го делал в этом самом Киеве Великий Стратег, если видел, что Киевский укрепрайон засыпан землей и залит дождевой водой, вооружение демонтировано, внутреннее оборудование долговременных сооружений заржавело? О чем думал Выдающийся Полководец, если знал, что из Киевского укрепрайона выведены и полевые войска, и постоянные урковские гарнизоны? Как он планировал войну, если перед Киевским укрепленным районом лежали двумя полосами еще девять УР, но все они находились в таком же состоянии?

И о чем он думал, став начальником Генерального штаба?

И с какой это стати он ждал удар на Киев, если, по его рассказам, он на стратегических играх предвосхитил главный германский удар на Барановичи, т.е. не на Киев, а в обход Минска?

Решение этой головоломки подсказала «Красная звезда» (3—9 декабря 2008 г.): «Какую-то субъективную роль в этом сыграло, возможно, то, что в 1941 году в Наркомате обороны домини-

ровали «киевляне» — выходцы из Киевского ОВО (Нарком обороны С.К. Тимошенко, начальник Генштаба Г.К. Жуков, его первый заместитель Н.Ф. Ватутин, начальник оперативного управления Генштаба генерал Г.К. Маландин)».

И кто-то после такого заявления «Красной звезды» осмелится доказывать, что голова Жукова была набита не опилками, а чем-то иным?!

Это же надо, какая мудрость стратегическая! Пришел Стратег в Генеральный штаб из Киева, поэтому считал, что Гитлер главный удар нанесет на Киев. А если бы пришел он в Генеральный штаб прямо из Монголии, тогда, видимо, объявил бы, что Гитлер готовит нападение на Советский Союз через Монголию...

Граждане жуковские защитники, в Киеве Жуков служил 7 месяцев, а в Белоруссии — с перерывами — полтора десятка лет. Так отчего же он про Белоруссию забыл? Почему не предполагал, что тут тоже главный удар может быть нанесен?

И если ждал он главного удара на Киев, а в Белоруссии главного удара не ждал, то зачем Павлову в присутствии Сталина в глаза тыкал тем, что у того укрепрайоны слишком близко от границы возводятся?

5

В результате освободительных походов границу в Белоруссии тоже выгнуло в сторону Германии и раздуло пузырем. Ее протяженность достигала 470 км.

Если бы на этой границе по приказу начальника Генерального штаба Г.К. Жукова были оставлены только мобильные заслоны, а главные силы отведены немного назад, на линию укрепленных районов на старой границе, то полоса обороны сократилась бы вдвое — до 220—250 км. И плотность войск соответственно возросла бы вдвое.

Силы в Белоруссии тоже были. И для прикрытия границы. И для обороны. И для наступления.

В составе Западного особого военного округа 21 июня 1941 года было 599 450 бойцов и командиров, да к тому же еще и 71 715 призванных из запаса. Итого — 671 165 бойцов и командиров.

Винтовок и карабинов тут было 773 445.

Пистолетов-пулеметов — 24 237.

Пулеметов — 27 672.

Орудий и минометов — 14 170.

Боевых самолетов — 1771. В том числе 1539 исправных.

Танков — 2900. В том числе 2192 исправных (Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940—1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М., 2005. С. 243).

Делите эту мощь на 470 км. А лучше — на 220 или 250.

Это не считая войск НКВД, их самолетов, танков, пушек, пулеметов, бронепоездов.

И не считая 20, 21, 22, 24-й, а в ближайшей перспективе и 28-й армии, которые либо уже разгрузались на территории Белоруссии, либо двигались в эшелонах, либо грузились в дальних провинциях.

В 20-й армии — 113 193 бойца и командира, 2076 орудий и минометов, 959 танков.

Остальные армии — ей под стать. Не буду цифирью мучить. Все это теперь опубликовано в официальных справочниках. Так что уж 250 км фронта такими силами можно было как-то удержать.

И все это, повторяю, до начала мобилизации.

Если бы начальник Генерального штаба Жуков отдал приказ Павлову поставить 700 неисправных танков ЗапОВО в засады у мостов, в лесах у железнодорожного полотна, распорядился бы зарыть их в землю по самые башни, замаскировать, обеспечить экипажами, боеприпасами, продовольствием, посадить рядом с каждым зарытым в землю танком 5—7 бойцов пехоты, то любой блицкриг захлебнулся бы, не дойдя до Смоленска.

Если бы вся мощь ЗапОВО была ориентирована на оборону, если бы войска перерыли Белоруссию поперек траншеями, да эту оборону увязали с уже готовыми, ранее построенными укреплениями...

В чем же дело?

Дело в том, что никто их в оборону не ставил и никаких приказов на оборону не давал ни до германского вторжения, ни в первые дни германского наступления.

В Белостокском выступе была сосредоточена одна из самых могущественных советских армий — 10-я. Заявляю сразу, что ни

у Гитлера, ни у кого в мире ни в 1941-м, ни в каком-либо другом году столь мощной армии не было.

Вот вам картина маслом.

21 июня 1941 года в составе 10-й армии было два (6-й и 13-й) механизированных, один (6-й) кавалерийский и два (1-й и 5-й) стрелковых корпуса, одна отдельная (155-я) стрелковая и одна (9-я) смешанная авиационная дивизии.

Кроме того, 6-я артиллерийская противотанковая бригада, 124-й и 375-й гаубичные артиллерийские полки РГК, 311-й пушечный артиллерийский полк РГК, 10-й инженерный полк и два, если не забыли, укрепленных района.

Всего в 10-й армии 15 дивизий. В том числе танковых — 4, моторизованных — 2, кавалерийских — 2, авиационных — 1, стрелковых — 6.

6-й мехкорпус 10-й армии — один из самых мощных в Красной Армии — 1021 танк, в том числе 114 КВ и 238 Т-34. Это тот самый корпус, командир которого докладывал, что на учениях заставляют идти в прорыв 5—6 км шириной, в который надо как-то впихнуть 6800 машин.

13-й мехкорпус не укомплектован. В нем всего только 282 танка. Однако наличие в составе 10-й армии одного 6-го мехкорпуса выводило ее на такой уровень, что никому в мире с этой армией сравниться было просто невозможно.

В составе 9-й смешанной авиационной дивизии было четыре истребительных полка и один бомбардировочный. Общее количество самолетов — 409. В том числе 233 МиГ-3 и 41 Пе-2. Во всех германских полевых армиях и всех танковых группах не было ни одного боевого самолета. Однако аэродромы 9-й смешанной авиационной дивизии 10-й армии, как принято у нас выражаться, были расположены неудачно. А самолеты на них — скученно.

Аэродром Тарново — более 100 самолетов, в том числе 52 МиГ-3, — 12 км от границы.

Долубово — 77 самолетов, в том числе 56 МиГ-3, — 22 км от границы.

Высокое — Мазовецк — 99 самолетов, в том числе 70 МиГ-3, — 39 км от границы.

И т.д.

Некоторые аэродромы 10-й армии, как, впрочем, и других армий, простреливались германской артиллерией без перехода границы.

В случае внезапного нападения при таком количестве самолетов на каждом аэродроме поднять их в воздух было невозможно.

Всего в составе 10-й армии было 27 артиллерийских полков. Особый интерес представляют гаубичные полки РГК, в каждом по 24 203-мм гаубицы, и пушечный полк РГК, в нем 24 152-мм пушки.

203-мм гаубица Б-4 весит 17,7 т и стреляет снарядами весом по 100 кг на дальность 18 км. В оборонительной войне такие орудия не нужны. Спасти их при внезапном нападении невероятно. Вывести их снаряды и заряды из приграничных лесов невозможно.

152-мм пушка Бр-2 весит 18,2 т, стреляет снарядами весом по 48,8 кг на дальность 25,7 км. В оборонительной войне тоже не нужна и предельно уязвима.

Но незаменима в войне наступательной.

О 10-й армии можно рассказать еще много интересного. Отмахнуться было чем. Однако...

Однако основные силы 10-й армии располагались в 4—15 км *западнее* переднего края новых укрепленных районов, которые, как совершенно правильно заметил некий Великий Полководец, и так были максимально придвинуты к границе. Как и кем должны были быть заняты сами укрепленные районы, в директивах вышестоящего командования ничего не говорилось (ВИЖ. 1989. № 3. С. 69).

Огромные силы сверхмощной армии, включая штабы, узлы связи, склады и хранилища, аэродромы, основные силы танковых, моторизованных, кавалерийских и стрелковых дивизий, — впереди укрепленных районов, а позади всей этой мощи — укрепленные районы без войск.

На момент начала войны самая знаменитая дивизия Красной Армии именовалась так: 6-я Чонгарская, Кубанско-Терская, орденов Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды казачья кавалерийская дивизия имени С.М. Буденного. Ни одна другая дивизия Красной Армии, а было их тогда 303, в тот момент не могла похвалиться столь славной историей и столь пышным титулом. Что стало с этой великолепно подготовленной дивизией? Она погибла в Белостокском выступе. Совсем недалеко от границы. А что она там делала? Оборону готовила? Да что толку от кавалерии в обороне? Да и находилась она впереди укрепленных районов.

Это было весьма мудрое решение — задвинуть очень мощную армию в выступ, который нависает над всей германской группировкой в районе Тильзита и Кенигсберга. Из района Белостока в любой момент можно было ударить на Данциг во фланг и тыл германским войскам, отрезая всю Восточную Пруссию от основной территории Германии. До Балтийского побережья — 200 км.

Однако с точки зрения обороны положение 10-й советской армии в Белостокском выступе было катастрофическим.

Генерал-майор П.И. Ляпин в 1941 году был начальником штаба 10-й армии Западного фронта. Ему приказали держать главные силы армии впереди укрепленных районов, находившихся в процессе строительства, но кто будет занимать сами укрепрайоны в ходе войны, ему не разъясняли. После войны генерал Ляпин свидетельствовал перед весьма суровыми обвинителями: «Сами укрепленные районы имели по 1—2 батальона, и у них не хватало сил даже для того, чтобы охранять уже построенные сооружения, а не только вести в них оборонительный бой. Наши настоятельные попытки получить по сему вопросу разъяснения в штабе округа успеха не имели» (ВИЖ. 1989. № 3. С. 69).

Допустим, что в штабе Западного особого военного округа сидели одни идиоты. Допустим, что командующий ЗапОВО генерал армии Д.Г. Павлов был полным кретином. Но куда смотрел гениальный начальник Генерального штаба? Он, если ему верить, знал, что в Белостокском выступе укрепрайоны выдвинуты слишком близко к границе. А где располагаются дивизии, корпуса и армии, он был обязан знать. Должность у него такая.

Так куда же Гений стратегии смотрел, если знал, что укрепрайоны не просто выдвинуты недопустимо близко к границе, но к тому же и не заняты войсками? И о чем думал Великий Полководец, если видел, что у непутевого Павлова самая мощная армия выставлена даже и за линию укрепрайонов? Ведь в укрепленных районах, пусть даже недостроенных, армия будет боеспособна. На самой же границе, где нет никаких укреплений, солдаты не успеют даже и сапог натянуть в случае нападения. А летчики не успеют до своих самолетов добежать, как попадут под гусеницы германских танков.

Кстати, тут никаких германских танков и не было. Аэродромы 10-й армии захватила германская пехота.

Нам объясняют, что Жуков боялся спровоцировать немцев, потому огневые сооружения укрепленных районов не были заняты гарнизонами.

Восхитительное объяснение.

Выдвинув массы самолетов на приграничные аэродромы, Жуков спровоцировать Гитлера не боялся. Сосредоточив у границ несметные полчища танков, артиллерии, кавалерии, пехоты, тоже спровоцировать не боялся. Выставив все это перед передним краем укрепленных районов, он не боялся спровоцировать, а вот занять огневые сооружения позади всех этих группировок побоялся.

И я, и другие исследователи приводили массу свидетельств того, что до первой половины июня 1941 года многие, даже незавершенные огневые сооружения были заняты войсками. До 13 июня Жуков не боялся спровоцировать Гитлера, а потом вдруг убоился и приказал гарнизоны из укреплений вывести.

Так вот: если бы войска возвели неприступную полевую оборону с десятком рядов траншей, непроходимыми минными полями и паутиной проволоки колючей, да с мощными ДОТами, занятыми войсками, то Гитлер и поостерегся бы нападать.

А ДОТы без войск и войска без укреплений — это и есть провокация, это и есть приглашение агрессору к нападению.

После 22 июня надо было срочно искать виновных. Их искали и весьма быстро находили: «Сегодня по приговору Военного трибунала расстрелян бывший комендант Новоград-Волынского укрепленного района. За трусость» (Р.Г. Уманский. На боевых рубежах. С. 53).

Новоград-Волынский УР КОВО, как и все остальные на старой границе, в 1939 году был брошен. Ни полевых войск, ни уровских частей, ни управления, ни коменданта в нем не было. Комендант назначен после германского нападения.

Раньше мы уже встречали рассказ генерал-лейтенанта Владимирского именно про Новоград-Волынский УР, в котором после начала войны начали откапывать засыпанные землей ДОТы. Это означает, что к моменту появления немцев вокруг огневых сооружений лежали кучи свежей земли, указывая германским артиллеристам, куда именно надо стрелять. Но ДОС надо не толь-

ко откопать и замаскировать, его надо вооружить. Без пушек и пулеметов эффективность долговременных огневых сооружений резко снижается. ДОС надо загрузить боеприпасами и продовольствием на много дней боев. Надо восстановить системы связи. Ведь могучие стены глушат любые шумы. Гарнизон может просто прозевать что-нибудь важное. Вокруг каждого ДОС надо отрыть окопы и траншеи, чтобы прикрыть ДОС с тех направлений, которые из его амбразур не просматриваются и не простреливаются. Нужно сделать еще многое, чтобы бетонные монолиты могли служить с полной отдачей того потенциала, который в них заложен.

И самое главное — оборонительные сооружения должны быть заняты постоянными гарнизонами, обученными достаточно специфической тактике ведения боя в укрепленном районе.

Гарнизонов не хватало. Укрепрайоны наспех заполнили обыкновенной измученной отступлением пехотой, которая не успела освоиться и оборону организовать. Передовой узел сопротивления Новоград-Волынского УР не продержался и одного дня.

Кто виноват? Понятно — только что назначенный комендант. Храбрости ему не хватило. За что и расстрелян.

Но ни в чем не виноват Стратег, который 7 месяцев командовал войсками КОВО, но не позаботился о том, чтобы было хоть что-нибудь сделано для подготовки отражения вторжения.

* * *

Нам каждый день и каждый час подбрасывают идею о том, что якобы орденоносные сочинители занимаются промыванием мозгов миллионам читателей.

Нет, граждане, этого. Не будем тешить себя иллюзиями. Нет промывания! С нарастающим напором идет обратный процесс, который, если не использовать ненормативной лексики, можно мягко назвать засорением мозгов. Или, как выразился Марк Солонин, идет процесс мозгоимения.

Все объяснения печальной судьбы укрепрайонов в мемуарах Жукова — изящный тому образец.

Глава 22

НЕ СЛИШКОМ БЛИЗКО К ГРАНИЦЕ

Ни вблизи границы на выгодных естественных рубежах, ни в глубине территории западных приграничных округов заранее подготовленных оборонительных полос и рубежей не имелось. Не подготовленной к обороне оказалась и полоса укрепленных районов, существовавшая на старой государственной границе.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1961. Т. 2. С. 49

1

Жуков объявил, что разгром случился потому, что укрепрайоны находились слишком близко к границе.

Не будем протестовать. Согласимся.

Но не забудем того, что позади линии укрепленных районов, которые с июня 1940 года возводились вдоль новой государственной границы, находилась еще одна, а то и две, и даже три линии уже давно построенных укрепрайонов. Они находились в 200—300, а то и 400 км от новой границы.

Примеры:

61-й Полоцкий УР — 370 км от границы, 55 км по фронту. 202 готовых ДОС. Но в этом укрепрайоне находился 1 (один) батальон.

63-й Минский УР — 250 км от границы, 160 км по фронту. 206 готовых ДОС. «В Минском УРе к началу войны находился всего один пулеметный батальон, охранявший сооружения и склады» («Красная звезда», 25 ноября 2005 г.). Вы не пробовали одним батальоном держать фронт шириной в 160 км?

65-й Мозырский УР — 380 км от границы, 128 км по фронту. 155 готовых ДОС. Один батальон.

25-й Псковско-Островский УР — 500 км от границы, 85 км по фронту, 147 полностью готовых ДОС. В том числе орудийные капониры новейшей конструкции постройки 1939 года. Чем объяснить его печальную участь?

Недопустимой близостью от границы тут никак не отмазаться. А объясняется трагедия тем, что в этом укрепленном районе вообще не было никаких войск.

2

Сложившуюся ситуацию разберем на примере Псковско-Островского УР.

Важность этого укрепленного района чрезвычайна. Через него пролегает стратегическая железнодорожная магистраль Варшава—Вильнюс—Даугавпилс—Остров—Псков—Ленинград. От границы вдоль этой магистрали и наступали немцы. С боями они вышли к Ленинграду и его блокировали.

На это им потребовалось 18 дней.

Так много времени потому, что основные силы группы армий «Север» — пехотные дивизии с конными повозками. 700 км пешком в сапогах с винтовкой за спиной, с полной выкладкой — путь нелегкий. Так ведь не по прямой же войска идут. Они ведут бои, маневрируют. Тут все 1000 км набирается. Вот почему немцы шли к городу Ленина так медленно, так долго. А укрепрайонов на своем пути они не заметили.

Но сил на штурм Ленинграда у них не было. Они были вынуждены остановиться, окопаться, закрепиться. Линия фронта пролегла от Балтики через новгородские и псковские земли к Калинин и Москве, далее на юг.

В Псковской области немцами под огнем Красной Армии была возведена оборонительная линия «Пантера». Советские

полки и дивизии непрерывно атаковали, немцы отбивали атаки и продолжали строить. Из бревен они делали сруб наподобие русской избы, только вместо окон — широкие щели для ведения огня. Вокруг сруба, отступив на метр-полтора, возводили другой. Пространство между двумя рядами бревен заполняли землей и камнями. Сверху — три — пять накатов бревен и метровый слой камней. Все это засыпалось землей. Получался холм с амбразурами. Между такими холмами — траншеи...

Вот взгляд энтузиастов-поисковиков из XXI века: «Расстояние от Великих Лук до Идрицы мы проехали на машине примерно за два часа. Красная Армия, сокрушая гитлеровскую оборонительную линию «Пантера», шла здесь с ожесточенными боями целых полтора года» («Красная звезда», 23 мая 2008 г.).

Немцы — 700 км от границы к Питеру за 18 дней.

Наши — 100 км за полтора года.

Почему?

Потому что немцы встали в оборону, а Красной Армии никто летом 1941 года задачу на оборону не ставил и к обороне ее не готовил. Перед ней стояли другие задачи.

Проламывая оборонительную линию «Пантера», дивизии Красной Армии несли потери.

Какие именно?

Ответ из той же статьи: «Бои в ряде районов Псковщины были затяжные, и никто точно не знает, сколько погибло солдат. Официально считалось, что захоронено их здесь более полумиллиона, но сейчас, когда открылся доступ к архивам, выясняется, что гораздо больше».

Германская оборонительная линия «Пантера» — это обыкновенные траншеи и дерево-земляные огневые точки и блиндажи.

А германская армия летом 1941 года шла в этих же районах через советские оборонительные линии, сопротивления не встречая и потерь не неся.

Про один из опорных пунктов Псковско-Островского УР рассказывает генерал-лейтенант инженерных войск Б.В. Бычевский: «5 июля части Северо-Западного фронта оставили город Остров. Когда я узнал об этом, первым состоянием было недоумение — я даже не поверил этим сведениям. А укрепленный район? Отдан без боя, что ли? С каким напряжением летом и осенью 1939 года мы создавали там сильные опорные пункты,

прикрывающие основные дороги и подступы к этому городу! На 15-километровом фронте границы было построено 20 двухэтажных железобетонных артиллерийских сооружений на 40 76-мм противотанковых орудий и 17 пулеметных сооружений на 30—40 пулеметов. Невыполненный, а затем отмененный в 1940 году монтаж вооружения в тех ДОТах можно ведь было выполнить полевым вооружением! Если этот рубеж так быстро взят, значит, он не был занят нашими войсками. Или, может быть, обойден? Только много времени спустя я узнал лишь некоторые причины столь быстрого прорыва укрепленных районов на старых государственных границах. Написано об этом, кстати сказать, очень мало. Напомню лишь характерный штрих. К городу Острову срочно была направлена 111-я стрелковая дивизия, но, не успев занять оборонительный рубеж, вынуждена была под натиском численно превосходящего противника отступить на наш Лужский рубеж» (ВИЖ. 1963. № 1. С. 65).

А причина все та же. Слишком много войск находилось западнее всех линий укрепленных районов. Когда припекло, дивизии 41-го стрелкового корпуса не успели занять Псковско-Островский УР и подготовиться к обороне.

3

Немцы были остановлены чуть восточнее и севернее этих мест. Окопались. Используя землю, бревна и камни, под огнем Красной Армии они смогли построить оборонительную линию и держать ее полтора года, перемолотив сотни тысяч советских солдатиков.

У немцев не было двухэтажных орудийных ДОТов, соединенных между собой железобетонными подземными галереями.

У Красной Армии было 20 лет на подготовку своей страны к обороне. Если бы двухэтажные железобетонные капониры были заняты постоянными гарнизонами, а между ними возведена полевая оборона войск, то дивизии Красной Армии могли тут держаться не полтора года, а гораздо дольше. И молотить немцев сотнями тысяч. Но не молотили. И не держались. Их тут просто не было.

В январе 1941 года Великий Стратег якобы перед всем высшим командным составом заявлял Сталину, что в Белоруссии укрепленные районы возводят слишком близко от границы. Но

Стратег забыл почему-то напомнить Сталину, что позади этих укрепленных районов находятся вторая и третья линии УР, уже готовые, но войсками не занятые.

Если бы Жуков перед войной вывел из мышеловки в районе Белостока один стрелковый корпус, а лучше — всю 10-ю армию и поставил бы ее дивизии в укрепления на новой и старой границах, то ход войны был бы совсем иным.

4

Генерал-полковник Ю. Горьков объявил, что планы войны, планы обороны великого государства заключались в том, чтобы прикрыть границу, т.е. в том, чтобы из состава дивизий, корпусов и армий Первого стратегического эшелона выделить передовые батальоны в помощь пограничникам.

Если весь стратегический план именно в этом и заключался, то резонно задать вопрос: а почему полководец Горьков еще не разжалован в рядовые?

Если он действительно считает, что план обороны государства мог сводиться к плану выделения передовых батальонов для усиления погранзастав, значит, нечего ему щеголять в штанах с лампасами.

Если же Горьков понимает, что стратегический план войны не может сводиться к прикрытию границы, но публично на весь мир такую чепуху несет, позоря напускным невежеством высший командный состав Российской армии, значит, ему и вовсе в рядах генералов делать нечего.

Но даже согласившись с мудрейшим стратегом Горьковым и его заявлениями о том, что весь план обороны государства сводился к плану прикрытия государственной границы силами передовых батальонов из состава дивизий Первого стратегического эшелона, зададим вопрос: а где планы использования семи армий Второго стратегического эшелона?

Вдоль старой границы лежала цепь никем не занятых укрепленных районов, и прямо на этой линии без всяких планов располагались семь армий.

Ведь не надо было быть Великим Стратегом для того, чтобы отдать простые и ясные приказы еще до войны. У нас шла речь

про 186-ю стрелковую дивизию 62-го стрелкового корпуса 22-й армии, которая тайно выдвигалась к западным границам из Уральского военного округа. На примере этой армии давайте и рассмотрим возможные варианты боевой задачи для армии, корпусов и дивизий, которые в ее состав входили.

Трудно ли было Великому Стратегу черкнуть еще до начала войны что-нибудь типа:

«Командарму-22 генерал-лейтенанту Ершакову.

Силами одного корпуса занять Себежский УР, силами другого — Полоцкий УР. Готовить оборону. Стоять насмерть. Ни шагу назад. Жуков».

На примере все той же 22-й армии посмотрим, что было бы дальше при таком раскладе. Получив приказ от Жукова об обороне на линии старой государственной границы, командующий 22-й армией генерал-лейтенант Ершаков мог бы быстро отдать приказы командирам корпусов. Что-нибудь типа:

«Командиру 51-го стрелкового корпуса комбригу Поветкину силами двух стрелковых дивизий и двух корпусных артиллерийских полков занять Полоцкий УР, готовить оборону. Одну стрелковую дивизию выделить в резерв армии. Командиру 62-го стрелкового корпуса комбригу Карманову силами двух дивизий и двух корпусных артиллерийских полков занять Себежский УР. Одной стрелковой дивизией занять оборону на стыке двух УР. Командарм-22 Ершаков».

Кстати, о комбригах. Для тех, кто не читал «Ледокол», рекомендую главу «Про комбригов и комдивов». В 22-й армии было два корпуса. Обои корпусами командовали комбриги, хотя у них в подчинении были командиры дивизий в звании генерал-майоров.

5

Получив такие приказы, командующий армией, командиры корпусов и дивизий знали бы, что им делать. 22-я армия заняла бы два укрепленных района и держала бы их. За две недели можно было возвести несокрушимую оборону.

Вот пример. «Каждое село было превращено в крепость. Дом с домом соединялись траншеями. На всех более или менее тан-

кодоступных направлениях пролегли противотанковые рвы. Глубина рвов достигала нескольких метров, и многие из них заполнялись водой. Все это дополнялось почти сплошными минными полями и проволочными заграждениями». Так Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов описывает германскую оборону в районе Мелитополя летом 1943 года (Когда гремели пушки. М., 1962. С. 204).

На этот рубеж отошли осколки разбитой под Сталинградом 6-й германской армии. Маршал Бирюзов продолжает: «Войска эти, конечно, были сильно потрепаны, но при наличии хороших оборонительных позиций и они оказали упорное сопротивление».

Сравним два примера. Остатки и осколки разбитой 6-й германской армии обороняются в голой степи. Все как на ладони. Тут нет леса. Тут мало воды. Естественных препятствий почти никаких. Оборонительные позиции трудно маскировать, траншеи нечем крепить и перекрывать, нет бревен для постройки блиндажей и землянок. Но немцы превращают каждую деревню в крепость. Каждый дом — в опорный пункт.

А вот свежая советская 22-я армия летом 1941 года разгружалась в районе, где возведено два укрепленных района. Тут железобетонные оборонительные сооружения. Это же вам не глиняная хата с соломенной крышей, приспособленная для обороны. Себежский УР в стадии строительства, но в Полоцком на фронте 55 км 202 готовых ДОС. Тут множество естественных препятствий: озер, болот, рек и речушек. Противнику тут преграждают путь мощные водные преграды — Западная Двина и Великая. Текут они в правильном направлении — поперек основных путей наступления противника. Кроме того, тут много леса. Его хватит как для маскировки войск, штабов и войсковых тылов, так и в качестве строительного материала для полевой обороны. Главное в том, что любой лес — это противотанковый район. Пехоте в лесу танки не страшны. Да и авиация тоже.

Если бы только войскам отдали приказ на оборону...

Но мы теперь знаем со слов генерала армии Квашнина, что его дальний предшественник на посту начальника Генерального штаба генерал армии Жуков ситуацию оценивал правильно. Но не совсем... Потому приказа на оборону не отдавал, вместо этого сдавал в гитлеровский плен советских солдат миллиона-

ми, города — десятками и сотнями, деревни — тысячами, родную землю — сотнями тысяч и миллионами квадратных километров.

6

Те укрепрайоны, которые гитлеровцы не успели захватить, уже в ходе войны пришлось занимать войсками, которые были совершенно не подготовлены к действиям в них, не знали сильных и слабых сторон оборонительных сооружений, не были обучены тактике. На оборону укрепрайонов бросали всех, кто попадался под руку.

Генерал-полковник П.А. Белов свидетельствует, что брошенный Тираспольский укрепленный район пришлось держать силами 5-й кавалерийской дивизии... «Это едва ли не единственный случай в истории, когда конница была использована в качестве полевого заполнения между долговременными огневыми сооружениями укрепленного района» (ВИЖ. 1959. № 1. С. 61).

Шепетовский УР держали отставшие от 16-й армии бойцы и командиры разных подразделений и частей, Могилев-Подольский — строительные батальоны и части НКВД. Киевский УР обороняли десантники 2-го воздушно-десантного корпуса, 4-й отдельный мотострелковый полк НКВД, ополченцы, курсанты пехотного и артиллерийского училищ и даже отряд курсантов окружных интендантских курсов.

Но даже и эта наспех организованная оборона давала результаты.

Измотанная боями и маршами 5-я армия генерал-майора танковых войск Потапова, потеряв более трех четвертей своего состава, почти все танки и артиллерию, испытывая острую нехватку боеприпасов, ГСМ и продовольствия, отошла в Коростеньский УР и держала его с 12 июля до 21 августа. Могла бы держать и дальше, но соседний Западный фронт рухнул и противник огромным крюком охватил Юго-Западный фронт. Из-за этого был отдан приказ 5-й армии оставить УР и отходить за Днепр.

А ведь Коростеньский УР перед войной был брошен, гарнизоны выведены из него, вооружение, боеприпасы, оборудование вывезено.

Если бы УР перед войной находился в боевом состоянии, если бы гарнизоны никуда не уходили, да к тому же в нем находилась бы пара стрелковых дивизий, то этот рубеж можно было держать очень долго.

Расположенный чуть южнее Киевский УР находился точно в таком же, т.е. заброшенном, состоянии. Его держала спешно сформированная из всего, что попадет под руку, 37-я армия во главе с генерал-майором А.А. Власовым. На подступы к Киеву вышли дивизии 1-й танковой группы и 6-й армии, т.е. главной ударной группировки германских войск, которые действовали южнее Полесья.

37-я армия держала оборону Киева с 11 июля по 18 сентября 1941 года. В те дни у терминов «армия генерала Власова» и «власовец» было иное, непривычное для современного человека значение.

Киевский УР так никогда и не был прорван. Армия Власова и дальше могла держать его, но немцы взломали фронт Красной Армии гораздо севернее и гораздо южнее Киева и гигантскими клещами замкнули кольцо окружения вокруг Юго-Западного фронта.

Если бы все советские УР на старой границе перед войной были заняты урскими частями и полевыми войсками, то германская армия никогда не дошла бы не только до Москвы, Ленинграда и Сталинграда, но и до Смоленска и Киева.

7

Младший лейтенант, впоследствии боец РОА, рассказал о брошенных громадах железобетонных огневых сооружений, в районе которых не видно никаких следов войны и боев. Но и коммунист генерал-лейтенант инженерных войск Б.В. Бычевский сообщил о том же.

Рассказ младшего лейтенанта Самутина, который в конце войны добровольно, совершенно сознательно вступил в Русскую Освободительную Армию (РОА) и доблестно воевал против антинародной власти, ничем не отличается от рассказа генерала армии Квашнина, который через 60 лет после тех событий возглавлял Генеральный штаб ВС России.

Картина полностью совпадает. Войска Красной Армии в первые дни и недели войны воевали без всяких планов. Приказа на оборону им никто не отдавал. Жуков не удосужился поставить им оборонительные задачи.

Разница только в том, что в рассказе младшего лейтенанта подробностей больше и вещи он называет своими именами.

А генерал армии изворачивается.

Возразят, что младший лейтенант изменил присяге... Можно ли ему после того верить? На этот вопрос у меня ответа нет. Поступайте как нравится. Но имейте в виду, что генерал армии Квашнин, как, впрочем, и все советские генералы, тоже изменил присяге. Клялся до последнего дыхания хранить верность советскому народу и советскому правительству, но клятву свою нарушил, советской родине изменил, переметнулся на сторону тех, кто Советский Союз разрушал.

Разница в том, что младший лейтенант, осознав, что режим антинародный, взял в руки оружие и пошел против того режима воевать, а генерал армии Квашнин не стал воевать ни за коммунистическую власть, ни против нее.

Ждал, кто победит, на ту сторону и перебежал.

* * *

Некий «антисуворов» объявил, что Жуков может считаться великим уже за то, что спас Москву и Ленинград.

Но ни Москву, ни Ленинград Жуков не спасал.

Перед войной Жуков вывел войска к западным границам за несколько линий укрепленных районов, оставив войска без укреплений, а укрепления — без войск, и тем открыл дорогу Готу, Гудериану, Клейсту, Манштейну на Минск, Киев, Одессу, Вильнюс, Ригу, Таллин, Севастополь, Харьков, Ленинград, Смоленск, Орел, Курск, Москву, в конечном итоге — и на Сталинград.

Глава 23

ЗАЧЕМ ОТТЯГИВАТЬ?

Так же неожиданно и быстро, как был заключен договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, вспыхнула вслед за этим война в Европе.

*Адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов.
Накануне. М., 1966. С. 237*

1

Общепринятая версия: Сталин стремился войну оттянуть...
Рассуждения про оттягивание легко расплести одним вопросом.

И вопрос этот: ЗАЧЕМ?

При желании этот вопрос можно разложить на уйму составляющих. В том числе:

В чем конкретно выражалась неготовность Советского Союза к войне летом 1939 года, т.е. ради чего надо было оттягивать?

Что именно надо было сделать для повышения готовности?

Сколько времени на это требовалось?

Как было использовано время с августа 1939 года до июня 1941 года, которое, по заявлению Сталина, он выиграл?

Что удалось сделать за это время? Что оставалось доделать?

Сколько в июне 1941 года требовалось еще времени для завершения подготовки страны и армии к отражению вражеского нашествия?

Попытки ответить на эти вопросы немедленно заводят в тупик, так как действия кремлевских вождей никак не похожи на оттягивание войны ради подготовки к отражению возможной агрессии.

Вспомним: до сентября 1939 года расстояние между границами Советского Союза и Восточной Пруссии составляло около 300 км. А между Советским Союзом и основной территорией Германии — 600—800 км. Пакт Молотова — Риббентропа эти расстояния свел к нулю. Человек я непонятливый. Бестолковый, прямо говоря. Это еще моя первая учительница отметила. Так вот, бестолковому требуется разъяснение: как сближение рубежей вероятных противников и установление общей границы увязать со стремлением оттянуть войну между ними? Как вам спокойнее: когда крокодил в сотне метров от вас за препятствием или когда вы в одной клетке с ним, когда вас ничто не разделяет?

Оттягивание не завершилось установлением общих границ с Германией на земле растерзанной Польши. В последний день ноября 1939 года Красная Армия двинулась освободительным походом в Финляндию. Несмышленные финны не поняли, что их пытаются вызволить из цепей, потому от счастья своего отбивались. Достаточно яростно. Освободительный поход вылился в Зимнюю войну. После ее завершения было объявлено, что шла-то Красная Армия вовсе не затем, чтобы финнов от гнета буржуйского избавлять, а только затем, чтобы обеспечить безопасность города Ленина.

И как-то забылось, что начинался освободительный поход с провозглашения Финляндской демократической республики и подписания с ней 2 декабря 1939 года договора о взаимопомощи и дружбе. Правительство ФДР было создано в Москве. Комплектовали его лубянскими следователями финского происхождения. По просьбе правительства ФДР в соответствии с подписанным договором Красная Армия протянула народу Финляндии руку помощи.

После крушения коммунизма договор Советского Союза с ФДР стал доступен исследователям. Документ ужасно смешной. Например, любой договор между двумя странами составляется на двух языках, причем оба текста равноценны. А договор с ФДР отпечатали только на русском языке. Так было удобнее обеим сторонам: московские финны давно обрусели.

В том документе много смешных странностей, но на одну мелочь пока никто внимания не обратил. Документ подписали товарищ Молотов как глава советского правительства и товарищ Куусинен — президент ФДР.

Товарищ Куусинен — московский чиновник весьма значительного ранга. Оцените: у него была квартира в доме на улице Грановского! В то время Куусинен уже взлетел высоко, а после Второй мировой войны при Хрущеве поднялся на самый верх — в первую десятку коммунистических вождей Советского Союза.

Так вот, под договором с ФДР товарищ Молотов написал свою фамилию (вернее — псевдоним) русскими буквами, что и понятно — не китайскими же иероглифами ему подписываться. А товарищ Куусинен... тоже русскими. Президент независимой демократической Финляндии давно в кремлевских коридорах разучился говорить и писать на родном языке.

2

Пактом Молотова — Риббентропа Сталин установил общую границу с Германией протяженностью несколько больше 500 км. Если Красная Армия не готова воевать против Германии, если все заботы Сталина о грядущем отпоре, ставь свою армию в оборону там, где образовалась общая граница с Германией. Готовь страну и армию к отражению агрессии! Зачем отвлекать свои войска на какие-то побочные дела? Зачем нейтральную Финляндию превращать в своего врага? Зачем фронт возможного столкновения расширять еще на 1670 км?

Тут мне и говорят, что не мы бы на Финляндию напали, так напал бы Гитлер, захватил бы ее, превратил бы в плацдарм для нападения на Советский Союз.

Возразим обеспокоенным гражданам: Финляндию не так просто захватить. Красная Армия в этом убедилась трижды. Тем более Финляндию было бы трудно захватить Германии, у которой нет общей границы с этой страной. Для захвата пришлось бы проводить морскую десантную операцию, а потом снабжать свои войска в Финляндии через Балтийское море.

Последствия захвата Финляндии Гитлером мы можем оценить на примере Норвегии. Германия напала на Норвегию.

Норвегия защищалась. И защищалась доблестно. Пример: уже после начала Второй мировой войны, 20 сентября 1939 года, в состав германского флота вошел новейший тяжелый крейсер «Блюхер». 9 апреля 1940 года норвежские части береговой обороны его потопили. Ради сравнения: советский военно-морской флот во Второй мировой войне не потопил ни одного крейсера: ни германского, ни японского, ни тяжелого, ни легкого. Да и за всю свою историю советский флот не совершил ничего подобного и равного потоплению «Блюхера».

Кстати, в том же месяце недостроенный «Лютцов», родной брат «Блюхера», потащили на буксире в Ленинград. Этот пример говорит о том, насколько глубоким был сырьевой кризис в Германии. За нефть и хлопок, ванадий и молибден Гитлеру приходилось рассчитывать на Сталина новейшим тяжелым крейсером, который позарез был нужен самому Гитлеру для борьбы против превосходящих морских сил Британии. Остановил бы Сталин поставки стратегического сырья, и Гитлер задохнулся бы в 1940 году. Или запросил бы мира.

И зачем Сталину тяжелый крейсер на Балтике, если страна у нас по континенту раскинулась? Если от морских путей на Балтике мы не зависим? Если на Балтике у Сталина и так огромный флот?

3

Гитлеру удалось захватить Норвегию, заплатив за это дорогой ценой. Армия, флот, авиация Норвегии были распущены. Служить Гитлеру вызвались немногие. Народ этих отщепенцев презирал. В Норвегии возникло движение Сопротивления. Для контроля Норвегии Гитлеру пришлось держать десять дивизий, т.е. целую полнокровную армию. Эту армию Гитлер не мог использовать ни против Британии, ни против Советского Союза.

Если бы Гитлеру такой же ценой удалось захватить и Финляндию, то для Германии это было бы просто распылением сил, ибо наступать из Финляндии на Советский Союз несподручно. Если бы Гитлер и захватил силой Финляндию, то народ и армия

Финляндии стали бы врагами Германии. Возникло бы движение Соппротивления, как в соседней Норвегии.

Но на Финляндию напал Советский Союз, потому Красная Армия стала врагом для народа и армии Финляндии, а Гитлер превратился в защитника.

В Финляндии все пошло наоборот. Освободительный поход 1939 года Советский Союз оплатил дорогой ценой. Финляндия сама добровольно пошла на союз с Гитлером. Правительство Финляндии пригласило германские войска в свою страну. Но даже и в этом случае в июне 1941 года Финляндия, забыв все свои обиды, Советскому Союзу войну не объявила и германским войскам разрешения на ведение боевых действий со своей территории не дала. Красная Армия во второй раз совершила агрессию против Финляндии, и Финляндии пришлось отвечать... В том числе и блокадой Ленинграда.

В Норвегии за Гитлером пошли отщепенцы, из их числа формировали малочисленные пехотные подразделения СС. Но подавляющее число жителей было против Гитлера. В соседней Финляндии весь народ был против Красной Армии. Весь народ, кроме товарища Куусинена, был на стороне Германии. Вся армия Финляндии воевала против Красной Армии. Кстати, финские летчики-истребители по результативности третьи в мире после немцев и японцев.

На войну против Финляндии Сталину пришлось отвлекать огромные силы. В их числе Карельский фронт, в составе которого в начале войны были две армии — 7-я и 14-я. Но затем к ним прибавились 19, 26, 32-я общевойсковые и 7-я воздушная армии.

Кроме того, на протяжении всей войны против Финляндии воевали 23-я армия Ленинградского фронта, Онежская и Ладожская флотилии, силы Балтийского флота.

Сталин заявил, что пактом Молотова — Риббентропа он выиграл полтора года. Это время следовало использовать для того, чтобы улучшать отношения с соседними государствами, чтобы сделать их союзниками в борьбе против Гитлера, по крайней мере приложить максимум усилий для того, чтобы обеспечить их нейтралитет в грядущей войне.

Но кремлевских товарищей это почему-то вовсе не интересовало.

А товарищ Сталин в 1939 году войну оттягивал все дальше, ради этого ввел свои гарнизоны в Эстонию, Литву и Латвию. Суверенитет этих стран был нарушен немедленно. Вот только штрих: комбриг Г.П. Кравченко, один из двух первых дважды Героев Советского Союза, в 1939 году был направлен в Эстонию командиром особой авиагруппы, в составе которой было шесть истребительных и бомбардировочных авиационных полков. В ходе Зимней войны с декабря 1939 года эта авиагруппа действовала против Финляндии с территории Эстонии, которая тогда была еще суверенной страной.

В апреле 1940 года в Центральном Комитете состоялось совещание, на котором обсуждались итоги Зимней войны. В ходе этого совещания 15 апреля Кравченко доложил Сталину о действиях своей авиагруппы, в том числе по бомбардировке городов Финляндии. Он высказал мысль о том, что дипломатические отношения с Финляндией восстанавливаются, так неплохо было бы такую возможность использовать для того, чтобы посмотреть на результат работы краснозвездных бомбардировщиков...

Красная Армия разместила свои гарнизоны в Эстонии, Литве и Латвии якобы для защиты этих стран от германской агрессии, но использовала территорию этих стран в качестве плацдарма для агрессии против нейтральной Финляндии.

Сталинские соколы бомбили города Финляндии из опасения, как бы Финляндия не стала плацдармом для нападения на Советский Союз. Но именно из-за этих варварских бомбардировок она и стала таким плацдармом.

Вскоре после этого Эстония, Литва и Латвия добровольно попросились в состав Советского Союза. Все вдруг. Чуть ли не в один день.

Нам говорят: советские войска в этих трех государствах присутствовали ради обеспечения безопасности Советского Союза. Не будем спорить. Но зачем было включать эти государства в состав своей страны? Зачем были нужны массовые репрессии против населения? Зачем надо было насаждать колхозы и прочие прелести социализма?

Присоединение суверенных государств Прибалтики к Советскому Союзу ликвидировало еще один буфер между СССР и Гер-

манией, расширило фронт возможного вторжения, превратило население этих нейтральных стран во врагов Советского Союза. Сталин для них стал поработителем, Гитлер — потенциальным освободителем.

Этого Сталину было мало, и летом 1940 года он оторвал кусок от Румынии, превратив ее в своего врага и в союзника Гитлера. Теперь фронт возможного вторжения растянулся от Заполярья до Черного моря. В случае войны Красной Армии теперь предстояло защищать небывалый фронт протяженностью в тысячи километров, распыляя свои силы по гигантским территориям, давая возможность германскому командованию наносить удары там, где плотность обороны была самой низкой.

5

В 1920 году Советская Россия была не способна вести войну против Японии. Не было сил воевать на стольких фронтах и столько лет. Голод. Тиф. Разруха.

Что делать?

Оттягивать войну с Японией.

Но как?

Да очень просто. От России был отрезан огромный кусок: Забайкалье, Амурская область, Приморье. На этих территориях было создано якобы независимое государство — Дальневосточная республика (ДВР). Между Россией и Японией был образован мощный буфер. Точек соприкосновения не осталось, а потому исчезла сама основа для конфликта. Между двумя странами теперь не было никаких спорных территорий. Япония на что-то там претендует? Никаких проблем: договаривайтесь с ДВР. А правительство ДВР (по инструкциям Москвы) шло на любые уступки и поправки, подписывая любые соглашения.

Потом Советская Россия набрала сил и включила ДВР в свой состав. Япония что-то там подписала с ДВР? Да не знаем мы этого и знать не хотим. Нет такого государства. Да мы его вроде и не очень признавали. А с Москвой вы, японские господа, ничего не подписывали, Москва вам ничего не обещала и ничем вам не обязана.

Вот так было выиграно время. Созданием искусственного буферного государства войну с Японией удалось не только оттянуть, но и полностью избежать.

Тут все ясно: отрываем (якобы) от себя территорию, тем самым отстраняем себя от контакта с вероятным противником, тем самым выигрываем время или вовсе уклоняемся от войны.

Но с 1939 по 1941 год Сталин действовал как раз наоборот. Советский Союз был отделен от Германии цепью буферных государств. Для того чтобы выиграть время и отдалять германское вторжение, вовсе не надо было искусственно создавать буферные государства на пути Гитлера. Они уже существовали. Их следовало поддерживать. Их оборону следовало усиливать. Во всех этих странах следовало найти антигерманские силы и их поддерживать. На советской территории надо было уже в мирное время создать партизанские отряды из людей, которые были готовы защищать Польшу, Эстонию, Литву, Латвию, Финляндию, Румынию от германского нашествия.

Но Сталин действовал наоборот.

И вот вопрос: так для чего же он время выигрывал, если все это время было потрачено не на то, чтобы от Гитлера отгородиться, а наоборот — на то, чтобы к Германии приблизиться вплотную?

6

До осени 1939 года в западных районах Советского Союза все мосты до Днепра включительно были подготовлены к взрывам. И не только мосты, но и тоннели, железнодорожные узлы, системы водоснабжения железнодорожных станций, паровозные депо, стрелочные переходы и пр. и пр.

Германские танки могли идти вперед, но без подвоза всего необходимого по железным дорогам далеко бы они не ушли. Если бы и ушли, то пришлось бы их где-нибудь в районах Смоленска и Конотопа бросить без топлива и боеприпасов. На восстановление сотен мостов, тоннелей и транспортных узлов требуются годы. Только массовым подрывом железнодорожных сооружений можно было остановить блицкриг.

Пактом Молотова — Риббентропа Сталин, по его заявлению, выиграл полтора года. Как же было использовано это время для усиления системы государственной самозащиты?

Она была ликвидирована.

Теперь объясните мне: зачем Сталину надо было выигрывать время и оттягивать войну?

Без этого выигрыша времени страна была способна защищаться.

И вот выиграли время, но использовали его не для того, чтобы оборонительные системы развить и усилить, а для того, чтобы их уничтожить.

До осени 1939 года в Советском Союзе существовала сеть секретных партизанских баз, созданных в мирное время. Партизанские отряды и диверсионные группы были готовы вступить в войну с агрессором с первых минут войны.

Сталин оттянул войну, выиграл полтора года и за это время партизанские формирования разогнал, а базы уничтожил.

Западную границу Советского Союза прикрывала цепь укрепленных районов. Выиграл время, усилив свои укрепленные районы. Посади в них постоянные гарнизоны, заложи в бетонные укрытия боеприпасы, средства связи, продовольствие и все остальное, что нужно для длительной и упорной обороны. Но Сталин приказал свои укрепленные районы разоружить, бросить, засыпать землей.

На Днепре была мощная речная флотилия, которая могла воспрепятствовать или по крайней мере сильно затруднить форсирование Днепра. Сталин выиграл полтора года, оттянул войну и за это время Днепровскую флотилию ликвидировал.

Обо всем этом мы уже говорили в предыдущих книгах. Все это я вынужден повторить только затем, чтобы еще раз указать на чудовищную наглость и глупость кремлевской пропаганды, которая повторяет сказания о том, что Сталин оттягивал время ради укрепления обороны страны. Он оттягивал время, разрушая множество первоклассных оборонительных систем, каждая из которых даже в отдельности могла остановить любое вторжение.

Сталин выиграл полтора года и это время потратил на уничтожение всего, что предназначалось для обороны. Вместо оборонительных систем и структур формировались совершенно не нужные в оборонительной войне воздушно-десантные корпуса,

горнострелковые дивизии, строились аэродромы у границ, вывозились к границам миллионы тонн стратегических материалов — от тысяч тонн запасных частей для танков до разборных мостов, от гор угля на железнодорожных станциях, тысяч тонн запасных рельсов и шпал до миллионов комплектов топографических карт сопредельных территорий и русско-немецких разговорников.

Посмотрите на кадры хроники: несколько немецких солдат гонят толпы советских пленных бойцов. По большому счету все это советская пехота. Так вот, до сентября 1939 года в составе каждой советской стрелковой дивизии был собственный танковый батальон. В немецкой пехоте танков не было, у советской пехоты были собственные танки. Каждый командир советской стрелковой дивизии мог использовать собственный танковый батальон как броневой кулак, которым мог отмахнуться от любого нападения. Или как стальной каркас, вокруг которого дивизия в любой критической обстановке могла бы мгновенно организовать оборонительный район и остановить любой удар.

Сталин выиграл полтора года и за это время ликвидировал танковые батальоны стрелковых дивизий, оставив советскую пехоту без танковой поддержки. Вот тут следует искать истоки людских потоков, покорно бредущих в германский плен.

* * *

Баллады про оттягивание — одна из фундаментальных основ официальной кремлевской пропаганды. Действия советских вождей с начала 1939 года и до 22 июня 1941 года наши мудрейшие маршалы, генералы, академики и доктора всяческих наук объясняли доходчиво и просто: Сталин стремился войну оттянуть, чтобы выиграть время, укрепить оборону, подготовиться к отражению вражеского нашествия.

Объяснения эти — за гранью науки. Существует множество фактов, которые в такое толкование событий не вписываются. Факты эти всем известны, но наши уважаемые вожди, стратеги, полководцы и научные светила их лихо обходят стороной вот уже почти 70 лет.

А полистав их многопудовые сочинения, присмотревшись к доказательствам, вникнув в глубокомысленные рассуждения, любой нормальный человек вдруг обнаруживает удивительную

вещь. Дело в том, что иногда жонглеры от науки подбирают только те факты, которые в их теории укладываются, а те, что не укладываются, они просто игнорируют и отбрасывают. Но в российской исторической науке все обстоит гораздо серьезнее. Фактов, подтверждающих официальную трактовку событий, нет вообще! Наоборот, все факты официальным «научным» объяснениям и теориям противоречат. Сталин, как и его великие стратеги, к отражению грядущего нашествия не готовился, оборонительные системы государства не усиливал, а разрушал. Тогда ради чего он оттягивал?

Из этого неприятного вопроса, который так пока и остался без ответа, неумолимо следует, что залихватские воспоминания и размышления разнообразных маршалов всевозможные победы — это весьма неудачный треп, рассчитанный на толпу, не способную мыслить самостоятельно.

Глава 24

ЧЕМ ГРОЗИЛО ОТТЯГИВАНИЕ

Сталин не верил людям — но при этом он безоговорочно доверял логике.

*Марк Солонин. 23 июня: день М.
М., 2007. С. 301*

Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено.

И. Сталин. Выступление на совещании высшего командного состава РККА 17 апреля 1940 г.

1

Теперь посмотрим на ситуацию с другой стороны. Допустим, что Гитлер 22 июня не напал. И вообще решил пока не нападать. Сколько еще времени требовалось Сталину на оттягивание? И что из этого оттягивания могло выйти?

Вариантов возможного развития событий неисчислимо множество. Три из них мне представляются стержневыми.

Вариант первый. Сталин все так и оттягивает войну, Америка занята своими делами, между Великобританией и Германией продолжается вялотекущая перебранка. На Западном фронте без перемен. А в это время...

Весной 1941 года реактивный Ме-163 совершил планирующий полет, не включая двигателя. Осенью 1941 года он начал полеты с включенным двигателем.

18 апреля 1941 года флюг-капитан Фриц Вендель поднял в небо Me-262. Правда, самолет был с поршневым двигателем, так как изготовление турбореактивных двигателей задерживалось. 13 марта 1942 года Me-262 совершил первый полет с турбореактивными двигателями. Двигатель удовлетворял предъявленным требованиям. Однако появилась возможность установить более мощные двигатели (Jumo-004). Благо было из чего выбирать. 18 июля 1942 года состоялся первый полет Me-262 с этими двигателями. С ними Me-262 и пошел в серию.

Весной 1941 года в Германии начались работы по созданию тяжелого танка.

Германия значительно опережала Советский Союз в ряде военно-технических областей. Например, в области поршневых авиационных двигателей, не говоря о реактивных. И в области торпедного вооружения. Германия была мировым лидером в ядерных исследованиях. И в ракетной технике. Ко второй половине войны Германия первой в мире создала сначала крылатые, затем и баллистические ракеты. Германия первой в мире создала зенитные ракеты. Оставалось только пустить их в серию. В Германии разрабатывались приборы ночного видения для танков. Ряд германских военно-технических разработок вообще не укладывается в наши представления об оружии XX века. Просто германские инженеры не успели воплотить их в жизнь. Слишком мало времени им отпустила история.

Если бы товарищ Сталин и дальше выжидал и оттягивал, то уже в следующем, 1942 году, а тем более в 1943-м он бы встретил совсем другую германскую армию.

2

Список германских новшеств бесконечен. И в области радаров. И в области средств связи. И в области шифровальной техники, оптики, легкого противотанкового оружия, артиллерийских орудий с коническими стволами, приборов управления огнем, вычислительной техники и пр. Сколько раз я слышал горькие вздохи: ах, если бы Сталин выиграл время да перевооружил бы свою армию...

Переворужить армию невозможно. Процесс перевооружения постоянный и бесконечный. Пока вы замените 10 000 Т-26

на Т-50, будет создан новый танк и перевооружение продолжится. Пока вы будете сажать все свои штурмовые полки на Ил-2, будет создан Ил-10. Пока перевооружаете на Ил-10, появятся более совершенные самолеты...

А всхлипы не стихают: ах, если бы удалось выиграть еще годик! А лучше — два! Или три.

Тот, кто такое говорит, ясно видит перед собой сладостную картину: Советский Союз насыщает свою армию новым оружием, а Германия села на пенечек и терпеливо ждет, когда Красная Армия вырвется далеко вперед.

На чем основаны такие иллюзии?

Версальский договор задержал экономическое и военное развитие Германии. Гитлер вырвал Германию из цепей Версаля, после этого страна стремительно наверстывала упущенное. Технический прогресс в Германии шел в гораздо более высоком темпе, чем в Советском Союзе. Если бы Сталин и дальше оттягивал войну, то этим мог завести свою армию в трясины. Через год, два или три армии Советского Союза и Германии могли оказаться на разных уровнях технологического прогресса.

Пример: в 1945 году основные участники войны — Германия, Великобритания, США и Япония — имели собственные реактивные самолеты и двигатели. Сразу оговорюсь: различной степени готовности и надежности. Но все эти страны стояли на правильном пути развития. В ходе войны в Германии серийно выпускались три типа реактивных истребителей и реактивный бомбардировщик Ар-234. Количество экспериментальных реактивных самолетов велико, а проектов — неисчислимо (Ju-287 в пяти вариантах, Me-264 — в двух, E-470, E-555 — в одиннадцати, E-560 — в десяти, Ho-VIII — в двух, Ho-XVIII — в трех, Ta-400, He-343 — в семи, Me P-1108 — в пяти вариантах, а еще EF-116, EF-130, EF-132 и пр.).

Единственным исключением среди главных участников войны оказался Советский Союз, который в конце войны не имел ни реактивных самолетов, ни двигателей, ни заделов на будущее. Мертворожденный Би-1 оказался тупиковой ветвью. Ничего иного в перспективе не просматривалось. Столь плачевное состояние сложилось не само собой. Тут не обошлось без личного вклада в развитие авиации «крысиного короля» — референта Сталина по вопросам авиации Яковлева Александра Сергеевича, генерал-

полковника, дважды Героя Соцтруда, кавалера восьми орденов Ленина, действительного члена АН СССР, лауреата Ленинской, Государственной и шести Сталинских премий и пр. и пр. и пр.

3

Второй вариант развития ситуации мог оказаться еще более печальным.

У Рузвельта давно чесались руки придушить Германию. За Рузвельтом стояли интересы американских банкиров и промышленников. Германию надо было душить как опасного конкурента. Только предлог найти. Уж предлог бы в Вашингтоне нашли.

Видя, что Британия выдыхается и теряет интерес к войне, а Советский Союз уж слишком долго выжидает и оттягивает, Соединенные Штаты могли пойти на решительный шаг — выступить на стороне Британии. Это могло резко изменить ситуацию, благоприятную для освободительного похода Красной Армии на Берлин и Париж. При таком раскладе Вторая мировая война вообще теряла всякий смысл для Сталина. Ради чего было ее развязывать, если всю Европу все равно не удастся включить в нерушимый союз республик?

4

Но Америка могла в начале 1940-х годов в европейскую войну не вступать, а обратить свой взор на Тихий океан. И тогда возникал третий, самый вероятный и весьма неприятный для товарища Сталина, вариант развития событий.

Правительство Великобритании явно видело стратегический тупик в войне с Германией. Пат. У Великобритании нет такой армии, чтобы высадиться на континенте и разгромить Германию. У Германии нет такой авиации и такого флота, чтобы высадиться на Британских островах и разгромить Британию. Продолжение войны бесполезно и бессмысленно для обеих сторон. Война разоряла и ослабляла как Британию, так и Германию. Британия всеми силами пыталась заманить Советский Союз в войну против Германии. Но товарищ Сталин оттягивал, уверяя весь мир в своем миролюбии. Некоторые этому верили...

В этой ситуации в руководстве Великобритании зрело понимание того, что с войной пора кончать. Британия первой объявила Германии войну, она могла протянуть и пальмовую ветвь. А Гитлер и без этого как после разгрома Польши, так и после разгрома Франции предлагал Великобритании мир. Неоднократно. И странный полет Гесса на истребителе в логово британского льва явно наводил товарища Сталина на весьма неприятные размышления.

Если бы Британия, оценив разрушительные следствия затяжного военного кризиса и всю бесперспективность сложившейся ситуации, вдруг вышла бы из войны, тогда Сталин внезапно оказался бы в очень незавидном положении. Один. Без союзников. Имея под пятой миллионы озлобленных людей и на недавно освобожденных землях, и в родных советских лагерях и десятки миллионов в советских колхозах. Эти миллионы в определенных обстоятельствах могли припомнить родной власти ее некоторые не до конца продуманные действия.

Выход Британии из войны грозил Сталину и чисто военными неприятностями.

На протяжении всей войны германский флот против Советского Союза по большому счету не воевал. Он воевал против Британии, потом еще и против флота США. В случае выхода Британии из войны вся мощь германского флота развернулась бы против Советского Союза. Гитлер резко сократил бы производство подводных лодок (самое большое в мире), за счет этого резко увеличил бы производство танков, артиллерии, боеприпасов.

На протяжении всей войны большая часть германской авиации воевала в Западной Европе, отбивая воздушные налеты британской, а затем и американской авиации. В случае выхода Британии из войны (а США еще и не вступали) вся мощь германской авиации обернулась бы против Советского Союза.

В ходе войны авиация западных союзников превратила германскую промышленность в груды искореженного металла, а германские города — в океаны щебня. Говорят, что выбомбить Германию из войны не удалось. Правильно. Но представим, что эти бомбардировки прекратились в 1941 году, не набрав размаха, и германская промышленность работает без помех, и вся ее продукция — против Советского Союза. Каково бы тогда пришлось товарищу Сталину?

Пока Вторая мировая война шла на континенте, интерес Сталина заключался в том, чтобы выжидать истощения европейских государств в войне. Сталин хотел, чтобы все участники войны «получше разодрались». Именно этими словами он выразил свой замысел в кругу ближайших соратников.

Однако летом 1940 года Гитлер внезапно сокрушил Францию и вышвырнул британские войска из Западной Европы. Такого оглушительного успеха не предвидел никто. Даже и сам Гитлер.

Но именно в этот момент возникла патовая ситуация в войне между Британией и Германией. Это понимали и в Берлине, и в Лондоне. В Москве это тоже понимали. Именно с этого момента появилась вероятность заключения мира между Германией и Британией. Победа не светила ни одной, ни другой стороне. Поэтому в любой момент стороны могли согласиться на ничью. Этого Сталин остерегался больше всего.

Оптимальный вариант для Сталина — нанести удар по Германии в июне 1940 года в момент разгрома Франции Германией. Вся германская авиация — во Франции. Все танки там. Вся тяжелая артиллерия. Самые талантливые генералы. Все отборные войска. К концу операции германские тылы растянуты, техника требует ремонта, запасы ГСМ и боеприпасов почти полностью исчерпаны... А на советской границе только десять германских пехотных дивизий. Без единого танка. И румынскую нефть никто не защищает.

Однако и Сталин не предполагал столь быстрого падения Франции. Момент нападения на Германию был великолепным. Но надо тайно отмобилизовать и выдвинуть к границе дивизии, корпуса и армии Первого стратегического эшелона, развернуть в районе границ 250 новых аэродромов, командные пункты, узлы связи, госпитальную базу, подвести и выложить на грунт сотни тысяч тонн боеприпасов, запасных частей, инженерного имущества, вынести к границам базы ГСМ, перебазировать авиацию, обеспечить войска топографическими картами, планами первых операций, перевести промышленность и железные дороги на режим военного времени, отмобилизовать и выдвинуть из глубины страны Второй стратегический эшелон, решить еще массу всевозможных проблем. Это как запуск ракеты на Марс. Не учесть самую дурацкую мелочь — может грохнуть на старте.

Одним днем в столь грандиозном предприятии не обойдешься. И двумя месяцами тоже. А дальше — осень и зима. С раскисшими аэродромами, дождями, туманами, нелетной погодой. И Сталин решил: не сейчас, а в первый подходящий момент.

Но первый подходящий — не раньше мая 1941 года.

6

В 1938 году лидеры Великобритании, Франции, Италии и Германии встретились в Мюнхене и быстро решили возникшие проблемы.

В 1940 году круг игроков сократился до минимума, а продолжение игры не сулило ничего хорошего обоим игрокам. Кто мог гарантировать, что в новой обстановке лидеры Германии и Британии не встретятся снова и не решат возникших проблем? Какой Молотов, Берия, Деканозов, Фитин, Проскуров или Голиков мог поручиться перед товарищем Сталиным за то, что вот прямо сейчас, в июле 1940 года, в каком-нибудь нейтральном Мадриде не расселись вокруг стола переодетые в штатское британские и германские генералы и не чертят карту раздела интересов двух стран? Кто мог ручаться за то, что в каком-нибудь уютном загородном поместье, в какой-нибудь нейтральной Женеве не встретились два господина приятной наружности и не обговаривают условия перемирия? Кто мог ручаться, что Черчилль не ведет тайных переговоров с Гитлером?

Если в августе 1939 года вожди Советского Союза и Германии могли сговориться за несколько часов с перерывом на посещение первого акта «Лебединого озера» в Большом театре, то почему в июле 1940 года вожди Великобритании и Германии не могли сговориться с такой же быстротой? Вот что не давало покоя Сталину.

* * *

В любой момент как гром среди ясного неба могла прогреметь страшная весть: война между Великобританией и Германией завершилась почетным миром! В свете такой перспективы оттягивание войны было для Сталина смертельно опасным. После разгрома Франции оттягивание войны могло для Советского Союза обернуться катастрофой и гибелью.

Сталин это понимал лучше всех.

Глава 25

ОТ ПИОНЕРА ДО ПЕНСИОНЕРА

Безотносительно Суворова существует элементарная логика и здравый смысл. Просто Суворов, он, не знаю, как сказать, некий эталон для кого-то, что ли. Как бы есть очевидные вещи, безотносительно, был Суворов, не был Суворов.

*Д. Захаров.
«Эхо Москвы». 6 февраля 2006 г.*

1

«Ледокол» ниспровергали многие.

Без успеха.

Но убойный довод все-таки был найден: так не Суворов же открыватель! Нам все это и без него было известно! А если так, то читать его книжки незачем. Да и спорить не о чем.

Один из моих самых первых ниспровергателей, советник Президента России генерал-полковник Д.А. Волкогон, объявил язвительно: все, что содержится в «Ледоколе», было в нашей стране «известно каждому, от пионера до пенсионера».

Этот довод — вроде айсберга в океане. А ледоколом, как считает народная мудрость, айсберг не перешибешь. Напоровшись на такой довод, нужно срочно спасательные шлюпки на воду спускать. И спорить больше не хочется. О чем спорить, если все давно и без меня было понятно и известно?

Если трезво рассудить, то возразить мне нечего. Правильно! Так оно и было. Все факты на поверхности лежали, были давно всем известны. Но я себя никогда открывателем и не объявлял. Все, о чем пишу, каждый день хрустело под нашими каблуками. Все, о чем пишу, было известно миллионам. Я просто назвал вещи своими именами. Сделал то, что мог сделать любой. Маршалы, генералы и адмиралы, премьеры, президенты и их храбрые советники, академики и доктора, пионеры и пенсионеры не решились говорить. А я решился.

В том и заслуга.

В том и открытие.

Но критики не унимались. Вот один из ранних случаев использования этого довода: «Книга недели — это «Ледокол» Виктора Суворова... Скажу о главном ощущении: сенсации нет. Книга опоздала! Доказывать умным людям в России, что коммунизм «виноватее», чем фашизм, — смешно. Да, Сталин готовился к захватнической, а не к оборонительной войне. Из-за этого пролились реки народной крови. Да, официальная советская история врёт. Но это именно «сенсация», а не новая идея. А действительно новых идей в осмыслении XX века как раз сегодня очень не хватает» («Огонек». 1993. № 9).

Вот так. Смешная у меня книжка получилась. Умным людям и без «Ледокола» давно все было ясно. Умным бы людям XX век переосмыслить, где-нибудь новых идей почерпнуть. Да вот досада: негде. Все — скука да серость. Ничего нового для пытливого ума и горячего сердца.

Так заявил «Огонек».

И понеслось.

2

Выступает Лазарь Лазарев: «Имперские аппетиты Сталина были ненасытны. Запретных средств, нравственных и политических ограничений для него не существовало. Все, что плохо лежало, он готов был прибрать к рукам. Сталинская военная доктрина по внутренней своей сути была наступательной, агрессивной. Все это ныне общеизвестно. <...> Ни один из аргументов В. Суворова, хочу подчеркнуть — ни один, — фактами

не подтверждается, а опровергается» («Новая газета», 29 октября 1993 г.).

Это образец логики серьезного историка. Если Лазарь Лазарев говорит о том, что военная доктрина Сталина была агрессивной, то это общеизвестный факт. Но если я говорю о том же, то это подлая фальсификация.

А вот передовая статья «Красной звезды» 20 марта 1996 года: «Прячась на Темзе от отечественного правосудия, Резун скопил и пополняет богатую коллекцию доказательств, что Красная Армия готовилась к войне наступательной, к войне на территории противника. Но этого никто никогда и не отрицал. «Секрет» этот раскрывали даже песни того предгрозового времени».

Чудесно. Но если все, о чем я пишу, всем давно известная истина, зачем на меня Тузика с цепи спускать?

В каждой разгромной статье — здравая мысль: мы это и без тебя знали! И тут же: все это выдумал Геббельс! И британская разведка!

Выступает полковник Мороз Виталий Иванович: «То, что Советский Союз, наша армия готовились к войне наступательной, — аксиома. На этом ведь Резун-Суворов в своих книгах и спекулирует. <...> Мы собирались наступать, громить агрессора на его же территории, причем малой кровью, выстраивали в соответствии с таким видением будущей войны весь процесс обучения и воспитания войск, а действительность сложилась совершенно иной» («Красная звезда», 28 марта 2000 г.).

Красная Армия готовилась к наступлению, но действительность сложилась совершенно иной. Красной Армии пришлось обороняться, но об обороне она и не помышляла. Если такие откровения вписаны в официальную историю, в маршальские мемуары или в изданную Министерством обороны книгу для юношества, значит, это аксиома и всем давно известный факт. Но стоит мне то же самое повторить, как тут же объявляют, что все это паскудные спекуляции Джеймса Бонда и гнусные выдумки Геббельса.

Первым про Геббельса вспомнил все тот же советник Президента России генерал-полковник Д. Волкогонов. И тут же решительно изрек, что ничего нового «Ледокол» не содержит: «Не является ни секретом, ни открытием В. Суворова, что система, возникшая после октября 1917 года, ставила своей стратегиче-

ской целью осуществление мировой пролетарской революции... ЦК РКП с помощью Коминтерна рассылал по миру огромные суммы для создания компартий и инициирования революционных выступлений. Теперь это документально подтверждено... Мышление советских лидеров до недавних пор оставалось Коминтерновским... Сталин, я уверен в этом, постоянно думал не только об угрозе с Запада, но и прикидывал свои наступательные варианты» («Известия», 16 января 1993 г.).

Проще говоря, все, о чем пишу, не выдумка, а избитые истины, известные как Волкогонову, так и всем умным людям. И генерал с запоздалой храбростью просто и ясно излагает сталинские планы сокрушения Европы.

Браво, генерал!

Но из генеральского заявления неумолимо следует, что и Геббельс не врал и ничего нового не открывал. Геббельс изрек нечто очевидное и само собой разумеющееся. Он сказал то, что в нашей стране знали все, включая тех самых генералов с академиками, президентов с их мудрейшими советниками и пионеров с пенсионерами. Выходит, Геббельс не лгал, а всего лишь поведал миру то, что всем было известно до него и без него.

Я никак одно с другим совместить не могу:

- или давайте признаем, что нет никаких всем известных фактов, а есть идеологические диверсии вражеских разведок и брехня Геббельса;
- или давайте признаем, что есть всем известные неоспоримые факты, но тогда зачем к неоспоримым фактам приплетать, пристегивать, присобачивать Геббельса и Джеймса Бонда?

3

Генерал-майор Ю. Солнышков уверенно поддержал генерал-полковника Волкогонова: «Обращаясь к Виктору Суворову, хочу отметить: многое из того, что он пишет, мы знаем» («Независимая газета», 31 декабря 1993 г.).

А чуть раньше генерал Солнышков разразился целым трактатом. Прошу прощения за обильное цитирование. Это только кое-что из немалой статьи на целый разворот.

«Нарком обороны маршал С. Тимошенко в заключительной речи, когда ставил задачи всем родам войск, о необходимости подготовки к отражению внезапного нападения противника не говорил. А вот слова о безудержном стремлении вперед «с целью во что бы то ни стало выполнить поставленные задачи» произнес. <...> Как мы помним, в январе 1941 года в Генеральном штабе были проведены две стратегические игры на картах. По условиям игр первыми нападали «западные». Однако варианты отражения этого нападения не рассматривались. Почему участникам не предлагалось действовать в ситуации, которая может сложиться в начальный период войны? Вывод один — Сталину это было не нужно. Видимо, он не собирался готовить армию и страну к внезапному нападению фашистов... В директиве Наркома обороны от 5 мая 1941 года руководству Киевского особого военного округа предлагалось «быть готовым по указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей». <...> Да, с востока на запад были передислоцированы четыре армии, а из запаса призвано около 800 тысяч человек. Но готовились они к наступлению, а не к обороне. Вот в чем главная беда. <...> Что же касается нашей подготовки к наступлению, то доказывать это вряд ли надо...» («Россия», 23—29 июня 1993 г.).

Гражданин генерал, это всем известные факты или вы по ночам украдкой Геббельса слушали? Или, может быть, вас лихие ребята из британского посольства вербанули, заплатили тридцать сребреников и теперь, прикрываясь вашим именем, свои подлые вымыслы внушают недостаточно сознательным и осведомленным гражданам России?

Но генерал и на этом не остановился. Он даже заявил, что «немецко-фашистскому командованию буквально в последние две недели перед войной удалось упредить наши войска в завершении развертывания и тем самым создать благоприятные условия для захвата стратегической инициативы в начале войны» («Россия», 23—29 июня 1993 г.).

Великолепно! Восхитительно!

Читаю генеральские сочинения с восторгом. Родственную душу чувствую. Знакомый подход, почерк и стиль узнаю. Вроде собственные книжки листаю. Мы с гражданином генералом зер-

кально мыслим. Вам бы, генерал, такой трактат до меня опубликовать. Цены бы не было.

Но вот какой вопрос у меня сон отшибает: если бы Гитлер на две недели Сталина не опередил, если бы Красная Армия успела завершить сосредоточение и стратегическое развертывание раньше германской армии, то что было бы дальше?

4

Что представляет собой сосредоточение и развертывание армии на государственных границах и что за этим неминуемо следует? Прикинем: в клочьях пены несется прямо на нас свирепый жеребец, на нем — озверевший мужик. Точно такой, который в свое время чуть было красного командира Жукова не расколол надвое. Вот он, вражина, со звоном и свистом выхватывает шашку из ножен, с матюгами возносит ее над головой, рассекая морозную синеву.

Что дальше?

Дальше — рубанет! Принцип в кавалерии нерушимый: до м...й разрублю — дальше сам развалишься!

Есть ли ему смысл шашку вознести в небо, натянуть поводья так, чтобы летящая коняга передними копытами взрыла бразды и замерла, самому оцепенеть в ожидании, предоставив противнику право первого удара?

После завершения сосредоточения и стратегического развертывания у Красной Армии теоретически было только два варианта действий. Повторяю: теоретически.

Первый вариант: воспользоваться «благоприятными условиями для захвата стратегической инициативы в начале войны». Так, кстати, предписывала официальная военная доктрина РККА и директива наркома обороны от 5 мая 1941 года.

Второй вариант: застыть на границах в смиренном ожидании, пока гитлеровцы все приготовления завершат и первыми не рубанут Красную Армию топором между ушей.

Недавно верховная власть России официально рекомендовала руководителям российских регионов для прочтения и уяснения мудрейшее сочинение двух зарубежных мыслителей, в котором проводится мысль о том, что товарищ Сталин был ужас-

но глуп. Он якобы готовился повернуть совершенно удивительный вариант вступления в войну: пусть пырнут меня ножичком в печень, тогда все увидят, что я хороший. Пусть меня в кабацкой драке саданут под сердце финским ножом, тогда все усвоят, что я жертва, тогда и отбиваться начну. Пусть меня Гитлер рубанет танковыми клиньями до самого седла, авось после этого не развалюсь надвое.

Ради такого варианта товарищ Сталин якобы свои войска специально под удар подставлял, для этого приграничные аэродромы самолетами забивал, а приграничные леса — сотнями тысяч тонн снарядов, для этого проволоку наши погранцы смазывали, для этого мосты разминировали: пусть погибнет, к чертям, кадровая армия, пусть останутся на оккупированных территориях восемь десятых всей военной промышленности и десятки миллионов граждан, тогда как-нибудь справимся.

Оказывается, товарищ Сталин преднамеренно бросил 20 тысяч танков и сдал в плен 4 миллиона лучших своих бойцов кадровой армии, включая собственного сына, чтобы убедить Америку в своем миролюбии и получить ее помощь.

Оказывается, стратегия Сталина — обыкновенная кавказская хитрость: брошу сейчас свои танки, пушки, самолеты, стратегические запасы миллионами тонн, может быть, потом когда-нибудь американцы новые пришлют.

Каким-то товарищам в Кремле сегодня зело желается товарища Сталина кретином выставить, дабы самим просиять государственной мудростью на фоне его стратегической дури.

Но пусть официальная кремлевская пропаганда рисует Сталина трусливым придурком. Этим официальные кремлевские идеологи только подрывают доверие к себе. А два варианта развития стратегической ситуации после сосредоточения войск в приграничных районах я назвал только затем, чтобы показать: не было двух вариантов.

Мобилизация, сосредоточение и развертывание армии на государственных границах просто так завершиться не могут. Собрав громадные массы войск, надо либо наносить удар, либо его нанесет противник, упредив на самую малость, одним ударом истребив лучшее из того, что имеет страна для ведения войны.

Не обошел стороной Геббельса и генерал армии М.А. Гареев: «Резун и плетущиеся за ним горе-историки пытаются изобразить, что ими сделано какое-то научное открытие. Но эту версию для оправдания гитлеровской агрессии придумал в свое время Геббельс. Резун и его последователи лишь перепевают ее на разный лад. Хотя она и опровергнута всем ходом истории» («Красная звезда», 2 февраля 2000 г.).

Я на это, Махмут Ахметович, вам цитатой отвечу. Слушайте и держитесь за стенку.

«Нанесение главного удара на краковском направлении во фланг основной группировке противника позволяло в самом начале войны отрезать Германию от балканских стран, лишить ее румынской нефти и разобщить союзников.

Нанесение же главного удара на смежных флангах Западного и Северо-Западного фронтов приводило к лобовому наступлению в сложных условиях местности против сильно укрепленных оборонительных позиций в Восточной Пруссии, где германская армия могла оказать более ожесточенное сопротивление.

И совсем другие условия, а следовательно, и соображения могли возникнуть, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, было выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался».

Вы думаете, что это я такое сочинил? Или у Геббельса передрал? Или это группы умнейших экспертов из британской разведки выдумали? Да нет же. Махмут Ахметович Гареев, это ваше собственное творчество. Это вы под своим именем опубликовали в сборнике «Мужество» в 1991 году (№ 5. С. 253).

Умри, лучше не скажешь.

Уж если вы меня обвинили в повторении вымыслов Геббельса, то элементарная научная порядочность требует найти цитату того самого Геббельса и поставить рядом с моей, дабы все убедились: вот она, преемственность!

Но никакому Геббельсу подняться над вашей мудростью не суждено. В коротком отрывке вы объяснили суть провала 1941 года:

во-первых, не было у товарища Сталина мысли о том, что страну следует от кого-то защищать, не готовился он к отражению агрессии, об этом и не помышлял;

во-вторых, Сталин сосредоточил главные силы Красной Армии южнее Полесья ради того, чтобы отрезать Германию от Румынии.

В чем же у нас с вами, гражданин начальник, расхождения?

Хотите еще? «Невыгодное положение наших войск усугублялось тем, что войска приграничных военных округов имели задачи не на оборонительные операции, а лишь на прикрытие развертывания войск».

Кто же такую пакость сочинил? Геббельс? Группы британских экспертов? Или изменник Родины, предатель, перебежчик и фальсификатор Резун на потребу клеветникам России?

Нет, граждане. Это — творчество заместителя начальника Генерального штаба ВС СССР генерала армии М. Гареева. Опубликовано все в том же сборнике «Мужество» (1991. № 5. С. 256).

Допустим, я такое болтаю оттого, что проданся всем империалистическим разведкам. А Гареева кто подстрекает?

Эти идеи я впервые опубликовал в 1985 году, а он повторил через 6 лет. Так почему же Государство Российское за такие откровения осыпает Гареева титулами, званиями, должностями, орденами и премиями? А где мои ордена и премии? И где мои лампы на штанах?

И когда, наконец, серьезные историки выпустят разоблачительный трактат «Неправда Махмута Гареева»? И почему бы не разоблачить его серией гневных статей под общим заголовком «Конец глобальной лжи»?

6

Сталин не зря запрещал любые публикации о начальном периоде войны. Разрешалось рассказывать только о том, как рядовой неизвестной дивизии Иванов в районе населенного пункта, название которого не указывалось, со связкой гранат бросился под германский танк неизвестного типа, как летчик-истребитель лейтенант Петров таранил вражеский бомбардировщик, как лейтенант-пограничник Сидоров три дня отстреливался от наседав-

ших врагов, а герои-комсомольцы подняли красный флаг над оккупированным врагами поселком. Упор был сделан на отдельные героические свершения. Желательно было прославлять подвиги тех, кто погиб. Ибо рассказывали не сами участники боев и сражений, но от имени павших — особо уполномоченные члены Союза писателей СССР. А павшие герои не могли уже ни подтвердить, ни возразить, ни уточнить, ни поправить.

Сталин понимал, что воспоминания живых солдат, офицеров, генералов и маршалов, подпольщиков и партизан, чекистов и конструкторов-оружейников — это проявитель. Не ведая, что творят, бойцы и командиры невольно, но неминуемо должны были рассказать такое, что выдало бы весь сталинский замысел и причины его провала.

Рассказы очевидцев и участников событий — это рассыпанная мозаика, которая, будучи собрана воедино, даст яркую ослепительную картину.

Потому по приказу Сталина было засекречено все, что относилось к войне, особенно к начальному ее периоду: от численности войск до организационной структуры частей и подразделений, от боевого состава военных округов до количества танков, от наличия стратегических запасов до потерь личного состава. И вспоминать подробности никому не рекомендовалось.

А после Сталина запреты на воспоминания и размышления о войне были постепенно ослаблены. С каждым годом наши полководцы чувствовали себя все вольнее. Апофеозом стало признание заместителя начальника Генерального штаба ВС СССР генерала армии М.А. Гареева в Центральном органе Министерства обороны СССР за три недели до крушения Советского Союза: «Направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической обороны (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась...), а применительно совсем к другим способам действий... Главный удар на юго-западе пролегал на более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника...» («Красная звезда», 27 июля 1991 г.).

Тут вскоре и «Ледокол» на русском языке подоспел. И граждане генералы, серьезные историки и их кураторы спохватились. Вину за свою болтовню, неосторожную и неосмотрительную,

стали все дружно на британскую разведку валить. Тут-то они и Геббельса вспомнили: это не мы сталинские планы выболтали. Это все Геббельс придумал.

* * *

А мысль о том, что Гитлер своим ударом на самую малость упредил Сталина, в данном случае («Россия», 23—29 июня 1993 г.) высказал не я, повторяя Геббельса, а генерал-майор Ю. Солнышков, повторяя генерала армии С.П. Иванова.

Глава 26

ПРО ОТКРЫВАТЕЛЕЙ

Кто, идя по моим следам, возьмет на себя труд прочесть поразительные истории нашего века, искаженные, изуродованные, загаженные платными обманщиками?

Теодор Агриппа д'Обинье (1552—1630)

1

Годы сливаются в десятилетия, а над страной и миром все те же песни звенят.

С одной стороны заявляют: «Ледокол» — набор всем известных фактов, ничего нового нам Суворов не открыл, мы люди умные, грамотные, мы и без него все это знаем. Ведь существуют элементарная логика и здравый смысл. Есть очевидные вещи безотносительно того, был когда-то какой-то Суворов или его вовсе никогда не было.

С другой стороны отвечают: нет никаких фактов и не было, нет очевидных вещей, все содержимое «Ледокола» — выдумки Геббельса.

Уже много лет веселые ребята с радиостанции «Эхо Москвы» привольно живут на идеях «Ледокола», объявляя громогласно, настойчиво и постоянно, что Сталин готовил нападение на Германию.

Дмитрий Захаров и Елена Съянова самостоятельно пришли к такому заключению на основе тщательного анализа огромного количества исторических фактов, которые содержатся в мемуарах советских генералов, адмиралов и маршалов, в выступлениях советских вождей, в официальных многотомных описаниях войны, в предвоенных советских публикациях.

Выступает Д. Захаров (программа «Странная война СССР», 6 февраля 2006 г.): «Можно процитировать массу источников наших, и высказывания маршалов, и заявления в прессе советской того периода. Начать с элементарной вещи: если ты готовишься к обороне, ты разворачиваешь перед своими войсками минные поля. В Советском Союзе в Наркомате боеприпасов мин в это время практически не производилось, и на линии разграничения советских и немецких войск, уж коль скоро используется тезис относительно оборонительной доктрины Советского Союза, никаких советских минных полей не было, потому что минные поля ставятся для того, чтобы остановить наступающего противника. Если ты собираешься наступать сам, то никаких минных полей перед своими войсками, естественно, разворачивать не будешь. Ну, там есть масса факторов других. Относительно того, где были расположены склады горюче-смазочных материалов, боеприпасов, продовольствия для войск. Если войска собираются наступать, эти склады находятся в относительно небольшом удалении от группировки войск. Если ты собираешься обороняться, они, естественно, относятся, наиболее значительные склады, глубже в тыл своей территории. Склады находились непосредственно за боевыми порядками войск».

Съянова такие заявления гражданина Захарова приветствует одобрительными возгласами, щедро добавляя новые факты, которые неоспоримо свидетельствуют: Сталин нападение готовил!

Но каждый раз находится какой-нибудь подлый слушатель, который с некоторым недоумением вопрошает в эфир: а уж не у Суворова ли, граждане, вы все это списали?

На это следуют твердые заверения: да не читали мы никакого Суворова! Есть всем известные факты!

В то же время те же открыватели прямо в тех же программах яростно заявляют: не готовил Сталин никакого нападения на Германию! Нет никаких фактов, нет никаких тому доказательств!

Все это выдумки Геббельса и Розенберга. Глупенький Резун повторяет вымыслы нацистской пропаганды.

Запевает Д. Захаров (программа «Весна 1941 года», 27 февраля 2006 г.): «Я тебе признаюсь в более ужасной вещи — я не дочитал Резуна. Я начал, я прочитал страниц пятьдесят, и душа моя исчерпала свои ресурсы...»

Е. Сьянова: «А я вам так отвечу. Я вообще не читала г-на Суворова, хотите верьте, хотите нет. Вернее, так: я начала его читать, меня поразила степень бессовестности автора, который не потрудился хотя бы изменить стиль Розенберга и Геббельса. Особенно узнается стиль Геббельса.

Нет, там просто прямые формулировки, доказывающие, что Советский Союз готовит удар по Рейху. Все-таки, мне кажется, надо было ему немножко потоньше выполнить заказ того времени. Мне кажется, что это чистая псевдоистория...»

2

До конца 1980-х годов книги мои о Второй мировой войне опубликовать было невозможно. Ни на каком языке. В одной только Великобритании получил отказ в 26 фирмах, от крошечных до самых больших. Было на Западе и множество русских издательств, которые публиковали книги, не оглядываясь на рекомендации Идеологического отдела ЦК КПСС. Но выпустить «Ледокол» на русском языке не решился никто. Кстати, за буграми России «Ледокол» отдельной книгой на русском языке так никогда и не вышел. Храбрых не нашлось.

Но я не сдавался. Раз нельзя опубликовать полный текст, буду печатать кусками. В мае 1985 года появились первые главы в парижской газете «Русская мысль». Уже тогда в тех главах содержалось все то, о чем через два десятилетия поведали ошеломленной публике великие исследователи с «Эха Москвы». Было там и про минные поля, которые почему-то отсутствовали перед скоплениями советских войск в приграничных районах, про штабеля боеприпасов на грунте, про колючую проволоку, которую сматывали удалые погранцы. Ссылался я не на Геббельса и Розенберга, а на Жукова и Конева, на Голикова, Рокоссовского и Мерецкова,

на Кулика, Куликова и Мехлиса, на Ворошилова и Василевского, на Батова и Горбатова, на Кольцова, Гольцова и Агальцова.

3

Мои добрые читатели, зрители и слушатели, благодарю всех вас за поддержку. Что ни программа против меня, то и вклинится в эфир какой-нибудь зануда с напоминанием разнообразным Съяновым — Захаровым о том, из какого родничка они свою мудрость черпают.

Программа «Мюнхенский сговор», 28 ноября 2005 г.:

«Слушатель: Добрый вечер. Виталий из Москвы. Я хотел бы вам напомнить, что есть концепция Суворова о позиции Советского Союза, позиции Сталина в преддверии Второй мировой войны, что умышленно он хотел, чтобы Гитлер как бы захватил Европу, чтобы потом прийти освободителем.

Д. Захаров: Ну, эта концепция существует безотносительно Суворова, и неоднократно заявлялось о том, что было бы хорошо, если бы война направилась на запад».

Откровения Захарова прерываются заявлениями о том, что вся система аргументации Суворова достаточно слаба.

«Д. Захаров: Слаба, можно сказать, тенденциозна. То есть там очень лихо замешаны правда и вымысел».

Далее следуют рассуждения о том, что «есть такой тип историков, которые сами составляют схему, а потом начинают загонять туда факты. Факты, которые лезут, они принимают, а те, которые не лезут, они просто отвергают».

4

Все открытия нападающих с «Эха Москвы» каждый желающий может найти в «Ледоколе», «Дне-М», «Последней республике», в других моих книгах, опубликованных на множестве языков за 10, 15, а то и за 20 лет до того, как праведные труды Захаровых — Съяновых увенчались озарением. Рассказывая о подготовке Сталиным нападения на Гитлера, ни одного своего факта они не привели. Ни одного. Никогда.

Всех мастей Захаровы — Съяновы заявляют, что книги мои являются смесью правды и лжи, что моя аргументация слаба и тенденциозна, но никто никогда не удосужился обвинения свои подкрепить примером.

И тут товарищей-паразитов (не примите за оскорбление, это просто такой медицинский термин) я вынужден озадачить вопросом: а откуда вам известно, что мои книги — это смесь правды и вымысла, откуда вам знать, что моя аргументация слаба и тенденциозна? Кто вам рассказал, что я игнорирую факты, которые не стыкуются с моей версией истории? Вы же моих книг не читали. В своих передачах Д. Захаров не раз заявлял, что душа его трепетная не выносит чтения моих книг. Ему вторит Съянова.

А ведь радиостанция «Эхо Москвы» когда-то была вполне уважаемой и народом любимой. Вопрос: граждане, а вам не жалко было опускать такую радиостанцию (и самим опускаться вместе с нею) на уровень агитпропа? Ведь это стиль гбучих агитаторов: книгу я не читал, но скажу...

Спесивые ниспровергатели с «Эха Москвы» моих книг не читали, о чем кичливо заявляют, и тут же выносят о них категорические суждения. Да прямо — в эфир. Похвально. Но возникает вопрос: а откуда берутся сии суждения?

Два варианта:

— из сплетен;

— кто-то вездесущий и компетентный подсказывает им, какие именно книги следует поливать дерьмом не читая.

Первый вариант не исключает второго, второй — первого.

5

Когда-то давно кто-то из моих обличителей, сообразив, что все в моих книгах стыкуется, как черепки от разбитого кувшина, объявил: да, все сходится, все совпадает, но этот лукавый Суворов использует только те факты, которые вписываются в его теорию, а те, которые не вписываются, отбрасывает.

Это было повторено множеством критиков. Понятно, граждане с «Эха Москвы» мимо такого аргумента пройти не могли. И не прошли. Захаров и Съянова дружно его повторили.

А я заявляю: фактов, которые противоречат моей теории, нет!

Сталин готовил нападение на Германию. Найдите факт, который бы в это предположение не вписывался.

Примеров того, что страна к обороне не готовилась, я привел во множестве. Примеров того, что так называемые контрудары и контрнаступления в первые дни войны были импровизацией, что заранее они не готовились и не планировались, я тоже привел в достатке. Но где примеры того, что Сталин не готовил страну и армию к броску на Европу?

Я самый главный критик своих книг. Мой интерес в том, чтобы найти любые ошибки и неточности. Я их устраняю и исправляю. Я от них избавляюсь. Дошло до того, что целую книгу сочинил «Беру свои слова обратно», дабы очиститься от заблуждений молодости.

Найдите же факт, который противоречит главной идее «Ледокола», и я постараюсь или его объяснить, или от своих теорий откажусь.

Так где же нагромождение фактов, которые «Ледоколу» путь преграждают?

Ау, отзовись, московское эхо!

Но давайте представим, что факты, которые в мою теорию не укладываются, существуют. Допустим, я их игнорирую. В этом случае обличители с «Эха» попадают в пренеприятнейшую ситуацию.

Дело в том, что теория, которую самостоятельно, не читая моих книг, вопреки устоявшимся во всем мире взглядам героически выдвинули Захаров и Съянова, точно такая же, как и моя: Сталин готовил нападение на Германию. Но если существуют факты, которые противоречат моим выводам, то эти же факты должны противоречить и их выводам. Обличителям с «Эха Москвы» представляется, что они меня высекли. Нет, любезные, вы высекли сами себя. Если не сказать больше.

Моя аргументация слаба и тенденциозна. Но аргументация «Эха» гораздо слабее, вы привели только малую часть тех доказательств, которые я использовал за десяток, а то и за два десятка лет до вас.

У любого исследователя есть возможность углублять, уточнять и развивать теории, которые были выдвинуты кем-то раньше. В этом суть научного процесса. И часто идущий по следам поднимается на новые, недостижимые для предшественников

высоты знания. Примеров масса. Уже после выхода моих книг другими авторами раскопано множество новых, никому ранее не известных архивных сокровищ, высказана масса удивительных суждений. Границы нашего знания о войне раздвинуты далеко за те горизонты, за которые «Ледокол» никогда не заплывал и не пробивался.

А вот Сьяновы — Захаровы не нашли и не выдумали ничего нового, не добавили ничего к тому, что ранее уже проникло в сознание широких народных масс.

В науке и искусстве подобные деяния именуются плагиатом. Термин латинский. В переводе — воровство. Но и воровство бывает разным. Украл, присвоил и помалкивай. А этим мало. Им бы украсть, присвоить, да еще и обгадить обворованного.

Но давайте на несколько мгновений согласимся с историческим ворьем: я придумал схему, а потом подгоняю под нее только удобные мне факты, отбрасывая неудобные. Но разве открыватели с «Эха» действуют иначе? Разве лихие обличители используют в передачах как факты, которые в их теорию вписываются, так и те, которые в их революционную концепцию не укладываются?

Мои книги — винегрет, где лихо замешаны правда и ложь. Спорить не буду. Но разве, доказывая ту же теорию, Захаровы — Сьяновы хоть раз отклонились от моих рецептов, готовя свои винегреты?

6

До тех пор пока Сьянова и Захаров держатся за «Ледокол», как слепой за стенку, все у них складно получается — собственными силами сочинили оригинальную теорию, которая опрокидывает устоявшиеся во всем мире представления о войне! Да я бы им за такие достижения Нобеля не пожалел!

Но стоит открывателям сделать шаг в сторону...

26 сентября 2005 года Дмитрий Захаров не в первый раз изрек в эфир, что книги мои не стоят того, чтобы их читать. Заявление свое подтвердил убойным примером: «Когда я прочитал у господина Суворова, что самолет У-2 — это самолет-убийца, я несколько минут смеялся, а потом отложил книгу».

Засим последовал взрыв дружного заразительного хохота. Захаров подвел итог цитатой, которую советская пропаганда приписывала Геббельсу: чем ложь чудовищней, тем она убедительней.

Всех трудов Геббельса я не читал, такой цитаты не встречал. Но не думаю, что Геббельс был настолько глуп, чтобы работу своего ведомства и свой личный вклад разоблачать подобными заявлениями.

А за свои книги отвечаю. Так вот, термин «самолет-убийца» я не использовал никогда. Про самолет У-2 у меня накоплен интересный материал. Возможно, когда-нибудь выкрою время написать о нем главу. Но пока во всех моих книгах У-2 упомянут один раз — в «Последней республике», в главе «Гвардейские чудеса». Там сказано: «Кроме того, были в Советском Союзе самолеты Р-5 и У-2». И это — все. Никаких оценок. Никаких комментариев. Никаких описаний и эпитетов.

Где мои доблестные ниспровергатели прочитали про самолет-убийцу? Почему этим именем нарекли У-2? Этого не знаю. Но догадываюсь.

В своих книгах я писал про Су-2. Ребята с «Эха» поленились дочитать «Последнюю республику» до глав «Про Иванова» и «Крылатый Чингисхан».

Согласен, индексы У-2 и Су-2 созвучны. Однако для любого, кто книгу потрудились прочитать самостоятельно, совершенно ясно, что у меня речь идет о легком бомбардировщике выдающегося авиационного конструктора Павла Осиповича Сухого, а вовсе не о самолете столь же выдающегося конструктора Николая Николаевича Поликарпова.

Путаница могла возникнуть только в том случае, если несведущие ниспровергатели «Ледокола» воспринимали информацию на слух со слов столь же невежественного куратора.

Я указал Захарову на очевидную глупость, но нашлись у него защитники. Оказывается, Захаров имел в виду Су-2, так и сказал в эфир. Но невнимательные девочки, которые после передачи печатают текст и выставляют на всеобщее обозрение, ошиблись и написали У-2.

Лучше бы защитники такого не говорили. Если все так и было, тогда ситуация становится еще более глупой. В главе про

Су-2 нет ничего смешного. Выходит, гражданин Захаров несколько минут смеялся без причины.

Это достаточно опасный симптом.

7

25 августа 2008 года. В эфире вновь великолепная команда нападающих... Вперед вырывается Е. Сьянова и рассказывает о недавнем происшествии: «Кто-то из слушателей спрашивает — а назовите-ка мне такой факт, который можно считать бесспорным, и другой слушатель ему отвечает — есть такой факт: Германия объявила войну СССР. Ну я понимаю, это ляп — по поводу объявления войны...»

Захаров не возразил.

Вот ситуация: слушатель привел воистину бесспорный факт истории — Германия объявила войну Советскому Союзу. Уж это и впрямь известно у нас всем — от пионера до пенсионера.

На это радиостанция «Эхо Москвы» на весь мир голосом своего лучшего историка Третьего Рейха Елены Сьяновой заявляет: слушатель ошибся, ляпнул не подумав, сморозил чепуху: ведь не объявляла Германия войну Советскому Союзу...

Не надо быть историками для того, чтобы знать всем известные факты.

22 июня 1941 года в 4 часа утра Имперский министр иностранных дел И. фон Риббентроп вызвал заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР, посла СССР в Германии В.Г. Деканозова и вручил ему меморандум, в котором были изложены причины нападения Германии на СССР.

Помимо ноты министерства иностранных дел Германии советскому правительству были вручены три приложения к этой ноте:

«Доклад министра внутренних дел Германии, рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Германскому правительству о диверсионной работе СССР, направленной против Германии и национал-социализма»;

«Доклад министерства иностранных дел Германии о пропаганде и политической агитации советского правительства»;

«Доклад Верховного командования германской армии Германскому правительству о сосредоточении советских войск против Германии».

Вручение этого комплекта документов явилось актом объявления войны.

В то же самое время в Москве посол Германии в СССР граф Ф. фон дер Шуленбург потребовал немедленной встречи с Народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым и вручил ему точно такой же меморандум и сопутствующие ему документы.

Другими словами, война Советскому Союзу была объявлена сразу по двум каналам.

Но если обличители с «Эха» об этом не знают, то рекомендую читать сочинения ведущего советского специалиста по истории Второй мировой войны: «Шуленбург заявил Советскому правительству, что Германия объявляет Советскому Союзу войну в связи с сосредоточением Красной Армии у восточной германской границы» (Г.А. Деборин. Вторая мировая война. М., 1958. С. 124).

Это было заявлено 50 лет назад. Для того чтобы оценить одно это предложение, надо вспомнить, кем был Деборин и какие высоты занимал в советской науке. Тут содержится не только признание того, что война была объявлена, но и названа причина. За такие откровения академик Деборин не только не был разжалован в рядовые, но был назначен руководителем авторского коллектива первого тома официальной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945».

Вот еще: «Германский посол в Москве фон Шуленбург сделал заявление Советскому правительству о вступлении Германии в войну с Советским Союзом» (Тельпуховский Б.С. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. М., 1959. С. 33).

Чтобы это оценить, надо вспомнить, кем был генерал-лейтенант Тельпуховский в советской военно-исторической науке.

Если этого мало, рекомендую мемуары Г.К. Жукова.

Во время войны Сталин был Верховным главнокомандующим, Жуков — его единственным заместителем. Сталин мемуаров не писал. Поэтому Жуков — самый высокопоставленный свидетель того, что во время войны происходило в высшем военном руководстве страны.

Мемуары Жукова издавались множество раз, их перевели на десятки языков. Тиражи — миллионные. В мемуарах — потрясающие откровения. Например, такие:

«В кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И.В. Сталин опустил на стул и глубоко задумался» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 248).

Это было опубликовано 40 лет назад. После этого мемуары публиковались снова и снова.

С тех пор мысль о том, что война была объявлена, повторяется регулярно на страницах официальной печати. Вот последний пример: «В том, что это война, ни Сталин, ни Молотов уже не сомневались. Тем более что германский посол Шуленбург еще ранним утром официально передал соответствующее объявление об этом» («Красная звезда», 25 июня — 1 июля 2008 г.).

50 лет на самом высшем официальном уровне повторяется простая мысль: война была объявлена.

Интересно, удосужились ли ознакомиться с мемуарами Жукова, с трудами столпов советской военной мысли мои яростные обличители? Читают ли они газеты? Или и тут действует все тот же незыблемый принцип совковой пропаганды: не читал, но скажу?

* * *

Что есть шарлатан?

Научное определение: неспециалист, выдающий себя за специалиста. Вот пример: выдающиеся историки Второй мировой войны не знают о том, что 22 июня 1941 года Риббентроп вручил документы об объявлении войны Деканозову, а Шуленбург — Молотову, официальных советских историков самого высшего ранга они не читали, как и мемуаров Жукова, не читают они ни «Военно-исторический журнал», ни «Красную звезду», про существование великого авиационного конструктора П.О. Сухого и его самолеты с индексом «Су» не имеют понятия. Они выносят категорические суждения о книгах, которых не читали, да еще и гордятся этим.

Толковать в открытом эфире о войне с таким уровнем знаний... Это возможно только в нашей великой стране.

Я другой такой страны не знаю.

Глава 27

А ГДЕ ЖЕ СПЕЦИАЛИСТЫ?

Как можно игнорировать тот факт, что «План Барбаросса» — план нападения на Советский Союз был составлен еще в январе 1940 года, то есть за полтора года до начала войны? В этом плане, как я уже указывал, Гитлер лично записал, что целью войны будет физическое уничтожение почти всего населения России.

М. Крол.
«Независимая газета», 5 августа 1994 г.

1

Есть у ниспровергателей и еще один козырь за голенищем: все теории этого Резуна-Суворова действуют только на людей несведущих. Он силен до тех пор, пока не встретил на пути своем настоящего серьезного историка. Даже специалист средней руки играючи расшибет этого кочегара с ледокола со всеми его теориями. Но может быть, и расшибать-то не потребуется. Ясное дело — трусишка Суворов от боя с настоящим экспертом попытается увернуться, это и будет победой над его псевдоисторическими изысканиями.

Первой эту спасительную мысль 18 февраля 1993 года высказала газета со святым названием «Правда»: «Резун-Суворов

прекрасно понимает, что серьезной полемики со специалистами ему не выдержать».

Мораль: не будем обращать внимания на его писания — появится на горизонте специалист на белом катере и утопит «Ледокол» первой торпедой.

И загремело над страной: стоит только специалисту появиться... Но специалист не появлялся.

И по сплоченным рядам озабоченных граждан покатился ропот недоумения: так где же специалисты? Отчего молчат?

Такой вопрос задавали многим властителям дум, в том числе и знаменитому писателю Герою Советского Союза В.В. Карпову.

«— Еще более шокировали читающую публику книги В. Резуна (Суворова), бешеными тиражами разошедшиеся по России в преддверии юбилея Победы. Поразительно, что никто из писателей и историков не дал толковой отповеди писаниям перебежчика из ГРУ.

— Да никто не желает с таким дерьмом связываться, — в сердцах ответил писатель. — Суворов не историк. И не писатель. Он мелкий политикан, причем самого грязного пошиба. Пешка в ГРУ, он, перебежав на Запад, не смог даже никаких секретов наших продать — просто их не знал. Вот и стал выдумывать мерзости на потребу «клеветникам России»» («Книжное обозрение», 9 мая 1995 г.).

Мои обличители уклоняются от боя маневром в два хода.

Первый ход: внушить народу, что «Ледокол» рассчитан только на малограмотных и несведущих, а поединка с серьезными историками ему никак не выдержать. Серьезные историки разнесут его в щепки.

А на вопрос о том, отчего же серьезные до сих пор не разнесли, следует ответ: да оттого, что руки марать об эту дрянь не желают.

2

Гражданин Карпов как-то и не сообразил, что вопрос журналистов — это камушек и в его садик. Ведь в свое время власть назначила товарища Карпова на должность советского писателя, нарезала участок идеологического фронта — прославлять величие Жукова, крушить фальсификаторов нашей героической

истории. За особые заслуги гражданин Карпов был поставлен на пост вертухая над всеми писателями СССР. Он состоял в номенклатуре Политбюро, занимал ключевые посты в системе оболванивания народа, направлял бурные финансовые потоки, выделяемые властью на проведение наступательных операций идеологической войны. У Карпова был доступ к любым архивам, он получал за свои труды немалые барыши.

Вопрос журналистов, если снять с него дипломатический камуфляж, звучал так: где же, гражданин сочинитель, результаты ваших трудов? Отчего всевозможных резунов не громите? Где ваш ответ Чемберлену? В лице Карпова был брошен упрек всем инженерам человеческих душ: что же это вы, граждане писатели, притихли? И если один Карпов не способен ледокольный борт прошибить, то пусть соберет группу экспертов. У нас ведь страсть как любят многоголовые, Змею Горынычу подобные, комитеты и комиссии. А власть под такую затею денег не пожалест.

Но Властитель Дум Карпов браво увернулся: мол, никто руки марать не желает. Карпов почему-то заговорил о ком-то. А почему бы о себе не сказать? Если считаешь, что какой-то мерзавец посягнул на самое святое и светлое, почему на защиту поруганной чести не встаешь? И не надо говорить о том, что руки марать не желаешь. Противник всегда отвратителен и мерзок. Твой долг бойца — идолище поганое сокрушить, истребить, испепелить. И чем сие идолище мерзостнее, тем выше тебе честь, тем больше твоя заслуга.

«Не желаю ручки марать, потому уклоняюсь от боя» — это философия труса.

А вот выступает полковник Виктор Баранец («Радио Свобода». Программа «Разница во времени». 20 июня 2009 г.): «Мне приходилось говорить, не побоюсь сказать, с выдающимися, знаменитыми, легендарными историками нашей страны, которые знают нашу военную историю не хуже Суворова. И вот там, сидя в прокуренных кабинетах и читая буквально построчно, не то что постранично, Суворова, мы часто, благодаря моим учителям историкам, которые не просто, как говорится, ля-ля, а они выдвигали контраргументы. Спокойно, ссылаясь на какие-то мотивы, факты, доводы, аргументы Суворова, они предлагали мне посмотреть исторические документы с визами Сталина, Моло-

това, Жукова, Рокоссовского, Конева. И вот здесь у меня немножко, конечно, начинал включаться некий регистр критического отношения к Суворову».

Ситуация: выдающиеся, знаменитые, легендарные историки нашей страны знают, как опровергнуть изменника Суворова, знают, как возразить негодяю, предателю и перебежчику. И есть у них документальные доказательства с резолюциями Сталина, Молотова, Жукова... Да только эти доказательства они полковнику Баранцу по секрету сообщают в прокуренных кабинетах. Но ни выдающимся, знаменитым, легендарным историкам, ни самому полковнику Баранцу не хватает храбрости выйти к народу со своими доводами, опровержениями и разоблачениями. И написать понятную народу книгу о войне, такую, которую бы читали миллионы в десятках стран, ни выдающиеся, знаменитые, легендарные, ни сам полковник не способны.

И что это за постановка вопроса: выдающиеся, знаменитые, легендарные историки знают военную историю не хуже Суворова! Да с кем же вы равнять вздумали? Они великие, они знаменитые, несокрушимые и легендарные. А кто я? Ну кто я? У них доступ ко всем архивам, у них специальная подготовка, в их распоряжении научные институты и тысячи подчиненных. Им по должности, по положению военную историю положено знать в тысячу, в десять тысяч раз лучше меня.

Полковник Баранец, сравнивая знания выдающихся ученых со знаниями беглого шпиона, мерзкого изменника и предателя, вы позорите родную науку.

В той же передаче знаменитый историк Владимир Невежин заявил, что причины популярности книг Суворова надо искать не в области науки, а в области коммерции. Он добавил: «Наша книготорговля может раскрутить все, что угодно».

Это очень даже правильно.

Но в каждом правиле есть исключения. Наша книготорговля способна раскрутить все, что угодно, кроме сочинений выдающихся, знаменитых и легендарных. В их числе и выдающийся историк Владимир Невежин. Пока он писал честные книги, их читали, их обсуждали, о них спорили. Теперь, когда он вошел в круг официально знаменитых, его творения обсуждают только в прокуренных кабинетах, в кругу столь же великих и выдающихся.

Но все же попытки заманить меня в Цусимский пролив да там и утопить предпринимались. В конце 1997 года по инициативе Службы внешней разведки (в девичестве — Первое главное управление КГБ СССР) был организован телемост Москва — Лондон. Я сидел в Лондоне, а в Москве — группы экспертов и серьезных историков. Командовал серьезными генерал-майор ГБ Юрий Кобаладзе. В распоряжении серьезных все ресурсы России — финансовые, интеллектуальные, агентурные, архивные и всякие прочие.

Кроме всего, и это главное, в их руках телецентр со всем его руководством, персоналом, тайной ордой стукачей, доносчиков и «добровольных помощников». Передача под запись. Все под их контролем. И они возможностью воспользовались. Они срезают почти все. Они оставили самые коварные, самые злобные свои вопросы, наскоки, заявления и замечания и самые нейтральные и беззубые мои ответы.

И все же...

«Теледискуссия по ряду причин не стала убедительным опровержением лживой концепции писателя-перебежчика» («Красная звезда», 16 декабря 1997 г.).

Алексей Симонов, один из бойцов нападающей стороны, признавал через три года после боя: «Во время телевизионного моста Москва — Лондон с одной стороны присутствовали военные историки, писатели, генералы войск и разведки, а с другой — автор «Ледокола» шпион-перебежчик Резун, он же Суворов. <...> Мы его перекричали, но не победили. И это было не только мое ощущение. Передачу многие смотрели, и такая оценка была подавляющей» («Красная звезда», 28 ноября 2000 г.).

Киевская придворная газета «Факты» (1998. № 10) выразила удивление тем, что моим оппонентам не удалось меня утопить. На это полковник КГБ Игорь Прелин ответил: «Такие попались оппоненты».

Полковник КГБ, как в конторе у них было принято, картину перекошил в нужную ему сторону. Если ему верить, то дело обстояло так: оппоненты мои в той битве — это орава случайных прохожих с улицы. Попались какие-то недотепы. Вот если бы настоящих экспертов выставили...

Гражданин полковник, оппоненты мне не попались. Сборную лубянско-ясеновскую команду выставило против меня руководство ГБ. Это была плотная спаянная группа гэбэшных генералов и полковников и их ученой obsługi высшего выбора, увенчанной пышными титулами докторов и академиков. Возглавлял группу самый речистый генерал ГБ, а по правую руку от него восседал президент Ассоциации историков Второй мировой войны, заведующий отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор и пр. и пр. Остальные в стае были под стать вожакам. И если это не самый цвет ГБ и Академии наук, то не надо валить на случай, что, мол, недоумки случайные попались, а спрашивать надо с высокого руководства: почему на ответственных постах они держат неспособных и недостойных?

Бывший командир диверсионного отряда КГБ «Каскад» Вадим Сопряков поделился впечатлением от увиденного: «В начале 1998 года одна из программ российского телевидения показала странное шоу — телемост Лондон — Москва. На одном конце этого моста находилась группа наших граждан, объединенных программой «Национальный интерес». На другом конце — в Лондоне — заурядный предатель Родины Резун. <...> А подготовлен этот изменник к беседе был хорошо. Не зря английские хозяева иуды едят свой хлеб с маслом. Наша же сторона, к великому сожалению, была просто не готова к открытой и откровенной беседе с изменником Родины» (В. Сопряков. Восток — дело тонкое. М., 1999. С. 200—201).

Диверсант Сопряков имеет воинское звание капитана 1 ранга. Мореплаватель.

Лукавый флотоводец с Лубянки картину тоже исказил. Повторю еще раз: то, что Сопряков скромно назвал «группой наших граждан», было на самом деле не ватагой зевак с привокзальной площади, а сплоченной командой генералов лубянского ведомства и высшей академической военно-исторической элиты России. Не хватало там только генерала армии Гареева. Его я ранее отучил спорить со мной перед телекамерой. Он от поединков уклоняется.

А все остальные — на подбор. И программа готовилась по их инициативе, по их сценариям, готовилась заранее с привлече-

нием всех средств, которыми располагало в тот момент Государство Российское и его верные стражи с Лубянки и Ясенева. Меня же пригласили в последний момент. Времени на подготовку не дали никакого.

Но к этой передаче я готовился всю свою жизнь.

Программу, беспощадно изрезав, показали в конце 1997 года. После разразившегося скандала, изрезав еще раз и совсем уж бесстыдно, показали повторно в начале 1998 года. Так что мореплаватель Сопряков видел только мелкие обрезки.

Вот если бы прямой эфир...

4

Скандал надо было расхлебывать. И нашлось старое испытанное оправдание: «Почему же, задавались вопросом участники теледискуссии, наши историки его не изобличают? Серьезным ученым, думаю, просто не хочется опускаться до уровня его книг и умозаключений — слишком много в них поверхностного, до очевидности несостоятельного» («Красная звезда», 3 декабря 1997 г.).

Вот видите, как все просто. Руководство ГБ затеяло драку. Во главе команды мордобойцев был поставлен руководитель пресс-службы СВР генерал-майор ГБ Ю. Кобаладзе со товарищи, самые высокие российские авторитеты в области военной истории, даже и сам президент Ассоциации историков Второй мировой войны Ржешевский. Но бить меня они не стали.

Дабы не опускаться до уровня...

Мысль флотоводца Сопрякова об «английских хозяевах иуды», которые якобы готовили меня к выступлению, замечательна. Если развернуть советскую сторублевку на свет, то высвечивается дедушка Ленин. Весь из себя такой добрый и ласковый. А если развернуть заявление мореплавателя Сопрякова на свет, то во всей красе высвечивается дедушка Фрейд. Все, кто знал Сопрякова, едины во мнении: он не способен ни самостоятельно говорить, ни самостоятельно мыслить. Ему всегда заранее готовили выступления и приказы, он их зачитывал по бумажке. Оттого ему и кажется, что все другие люди тоже без чужой подсказки жить и действовать не могут.

Жаль, что гражданин Сопряков не сумел из очевидных ему фактов сделать логичные выводы. А ведь если кто-то на Лубянке считает, что меня теоретически подковала британская разведка, а академиков РАН и генералов ГБ подготовить к защите чести Родины некому, то почему бы не привлечь отставных британских профессионалов к процессу повышения интеллектуального уровня высшего руководства СВР, ФСБ, Министерства обороны, Академии наук, да и более высоких инстанций Российской Федерации?

Россия захлебывается от денег. Денег так много, что вождям России приходится их вывозить миллиардами, десятками и сотнями миллиардов долларов.

Везут их в Америку. Дабы Россию от инфляции уберечь. Идея гениальная: выкачать всю русскую нефть и весь газ, дабы завалить Америку деньгами. Им назло! Дабы Америка эта зловредная от наших ресурсов и денег лопнула! А потом у нас без нефти, без газа и без денег удивительная жизнь наступит. Светлое будущее.

Так вот, отчего бы не отстегнуть миллиард-другой да не нанять команды отставных британских разведчиков в помощь немощным гэбильным генералам и премудрым импотентным академикам? Все равно ведь вывезенные в Америку русские деньги ухнут в бездонную яму в грядущем и неизбежном американском финансовом кризисе. Сейчас мы слышим только отдаленные раскаты грядущего урагана. Соединенные Штаты неминуемо станут Разъединенными.

Если за моей спиной бдительные лубянские мореплаватели разглядели группы британских экспертов, то почему бы и вам, импотентно-компетентные граждане, за своими спинами в качестве заградотряда не выстроить такие же группы толковых британцев? Дабы вам мудрости накинуть.

А то ведь без подсказок из-за спины сами вы такую тарабарщину несете, что народные массы начинают проявлять беспокойство. Дошло до заявлений некоторых военных о том, что «План Барбаросса» был составлен в январе 1940 года и что Гитлер лично вписывал в этот чисто военный план нечто совершенно к нему не относящееся.

О глупости Гитлера и его окружения я сочинил целую книгу. Но все же Гитлер был не так скудоумен, как его представляют отдельные ученые товарищи в штатском.

Генерал-майор ГБ товарищ Кобаладзе и другие товарищи, не сумев ничего возразить по существу моих книг, ринулись в темный омут, доказывая, что за моей спиной группы британских специалистов. Шаг этот для них оказался самоубийственным. Жаль, что ответ мой телевизионные товарищи срезали.

А ведь ума большого не надо, чтобы сделать вывод из генеральского заявления, да этим обушком его же по загривку и хряпнуть. Если британские специалисты, не имея выхода к закрытым советским архивам, способны доходчиво объяснить непонятные моменты в истории войны, а генералы ГБ и академики РАН, имея в руках все архивы, не могут ни возразить, ни выдвинуть собственных объяснений, то не пора ли этих генералов и академиков из высоких кабинетов гнать? Не пора ли на их места посадить подготовленных профессионалов, способных дать ответ на любые измышления?

И тогда гэбучая рать в ходе телесражения двинула свой последний резерв: да ты же предатель! Ты присяге изменил!

Этого я, честно говоря, не ожидал. Люди-то они вроде умные. С первого взгляда. Сами они все принимали присягу. Сами они клялись до последнего дыхания хранить верность советскому правительству и советскому народу. Все они состояли не только в коммунистической партии, но и в номенклатуре ЦК КПСС. Все они с высоких трибун пороли чепуху о том, что скоро наступит светлое завтра, в котором каждый будет получать по потребностям.

Но возможно ли удовлетворить материальные потребности хотя бы одного стукача ГБ? Сколько миллиардов ему ни давай, ему все мало. Сколько яхт и дворцов ему ни строй, ему новых хочется.

Ответственные товарищи, которые сидели в Москве по ту сторону телекамер, сами в советские времена не верили бреду о том, что каждому когда-то будет по потребностям, но они десятилетиями гноили в тюрьмах и стреляли в лубяньских подвалах тех, кто имел смелость свои сомнения высказать открыто.

Но когда пришла пора с оружием в руках эту мерзость защищать, все эти Кобаладзе и Прелины, Анфиловы, Горьковы и Гареёвы, изменив присяге, оказались предателями и перебежчи-

ками. Все изменили советскому народу и советскому правительству.

Жаль, что и эти мои ответы были срезаны. Их бы мореплавателю Сопрякову послушать. Может быть, после того не бросался бы обвинениями в предательстве. Ведь сам Сопряков — жалкий трус и продажный перебежчик.

Но особо пикантно обвинения в предательстве звучат из уст Владимира Карпова. Властитель дум оказался трусом не только на идеологическом фронте. Он и от настоящей борьбы уклонился. Рушился Советский Союз, которому Карпов присягал на верность, но защищать его Карпов не нашел нужным. Уклонился. Дезертировал с фронта.

Теперь он почти серьезно заявляет, что в каком-то смысле его нужно считать как бы «героем» Советского Союза. Нет, дорогой товарищ, Герой Советского Союза — это тот, кто не побоялся встать на защиту этого самого Союза. А где был ваш, сударь, героизм в 1991 году?

Среди моих противников число так называемых героев достаточно велико. А я спрошу: все вы себя к числу «героев» Советского Союза причисляете, но где же он, ваш Советский Союз? Вы же его за ваучеры пропили.

Некоторые мои противники продолжают подписываться громкими титулами, типа — я, Маршал Советского Союза. Они так и появляются в торжественных случаях в парадных мундирах с гербами СССР на плечах. Какого же Союза все они маршалы и герои? Того, которого нет. Того, на защиту которого они не посмели выступить.

Маршалами и Героями Советского Союза, на мой взгляд, можно считать только тех, кто не дожил до 1991 года. Остальные — бывшие герои бывшего Союза, защищать который им не хватило храбрости.

И не надо меня предателем обзывать. Сами такие. Разница только в том, что я из состава Советского Союза вышел первым, сознавая, что творю, а вы рванули следом за мной из того же Союза, даже не сознавая, что предаете идеалы, которым клялись служить до последнего дыхания.

Я для вас — ледакол. Я проложил вам путь, по которому вы все и двинулись. И если мой выбор — преступление, то зачем,

господа Карповы — Сопряковы, вы стадом баранов за мной ринулись?

6

Годы текут, а идея выставить против меня подкованного специалиста возрождается вновь и вновь.

Вспомнили о ней и мои ниспровергатели с «Эха Москвы». 21 июля 2008 года Е. Сьянова повторила пятнадцатилетней давности идею самой правдивой газеты мира: «Что касается Суворова, нужно посадить его в прямом эфире, дать ему хорошего оппонента в лице крепкого, знающего военного историка. Вот это будет единственный продуктивный разговор».

Дело осталось за малым: разыскать того самого крепкознающего.

И пока его ищут, озадачим вопросом граждан Захаровых — Сьяновых: а вы-то кто такие? Уже несколько лет вы воркуете в эфире о войне, о самых разных ее аспектах. Подобно кукушкам и петухам, вы расхваливаете достоинства друг друга. По вашим заявлениям, все вы знатоки военной истории, вы беретесь не только судить о войне, но самостоятельно, не читая моих книг, на основе глубокого изучения открытых советских источников пришли к выводу о том, что Сталин готовил нападение на Германию. Зачем же вам крепкий и знающий? Сами-то вы разве убогие и хилые?

Да ведь и работа у вас не из трудных. Сами внушали радиослушателям, что моя система аргументации достаточно слаба и тенденциозна, что у меня лихо замешаны правда и вымысел. Сами вы рассказывали, что есть такой тип историков, которые составляют схему, а потом начинают загонять туда факты, и те, которые лезут, они принимают, а те, которые не лезут, просто отвергаются. А мои книги, по вашим словам, — самый блистательный образец подобной халтуры.

И вот мне неясно: если вы такие умные, а я такой дурной, то зачем же вам еще кто-то со стороны на подмогу потребовался? Неужели сами справиться не способны? Неужели и вам надо позади себя вместо чекистского загранотряда иметь группу экспертов?

Азарт игры кружит головы, мутит разум. И можно иногда надеть глупостей.

«Эхо Москвы», 21 июля 2008 года.

Е. Сьянова заявляет, что если меня позовут на передачу, то я, конечно, побоюсь и выступить не буду.

Но это не так. Мой интерес в том, чтобы от эпигонов избавиться. Пренеприятные, знаете ли, создания. Я бы для этого не упустил любую возможность. А что может быть лучше прямого эфира? Из всего вышеизложенного, надеюсь, достаточно ясно следует, что мне есть чем отмахнуться от шибко грамотных изыскателей с «Эха Москвы». Тем более что сами они не особенно-то и в бой рвутся. Они намерены вступить в сражение из-за спины крепкого и знающего.

Я сотни раз выступал в открытом эфире на множестве радиостанций: российских, украинских, британских, американских, польских, болгарских, итальянских, израильских, чешских, германских, а Би-би-си для меня — дом родной. Никому никогда не отказывал. В передачах Захарова и Сьяновой я не участвовал. Единственно потому, что никто меня туда не звал.

А вас, гражданка Сьянова, я боюсь. Но не очень. Не извольте страшать, голубушка. Не таких видывали.

Однажды в Болгарии столкнулся я в открытом эфире с самым что ни на есть важным начальником из Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Против моих цифр и фактов он выступать не посмел, зная, что я его сокрушу. Вместо этого давил на мой моральный облик, на совершенные злодеяния. Тут-то я его вопросом и осадил: а что лично гражданин генерал совершил для развала и разрушения Советского Союза?

Ух, как понесло начальника! Ох, как взвился товарищ: Да я!.. Да мы!.. Да честь офицерская! Да присяга!

Я тогда его вторым вопросом успокоил: для развала Советского Союза гражданин начальник ничего не сделал... А для спасения?

И сник полководец. Тут-то я ему и выразил свое почтение: ты, говорю, тюльпан.

В проруби.

Многозвездный генерал, как и тысячи его коллег, ничего не делал ни для разрушения, ни для спасения режима, который гнал страну и ее народ в пропасть. Он готов был служить кому угодно. Тому, кто победит. Это лагерная мораль ссученных: прав тот, кто сильнее. Сей стратег выжидал, чтобы встать на сторону того, кто верх возьмет. Ждал, куда нелегкая вынесет.

Мою оценку генеральской мудрости слышала вся Болгария. В Москве тоже услышали. И мгновенно слетел большой начальник со своего столь высокого поста. Летел в Болгарию Старшим Братом под фанфары и почетный караул. А возвращался точно как Жуков из Югославии — никому не нужным пенсионером.

Я такой развязки не желал и не предвидел. Но начальник сам нарвался.

Так что если бы, гражданка Съянова, и с вами судьба свела сразиться, то, уж поверьте, я бы постарался и вас на обе лопатки уложить.

* * *

А непонятно мне вот что. Открыватели с «Эха Москвы» самостоятельно пришли к выводу о том, что Сталин готовил нападение на Германию. Они и доказательства привели. Я тоже пришел точно к такому же выводу. Правда, на четыре десятка лет раньше, и почти четверть века назад начал публиковать свои доказательства. Так зачем же вам меня топить? Зачем против меня выставляют крепкого и знающего?

В чем ваш интерес? Если крепкознающий меня сокрушит, то мое место открывателя освободится для вас. А зачем еще вам меня пинать и топтать?

Так неужели вашими поступками повелевает только ревность элигонов?

Глава 28

И ГДЕ ЖЕ ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ?

Откладывание «на потом» анализа действительных причин и результатов Второй мировой войны позволило нашему правительству на средства трудящихся участвовать в десятках конфликтов, в военных действиях и заговорах против законных правителей в разных районах мира в период 1946—1990 гг., в том числе в Китае, Корее, Лаосе, Кубе, Вьетнаме, Камбодже, Сомали, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Южном Йемене, Никарагуа, Гренаде, Афганистане. Внутри страны подавлены выступления в Новочеркасске, Баку, Тбилиси, Вильнюсе, осуществлялось переселение «неблагонадежных» народов Кавказа, немцев Поволжья, калмыков, татар, потоплены в крови выступления трудящихся Польши, Венгрии, Чехословакии, ГДР. И все во имя братского интернационализма.

*А.В. Барабошин. Победа, ставшая поражением.
СССР во Второй мировой войне.
Вологда, 2004. С. 5*

1

Пока был жив Сталин, историю войны заменяли его публичными выступлениями.

3 июля 1941 года Сталин по радио обратился к народу с призывом разгромить врага. Выступление было в этот же день опубликовано многомиллионным тиражом.

6 ноября 1941 года Сталин выступал на торжественном собрании на станции метро «Маяковская». Две эти небольшие речи объединили в одну тоненькую книжку и снова опубликовали огромным тиражом и много раз. За 1942 год эти два выступления переиздавали 13 раз на русском языке и 28 раз на других языках.

Сталин выступал публично очень редко, говорил мало и о самых простых вещах. После каждого нового выступления книга дополнялась и тут же переиздавалась. Назвали ее «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

Содержание книги предельно простое: «За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а ранеными имеем 1 миллион 20 тысяч человек. За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4 с половиной миллионов человек...»

Это выступление Сталина 6 ноября 1941 года.

Далее — в том же духе: надо быть смелым! Надо врага уничтожить! Надо брать пример с наших великих предков! Надо хорошо работать на военных заводах! Надо хорошо учиться военному делу! Надо бить врага на земле, на море и в воздухе!

А в заключение: ура! Мы победили!

Эту книгу изучали во всех военных академиях и училищах, во всех школах, институтах и университетах. Содержание этой книги пересказывали на страницах газет, журналов, научных трудов.

Но вот Сталин умер. Или ему помогли умереть. И наследники великого вождя и учителя с изумлением обнаружили, что был он величайшим преступником всех времен. Раньше-то они этого не знали. Тысячи памятников и миллионы сталинских портретов были сняты и уничтожены. Гениальные творения Вождя изымали из библиотек и сжигали.

Тут-то и выяснилось, что отгремела грандиозная война, которая унесла никем не считанные миллионы жизней народов Советского Союза, принесла неслыханные разрушения и страдания, но об этой войне выпущена только одна книга, да и ту надо срочно изъять и немедленно уничтожить. Война была, а истории войны нет.

Срочно начали сочинять историю во время двоевластия Хрущева — Жукова.

После свержения Жукова работу свернули.

Затем сочинили официальную историю по приказу Хрущева. Но после смещения Хрущева ее стало стыдно показывать как иностранцам, так и собственному народу.

Сочинили еще одну официальную историю по приказу Брежнева. Но и она могла считаться приличной только до тех пор, пока был жив Брежнев.

Попытка написать новую официальную историю была предпринята при Горбачеве. Сам он объявил: «Это должна быть честная, мужественная, увлекательная книга, раскрывающая героический путь страны и партии во всем его величии — путь первопроходцев. Книга, не обходящая драматизма событий и человеческих судеб, в которой не было бы белых страниц, субъективистских предпочтений и антипатий и ценность которой не зависела бы от конъюнктурных поветрий» («Красная звезда», 1 декабря 1987 г.).

Во главе Главной редакционной комиссии был поставлен кандидат в члены Политбюро Министр обороны СССР генерал армии Д. Т. Язов, вскоре после этого получивший звание Маршала Советского Союза. К написанию труда были привлечены Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт военной истории Министерства обороны СССР, Институт всеобщей истории Академии наук СССР. Кроме того, военачальники, ученые-историки, представители Всесоюзного совета ветеранов войны и труда и пр. и пр.

По требованию Горбачева на создание официальной истории войны были выделены неограниченные средства по принципу: сколько потребуется, столько и дадим. Иначе позор: великая страна отвоевала войну, которую приказано называть великой, но историю войны эта страна сочинить не способна.

Понятно, что и на этот раз огромные народные средства были истрачены, а результата не получилось никакого. Круглый ноль.

2

В 1991 году исполнилось ровно полвека с момента германского нападения, и журнал «Родина» (1991, № 6—7. С. 90) задал вопрос одному из ведущих военных историков Советского Союза, генерал-лейтенанту Н. Г. Павленко: «По инициативе Ми-

нистерства обороны пишется очередной многотомник по истории Великой Отечественной войны. Ваше отношение к этому предприятию?»

На это генерал ответил не раздумывая: «Абсолютно нереальная затея».

Меня этот ответ просто раздробил в куски. Несколько дней не мог прийти в себя. В Москве — огромное количество военных историков, наряженных в генеральские мундиры, обвешанных государственными наградами, удостоенных громких званий и титулов. В их подчинении грандиозные научные институты и просто титаническое количество архивных материалов. В их распоряжении бездонные бюджеты. На идеологию, на воспитание народных масс средств у нас никогда не жалели.

Ученые мужи уже больше полувека безуспешно перекраивают историю войны. К сочинению этой истории были привлечены руководители Советского Союза до членов Политбюро включительно. На этой ниве трудились тысячи генералов и адмиралов, невероятное количество историков, но все они ничего не смогли сочинить и теперь пришли к выводу, что написать историю Великой Отечественной вообще невозможно! Ни в какие сроки. Затея абсолютно нереальная.

Что же получается, граждане?

Получается чепуха.

Задача на сообразительность: была война, жертв, участников и свидетелей — сотни миллионов, потери и разрушения неслыханные, документов — тысячи тонн, научных работников, которые изучением войны занимаются, — несметное количество, бюджет — не ограничен, времени на работу — 10, 20, 25, 50, 60... лет. Но историю этой войны невозможно написать. В принципе.

Что из этого следует?

Если ошибаюсь, возражения принимаю.

Но на мой взгляд, из этого следует, что войны, которую ученые товарищи без всякого успеха пытаются изобразить, просто никогда не было.

Война, конечно, была. Но то была одна война, а они сочиняют совершенно другую историю, которая с той войной никак не вяжется. Потому у серьезных историков ничего не выходит. И выйти не может.

Но они стараются.

После распада Советского Союза была сделана еще одна попытка сформулировать официальный взгляд на историю войны. Был выпущен четырехтомный труд «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки» (М., Наука, 1998—1999).

Над четырехтомником опять работал огромный коллектив: Институт военной истории Министерства обороны РФ, отделение истории РАН, всякие начальники, в том числе начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал армии А.В. Квашнин...

Большие и очень серьезные начальники от исторической науки назвали свое творение «очерками». Ибо изначально понимали, что труд сей не связан в единую структуру никакой концепцией.

Вместо воссозданного скелета динозавра нам предъявили четыре ящика костей неизвестно какого зверя, не удосужившись очистить находки от глины, грязи и окаменевших экскрементов. На всем «исследовании» лежит печать поспешности, поверхностности, временности, неряшливости и боязни поколебать хотя бы один из множества мифов коммунистической историографии.

Сие «исследование» было попыткой хоть что-то написать после провала затеи с десятитомником, работа над которым должна была завершиться в 1995 году к 50-летию разгрома Германии. Не вышло. Тогда по просьбам трудящихся и написали четырехтомник к 55-летию. Но из-за страха, из-за государственной идеологической цензуры и внутренней самоцензуры, из-за коммунистических предрассудков и жестких сроков сдачи работы многие исторические проблемы, вызывавшие разногласия в большом авторском коллективе, были просто «опущены».

Причина очередного провала все та же: полное отсутствие научного подхода. Наши серьезные историки просто не владеют методикой научных исследований. Прежде всего надо изучить явление, а уж потом давать ему название. А они при всех попытках повторяют все ту же ошибку: сначала объявляют в названии труда, что война была великой, что была она отечественной, что началась она в 1941 году.

Объявив все это в заголовке, ученые товарищи вынуждены потом подгонять факты, чтобы они уложились в провозглашенную концепцию. Так поступает двоечник-второгодник — у кого-то подсмотрел ответ на задачу, а потом решение подгоняет под готовый ответ.

Вот почему из этих стараний ничего не может получиться и не получится.

Отчего же серьезные историки столь странно себя ведут?

Да оттого, что в случае если архивы будут открыты, если они будут изучены и проанализированы настоящими специалистами, то вполне может оказаться, что война была затеяна кремлевскими вождями вовсе не в защиту отечества, а за мировое господство, за распространение своей власти на весь земной шар, как это и представлено на государственном гербе СССР. При внимательном рассмотрении может открыться, что началась эта война совсем не в 1941 году...

4

Глава государства, насмотревшись на всю эту возню, в 2003 году приказал положить конец безобразиям и официальную историю войны сочинить.

Прошло 5 лет...

И выяснилось: граждане серьезные историки пока не приступали...

Рассказывает президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев: «Пять лет назад Владимир Владимирович Путин благословил эту работу, поставив задачу правительству, Министерству финансов, нашему ведомству. В общем, сделал все в своем стиле. К стыду нашему, потом пошли всякие проволочки и нестыковки» («Красная звезда», 23—29 июля 2008 г.).

Для справки: еще 10 лет назад только в Московском региональном отделении Академии военных наук числилось 257 докторов и 436 кандидатов наук («Красная звезда», 10 января 1998 г.). Так ведь это только одно региональное отделение одной только академии. За последние годы их стало еще больше. Докладывает бессменный президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев: «В настоящее время в АВН состоят

665 действительных членов, 312 член-корреспондентов, 29 почетных членов и 1395 профессоров» («Красная звезда», 24—30 декабря 2008 г.).

В моем понимании действительный член академии — это Королев Сергей Павлович, главный конструктор ракеты, которая вывела на орбиту вокруг Земли первый искусственный спутник. Академик Королев — главный конструктор ракеты, на которой осуществлен первый в истории полет человека в космическое пространство.

В моем понимании действительный член академии — это Курчатов Игорь Васильевич, под руководством которого в 1944 году был построен циклотрон, а в 1946 году — первый в Европе атомный реактор. Под его руководством в 1949 году создана атомная бомба, в 1953 году — первая в мире термоядерная бомба. В 1954 году под его руководством построена первая в мире промышленная атомная электростанция. Под руководством академика Курчатова были начаты работы над самой мощной бомбой всех времен.

И вот выясняется, что сегодня в одной только Академии военных наук 665 действительных членов! Мы опять впереди планеты всей! Хочу верить, что все действительные члены получили свои титулы за грандиозные свершения, которые ничем не уступают достижениям Королева и Курчатова.

В годы, когда творили Туполев и Сухой, Королев и Курчатов, Духов и Грушин, академиков считали по пальцам, а теперь в одной только АВН действительных членов достаточно для того, чтобы укомплектовать два мотострелковых батальона и одну танковую роту. Да еще и член-корреспондентов на мотострелковый батальон набирается. Почетных членов — два танковых взвода с усилением. А профессоров — целый мотострелковый полк.

Так это одна академия.

А считал ли кто, сколько всех мастей академий развелось в одной только Москве? На их содержание тратятся ничем не ограниченные средства. Интересно, что шеф всех военных ученых на нехватку денег не жалуется. Наоборот, подчеркивает, что глава государства дал соответствующие указания как правительству, так и Министерству финансов...

Прошло пять лет. Но за пять лет работа не сдвинулась. Не было сделано вообще ничего. И вот академик А.О. Чубарьян со-

обшил удивительную новость: «В этом году президентом был подписан указ относительно подготовки нового десятилетнего труда по истории Великой Отечественной войны» («Красная звезда», 24—30 сентября 2008 г.).

Ну, теперь, ясное дело, работа пойдет!

Только неясно: а как же быть с предыдущим распоряжением 2003 года? Почему оно не выполнено? Кто виноват? Куда делись народные средства? Кто понес наказание за растрату и какое именно?

Припертый к стене повелитель всех серьезных историков генерал армии Гареев объявляет: а вот сейчас-то работа и закипела. Картина знакомая: бригаду шабашников застукали за картежной игрой, и они все вдруг засуетились, имитируя кипучую деятельность. Пятилетний ученый перекур прерван, и Гареев рапортует: «Работа пошла. Но полагаю, что ей будут мешать те, кому не нравится правда о войне» («Красная звезда», 23—29 июля 2008 г.).

На Руси в ответ на такие заявления обычно про какого-то танцора вспоминают.

* * *

Нашим серьезным историкам вот уже 60 лет что-то мешает.

Глава 29

ХРАНИТЬ ВЕЧНО!

Мы никогда не жили иначе. Или воевали, или готовились к войне. Другого опыта у нас просто нет.

*Светлана Алексиевич.
«Московские новости», 30 апреля — 7 мая 1995 г.*

1

Вот вам еще одна причина, отчего «Ледокол» до сих пор не утоплен.

Президент Ассоциации историков Второй мировой войны, заведующий отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук профессор Олег Александрович Ржешевский объяснил ясно и доходчиво: «Отвергнутая как несостоятельная большинством российских и западных историков, эта версия тем не менее проросла на отечественной почве прежде всего по той причине, что в средствах массовой информации фактически не дают возможности противопоставить ей имеющиеся достоверные документы и факты» («Красная звезда», 10 апреля 2001 г.).

Вот они, виновники! У серьезных историков, оказывается, есть и документы, и факты, да только пресса, радио, телевидение России — во вражьем владении. Видимо, британская разведка скупила газеты, радио и телеканалы и не дает серьезным возможности представить публике правильную версию. Дали бы возможность, так серьезные давно бы все по местам расставили.

Со дня этого заявления прошло 7 лет, много воды утекло и многое изменилось. Пресса, радио, телевидение России теперь в правильных руках. И снова вопрос Ржешевскому: так где же ваш ответ клеветникам, псевдоисторикам и фальсификаторам? Где обещанные факты и документы?

А Ржешевский за словом в рюкзак не полезет: так они же секретные!

22 апреля 2008 года в Культурном центре ФСБ состоялся круглый стол по теме «Проблемы публикации источников о Великой Отечественной войне. Критика попыток фальсификации истории». Дали слово Ржешевскому, и он заявил: «Некоторые документы останутся недоступными на века, если это касается государственной или личной тайны».

Это заявил человек, который причисляет себя к славному племени историков.

2

Во всех нормальных странах работа историка — открывать тайны. А в нашем прекрасном отечестве работа лубянских историков из ФСБ — к тайнам истории никого не допускать.

Стремление любого ученого — совершить открытие, т.е. открыть людям глаза на какое-то событие или явление.

Стремление лубянских ученых, предводимых Ржешевским, — совершить закрытие. На века.

Война была великой, священной, отечественной.

Этому надо верить на слово.

А документальные доказательства этих простых истин пока никому показывать нельзя. Тайна государственная. Лет через 300, 500 или 700, как сообщает президент Ассоциации историков Второй мировой войны, некоторые тайны, может быть, и откроют. Может быть, и нет.

Во все времена высокий и гордый ранг историка надо было заслужить тяжким трудом. Для меня идеал историка-исследователя — работяга, который на много лет заперся в каморке, расшифровал египетские иероглифы и умер за рабочим столом от дикого напряжения, от полного физического и нервного истощения.

У нас же рангом историков награждают тех, кто скрывает от народа его собственную историю.

Интересна позиция академика А.О. Чубарьяна, директора Института всеобщей истории РАН и прямого начальника Ржевского: «Рассчитывать найти документы, которые перевернули бы наши представления о войне, не приходится» («Красная звезда», 24—30 сентября 2008 г.).

Понимать эти слова надо так: не стоит ворошить архивы, все равно ничего там нового и интересного найти не удастся.

Господа Чубарьяны-Ржевские заявляют, что перевернуть их представления о войне можно, только представив архивные документы... К которым они намерены никого не допускать веками.

Однако любому нормальному человеку ясно, что так рьяно прячут только следы преступления. Преступником является не только тот, кто совершил злодеяние, но и тот, кто помог злодею уклониться от правосудия.

Но даже если в тех архивах действительно ничего интересного нет, то и тогда вечное сохранение каких-то архивных тайн является нарушением законов России.

3

А теперь постарайтесь прикинуть, что это за тайны военные, которые нельзя никому открывать веками. Я просто не могу тайны такие себе вообразить. Речь не про одну сотню лет, а про несколько сотен.

В будущее мне заглянуть не дано даже на один час. Что будет через год, я и загадывать не берусь. Темнота впереди.

Потому, чтобы оценить отрезки времени, о которых ведет речь президент Ассоциации историков Второй мировой войны, дабы сопоставить масштабы, которыми он мыслит, давайте не заглядывать вперед — что у нас все равно не получится, — а отмотаем пару сотен лет назад.

Куда попадем? Правильно. Прямо в эпоху Бонапарта. А у нас тогда правил Александр I. Расскажите же мне: нужно ли сейчас, в XXI веке, на государственном уровне хранить какие-то тайны императора Александра? Ну наворотил он там что-то, кому те-

перь какое до этого дело? Или, может быть, надо хранить его военные секреты? Это какие? Где у него кавалергарды, гусары и гренадеры в засаде затаились? Сколько у него картечи и ядер наготовлено? Как надо кремневое ружье заряжать? Или сколько пудов пороха в арсеналах запасено?

Если на три сотни лет назад историю отмотаем, то попадем прямо в утро стрелецкой казни. Кого-то там Петр казнил, кого-то миловал. Какие-то указы сочинял, бороды брил, водку пил, девку из полкового обоза посадил на престол. Насаждал холопство, рабство и стукачество. Петровы собутыльники страну разорили и разворовали.

Что-то мы знаем, о чем-то догадываемся, чего-то не узнаем никогда. Но сообразит ли кто сегодня секреты Петра хранить всей мощью современного Государства Российского?

Если же на четыреста лет назад отъехать, то там полный мрак и темень. Может, убил Бориска Годунов царевича Дмитрия. Может, не убивал. Интерес академический. Интерес может возникнуть мосфильмовско-голливудский (если денег дадут). Но зачем те секреты, если они кому-то известны, хранить? Да еще и возводить сие хранение в ранг государственной политики?

А в нашем родном государстве такая тенденция обозначилась: будем хранить веками!

Ах, до чего же эти тайны должны быть грязными и мерзкими, если Государство Российское принимает такие (неслыханные нигде и никогда) меры по их защите!

4

История Советского Союза — взорванный по пьяни атомный реактор. Толку от него никакого, только дикий вред всему окружающему. Погибель всем. От клопов и тараканов до человеческих детенышей. Ворошить эту пакость нельзя. Никогда. Подходить опасно на три гусиных перелета. Ради сохранения общественного спокойствия вокруг нашей истории стража недремлющая выставлена: Чубарьяны, Ржешевские, Квицинские. И несметная рать за их плечами.

Вот такая история.

Ну с военными и дипломатическими секретами — ладно, а зачем наше государство родное намерено хранить веками чьи-то личные тайны?

Что же это за тайны такие? Проснулся ночью, никак придумать не могу чью-либо персональную тайну, которую следует хранить силами государства.

В чем его интерес?

И что за тайна?

Вот, к примеру, Ленин был предателем и немецким шпионом. Ну, лет сто пусть это тайной остается. Но зачем такую тайну хранить двести лет? Или триста? Да и не личная это тайна вовсе. Если во время ужасной войны во главе великой страны оказался шпион вражеского государства, то это касается нас всех. И не только граждан того поколения. Но и всех последующих. Хранение такой тайны — не защита интересов государства, а государственная измена, соучастие в предательстве.

А нам говорят, что не был Ленин немецким шпионом. Мы, по простоте душевной, поверим. Но тогда и тайны никакой не остается. Что же там гражданин Ржешевский хранить собирается? За хранение каких тайн ему денежное и табачное довольствие начисляют?

Или болтают злые языки, что Ленин сифилитиком был. Если так, то и это не личная тайна. Это должно быть известно всем, ибо в его руках жизни десятков и сотен миллионов подвластных ему граждан и будущее страны, в которой он совершил государственный переворот. Граждане имеют полное право знать, хватит ли этому сифилисному прохвосту здоровья править империей, которая раскинулась от тайги до британских морей.

Если же не был Ленин сифилитиком, то тогда и тайны нет. Чьи же и какие личные тайны намерено вечно хранить Государство Российское? Что за грязь наши академики метут поганой метлой под сгнивший коврик?

16 декабря 1997 года группа серьезных историков, во главе которой стоял Ржешевский, опубликовала в «Красной звезде» страстную статью «А всем ли истина нужна?».

Ответ на вопрос через десяток лет дал сам Ржешевский: пока жив, он будет прятать истину от народа. Она не нужна ни ему, ни государству. А продолжатели будут хранить истину вечно.

«Российскому обществу сегодня необходима достоверная научная история Великой Отечественной войны. Без знания полной исторической правды, какой бы горькой она подчас ни была, без осмысления и усвоения уроков минувшего невозможен успех преобразований в нашей стране». Это заявил первый заместитель Министра обороны РФ генерал армии А. Белоусов («Красная звезда», 20 октября 2005 г.).

Мысль эта повторяется снова и снова, всеми и на всех уровнях: «Но мы должны, мы вправе знать о том, как на самом деле произошла трагедия 22 июня, почему, а также кто и в чем виноват. Пусть самую горькую, самую нелицеприятную, но мы имеем право знать всю правду! Ведь скоро уже 70-летие трагедии 22 июня, а она до сих пор незаживающей раной ноет в исторической памяти общества» («Красная звезда», 25 мая — 1 июня 2008 г.).

Сдается мне, что нашими генералами и академиками никто не управляет, никто не задает им генеральный курс, не координирует их планов и действий.

Один государственный муж объявляет, что надо историю правдивую писать, иначе не видать нашей стране никаких преобразований и светлого будущего.

Другой государственный муж настаивает, что мы имеем право правду о войне знать.

А третий отвечает, что в архивах хранятся ужасные тайны войны, но никому никогда (или по крайней мере в ближайшие сотни лет) эти тайны открыты не будут. Потому не видать вам, граждане, достоверной научной истории, и осмысления прошлого не будет, как и усвоения уроков. Значит, и светлого завтра вам не видать. Не заслужили.

Интересно, что при таком разбросе мнений в высших эшелонах власти, при таком плюсе и таком минусе, при такой разнице потенциалов не искрит и громовые раскаты не громяют. У первого заместителя Министра обороны России нет разногласий с президентом Ассоциации историков Второй мировой войны. Многозвездный генерал считает, что надо сочинить достоверную научную историю Великой войны, отразить в ней полную историческую правду, какой бы горькой она ни была, и его

не возмущают заявления о том, что тайны войны так на века и останутся тайнами.

Ученые товарищи когда-нибудь сочинят какую-то историю, но они знают и ни от кого не скрывают, что в недоступных тайниках хранится нечто такое, что в официальную версию не вписывается и ей противоречит. Если бы официальная история, которую всех мастей Чубарьяны и Ржешевские грозятся сочинить в ближайшие годы, подтверждалась архивными документами, то зачем те документы они намерены прятать веками?

Спрашивают у меня: вот ты книжки сочиняешь, но где же доказательства твоим теориям? Где документ?

Отвечаю: вот вам документ!

Тайная полиция государства открыто провозгласила намерение хранить вечно секреты Советского Союза, в первую очередь тайны Второй мировой войны.

6

А вот пример того, что они там прячут.

Так повелось: переговоры 1938 года между Германией, Италией, Францией и Великобританией обзывают Мюнхенским сговором или Мюнхенским предательством. Западные демократии сдали Чехословакию на съедение Гитлеру, и только Союз Советских Социалистических Республик выступал решительно и последовательно против этой грязной сделки. Советское правительство было готово предоставить любую помощь, в том числе и военную, правительству и народу Чехословакии.

Все чудесно. Но где документы?

Независимый историк Марк Солонин решил всю эту красивую героическую историю подтвердить ссылками на архивные документы.

Директор издательства «Яуза», которое издает книги Солонина, обратился в Министерство иностранных дел РФ с запросом. И получил, как выражался дед Щукарь, отлуп.

Советского Союза нет. Чехословакии нет. Со времени тех событий прошло семь десятков лет. Какую государственную тайну России могут представлять взаимоотношения двух давно не существующих государств? И речь не о войне, а о героических

попытках Советского Союза сохранить свободу Чехословакии, мир в Европе и предотвратить Вторую мировую войну.

Если все было чисто и честно, то зачем прятать документы? И куда смотрят законодательные и правоохранительные органы государства, имея дело со столь вопиющим нарушением действующего законодательства со стороны Министра иностранных дел России и подведомственной ему конторы?

В официальном ответе под гербом Государства Российского содержится обоснование отказа: «Документы, которые могут представлять интерес для автора, опубликованы в ряде документальных сборников». И дается перечень из шести книг, одна из которых вышла после развала Советского Союза, а пять — в 1971—1981 годах, т.е. во времена правления товарища Брежнева, в эпоху, официально именуемую застоем.

Среди рекомендованных историку Солонину шедевров научной мысли «История Второй мировой войны. 1939—1945», в которой главным событием глобального противоборства предстает личный вклад Брежнева в ход и исход боев и сражений.

Не менее знаменито и другое творение, предложенное исследователю Солонину, — «СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.)». Этот научный труд — типичный пример работы Управления агитации и пропаганды ЦК КПСС: на обложку вынесли политический лозунг, потом под него подбирали только те факты и документы, которые в заявленную концепцию укладывались и ее подпирали.

Солонин спросил, можно ли самому по сусекам поскрести. На что последовал решительный ответ: жуй, что дают! Правда, ответ был сочинен с соблюдением дипломатических приличий. Министерство иностранных дел все-таки.

Самое интересное в том, что в ответе министерства содержится совершенно дикое заявление о том, что «ранее опубликованные документы пользователям не предоставляются».

Смысл этой фразы в том, что подавляющее количество материалов пока не рассекречено и неизвестно, откроют ли их когда-нибудь. Но кое-что чиновники МИД по своему выбору соизволили опубликовать. Однако сверить опубликованные материалы с оригиналом никому не будет позволено.

Расскажите же мне, почему тема «СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны» является секретной.

Оглушение, следовательно, и уничтожение народов России ведется по многим направлениям. Одно из них: лишить народ собственной истории. К этому делу Министерство иностранных дел РФ тоже прикладывает руку.

7

На военно-историческом фронте Государства Российского возникла чрезвычайная ситуация. Вот уже четверть века родная власть бьется в истерике: находятся, понимаешь, всякие тут, с официальной версией войны не согласные!

Благо у нас для решения любых проблем, для всевозможных чрезвычайных ситуаций существуют соответствующие министерства. Одно так и называется — МЧС, министерство по чрезвычайным ситуациям. Исчерпав все возможности обороны, решила родная власть и эту силу бросить в сражение за правду истории. В начале 2009 года министр МЧС в звании генерала армии (хотя в армии никогда не служил) предложил радикальное решение: несогласных с официальной кремлевской версией войны в законодательном порядке признать уголовными преступниками и сажать беспощадно. Короче: шаг в сторону от генеральной исторической линии считается за побег.

Решение восхитительное.

Жаль, что гражданин министр не учел мелкую деталь: никакой официальной версии войны в России нет. Государство не способно сочинить историю войны, которая объявлена великой, священной, освободительной, отечественной, самой справедливой в истории человечества. Изучение войны в России запрещено. В ближайшие столетия к тайнам войны народ не будет допущен. И об этом объявлено официально и открыто.

Призыв особым законом в пожарном порядке защищать официальную версию войны, т.е. защищать то, чего не было, нет и никогда не будет, — это капитуляция. Это признание властью того прискорбного факта, что идеологическая машина России сама ни на что не способна. Никаких аргументов, кроме арестов и тюрем, у кремлевских вождей, идеологов и политиков нет. Сами

министры и генералы ничего умного придумать не способны, остается только запугивать народ террором и затыкать рты полицейскими дубинами.

* * *

Прекрасная девушка красоту не прячет. Наоборот, юбочку короче режет, дабы прелести продемонстрировать. А гнойники сифилиса кроет слоем пудры.

Граждане серьезные ученые, генералы, маршалы, политики, дипломаты, министры, не слишком ли толстым слоем вы нашу историю пудрите?

Глава 30

ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА

Сложность в том, что у нас чрезвычайно медленно производится процесс рассекречивания. Нельзя сказать, что он не идет — он идет, но столь медленно и так затянут, что, мне кажется, превратился в серьезную государственную проблему, которая требует скорейшего государственного решения. Это, кстати, даже подрывает доверие к нашей исследовательской работе.

*А.О. Чубарьян, академик Российской академии наук,
директор Института всеобщей истории РАН.
«Красная звезда», 24—30 сентября 2008 г.*

1

Официальные кремлевские историки авторитета не имеют. Никаких открытий за последние 70 лет они не совершили. Никто не оспаривает их мнения. Но никто его и не поддерживает. Вокруг их трудов не возникает споров. Никто их не цитирует. Потому что никто их трудов не читал. Никто не считает их экспертами. Их мнение никого не волнует и не интересует.

И это начинает беспокоить серьезных историков. Но нелегкая им выпала стезя. С одной стороны, главная их обязанность в том, чтобы скрыть преступления режима. С другой стороны, им тоже хочется предстать перед толпой не только в образе сторожей с берданками у склада макулатуры, но просиять перед со-

временниками в лучах научной славы. И они робко бормочут о том, что пора архивы открывать. Бормочут так тихо и ласково, чтобы власть ненароком не услышала и не обиделась.

Архивы надо срочно открывать потому, что без знания собственной истории народ стремительно и необратимо превращается в стадо мартышек.

А у серьезных историков другой аргумент: архивы надо открывать, точнее — приоткрывать, иначе им, серьезным, никто не верит.

Но кремлевским Чубарьянам все равно никто никогда не поверит, потому что любой нормальный человек понимает: эти люди не способны к самостоятельному поиску. Они полностью зависят от власти. Власть выдаст им очередную порцию папок, от этой пыльной груды серьезные и будут танцевать. Хотя ясно любому: власть допустит их только к тем документам, раскрытие которых не вредит правящему режиму, не бросает тень на предшествующие поколения правителей.

Короче: официальные историки действуют в тех рамках, которые задала ныне действующая власть. Новая власть очертит другой круг, поставит другие барьеры, и Чубарьяны будут покорно выплясывать только в том кругу. Сигать поверх барьеров не в их натуре.

А настоящий историк — это разведчик прошлого. Как разведчику положено, историк должен четко определить для себя: никто перед ним сейфов раскрывать не станет. Его работа — или самому в те сейфы забраться, или вычислить то, что в них содержится.

Честный человек обязан сказать власти: запирайте свои тайны амбарными замками, настоящему исследователю хватит и одной кости, чтобы по ней восстановить скелет динозавра. Обойдусь без ваших хранилищ. В недоступных архивах — слова. А я вижу ваши дела, деяния, злодеяния. И результаты этих злодеяний. Информации к размышлению в достатке. Этим и обойдусь.

2

Картина акварелью: власть скрывает историю войны, нарушая собственные законы.

Тот, кто преступает закон, — преступник.

Какими должны быть отношения историка с преступной властью? Тут нет проблем: историку с уголовниками не по пути. Если же историк отношений с преступниками не рвет, то сам становится преступником и соучастником преступлений.

Представьте свидетеля на суде, который скрывает то, что было, который рассказывает то, чего не было. Такой человек именуется лжесвидетелем. За свое вранье он получает обильное вознаграждение от злодеев, которых он враньем выгораживает.

Но его действия — грех на душу и уголовное преступление.

Теперь попытаемся набросать психологический портрет какого-нибудь Чубарьяна, академика Российской академии наук, директора Института всеобщей истории РАН. Он один из тех, кому власть поставила задачу сочинить новый вариант истории Второй мировой войны. Он один из заместителей председателя главной редакционной комиссии новой десяти томной или двенадцати томной эпопеи.

Задача заключается в том, чтобы выдумать такую версию, которая не раскрыла бы тайн. Изобрести такую вариацию, чтобы никто не узнал, что же на самом деле случилось и почему.

Чубарьян, рывкнув «Есть!!!», бросился приказ выполнять.

Но если власть намерена правду о войне не разглашать, если правду говорить запрещено, если ее будут прятать веками, то чем же академик Чубарьян намерен наполнять десять или двенадцать томов? Если правда отпадет, то что останется?

Власть скрывает то, что было, но тогда в истории появляются зияющие проломы и провалы. Чубарьяны-Ржешевские обязаны своими многотомниками проломы и бреши заткнуть.

Если прошлые и грядущие сочинения Чубарьяна и ему подобных подтверждаются архивными данными, то почему не открыть архивы? Но в том-то и дело, что содержание архивов и содержание чубарьяновых измышлений расходятся, причем расходятся кардинально. Власть готова выделять огромные средства на то, чтобы содержание архивов никому не стало известно. И та же власть готова выделять столь же огромные средства, чтобы весь мир ознакомить с писаниями Чубарьяна.

Теперь ответьте мне: какое отношение к науке имеет сочинение героических баллад, которые заведомо противоречат тому, что хранится в архивах, тому, что было на самом деле, тому, что власть намерена держать в тайне?

3

После некоторого умственного усилия постараемся сообразить, есть ли разница между Чубарьяном и лжесвидетелем в суде, который врет по заказу мафии, выгораживая убийц, садистов, мошенников, насильников и вымогателей?

Разница есть.

Заключается она в несопоставимых масштабах наносимого вреда.

В результате вранья лжесвидетеля преступники останутся на воле, будут продолжать творить злодеяния, и тогда снова будут гибнуть люди десятками, сотнями, а то и тысячами.

А в результате вранья Чубарьяна народы России и всех остальных бывших республик Советского Союза никогда не узнают правды о войне. В результате преступной деятельности лжесвидетеля Чубарьяна, всех мастей Ржешевских и Квицинских народы бывшего Советского Союза обречены на повторение ошибок и преступлений прошлого.

Путь, на который Россия вступила в 1917 году, ведет в пропасть. Россия давно скатилась в Третий мир, ее народ вымирает. А Чубарьян подкуплен преступниками. Ему поставлена задача не позволить народам свернуть с пути самоубийственной глупости.

Оглуляя народы, воруя их историю, искажая ее, не позволяя миллионам исправлять ошибки и заблуждения прошлого, Чубарьян уничтожает целые нации.

4

Вы, конечно, видели такое в голливудских фильмах, а может быть, и в жизни: совершено ужасное преступление, в огромной квартире переломана мебель, перевернуты шкафы, оборваны полки и шторы, побита посуда, пятнами крови заляпаны пол, стены, мебель, зеркала. Преступление не раскрыто. Преступники не найдены. И вот полиция опечатывает все двери и вешает предупреждения: «Место преступления! Вход воспрещен!»

Когда вижу такое на экране, меня душат ревность и зависть: живут же люди! У них человеку отрубили руки и ноги, голову отрезали. У них квартиру опечатали...

А у меня страна опечатана. И вся ее история.

Страна, в которой я родился и вырос, именовалась Союзом Советских Социалистических Республик. Страна эта — место ужасного преступления. Вся страна заляпана жуткими пятнами крови, история этой страны, как определил классик, — история болезни. А по мне — история этой страны не только история болезни, но и цепь жутких нераскрытых уголовных преступлений.

Может быть, речь надо вести даже не о бесконечной цепи преступлений, а об одном грандиозном злодеянии. Место совершенного злодеяния опечатано. И кто-то выставил многотысячную охрану наемников в лице всевозможных Ржешевских и Карповых, Исаевых и Квицинских, Мартиросянов и Чубарьянов, Прелиных, Переслегиных и разнообразных Сопряковых. Сами они не расследуют преступления, но и других к месту преступления не подпускают.

Полиция в голливудском фильме не способна раскрыть преступление и найти виновных. Должен появиться тот, кто до истины докопается. Пока он не появился, место преступления под охраной. Охрана выставлена для того, чтобы кем-то случайно или намеренно не были уничтожены следы преступления и улики.

А у нас охрана вокруг места преступления выставлена с умыслом не допустить к уликам тех, кто мог бы восстановить истинную картину случившегося.

* * *

Для того чтобы охранителей не называли соучастниками преступлений и лжесвидетелями на суде истории, они маскируются под доцентов и кандидатов, генералов и министров, докторов и академиков.

Глава 31

ПРЕДСТОИТ СЕРЬЕЗНАЯ БОРЬБА

Ни о чем решающем наши историки нам не говорят — они только *проговариваются*. И тогда совершенно неизбежно возникает логическая нелепица, какими переполнены все наши исторические исследования.

*И. Солоневич.
Народная монархия.
Минск, 1998. С. 253*

1

Положение дел в родной военно-исторической науке описывает член редколлегии Центрального органа Министерства обороны РФ полковник Бондаренко Александр Юльевич: «Наши должностные лица — те, кто реально должен вести не только контрпропагандистскую (вспомним старый термин), но и активную наступательную идеологическую работу, пребывают в абсолютном бездействии. Уже сколько лет назад Президент России принял решение о создании 10-томной истории Великой Отечественной войны, но где же она, история нашей Победы? А ведь нужна как воздух! Между прочим, японцы — представители проигравшей стороны — давным-давно выпустили чуть ли не стотомное издание, где расписан каждый взвод. А многие наши историки не идут далее того, что вновь и вновь «разоблачают»

пресловутого Резуна-Суворова. Однако количество «резунов», снимающих свой урожай на незасеянном «историческом поле», только увеличивается» («Красная звезда», 19—25 марта 2008 г.).

Полковник Бондаренко, как у нас принято, ситуацию приукрашивает. Мол, только тем серьезные и заняты, что всевозможных резунов обличают. Но серьезные не только официальную историю не способны сочинить, они и этого самого Резуна никак утопить не могут. На ледокольном фронте без перемен. У серьезных историков дело пока не двинулось дальше оскорблений и клеветы.

Сам же полковник Бондаренко занят тем же, чем и уличаемые им должностные лица: пинает пресловутого Резуна-Суворова. Вот образец: «Версия эта принадлежит специалистам отдела спецопераций британской разведки Ми-6, а Резун ее только “озвучивает”» («Красная звезда», 10 апреля 2001 г.).

Вместе с тем бравадный полковник в поисках исторической истины давно набрел на удобный и проторенный путь, пробитый кем-то во льдах. Вот он беседует с бывшим первым заместителем министра иностранных дел СССР, а ныне первым заместителем председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по международным делам Юлием Александровичем Квицинским. Оба собеседника согласны друг с другом. И договорились они вот до чего: «Сталину удалось путем заключения договора сделать так, что Гитлер начал войну не против нас, а на Западе» («Красная звезда», 30 июля — 5 августа 2008 г.).

Вот такой у нас был мудрый вождь товарищ Сталин: заключил пакт, в результате которого возникла Вторая мировая война, Гитлер ринулся крушить Запад, а Советский Союз остался в стороне.

Все тут правильно. С этим заявлением полностью согласен. В этом предложении — вся суть «Ледокола».

Так ведь это не все. Следующая фраза и того хлеще: «Заключая договор, он, наверное, рассчитывал, что Германия впутается в длительную войну с англо-французским блоком — по примеру Первой мировой — и это обеспечит нам достаточно длительную мирную передышку. Ну а затем можно будет посмотреть на результаты и действовать так, как нам нужно. Не получилось».

Тут не только существо «Ледокола» выражено, но и «Последней республики» тоже: пактом Молотова — Риббентропа Ста-

лин толкнул Гитлера в войну против Великобритании и Франции, оставаясь в стороне и выжидая выгодного момента... Но ничего у товарища Сталина в результате не вышло. Не выгорело. Пустой номер. Полный облом.

Александр Юльевич и Юлий Александрович, мои книги — это не что иное, как «большая ложь маленького человечка». Так их оценивают официальные кремлевские лица. Но вы-то не маленькие человечки. Вы вон какие большие и правдивые. Изрекаете вы только истину. Высокую и чистую.

Так вот у меня вопрос: сколько же вам за такие откровения заплатила британская разведка?

И не надо сетовать на то, что число резунов стремительно растет! Сами-то вы резуны чистопородные! Без примесей. Приветствую вас на нашей палубе!

2

Полковник Бондаренко всегда находит толковых собеседников, которые разъясняют всему честному народу самые сложные и непонятные аспекты минувшей войны. Если умно поставлен вопрос, то и ответ можно получить соответствующий. Бондаренко задает вопрос Арсену Мартиросяну, который представился читателям как «историк-исследователь», прослуживший всю жизнь в КГБ. Вопрос ему о причинах разгрома Красной Армии летом 1941 года. Мартиросян дает ответ, поражающий новизной и смелостью: «Отражение агрессии гитлеровской Германии стали готовить, выражаясь языком военных, методом осуществления стратегических фронтовых наступательных операций» («Красная звезда», 25 мая — 1 июня 2008 г.).

Проще говоря, к обороне не готовились. Готовились к проведению грандиозных наступательных операций.

Полковник Бондаренко не возражает. Он полностью согласен. И я — тоже. Об этом только и трублю. На доказательство этого, столь (теперь) очевидного, факта целую жизнь потратил.

Все вроде бы стыкуется. Однако...

Однако на той же странице лубянский историк-исследователь Мартиросян наносит мне зубодробящий удар: «Я имею все документальные основания заявить, что написанное Резуном —

подлая ложь. Вся его концепция легко опровергается строго документальными данными. <...> Никаких планов нападения на кого бы то ни было в СССР не было и в помине. <...> Какие еще, чьи нужны доказательства, чтобы бросить в мусорное ведро вымыслы беглого предателя, оплачиваемого британской разведкой?!»

Полковник Бондаренко и тут соглашается: «Да, Резун лукавил».

3

Подведем предварительный итог.

Бондаренко — представитель Министерства обороны РФ, выражающий официальную точку зрения военного ведомства.

Квицинский — дипломат самого высшего ранга и депутат Государственной Думы, отвечающий за вопросы внешней политики государства.

Мартиросян — чекист. Бывших чекистов, как всем известно, не бывает.

В своих беседах они пришли к четкому пониманию того, что «Сталину удалось путем заключения договора сделать так, что Гитлер начал войну на Западе», т.е. Сталину путем заключения договора удалось развязать войну в Европе между тремя самыми мощными государствами Центральной и Западной Европы — Великобританией, Францией и Германией. Но большая война в Европе не может не превратиться в Мировую войну. И она в нее тут же превратилась. Проще говоря, Сталину путем заключения договора удалось развязать Вторую мировую войну.

Бондаренко, Квицинский и Мартиросян также согласны с тем, что Сталин рассчитывал на длительную войну Германии против Великобритании и Франции и планировал воспользоваться результатами этой войны.

Вместе с тем и «Красная звезда», и вся остальная официальная пресса, радио и телевидение, мало того, и государственные руководители самого высокого ранга вот уже четверть века доказывают, что все эти идеи являются ложью, клеветой, искажением исторической правды, идеологической диверсией против Советского Союза и Российской Федерации.

Многочратно с самых высоких трибун самыми высшими руководителями государства было заявлено, что ни один бывший

советский человек самостоятельно таких выводов сделать не способен в силу природной тупости, неумения мыслить и читать то, что написано русским языком и открытым текстом. На это горазды только группы экспертов из британской разведки. Бывший советский человек годится только на то, чтобы повторить чужую клевету, продав душу за фунты стерлингов.

Из этих фактов может быть сделан только один вывод: органы государственной власти России — Государственная Дума, Министерство обороны, Министерство иностранных дел, ФСБ и СВР — заражены британской агентурой настолько, что отдельные британские шпионы, такие как Квицинский, Мартиросян, Бондаренко, Захаров, Съянова и другие им в масть, даже не считают нужным маскироваться. Эти предатели открыто проповедуют вымыслы идеологических врагов, подрывая устои Государства Российского. Для этого используют государственную прессу, в том числе и военную. Проще говоря, средства из военного бюджета России они употребляют для подрыва ее мощи.

Господа большие начальники, серьезные ученые, идеологи, перед вами выбор.

Или признавайтесь, что вы английские шпионы.

Или соглашайтесь с тем, что я прав.

4

Удивительно заявление историка-исследователя Мартиросяна о том, что «никаких планов нападения на кого бы то ни было в СССР не было и в помине».

Не менее удивительно согласие полковника Бондаренко со столь смелым заявлением.

Эта твердая уверенность в своей правоте выдает тот печальный факт, что ни Мартиросян, ни Бондаренко материалом не владеют и войной совершенно не интересуются.

Полный текст плана нападения на Финляндию, например, не только существовал, но и был открыто опубликован в сборнике «1941 год» (М., 1998. Книга 1. С. 418—423).

25 ноября 1940 года народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии К.А. Мерецков на-

правили в штаб Ленинградского военного округа директиву. Документ исполнен в одном экземпляре. Степень секретности — «ОВ», т.е. совершенно секретно особой важности.

Плану было присвоить условное наименование «С.3-20».

План вводится в действие при получении зашифрованной телеграммы следующего содержания: «Приступить к выполнению «С.3-20»».

В этом плане нет и намеков на то, что боевые действия надо начинать в ответ на вражеское нападение. Тут проще: в любой момент из Москвы в штаб Ленинградского военного округа поступит шифровка, и советские войска пойдут вперед, к Ботническому заливу, к границам Швеции, на Аландские острова.

Каждый экземпляр книги «1941 год» зачитан до дыр. Любой, кто интересуется войной, прочитал его от названия на обложке до адреса типографии на последней странице. И прочитал не единожды.

Только у серьезных историков времени не хватило и желания не появилось прочитать то, что давно известно широким народным массам.

Так это не все.

Нам давно вдолбили в головы, что Гитлер и свора его прихвостней напали на мирно спящий Советский Союз. Среди прихвостней перечисляли сателлитов Германии. В том числе и Финляндию. Вот образец: «22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на СССР. Отмобилизованные, заранее вооруженные современной боевой техникой, 190 вражеских дивизий вторглись в пределы Советского Союза, стремясь уничтожить его и поработить советский народ. Вместе с гитлеровской Германией в войну против Советского Союза вступили вопреки воле народов Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия» (Б.С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. М., 1959. С. 33).

А через 10 лет в «Военно-историческом журнале» (1969. № 1. С. 62) прозвенела удивительная фраза Главного маршала авиации А. Новикова, который летом 1941 года был генерал-майором авиации, командующим авиацией Северного фронта: «Логика подсказывала, что нам не следует ждать, когда противник пустит в ход всю авиацию, а надо самим перехватить инициати-

ву в воздухе и первыми нанести массированные удары по его аэродромам...»

Речь про 25 июня 1941 года.

На эту фразу я внимание обратил. Я ее даже использовал в качестве эпиграфа к одной из глав в книге «День-М».

Но обратить внимание и вникнуть в смысл — это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

В смысл я не вник.

До смысла докопался Марк Солонин. И указал читающему сообществу на мелкую неприметную деталь: 22 июня 1941 года Финляндия на Советский Союз не нападала и войну не объявляла. На Финляндию напал Советский Союз через три дня после начала германского вторжения. Свои выводы Солонин подтвердил книгой убойных доказательств.

Так что у товарища Сталина не только были планы нападения «на кого бы то ни было», но он эти планы начал осуществлять. В обстановке, когда надо было отбивать германское вторжение.

Ничего с покорением Финляндии у Сталина не вышло и в 1941 году. Но из этого вовсе не следует, что нападения он не замышлял.

Если кто-то попытается написать правдивую историю войны, то факт нападения Советского Союза на Финляндию в 1941 году обойти стороной не удастся. Придется вспомнить, что логика подсказывала советским генералам «первыми нанести массированные удары по его аэродромам...». Которые они и нанесли. Правда, без особого блеска. И тогда честному историку предстоит объяснить читающей публике, зачем же это делалось.

В 1939 году Красная Армия шла в Финляндию на помощь восставшим рабочим и крестьянам в ответ на просьбу сформированного в Москве правительства новой свободной Финляндии.

В 1940 году про восстание финских рабочих и крестьян было приказано забыть и про просьбу нового правительства тоже. Как и про само правительство. Было объявлено, что в Финляндию Красная Армия шла затем, чтобы обеспечить безопасность города Ленина.

Задачу выполнили. Безопасность обеспечили.

Зачем же напали на Финляндию еще раз в 1941 году?

Любой ответ на этот вопрос — кость в горле официальной исторической науки. Ибо любой ответ мочит репутацию нашей великой и справедливой войны.

5

А ведь это всего лишь один из множества эпизодов войны. Официальными историками эти поля не паханы. Чем же они занимаются? Они решают проблемы.

Вот одна из задач российской исторической науки, которую предстоит разрешить ученому сообществу. Докладывает президент Академии военных наук генерал армии Гареев: «Предстоит упорная борьба. Предстоят дополнительные исследования целого ряда вопросов, чтобы достойно ответить на фальсификации. К примеру, связанные с тем, что СССР и Англия якобы втайне собирались напасть на Германию. Разве это не актуально — расставить все по местам?» («Красная звезда», 23—29 июля 2008 г.).

Сотни ученых мужей готовы и далее проедать казенные хлеба, с тем чтобы все расставить по местам, чтобы доказать: в 1941 году Великобритания не собиралась нападать на Германию.

А мне лично, да и не мне одному, а и всему миру без гареевских дополнительных изысканий известно, что Великобритания летом 1941 года нападение на Германию не готовила.

Еще 3 сентября 1939 года Великобритания открыто объявила войну Германии. И эту войну вела. К лету 1941 года Британия отразила все попытки германской авиации захватить господство в воздухе над островами и проливами. Британская авиация переломила ход войны в свою пользу. В 1940 году германская авиация беспощадно бомбила британские города, промышленные центры и порты. Но этому разбою был положен конец. Отбив попытки германской авиации «выбомбить Британию из войны», британская авиация сама начала воздушную войну против германских городов и промышленных центров. Кстати, к июню 1941 года британская стратегическая авиация сбросила на германские города и заводы больше бомб, чем все сталинские соколы их сбросят на промышленные объекты Германии и ее союзников до мая 1945 года.

К лету 1941 года была переломлена стратегическая ситуация и на море. В мае 1941 года британский флот утопил самый большой германский линкор «Бисмарк». Уничтожение «Бисмарка» положило конец безобразиям, творимым германскими надводными кораблями в Атлантическом океане. Чуть раньше, в марте 1941 года, Королевский флот разгромил итальянский флот в районе мыса Матапан, обеспечив себе господство в Средиземном море.

А сухопутные войска Британии были слабыми. Они в тот момент вели борьбу против германских танковых дивизий в Африке. О высадке на Европейском континенте британских дивизий речь в то время не шла и идти не могла: 1 июня 1941 года завершилась эвакуация британских войск с острова Крит. Еле ноги унесли из Греции и ее островов.

И вот теперь ученая братия решила провести дополнительные исследования и доказать, что Британия летом 1941 года внезапного нападения на Германию не готовила.

А кому это не ясно без дополнительных исследований?

* * *

Наши серьезные историки преднамеренно запутывают простейшие вопросы. Они фальсифицируют историю, с тем чтобы потом успешно собственные выдумки разоблачать.

Зачем же это им надо?

Затем, что на большее не способны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЧТО ДЕЛАТЬ С ПРЕДАТЕЛЯМИ?

Не имея способности ни сочинить правдивую историю войны, ни опровергнуть выводы независимых исследователей, ни объяснить множество неувязок и странностей ее возникновения, течения и исхода, серьезные историки все более склоняются к радикальному решению проблемы. Все чаще звучит призыв: а не пора ли власть употребить в отношении тех, кто не идет в ногу с коллективом, кто отклоняется от генерального курса?

Вот в редакции главной военной газеты полковник А.Ю. Бондаренко беседует с последним председателем КГБ СССР В.А. Крючковым. Оба в августе 1991 года, проявив неслыханную трусость, изменили Советской Родине, советскому правительству, советскому народу и воинской присяге.

Правда, Крючков пытался что-то делать, но у него, как и у всех его коллег, дрожали руки. И не только руки. Без единой попытки сопротивляться он и его подельщики тут же сдались в плен на милость победителя. Весьма быстро эти последние любители коммунизма переметнулись на сторону новой власти и благополучно получают от нее грандиозные пенсии, надбавки и привилегии.

А Бондаренко даже и не пытался хранить верность присяге. В те славные дни 91-го года он кровь свою проливать за любимую власть не спешил.

Через 13 лет оба немного пришли в себя, осмелели, оба вспомнили родной коммунистический режим, при котором им так привольно жилось. Оба вспомнили о том, что надо было бы

его защищать, но находились такие, понимаешь, кто защищать Советскую Родину побоялся. И полковник Бондаренко старшему товарищу задает вопрос: «Ну а что, вы считаете, следует делать с предателями?» («Красная звезда», 28 февраля 2004 г.).

На это бывший председатель КГБ СССР, бросивший свой пост при первых признаках опасности, отвечал: «Я думаю, надо делать то, что делалось при Советской власти... Многие из предателей были преданы суду, большинство из них приговорено к смертной казни».

Золотые слова.

Товарищи предатели, Бондаренко с Крючковым, с себя бы и начинали. Там же, в редакции, следовало выписать себе приговоры и попросить кого-нибудь из присутствующих привести их в исполнение.

А можно было бы удавиться и без посторонней помощи.

Если власть ленинской гвардии была приемлемой для нашего народа (что отдельных недостатков не исключает), то надо было хранить ей верность, бороться за нее.

А если — неприемлемой, тогда надо было бороться против нее.

С гражданином Крючковым согласен: предателей надо расстреливать. Или вешать.

Но пусть каждый изменивший Советской власти начинает с себя.

13 июля 2009 года

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфилов В.А.* Бессмертный подвиг. — М.: Наука, 1971.
- Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. — М.: АСТ, 2000.
- Барбошин А.В.* Победа, ставшая поражением. СССР во Второй мировой войне. — Вологда, 2004.
- Бомбы сброшены! — М.: АСТ, 2002.
- Бирюзов С.С.* Когда гремели пушки. — М.: Воениздат, 1962.
- Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945. Кн. 1. — Рига: Лиесма, 1966.
- Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. — М.: Воениздат, 1970.
- Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. — М.: Наука, 1998—1999.
- Владимирский А.В.* На киевском направлении. — М.: Воениздат, 1989.
- Военная история Государства Российского. В 30 т. Великая Отечественная. Действующая армия. — М.: Кучково поле, 2005.
- Войска противовоздушной обороны страны. — М.: Воениздат, 1968.
- Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. — М.: АПН, 1989.
- Воронов А.С.* На фронтовых магистралях. — Рыбинск, 1995.
- Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. — М., 1959.
- Гальдер Ф.* Служебный дневник. Т. 3. — М.: Воениздат, 1971.
- Гвардейская Таманская. — М.: Воениздат, 1972.
- Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2004.
- Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. — Париж: ТОИ, 1939.
- Горбатов А.В.* Годы и войны. — М.: Воениздат, 1965.

Дроговоз И.Г. Крепости на колесах. История бронепоездов. — Минск: Харвест, 2002.

Деборин Г.А. Вторая мировая война. — М.: Воениздат, 1958.

Еременко А.И. В начале войны. — М.: Наука, 1964.

Жадов А.С. Четыре года войны. — М.: Воениздат, 1978.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М.: АПН, 1969.

Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. — М.: Воениздат, 1940.

Исторический материализм. — М.: Госполитиздат, 1954.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. В 6 т. — М.: Воениздат, 1960—1965.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — М.: Госполитиздат, 1938.

История Второй мировой войны (1939—1945). В 12 т. — М.: Воениздат, 1973—1982.

История Ленинградского военного округа. — М.: Воениздат, 1974.

Казakov М.И. Над картой былых сражений. — М.: Воениздат, 1971.

Калашников К., Феськов В., Чмьхало А., Голиков В. Красная Армия в июне 1941 года. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.

Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940—1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. — М., 2005.

Краснознаменный Уральский. — М.: Воениздат, 1974.

Лебон Г. Психология толпы. — Издательство Павленкова, 1986.

Кузнецов Н.Г. Накануне. — М.: Воениздат, 1966.

Лозин В. Стихи о будущем. — Л.: Госполитиздат, 1937.

Манштейн Э. фон. Утерянные победы. — М.: АСТ, 1999.

Москаленко К.С. На юго-западном направлении. — М.: Наука, 1960.

Мостовенко В.Д. Танки. — М.: Воениздат, 1958.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутные войска Германии. — М.: Воениздат, 1971.

Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940. — М.: Терра, 1993.

На Северо-Западном фронте (1941—1943). Сборник статей участников боевых действий. — М., 1969.

Начальный период войны / под ред. С.П. Иванова. — М.: Воениздат, 1974.

Партия и Армия / под ред. А.А. Епишева. — М.: Политиздат, 1980.

Пласков Г.Д. Под грохот канонады. — М.: Воениздат, 1969.

Рослый И.П. Последний привал — в Берлине. — М.: Воениздат, 1983.

Сазонов И.Ф. Первая гвардейская. — М.: Воениздат, 1961.

Самутин Л.А. Я был власовцем... — СПб.: «Черное и белое», 2002.

- Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — М.: Воениздат, 1989.
- След в небе: Сборник.* — М.: Политиздат, 1971.
- Смит Д.О.* Военная доктрина США. Исследования и оценки. — М.: Издательство иностранной литературы, 1956.
- Советские воздушно-десантные.* — М.: Воениздат, 1986.
- Советские Вооруженные Силы: История строительства.* — М.: Воениздат, 1978.
- Солоневич И.* Народная монархия. — Минск: Лучи Софии, 1998.
- Сопряков В.* Восток — дело тонкое. — М.: Современник, 1999.
- Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М.: Госполитиздат, 1946.
- Тельпуховский Б.С.* Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. М.: Госполитиздат, 1959.
- Толстой А.* Союз пяти. — М., 1937.
- Триандафиллов В.К.* Размах операций современных армий. — М.; Л.: Госиздат, 1926.
- Триандафиллов В.К.* Характер операций современных армий. — М.; Л.: Госиздат, 1929.
- Уманский Р.Г.* На боевых рубежах. — М.: Воениздат, 1960.
- Хорьков А.Г.* Грозовой июнь. — М.: Воениздат, 1991.
- Шапошников Б.М.* Мозг армии. В 3 кн. — М., 1927—1929.
- Шмелев И.П.* Танки БТ. — М.: Хоббикнига, 1993.
- Шатилов В.М.* На земле Украины. — М.: Воениздат, 1980.
- Яковлев Н.Н.* Маршал Жуков. — М.: Известия, 1995.
- 50 лет Вооруженных Сил СССР. — М.: Воениздат, 1968.
- British and American Tanks of World War II. — New York: ARCO, 1969.
- Soviet Union 2000. — New York: St. Martins Press, 1990.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
<i>Глава 1. ПРО КАНОНИЗИРОВАННЫЙ ОПЫТ</i>	<i>9</i>
<i>Глава 2. ПРО ОКОПЫ И ТРАНШЕИ</i>	<i>25</i>
<i>Глава 3. ТАК КТО ЖЕ ЦЕПЛЯЛСЯ ЗА ОПЫТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ?</i>	<i>42</i>
<i>Глава 4. ПРО РАСКАЧКУ</i>	<i>55</i>
<i>Глава 5. ПРО ПЕРСОНАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ</i>	<i>69</i>
<i>Глава 6. СОЦИАЛИЗМ В ОДНОЙ СТРАНЕ?</i>	<i>78</i>
<i>Глава 7. ГЛУБОКАЯ ОПЕРАЦИЯ: ИСТОКИ</i>	<i>92</i>
<i>Глава 8. КТО ПРИДУМАЛ БЛИЦКРИГ?</i>	<i>100</i>
<i>Глава 9. ПОЧЕМУ КОМКОР ПАВЛОВ БЫЛ ПРОТИВНИКОМ КРУПНЫХ ТАНКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ?</i>	<i>114</i>
<i>Глава 10. ЧТО ЕСТЬ КРУПНОЕ ТАНКОВОЕ СОЕДИНЕНИЕ?</i>	<i>128</i>
<i>Глава 11. А ОН И ЛОБ РАСШИБЕТ</i>	<i>144</i>
<i>Глава 12. ПРО 170 ДИВИЗИЙ И 2 БРИГАДЫ</i>	<i>160</i>
<i>Глава 13. ПРО КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАЗУМ</i>	<i>176</i>
<i>Глава 14. ПРО ДИВИЗИИ-СКЕЛЕТЫ</i>	<i>188</i>
<i>Глава 15. ПРО НЕУКОМПЛЕКТОВАННЫЕ КОРПУСА</i>	<i>201</i>
<i>Глава 16. КАК ЖУКОВ МОСТИЛ ДОРОГУ ГУДЕРИАНУ</i>	<i>210</i>
<i>Глава 17. ЕЩЕ РАЗ О 186-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ</i>	<i>220</i>
<i>Глава 18. ТАК ГДЕ ЖЕ ПЛАНЫ?</i>	<i>231</i>
<i>Глава 19. С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ И ДРУГИМИ ТОВАРИЩАМИ</i>	<i>245</i>
<i>Глава 20. СЛИШКОМ БЛИЗКО К ГРАНИЦЕ... ..</i>	<i>257</i>
<i>Глава 21. БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНАЯ ПРИЧИНА</i>	<i>270</i>
<i>Глава 22. НЕ СЛИШКОМ БЛИЗКО К ГРАНИЦЕ</i>	<i>283</i>
<i>Глава 23. ЗАЧЕМ ОТТЯГИВАТЬ?</i>	<i>293</i>
<i>Глава 24. ЧЕМ ГРОЗИЛО ОТТЯГИВАНИЕ</i>	<i>304</i>
<i>Глава 25. ОТ ПИОНЕРА ДО ПЕНСИОНЕРА</i>	<i>311</i>
<i>Глава 26. ПРО ОТКРЫВАТЕЛЕЙ</i>	<i>322</i>
<i>Глава 27. А ГДЕ ЖЕ СПЕЦИАЛИСТЫ?</i>	<i>333</i>
<i>Глава 28. И ГДЕ ЖЕ ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ?</i>	<i>346</i>
<i>Глава 29. ХРАНИТЬ ВЕЧНО!</i>	<i>354</i>
<i>Глава 30. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА</i>	<i>364</i>
<i>Глава 31. ПРЕДСТОИТ СЕРЬЕЗНАЯ БОРЬБА</i>	<i>369</i>
Заключение. ЧТО ДЕЛАТЬ С ПРЕДАТЕЛЯМИ?	378
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	380

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Суворов Виктор
Разгром
Третья книга трилогии
«Последняя республика»

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Издано при участии ООО «Харвест».
ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

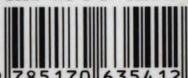
**Виктор Суворов — псевдоним
профессионального разведчика В.Б. Резуна,
который в 1978 году бежал в Великобританию.
В СССР заочно приговорен к смертной казни.**

**«РАЗГРОМ» — заключительная книга трилогии
«ПОСЛЕДНЯЯ РЕСПУБЛИКА»**

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-063541-2

9 785170 635412